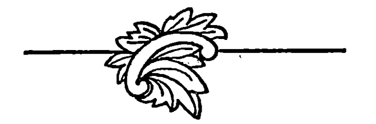

РУССКАЯ САТИРИЧЕСКАЯ ПРОЗА XVIII ВЕКА

РУССКАЯ САТИРИЧЕСКАЯ ПРОЗА XVIII ВЕКА

РУССКАЯ САТИРИЧЕСКАЯ ПРОЗА XVIII ВЕКА

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1986

Составитель,
автор вступительной статьи,
комментариев и словаря
Ю. В. СТЕННИК

ББК
Р 89

Рецензент:
д-р филол. наук Г. Н. Моисеева
(Ин-т русской литературы АН СССР)

Р 89 **Русская** сатирическая проза XVIII века: Сборник произведений/Сост., авт. вступ. статьи и комментариев Стенник Ю. В.— Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986 — 448 с. В пер.: 2 р. 40 к. 100 000 экз.

В сборник включены сатирические диалоги, пародийные лечебники, «ведомости», сатирические словари, грамматика, аллегорические повести, сны, пародийные прошения, челобитные, сатирико-нравоописательные очерки и эссе. Книга построена по жанровому принципу. Во вступительной статье дается общая характеристика сатирической прозы XVIII в. на фоне исторических событий, политической и литературной борьбы. В комментариях дана краткая характеристика жанра, описание его генезиса и дальнейшего развития. Адресуется сборник широкому кругу читателей.

Художник-иллюстратор Б. А. Соловьев.
Художники-оформители: Л. А. Яценко, Н. И. Абрамов

РУССКАЯ САТИРИЧЕСКАЯ
ПРОЗА XVIII ВЕКА
(сборник произведений)

Редакторы *А. Н. Ельчева, С. Е. Хазанова*
Оформление переплета художника *Л. А. Яценко*
Художественный редактор *О. Н. Советникова*
Технический редактор *Л. А. Топорина*
Корректоры *Н. М. Каплинская, В. А. Латыгина*

Сдано в набор 06.12.85. Подписано в печать 16.05.86. М—26449. Формат 84×108[1]/32. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 23,52. Усл. кр.-отт. 23,63. Уч.-изд. л. 24,95. Тираж 125 000 экз. Заказ 4186. Цена 2 р. 30 к. Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова. 199164, Ленинград, Университетская наб., 7/9

Республиканская ордена «Знак Почета» типография им. П. Ф. Анохина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 185630, г. Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

Р $\frac{4702010100-115}{076(02)-86}$ 136—86

ББК 84 3Р
Р 89

РУССКАЯ САТИРИЧЕСКАЯ ПРОЗА XVIII ВЕКА

Ругательства нигде не годятся. Но прямо описывать пороки и называть вора вором, разбойника разбойником, кажется, что дело справедливое.

Ф. Эмин

Есть одна область литературы, в которой художественное творчество можно уподобить врачеванию: когда внимание писателя обращено на нравственные болезни общества, на темные стороны социального бытия. Такой областью является сатира. Человеческие пороки и извращения, фальшь и аморальность общественного правопорядка, основанного на угнетении одних другими; смешные, нелепые, а порой и жестоко уродливые проявления неустройства людского мира — таковы предметы творческого вдохновения сатирика. По характеру сатиры мы судим о нравственных идеалах общества. В этом смысле сатира служит зеркалом общественного самосознания.

В свое время, оценивая значение М. Е. Салтыкова-Щедрина в литературе, А. В. Луначарский сформулировал ряд положений, определяющих условия, способствующие расцвету сатирического искусства. Для возникновения «великой сатиры» необходимо, чтобы художник был «освещен каким-то, может быть, не совсем ясным, но тем не менее живущим в нем и в тех, кого представителем он выступает, идеалом»[1]. Неисполнимость идеала и духовное превосходство творца над средой, которой он противостоит, являются, по мнению Луначарского, другими условиями, обеспечивающими появление шедевров обличительного искусства. Нетерпимость к злу и невозможность открыто назвать причины этого зла также стимулируют обращение к сатире в классовом обществе.

Все сказанное в одинаковой степени приложимо и к XVIII веку, к творчеству таких выдающихся сатириков, как А. Д. Кантемир, Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин. Каждый из них возвышается над уровнем обыденного сознания своего времени и, движимый мечтой об идеале, видит свое призвание в непрестанном, беспощадном бичевании и осмеивании всего того в жизни, что мешает достижению высоких целей. Критику общественных пороков они рассматривали как служение отечеству, как выполнение своего гражданского долга.

Называя имена Кантемира, Фонвизина, Новикова, мы фиксируем лишь вершины достижений сатиры XVIII века. Но эти писатели не

[1] Луначарский А. В. Собр. соч. в 8-ми т., т. 1. М., 1963, с. 279.

существовали в вакууме. Их творчество было подготовлено общим состоянием развития национальной культуры, наличием мощных и плодотворных традиций искусства обличительного слова, уходивших своими корнями и в демократическую сатиру XVII века, и в фольклор. Щедро использовали русские авторы и опыт, запечатленный в сатирических шедеврах мировой, в частности западно-европейской, литературы.

Какова же была та действительность, с отдельными сторонами которой не могли мириться наиболее образованные, передовые люди своего времени и которая вызывала острую потребность в сатире? И наконец, каковы были идеалы, питавшие пафос этой сатиры?

Для ответа на эти вопросы следует вспомнить о своеобразии исторического развития России на протяжении XVIII века, и прежде всего о тех последствиях, которые имела для страны реформаторская деятельность Петра I. Военные победы русской армии в Северной войне (1699—1720) укрепили политический авторитет России в Европе. Энергичные меры Петра I по преодолению экономической и культурной отсталости, реформа органов административного управления, резкое увеличение числа образованных людей, появление на берегах Невы новой северной столицы преобразили облик страны. И весь XVIII век проходит под знаком углубления и развития вширь заданных политикой Петра I процессов обновления. Для того чтобы Россия заняла достойное ее место в ряду ведущих европейских держав, требовались десятилетия кропотливой, неустанной работы нескольких поколений по созданию новой промышленности, формированию собственных интеллектуальных кадров, восприятию тех культурных богатств, которые выработала европейская философская и художественная мысль, опередившая в силу ряда исторических причин в своем развитии допетровскую Русь. Не обходилось без крайностей, когда восприятие дворянами новых норм культуры и быта приобретало характер слепого подражательства и низкопоклонства перед всем чужеземным. Приобщение правящего сословия к европейским нормам жизни приводило зачастую к презрению дворян к своему родному языку, к забвению собственных национальных традиций. И это углубило разрыв между господствующей верхушкой общества и широкими массами трудящегося русского крестьянства. К чести русской сатиры XVIII века можно сказать, что она не только отразила этот духовный разрыв, но и беспощадно высмеивала с демократических позиций бездумное модничание и галломанию, охватившие значительную часть русского дворянства.

Сатира по своей природе обладает особо благоприятными возможностями для воплощения демократического миросозерцания. Демократизм русской сатиры XVIII века имел одну важную особенность. Не следует забывать, что Россия в социально-экономическом отношении была феодальной страной, в которой господствовало крепостное право. Подавляющей частью населения России были закрепощенные крестьяне, остававшиеся юридически бесправными. Последнее обстоятельство помогает понять то важное место, какое в русских сатирических произведениях XVIII века занимала критика сословных предрассудков дворян и порождаемых практикой крепостничества фактов самодурства помещиков. Вот один пример сатиры такого рода: «Безрассуд болен мнением, что крестьяне не суть человеки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о том знает он только по тому, что они крепостные его рабы...

Бедные крестьяне любить его как отца не смеют, но, почитая в нем своего тирана, его трепещут. Они работают день и ночь, но со

всем тем едва-едва имеют дневное пропитание затем, что насилу могут платить господские поборы. Они говорят: это не мое, но божие и господское. Всевышний благославляет их труды и награждает, а Безрассуд их обирает. Безрассудный! разве забыл то, что ты сотворен человеком, неужели ты гнушаешься самим собою во образе крестьян, рабов твоих?». И от этой «вредной болезни» автор прописывает помещику «рецепт»: «Безрассуд должен всякий день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские до тех пор, покуда найдет он различие между господином и крестьянином». [2]

Это отрывок из обличительной зарисовки в форме сатирического рецепта, помещенной Н. И. Новиковым на страницах его еженедельного журнала «Трутень» (1769, л. XXIV). А уже в следующем номере журнала, в листе XXV, было опубликовано письмо от анонимного корреспондента следующего содержания: «Г. издатель! При нынешнем рекрутском наборе по причине запрещения чинить продажу крестьян в рекруты и с земли до окончания набора показалося новоизобретенное плутовство. Помещики, забывшие честь и совесть, с помощью ябеды выдумали следующее: продавец, согласясь с покупщиком, велит ему на себя бить челом в завладении дач, имев несколько хождения по тому делу, наконец, подаст обще с истцом мировую челобитную, уступая в иск того человека, которого он продал в рекруты.

Г. издатель, вот новый род плутовства; пожалуйста, напишите ко отвращению сего зла средства. Москва, 1769 года октября 8 дня. Ваш слуга П. С.»[3]

Независимо от того, кто был автор этого сатирического фрагмента, сам по себе факт публикации подобного рода «письма» следует расценивать как акт гражданского мужества, ибо в нем был затронут один из самых больных вопросов тогдашней общественной жизни — практика продажи людей в рекруты. Автор «письма» документально точен. В «Генеральном учреждении» от 29 сентября 1766 года, определявшем порядок набора крестьян в рекруты, предусматривалось наказание помещиков, использовавших наборы в целях собственного обогащения. Одна из статей этого документа гласила: «... в отвращение могущих иногда произойти подлогов, а наипаче, дабы таким помещикам, кои алчут только о своих прибытках, а о пользе общей не радеют... возможно было способ пресечь людей своих и крестьян, обольстясь большею ценою посредством продажи за других в службу ... отдавать и чрез то оставших[ся] своих крестьян доводить до крайнего разорения и бедности, запрещается во время таковых наборов, с публикования о том указов, впредь три месяца никому ни под каким видом людей своих и крестьян не продавать и в Судебных местах во все то положенное время на оных крепостей не писать; а кто несмотря на сие запрещение явится в преступлении, таковых штрафовать...» [4]

В ноябре 1768 года Россия вступила в войну с Турцией. Еще до опубликования 18 ноября манифеста, извещавшего о начале войны, были изданы один за другим два указа о наборе рекрутов с 300 душ по одному человеку и об увеличении подушного оклада, собираемого

[2] Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951, с. 135—136.

[3] Там же, с. 139.

[4] Полн. собр. законов Российской империи, т. XVII. СПб., 1830, с. 998.

с казенных, т. е. государственных крестьян. На протяжении 1769 года последовало еще несколько указов о наборе рекрутов и о строгом соблюдении установленного ранее порядка проведения таких наборов. Последний по времени к интересующему нас моменту сенатский указ «О сборе со ста пятидесяти душ по одному рекруту» был издан 9 сентября 1769 г.[5]

Если учесть, что приведенное выше обличительное «письмо» неизвестного корреспондента «Трутня» появилось в одном из октябрьских листов журнала, то реальность описываемых фактов помещичьего произвола вряд ли может вызвать сомнение. Несмотря на строгость указов, даже временные запрещения продажи людей сплошь и рядом нарушались путем разного рода обманов и ухищрений.

Из коротенького письма к издателю становились очевидными и другие неприглядные стороны жизни крепостнической России, в частности порождаемое существовавшими порядками беззаконие в судах, коррупция и продажность судейских чиновников. Взяточничество являлось неискоренимой общественной болезнью, разъедавшей систему судопроизводства. Распространение этого социального порока также в известной мере было связано с процессами перестройки административного управления, вызванной реформами первой четверти XVIII века.

Изданием «Табели о рангах» 1722 года Петр I не только упорядочивал систему чиновничьей иерархии, открывавшую путь к дворянскому званию выходцам из других сословий. Появление этого документа было продиктовано жизнью, ибо с образованием коллегий и департаментов, с возникновением обширного числа бюрократических учреждений, ведавших управлением и делопроизводством в столице и на местах, резко возросла численность чиновничьего аппарата. Этой массе чиновников, находившихся на государственной службе, надо было платить за исполняемую работу. При тех огромных средствах, которые приходилось отныне изыскивать на содержание новой регулярной армии, на создание флота и на осуществление различных строительных проектов, государственных денег на оплату труда самого низшего слоя чиновного люда попросту не хватало. Петр I нашел выход из положения за счет введения практики акциденций. Если главным чинам канцелярий в коллегиях было установлено постоянное жалованье, то низшим служащим судов и коллегий — приказным служителям, писцам, подьячим — было официально разрешено пользоваться акциденциями, т. е. доходами от добровольных подношений челобитчиков за произведенный труд. Подобная форма оплаты довольно скоро превратилась в источник вымогательства и коррупции. Практика акциденций сохранялась вплоть до царствования Екатерины II. Восшествие на престол этой императрицы сопровождалось целым рядом мер, направленных на искоренение взяточничества. Последовал целый ряд указов о наказаниях чиновников за взятки. Изданный Екатериной II от 15 декабря 1763 года манифест «О наполнении судебных мест достойными и честными людьми; о мерах к прекращению лихоимства и взяток; о взимании с 1 генваря 1764 года по приложенному реестру положенных по новым штатам на жалованье разных сборов и об отсылке оных в Штатс-Контору»[6] был призван упорядочить систему судопроизводства и определял источники средств, которые отныне правительство выделяло в виде твердо установленного

[5] Там же, т. XVIII, с. 981.

[6] Там же, т. XVI, с. 457.

жалования для чиновников коллегий, канцелярий и присутственных мест в провинциях.

Но взяточничество настолько глубоко проникло в практику судопроизводства, что его невозможно было искоренить никакими указами и манифестами. В сатире XVIII века эта тема всегда оставалась одной из самых животрепещущих и не утрачивала своей актуальности.

Мы вынуждены ограничиться лишь самым общим обзором тех факторов, которые определяли тематическое содержание сатиры XVIII века, а также социально-политические предпосылки ее популярности в русской литературе.

Если же ставить вопрос об идеале, питавшем пафос сатирических обличений этого столетия, то решение этого вопроса связано с уяснением той роли, какую в духовной жизни России сыграли идеи европейского Просвещения.

XVIII век вошел в историю как век Просвещения, и Россия не миновала этого этапа, хотя система ценностей русского просветительства по своей социальной основе и эстетическим параметрам далеко не совпадала с той, какая развивалась в учениях просветителей Западной Европы.

Для страны, благодаря которой просветительские идеи приобрели общеевропейское значение, т. е. для Франции, формирование новой идеологии отражало коренное изменение в соотношении социальных сил, знаменуя собой грядущее наступление господства класса буржуазии. Развитие просветительства во Франции имело несколько этапов и включало в себя различные течения — от умеренных в политическом отношении воззрений Монтескье, отстаивавшего преимущества конституционной монархии, до радикальных концепций Руссо, оправдывавших, по существу, революционный путь преобразования общества. Но в целом это было движение, утверждавшее интересы третьего сословия.

Своеобразие русского Просвещения XVIII века состояло в том, что носителями передового, демократического по своей сущности мировоззрения стали у нас представители правящего дворянского сословия. Подобный парадокс объясняется тем, что движущей силой всех огромных социальных преобразований в стране явилась центральная власть, русский абсолютизм, опиравшийся на широкие слои русского служилого дворянства. Лучшие представители привилегированного сословия брали на себя функции идеологических лидеров в процессе строительства новой культуры.

Обретение русской литературой новых для нее форм художественного и жанрового мышления началось в XVIII веке с усвоения традиций европейского классицизма, отмеченного принципиальной нормативностью стиля и иерархией высоких и низких жанров, известной элитарностью в понимании предмета искусства. Идейному пафосу французского классицизма XVII века была не чужда прямая ориентация на вкусы королевского двора, что, по существу, отвечало идеологическим потребностям абсолютизма. Особенностью русского классицизма XVIII века было как раз то, что идеологической базой этого направления стали идеи воспринятого с Запада учения европейских, в основном французских, просветителей. Актуальность этих идей в России становится понятной в свете реформаторской деятельности Петра I. Светский характер духовных запросов, рационалистический подход к социально-политическим проблемам, вера в прогресс, в воспитывающую силу примера и как следствие конечный оптимизм мировосприятия — все эти черты, свойственные

европейской просветительской идеологии, соответствовали задачам, вставшим перед русской культурой в результате петровских реформ. Искусство, и в том числе литература, не были в данном случае исключением. Приблизить русскую литературу к тому уровню художественного совершенства, какого она достигла в наиболее развитых европейских странах,— эта задача осмыслялась русскими писателями XVIII века как первоочередная.

Комплекс передовых идей, служивших обоснованием необходимости преобразования мира на началах разумного порядка и справедливости, не просто усваивался деятелями русской культуры XVIII века, но становился определяющим в решении ими практических задач художественного творчества. Отсюда проистекала особая нетерпимость писателей этой эпохи к многочисленным фактам социальной несправедливости, административным злоупотреблениям, жестокости, насилию и другим порокам общественной системы. Отсюда же проистекала и популярность сатиры. Именно просветительская идеология явилась для русской сатиры мировоззренческой основой, оплодотворявшей ее обличительный пафос.

Многое из того, что в европейских условиях, отражая критику феодальных порядков, несло в себе демократический, революционизирующий смысл, приобретало на русской почве дополнительные оттенки, порой качественно меняя свое первоначальное идеологическое звучание. Так, например, признание идеи естественного равенства людей, служившее для мыслящих дворян России основанием критики бесчеловечного обращения помещиков с крепостными, становилось одновременно у просветительски настроенных русских авторов отправной точкой для тех требований, которые они предъявляли русскому дворянству. Благородство дворянина должно состоять не в преимуществах рождения, а в благородных делах на пользу сограждан и всего отечества. Эта мысль составляла один из центральных пунктов обличительной программы и Сумарокова, и Новикова, и Фонвизина.

Всем сказанным и определяется особая актуальность в русской литературе XVIII века сатирического направления, с которым были связаны и высшие художественные достижения эпохи. Активность культурных исканий, какой было отмечено это время, помогает понять интенсивность восприятия русскими писателями эстетических традиций в этой области, необычайное богатство усвоенных литературой новых жанровых форм, новых принципов сатирического обличения.

Еще В. Г. Белинский проницательно отмечал в свое время, что русская поэзия развивалась на протяжении XVIII века в двух параллельных руслах, равно воплощавших в себе дух и потребности эпохи. В разбуженной реформами Петра I огромной стране литература явилась едва ли не основным проводником идеологических и культурных нововведений. И если в творчестве Ломоносова русская литература, по словам Белинского, обнаружила «стремление к идеалу», осознавая себя «оракулом жизни высшей», трибуной утверждения позитивных начал обновленной государственности, то в сатирах Кантемира она обнаружила «стремление к жизни действительной», к насущным потребностям реального бытия человека. [7] Предметом сатир Кантемира было также отстаивание завещанных Петром I идеалов обновления России. Но свою главную задачу он видел в бичевании всего, что мешало их осуществлению, ибо он был поэтом-сатириком.

[7] Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. X. М.; Л., 1956, с. 289.

Наблюдение Белинского помогает понять и процессы, протекавшие на протяжении XVIII века в русской прозе. На одном полюсе мы видим образцы торжественных панегириков высокой публицистики Ф. Прокоповича, Ломоносова, Сумарокова, митрополита Платона (Левшина), продолжавших риторическую линию витийственного проповедничества, на базе которого формировались традиции светского красноречия, определившие позднее стилистические нормы просветительской, гражданственной по своему пафосу, публицистики Д. И. Фонвизина и А. Н. Радищева.

На другом полюсе широко и многообразно были представлены образцы повествовательной прозы развлекательного и сатирического содержания. Эта часть литературы XVIII века была ориентирована на демократического по преимуществу читателя и обращена зачастую к насущным вопросам повседневной жизни. Мы видим здесь весь спектр существовавших в то время прозаических форм и жанров, как крупных, так и мелких,— от переводных галантно-прециозных романов и развернутых повествований плутовского или авантюрно-приключенческого характера и до миниатюрных форм сатирической эпистолярии или нравоописательных зарисовок в виде пародийных объявлений сатирических «ведомостей».

Важное место в этом массиве прозаической беллетристики занимали жанры сатирической прозы. Сама специфика художественных задач, которые приходилось решать сатире с ее оперативностью в откликах на злободневные проблемы общественной жизни, определила значение малых форм сатиры. И здесь огромную роль сыграло появление в России литературных журналов.

С того момента, как со второй половины XVIII века журналы стали неотъемлемой частью литературной жизни страны, для развития сатирических жанров открылись особо благоприятные возможности. В общем потоке журнальной прозы сатире принадлежало определяющее место. Отдельные журналы, особенно на рубеже 1770-х годов, носили исключительно сатирический характер («Трутень», «Живописец», «Адская почта»). Периодические издания не только служили своеобразной лабораторией по выработке традиций жанровых форм прозаической сатиры, но и являлись действенным фактором формирования общественного мнения, сплачивая вокруг себя единомышленников, выступая проводниками передовых идей. На страницах сатирических журналов 1769—1770 годов оттачивалось обличительное мастерство Фонвизина, Новикова и молодого Радищева.

Форма бытования сатирической прозы в периодических изданиях XVIII века определила и композиционную структуру настоящего сборника. Материал располагается по жанровым рубрикам, что соответствует представлениям о роли жанров в литературе того времени, когда эти произведения были созданы.

Для литературы XVIII века, усвоившей эстетический кодекс классицизма, была свойственна нормативность мышления. Регламентация пронизывала творческий процесс, определяя все стороны художественной практики, особенно в том, что касалось соблюдения чистоты жанров. Каждому жанру соответствовала своя среда осваиваемой искусством действительности, свой комплекс поэтических приемов, своя система лексико-стилистических средств. Возникло понятие жанрового канона. Наиболее отчетливо это проявлялось в поэзии и драматургии. Но и в сатирической прозе установилась своеобразная специализация жанров

в зависимости от их целевой установки и содержательной прикрепленности. В журнальной периодике показателем такой нормативности можно считать своеобразную рубрикацию сатирических отделов («ведомости», «лечебники», «письма»), наполнявшихся в каждом случае вполне определенным содержанием и отличавшихся друг от друга четко выработанными структурно-стилистическими свойствами.

Пути формирования, как и степень популярности отдельных жанров прозаической сатиры, были, естественно, различны. Некоторые жанры появляются в русской литературе только в XVIII веке, будучи восприняты через европейские источники. Таковы, например, сатирические диалоги в царстве мертвых или пародийные похвальные речи и аллегории, сатирические словари, сатирико-нравоописательные эссе и сатирические сны. Выработка других форм шла на базе собственных богатейших традиций русской демократической сатиры XVII— начала XVIII века, широко бытовавшей в полуобразованных слоях населения городского посада и среди крестьян. К таким формам можно отнести, например, сатирические рецепты или лечебники, пародийно-сатирические прошения и челобитные, некоторые формы сатирических писем, наконец, пародийно-сатирические ведомости. Образцы всех этих жанров представлены в сборнике в самых разных модификациях.

Наибольшую популярность в XVIII веке составляли как раз те жанры, которые были связаны с традициями русской сатиры предшествующего столетия и в основном рассчитаны на широкого демократического читателя. Таковы пародийные «ведомости», прошения, челобитные, разные формы сатирических писем. Менее устойчивой оказалась популярность форм сатиры, которые не подкреплялись опытом национальных культурных традиций и не имели серьезных предпосылок для их эстетической трансплантации на русскую почву.

Так совершенно новым явлением для русского читателя XVIII века была такая жанровая форма сатиры, как сатирический диалог. В России его особенно активно пытался привить А. П. Сумароков. Признанный лидер литературного лагеря классицизма, создатель основного репертуарного фонда русского театра XVIII века в жанре трагедии, тонкий лирик и превосходный для своего времени баснописец, Сумароков проявил себя и незаурядным мастером сатирической прозы. Он пробовал свои силы в различных жанрах, черпая средства для создания сатирических миниатюр из самых разнообразных источников. Представление об этих источниках дает нам журнал, издававшийся самим Сумароковым под названием «Трудолюбивая пчела» (1759). Это был общественно активный, богатый по содержанию, чисто литературный журнал. Особенно важное место на его страницах занимала сатира, состоявшая как из переводов, так и из сочинений самого Сумарокова. В журнале публиковались образцы античной и ренессансной сатиры (произведения Горация, Лукиана, Гиерокла, Эразма Роттердамского); помещались опыты памфлетно-публицистической и нравоописательной сатиры эпохи Просвещения — переводы сочинений Дж. Свифта, Вольтера, Л. Гольберга, Д. Аддисона, а также известного немецкого сатирика Г. В. Рабенера. Благодаря этому русская литература становилась наследницей целого комплекса новых, малоизвестных до того в России сатирических жанровых форм.

Следуя манере Лукиана, Сумароков сочиняет собственные «разговоры мертвых»— четыре маленьких сатирических диалога душ умер-

ших. Особый интерес представляют два диалога: «Разговор II. Высокомерный и низкомерный» и «Разговор III. Господин и слуга».

Утопическая ситуация своеобразного уравнения всех в правах после смерти позволяет автору вскрыть истинную цену благородства отдельных дворян. Оказывается, кичащийся своей родовитостью «высокомерный» вынужден был при жизни скрывать свою зависть «к большим господам, хотя бы они все достоинства, принадлежащие чинам их, имели», ибо, не приученный ни к каким полезным занятиям, сам он никогда чинов не имел. Социальной окрашенностью отмечен и диалог «Господин и слуга». Претензиям дворянина на сохранение своих господских прав в мире, где все уравниваются, противостоят полные достоинства и здравого смысла ответы слуги. В сущности, слуга выступает обвинителем своего господина, напоминая ему о бесчеловечном обращении с ним, когда тот при жизни морил слугу голодом, безнаказанно бил и называл плутом и мошенником.

Традиции Сумарокова в этом жанре продолжил В. Приклонский. Но если у Сумарокова ситуация, возникающая в царстве теней, как бы возвращает неразумным, ненормальным земным отношениям их истинный смысл, то земные персонажи Приклонского, оказавшиеся в мире, где деньги не имеют цены, подвергаются неумолимому суду со стороны мифологических обитателей Аида. Справедливое воздаяние получают в подземном царстве и скупой, и корыстолюбивый подьячий, представшие перед судом Миноса.

Особое место среди публикуемых диалогов занимают два сатирических разговора, принадлежащие Н. И. Новикову и помещенные им в журнале «Кошелек» (1774). В отличие от своих предшественников, Новиков не переносит действие своих разговоров в царство мертвых, а следует традиции учительного диалога, разрабатывавшегося просветителями. Его разговоры «между Россиянином и Французом» и «между Немцем и Французом» пронизаны пафосом патриотизма и продолжают тему борьбы с галломанией, неоднократно звучавшую на страницах его журналов «Трутень» и «Живописец».

Сумарокову принадлежит заслуга введения в обиход русских сатириков еще одного довольно популярного в европейской сатире жанра. В декабрьском номере «Трудолюбивой пчелы» он поместил публицистическое сочинение «Сон. Счастливое общество». Как явствует из названия, структурную основу произведения составлял распространенный в европейской просветительной журналистике жанр «сна». Сумароков несколько отошел от традиции аллегорической назидательности, свойственной этому жанру в сатирических журналах английских просветителей. Он предпринял первую в русской литературе XVIII века попытку создания чистой социальной утопии, дав своеобразный набросок трактата об идеальном социальном устройстве. Сумароков рисует картину общества, основанного на законах справедливости и равенства всех, кто честно исполняет свои общественные обязанности. «Не имеют тамо люди ни благородства, ни подлородства и преимуществуют по чинам, данным им по их достоинствам, и столько же права крестьянский имеет сын быть великим господином, сколько сын первого вельможи».

Утопия по своей художественной природе неразрывно связана с сатирой, ибо в ней фиксируется тот идеальный полюс миропредставления, который противостоит царству обмана и насилия, обличаемому в сатире. В этом смысле запечатленный в утопии идеал не только воплощает позитивную программу сатирика, но оказывается тесно свя-

занным с практикой социальных отношений эпохи. Не случайно во главе «счастливого общества» в «сне» Сумарокова стоит мудрый добродетельный монарх, который «слабости прощает милосердно, беззакония наказует строго».

Наиболее значительным вкладом в развитие данного жанра на русской почве следует считать аллегорическую сатиру в форме сна в одной из глав романа А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Мы имеем в виду главу «Спасская Полесть», помещаемую в настоящем сборнике. Оригинальность и необыкновенная смелость автора состояла в том, что политическая сатира, оформленная в виде аллегорического сна и обращенная непосредственно к царствующему монарху, предварялась не менее язвительной, но погруженной в реальную действительность сатирой очеркового плана. Рассказ о наместнике, любителе «устерсов», подслушанный случайно путешественником на станции, может рассматриваться как своеобразная прелюдия, как смысловой ключ для понимания той потрясающей картины общественных неустройств и поголовной коррупции, господствовавших при дворе, которая в несколько абстрактной форме развертывается в аллегорическом «сне». Не случайно разгневанная смелостью Радищева Екатерина II, читая книгу, обратила на эту главу особое внимание.

К жанру аллегорического «сна» по-своему примыкает и особый тип сатирической восточной повести. Мы остановили свой выбор на повести И. А. Крылова «Каиб». Эта повесть характерна органичным сочетанием в ней сатиры и утопии, причем очень существенная роль в воплощении идейного замысла отводится фантастике. Именно после чудесного явления монарху волшебницы наступает начало его постепенного прозрения с обретением в финале повести простого человеческого счастья. Продолжая традиции философских повестей Вольтера, «Каиб» в то же время заключает в своей структуре два четко различимых содержательных плана: гротесковую сатиру и не лишенную сентиментальности утопию. Сочетание этих двух несовместимых полюсов, которые объединяются появлением волшебной феи, придает всей повести едва ощутимый оттенок ироничности. Подтверждением этому может служить идиллический финал повести.

Наиболее значительный вклад в формирование сатирической прозы XVIII века был внесен в ходе полемики между сатирическими журналами, разгоревшейся в 1769—1770 годы. Примечательной особенностью возникновения массовой сатирической журналистики конца 1760-х годов явилось то, что инициатива в распространении периодических изданий исходила от высшей власти в лице русской императрицы Екатерины II. В 1769 году она организует выпуск еженедельного издания «Всякая всячина», одновременно разрешив издавать подобные журналы всем желающим. Эта инициатива имела далеко идущие последствия, ибо она породила журнальную полемику, в ходе которой прозаические жанры просветительской сатиры явились главным оружием в схватках противоборствующих лагерей.

Решение императрицы издавать периодические листки «Всякой всячины» было вызвано провалом, который потерпела она с созывом Комиссии для составления Нового уложения 1767 года. Сама по себе предпринятая Екатериной II акция по созданию Нового уложения имела, конечно, политический смысл. Пытаясь обновить русское законодательство на основе учета последних достижений европейской правовой мысли (следы воздействия просветительских идей явственно отра-

зились в ее «Наказе» депутатам Комиссии), Екатерина стремилась прежде всего воздействовать на европейское общественное мнение, создавая себе этим репутацию просвещенной мудрой монархини, заботящейся о благе своих подданных. Но следует ясно представлять нереальность этой затеи в условиях крепостнической России XVIII века. Очень скоро после начала работы Комиссии 1767 года между депутатами, съехавшимися из всех областей России, представлявшими интересы разных сословий и разных социальных слоев, возникли непримиримые противоречия, обнаружившие невозможность принятия законодательства, которое бы удовлетворяло всех. Утопичность своего замысла и невозможность его осуществления Екатерина II скоро осознала сама. Под предлогом начавшейся войны с Турцией работа Комиссии была свернута, а затем и вообще прекращена. Екатерина II решает прибегнуть к помощи журналистики, чтобы сохранить идеологический контроль над умами подданных.

С января 1769 года императрица начала издавать журнал «Всякая всячина». Под видом невинной болтовни, перемежая легкую, ни к чему не обязывающую сатиру с назидательными поучениями, скрываясь за своими мнимыми и действительными корреспондентами, Екатерина II рассчитывала разъяснить общественному мнению в доступной для широкого читателя форме некоторые аспекты своей внутренней политики, раскрыть свои взгляды на состояние государственных дел, а заодно объяснить причины неуспеха работы законодательной Комиссии 1767 года. При этом она лицемерно призывала своих соотечественников к сотрудничеству в деле исправления общих недостатков.

Призыв «Всякой всячины» был услышан. Один за другим возникают новые периодические издания. Уже в конце января 1769 года стал выходить журнал М. Д. Чулкова «И то и сие». Вслед за ним В. Г. Рубан выпускает журнал под названием «Ни то, ни се», появляются «Поденщина» В. Тузова, «Полезное с приятным» И. Ф. Румянцева и И. А. Тейльса. С 1 апреля к ним прибавляется журнал «Смесь».

Содержание и направленность появившихся сразу вслед за «Всякой всячиной» журналов вполне устраивали императрицу. Лишенные какой-либо четкой идеологической программы, эти издания либо заполнялись переводами морально-нравоучительных статей, заимствованных из европейских источников (журнал Румянцева и Тейльса, отчасти первые номера «Смеси»), либо перемежали развлекательное балагурство с эмпирическими описаниями быта простонародья (журналы Чулкова и Тузова), либо пробавлялись публикацией непритязательных стихотворных опусов (как это имело место в журнале Рубана, вполне оправдывавшем свое название).

Так продолжалось до мая, когда Н. И. Новиков начал выпускать новый журнал под названием «Трутень». С появлением «Трутня» гегемонии «Всякой всячины» наступил конец. Шутливой снисходительности домашней сатиры и насаждавшейся журналом императрицы развлекательной болтовне была противопоставлена по-настоящему боевая, талантливая и необычайно богатая по форме сатира, пронизанная пафосом демократизма, исполненная злободневности и не чуждавшаяся постановки острых социальных вопросов.

Излюбленными формами в журнале Екатерины были бытовые очерки, нравоописательные эссе, с таким блеском разработанные в английской просветительской журналистике Р. Стилем и Д. Аддисоном, издателями «Зрителя» и «Болтуна», а также система обмена письмами

с многочисленными корреспондентами.[8] Острой действенной сатиры императрица боялась, предпочитая ей проникнутые терпимостью дружеские увещевания. Отсюда проистекала и камерность форм екатерининской сатиры, призванной, по существу, скрыть истинные причины социальных зол, приглушить обличение царивших в обществе беззаконий и несправедливостей.

Сатира Новикова, напротив, имела целью не скрывать носителей пороков, а подвергнуть их открытому и заслуженному бичеванию. В отстаивании такой позиции и состоял пафос его спора с Екатериной II о прерогативах сатиры, который развернулся на страницах «Трутня» и «Всякой всячины» в 1769 году. Полемичностью также был отмечен и сам выбор жанровых форм сатиры, которые использовал Новиков. Они способствовали максимальному расширению читательской аудитории, приобщая массового читателя к обсуждению злободневных вопросов общественной жизни.

Новиков выступил подлинным новатором в области разработки малых жанровых форм русской журнальной сатирической прозы. Так, он впервые ввел в своем «Трутне» особые разделы сатирических «ведомостей» и «лечебников», в которых путем имитации газетных сообщений и рецептов больным язвительно и остроумно обличались и царившее в судах империи неправосудие, и самодурство крепостников, и сословное чванство дворян. Разрабатывая эти жанровые формы, он следовал традициям русской демократической сатиры XVII века. При этом развлекательность рукописных пародийных лечебников и юмористических курантов, бытовавших в городской среде, сменилась в материалах новиковских журналов разработкой самых животрепещущих проблем с передовых просветительских позиций.

Примеру Новикова последует Ф. Эмин в своем журнале «Адская почта» (1769), поместивший в ряде номеров подборки «Ведомостей из ада». Материалы Эмина в этом жанре уступали по своей остроте и актуальности «ведомостям», печатавшимся в «Трутне», хотя они были не лишены оригинальности. Нередко структура «адских ведомостей» Эмина напоминает очертания известных «разговоров в царстве мертвых», что в силу названия журнала Эмина было вполне закономерно. Пробовал ввести в свой журнал «И то и сиё» раздел сатирических «ведомостей» и литературный противник Новикова и Эмина — упоминавшийся уже выше М. Д. Чулков. Однако его материалы носили сугубо развлекательный характер и были лишены какой-либо оригинальности.

Новым словом в данном жанре явились опыты московского сатирика 1790-х годов Н. И. Страхова. Этому необычайно плодовитому автору принадлежало несколько довольно обширных произведений обличительного содержания, начало которым положил «Сатирический вестник» (всего было выпущено 9 частей журнала, выходивших в течение 1790—1792 годов). Его журнал представлял собой гротесково-пародийную хронику дворянской жизни. Выбор женихов и псовая охота, эпидемия танцевания и повальное увлечение картежной игрой, страсть к нарядам и маскарадам, волокитство, обжорство, сплетни, мелкие хитрости щеголих и тщеславные откровения вертопрахов — все подвер-

[8] Зависимость «Всякой всячины» от английских журналов проанализировал Ю. Д. Левин в статье «Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века» (Эпоха просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967, с. 3—109).

гается детальному и пристальному анализу. Страхов не делает никаких выводов, не поучает. Он скрывается под маской бесстрастного констататора фактов. Только изредка авторская позиция проглядывает в ироническом противопоставлении прошлого настоящему. Эти апелляции к прошлому призваны чаще всего оттенить ничтожество нравственной жизни дворянского общества. Стремление жить по моде составляет закон светского времяпрепровождения, определяя уровень духовных запросов и жизненных интересов представителей благородного сословия.

Еще более острый характер носит сатира Страхова в другом его сочинении, также публикуемом с сокращениями в настоящем сборнике в разделе «сатирических писем»,—«Переписка Моды, содержащая письма безруких мод...». Аллегорической фигуре Моды приданы черты повелительницы подвластных ей атрибутов тщеславного щегольства, роскоши и праздного вертопрашества. Мода путешествует, пишет письма, принимает прошения, издает постановления, принимает к себе на службу, разбирает корреспонденцию. Из скопившейся у нее переписки она публикует письма, например, «от высоких лифов к низким лифам», «от старинного кафтана к новомодному», «от ложных обмороков к истерике» и т. п. Но за всей этой невинной, на первый взгляд, перепиской «безруких мод» раскрывается бездушность и фальшь светского общества, противоестественность образа жизни дворянского сословия. Страхов пользуется при этом особым приемом метонимического уподобления. Как в свое время уже было тонко подмечено Ю. М. Лотманом в его статье «Пути развития русской просветительской прозы XVIII века», Страхов своеобразно предвосхищал в своем сочинении метод Н. В. Гоголя, показывая, как «природа человека заслоняется внешними свидетельствами мнимых достоинств». [9]

Жанр сатирического письма пользовался особой популярностью в обличительной литературе XVIII века. Эта рубрика занимает центральное место в настоящем сборнике. Наиболее талантливыми и оригинальными были письма, появившиеся на страницах журнала Н. И. Новикова «Трутень» и «Живописец», а также письма, принадлежавшие перу Фонвизина.

Несомненной заслугой Новикова следует считать помещение им в «Трутне» знаменитых «Копий с отписок» крестьян к своему помещику и «Копии помещичьего указа», содержание которых объективно можно расценивать как приговор крепостнической системе. Это был первый случай, когда голос угнетенного крестьянства зазвучал на страницах периодического печатного органа, и частный факт помещичьего самоуправства приобретал широкий обобщающий смысл. Н. А. Добролюбов в статье «Русская сатира екатерининского времени» сопроводил анализ «отписок» кратким заключением: «Эти документы так хорошо написаны, что иногда думается: не подлинные ли это?» [10] Если помнить, что через три года после публикации «Трутня» в России разразится крестьянская война 1773—1775 годов под предводительством Емельяна Пугачева, то политическая актуальность выступлений журнала в защиту угнетенных крестьян станет особенно очевидной.

Особый разряд писем в журнале Новикова составляет тип сатирических портретов-самохарактеристик, блестящим мастером которых

---

[9] Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961, с. 102.

[10] Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т., т. 5. М.; Л., 1962, с. 352.

заявил себя Д. И. Фонвизин. Такого рода письма тяготеют обычно к гротесковой сатире, раскрывая перед читателем психологию кокеток, щеголей или заматерелых во взяточничестве чиновников, вроде дяди, заботливо наставляющего своего племянника («Трутень», 1769, л. II и XV) и т. д.

Близким к жанру сатирического письма следует считать и такой специфически журнальный жанр сатирической прозы XVIII века, как «нравоописательный очерк». Этот жанр восходит своими истоками к традициям английской просветительской журналистики начала XVIII века, излюбленной формой для которых были различные виды коротеньких, но чрезвычайно насыщенных эссе самого разного функционального плана. В настоящем сборнике помещены лишь несколько произведений этого жанра, принадлежащих А. П. Сумарокову, Н. И. Новикову, А. А. Клушину и неизвестным авторам. В отличие от жанров сатирического диалога или аллегорического «сна» нравоописательный очерк весь погружен в повседневную будничную атмосферу живой жизни. Содержание его обычно составляет или рассказ о реальных происшествиях, случившихся с автором, или описание событий, им наблюдаемых. Но пафос таких описаний и сами объекты, привлекающие внимание повествователя, отмечены обычно резко критическим умонастроением. И рассказ Сумарокова о посещении думного дьяка, которому он мальчиком привез деньги, и грустная повесть о духовной пустоте бесцельно живущего г. Несчастного Е***, объясняющего свой удел пороками воспитания, и жанровая, не лишенная иронии зарисовка утреннего приема в передней знатного вельможи,— все это очерки бытописи, подчиненные задачам сатиры. В то же время различия индивидуальной манеры разных авторов позволяют ощутить богатство осваиваемых русскими сатириками традиций и многообразие путей формирования предпосылок повествовательных жанровых форм крупного плана.

Особое место в сборнике занимает рубрика, объединяющая сатирические панегирики, речи, пародийные прошения и челобитные. Особенно активно жанр сатирических пародийных речей разрабатывал И. А. Крылов, поместивший в журналах «Зритель» (1792) и «Санкт-Петербургский Меркурий» (1793) сразу несколько сатирических панегириков.

Говоря о причинах обращения Крылова к этому жанру, следует помнить, что к началу 1790-х годов в результате событий Великой Французской буржуазной революции 1789 года явственно обозначились признаки кризиса просветительской идеологии в России. Продолжение традиций боевой наступательной сатиры 1760-х годов было невозможно. Время полемики между сатирическими изданиями, когда официальная линия Екатерины II подвергалась уничтожающей критике, миновало. После крестьянской войны 1773—1775 годов под предводительством Пугачева оппозиционность многих просветительски настроенных дворянских писателей резко пошла на убыль. И издания Н. И. Страхова, и журналы И. А. Крылова выходили без оглядки на идеологических оппонентов, ибо других сатирических изданий, с которыми бы они могли спорить, в 1790-е годы не было. Критерием в выборе средств обличения становится теперь апелляция к широкому демократическому читателю. Вот почему критика социальных и нравственных пороков приобретала форму пародийного утверждения их достоинств как единственно разумных и логичных норм жизни. Этот метод определял сатиру Н. И. Страхова, это же мы видим и в сатирических

речах Крылова. В сущности, перед нами своеобразный цикл речей, каждая часть в котором затрагивает одну из традиционных для русской сатиры XVIII века тем: нравственная пустота жизни дворянства («Похвальная речь в память моему дедушке...»), вытекающая из нее тема бесчеловечности крепостнической системы (там же); щегольство и модное времяпрепровождение («Мысли философа по моде...» и «Похвальная речь науке убивать время»), обличение невежества дворянства («Речь, говоренная повесою в собрании дураков»). Наконец, одна из речей («Похвальная речь Ермалафиду...») имеет характер литературно-полемический.

Однако содержание сатирических изданий 1790-х годов, особенно журналов Страхова, было в основном политически нейтральным. При всей остроте гротескового обобщения, вытекавшего из анализа нравов, например, в «Сатирическом вестнике» или в большинстве пародийных речей Крылова, жгучие вопросы общесоциального характера в них почти не затрагивались. В этом состояла известная слабость сатирических изданий 1790-х годов по сравнению с сатирой Новикова и Фонвизина 1760—1770-х годов.

Логика эволюции Крылова-сатирика в пределах краткого отрезка времени, разделявшего появление его сатирических изданий между 1789 и 1793 годами, напоминает в некотором отношении путь, проделанный за это же время Н. И. Страховым. Начав с аналитического скрупулезного фиксирования пороков дворянского общества в рамках пародийной журнальной хроники («Сатирический вестник»), Страхов приходит к гротесково заостренному отрицанию разумности господствующих в обществе нравов, представив мир заселенным безликими существами, олицетворяющими нравственные пороки людей («Переписка Моды»). У Крылова наблюдается сходный процесс. Только место повелительницы Моды занимают у него законодатели мнений — ораторы, предлагающие своим слушателям-единомышленникам утвердить в мире господство отстаиваемого ими порядка. Повеса среди дураков или внук славного Звениголова в кругу друзей его дедушки-крепостника — оба в равной степени уверены в незыблемости собственной правоты. И на этом строится эффект сатирического обличения.

Как видим, в литературе XVIII века сформировались свои богатые и разнообразные традиции журнальной прозаической сатиры.

Настоящий сборник представляет собой первый опыт жанровой антологии русской сатирической прозы XVIII века. Он имеет целью познакомить современного читателя с основными жанрами прозаической сатиры этого столетия. В издание включено около ста произведений, иногда объединенных в циклы, иногда существующих самостоятельно и представляющих почти все виды жанров сатирической прозы малых форм. Внутри жанровых рубрик материал распределяется по авторам с соблюдением хронологической последовательности появления произведений в печатных изданиях или в рукописных сборниках. Это позволяет не только прослеживать эволюцию каждой жанровой формы в процессе литературного развития, но и раскрыть специфику методов сатирического обличения, свойственных отдельным жанрам в разное время.

При всей ограниченности размеров сборника мы стремились по возможности дать максимально полное представление о структурных модификациях того или иного жанра у разных авторов. Вот почему в настоящем издании наряду с произведениями широкоизвестных

писателей XVIII века помещаются сочинения авторов малоизвестных, а иногда и вообще неизвестных современному читателю.

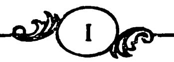
Значение литературы XVIII века в духовной жизни общества определялось прежде всего тем, что она постоянно являлась носительницей гуманных и благородных идей. Решающую роль в выполнении литературой этой функции играла сатира. Не случайно В. Г. Белинский после довольно резких оценок художественных достоинств и действенности сатир Сумарокова в конце концов нашел необходимым подчеркнуть, что его сатиры, если и «не исправляли нравов, зато поддерживали в обществе сознание, что порок есть все-таки порок, хотя бы он был и неизбежным злом. Следовательно, благодаря, может быть, заслуге одной только литературы, у нас зло не смело называться добром, а лихоимство и казнокрадство не титуловались благонамеренностью».[11]

Эти слова прекрасно подтверждают непреходящее значение того вклада, какой внесли писатели-сатирики XVIII века в развитие национальной культуры.

Ю. В. Стенник

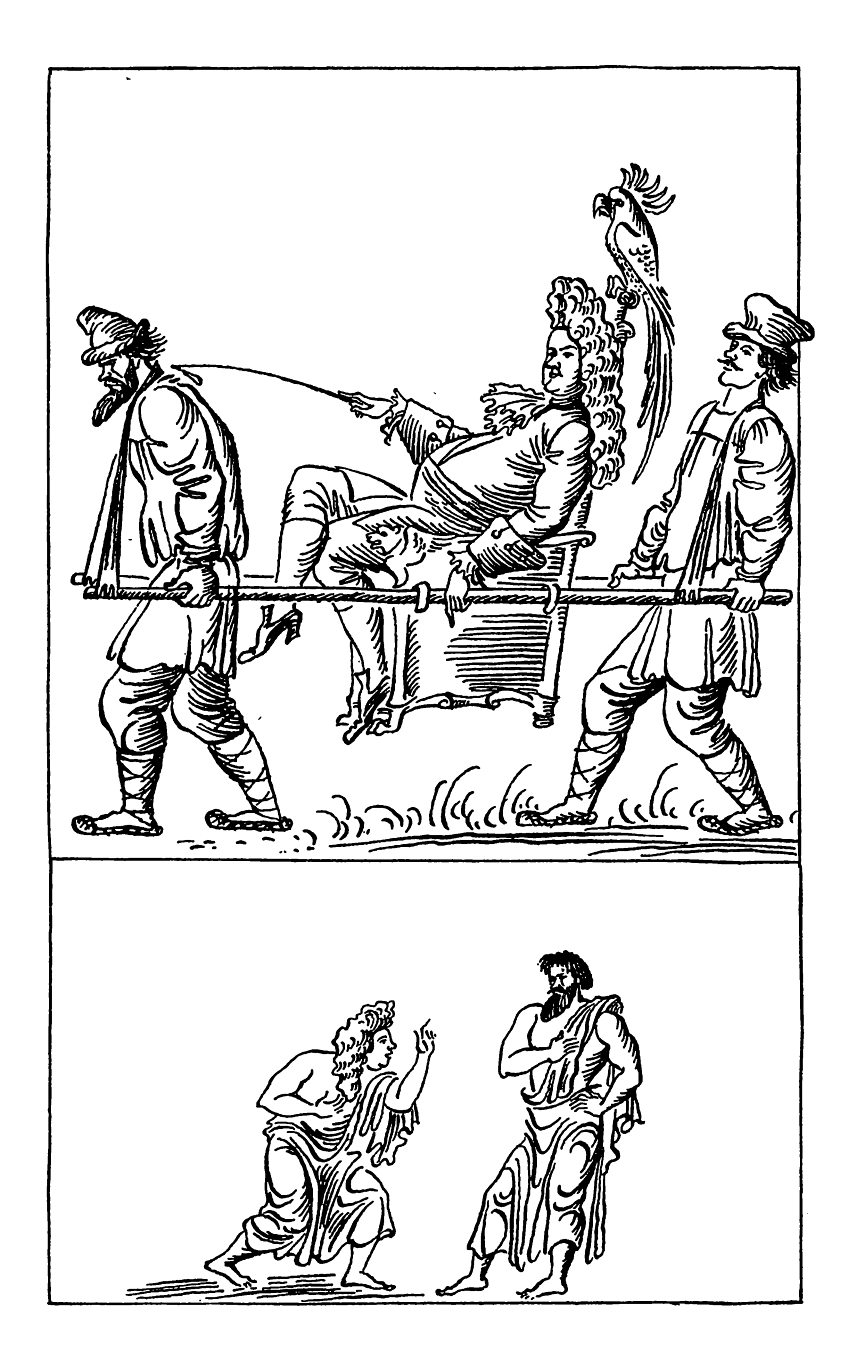
---

[11] Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VIII. М.; Л., 1955, с. 615.

САТИРИЧЕСКИЕ ДИАЛОГИ

А. П. СУМАРОКОВ

РАЗГОВОРЫ МЕРТВЫХ

РАЗГОВОР I
Скупой и мот

Мот: О чем ты воздыхаешь?

Скупой: Нельзя не воздыхать; здесь я никакой утехи не имею, все собранное мною богатство осталося на земли, и нет у меня ни золота, ни серебра. На том свете всякая минута меня увеселяла. Иногда я действием, а иногда мыслию, собирая сокровища, располагая к собиранию оного учреждения моего предприятия, услаждался. Всегда были утешительные упражнения, всегда радостные воображения и сладкая надежда, а ныне ничего того нет. Воры и грабители иногда меня смущали; но смерть всех грабителей жесточе; и сами приказные служители в грабительстве ничто перед нею; они договариваются и берут несколько, а смерть не знает никаких договоров и все отнимает. Счастливы еще обитатели земли, что не все разорители жадной смерти подражают и что беззаконной сей грабительницы другие беззаконные грабители несколько опасаются, чтоб она с богатством и вечного их блаженства не заграбила; да по большей части так и делается.

Мот: Блаженства смерть отнять не может, ежели человек осторожен, что грабители гораздо помнят и перед самою смертью со слезами каются, а чего из пограбленного к удовольствию своему не прожили, то оставляют детям и, ничего ограбленным не возвратив, приказывают детям своим, чтоб они об отпущении им жестокого грабительства молились. И так благополучно пожив, благополучно и умирают; а что ограбленных дети в убо-

жестве останутся, это не их убыток.

Скуп: Имение хорошо, да то худо, что смерть его без остатка отнимает.

Мот: У меня она ничего не застала, так ничего и не отняла. От дня ко дню ничего не оставлять есть самый лучший способ сохранить себя от ее грабительства.

Скуп: Какое ж от имения утешение, ежели от дня ко дню ничего не оставлять?

Мот: Какое этого утешения больше быть может, когда я хорошо ем, хорошо пью, хорошо одеваюсь, хорошее имею жилище и все то имею, что я за деньги иметь могу?

Скуп: А когда потребно больше издержать, нежели то, что ты в день получишь?

Мот: Тогда я займу.

Скуп: А когда занять не сыщешь?

Мот: Так я потерплю.

Скуп: А когда займа нечем будет отдать?

Мот: То суеты тех, у кого я займу.

Скуп: А когда тебя за то в тюрьму посадят?

Мот: Так я буду сидеть.

Скуп: Да это вить горестно?

Мот: Да и это не очень сладостно, когда иметь богатство и им не довольствоваться, и сетовать по смерти, что оно уже не мое.

Скуп: Подлинно, что это не весело, однако я богатством повеселился, а ты нет.

Мот: Я им больше повеселился, нежели ты; я ел и пил сладко, а ты мер с голоду.

Скуп: Ты своего богатства и не видал.

Мот: Да я им довольствовался, а ты видел, да не довольствовался, и был не владетелем его, да только сторожем, и нес эту должность без заплаты, и был из доброй воли содержан хуже каторжников, потому что и они за труды свои плату получают.

Скуп: А ты, когда искал и не мог сыскать денег, или когда надлежало платить, а было нечем, в то время и подлинно страданием своим на каторжника походил.

Мот: Это правда, что мне было иногда несносно. Однако ты мучился больше, хотя ты сам не верил себе, что ты мучишься.

Скуп: Я признаваюся, что и богатство делает мученье, но убожество еще больше.

Мот: А я тебе говорю, что богатство еще больше человека беспокоит нежели убожество, ежели его не употреблять. Убогий человек хотя уже то спокойство имеет, что он ни воров, ни грабителей не опасается.

Скуп: Легче опасаться потерять, нежели не иметь.

Мот: На что то иметь, чего не употреблять.

Скуп: Что выдам, того нет, а чего не выдам, то есть.

Мот: Да теперь уж нет.

Скуп: О том-то я и вздыхаю.

Мот: Да на что тебе здесь имение; здесь ничего не покупают и ничего не продают.

Скуп: То-то здесь и похвально. Какая бы хорошая здесь жизнь была, ежели бы деньги были!

Мот: А я здесь то хвалю, что должники никого не мучат.

РАЗГОВОР II

Высокомерный и низкомерный

Низкомерный: Мне здешняя жизнь не столько скучна, как тебе, для того, что хотя я и не услаждаюся своею покорностию и низкими поклонами, но по крайней мере не болит у меня поясница; а ты, полюбовавшися на том свете делаемыми тебе поклонами, мучишься, что никто больше пред тобою спины не нагибает. Все здесь равны, и нет ни господина, ни холопа. Власть и титла здесь минуются, и остается едино человечество. Правда, что это неприятно мне, что степеней достоинства здесь нет; для того, что не пред кем кланяться, а это моя забава.

Высокомерный: Степени достоинства здесь еще лучше, потому что здесь истинное достоинство почитается, а не пустые титла, которые не вделываются в нас, но только к нам привязываются. А потом, что фортуна слепа; так она чины и титла привязывает безо всякого разбора, как ни прибредет. Итак, ежели ты ищешь истинно достойного человека, так на что тебе далеко бегать? Мне кланяйся.

Низ: Тебе я и на том свете никогда не кланялся; ты великим господином не бывал.

Выс: Да великим человеком был я, а и теперь тож. Я не лишился своего достоинства, но лишился надле-

жащего почтения. Здесь люди никого не боятся; а где нет страха, там нет и почтения.

Низ: Я не знаю, почему ты себя ставишь великим человеком; ни ты показал живучи на свете миру о вещах познание, ни ты показал мужество в защищении отечества, ни разум в правлении государственных дел; и вся твоя в том состоит история, что ты родился, ел, пил и умер.

Выс: Однако то знать надобно, как я родился.

Низ: Я твоей повивальной бабки не знаю и, как ты родился, не ведаю; то только известно мне, что ты вышел на свет из женской утробы, вышел и я из такой же утробы.

Выс: Я родился от рода самого знатного: предки мои были в великом почтении. А тот, от кого пошел наш род, произошел от королевской крови.

Низ: Тот, от кого и твой и мой род пошел, произошел от земли, и у всех нас корень и первый праотец Адам.

Выс: Это правда, однако прежнее грубое человеческое естество в потомках адамовых и предках моих знатностью рода перечищалось и дошло до меня во всей славе и в полном великолепии.

Низ: Это все, что ты ни наговорил, пустое, и то, что ты от знатного произошел рода, твоей славы не умножает, а я тебя славнее для того, что я в жизни моей был любим многими великими господами и со многими из них обедывал и ужинал, а ты к праотцам своим и в подворотню не сматривал. Мне ж многих великих господ не только лакеи, но и камердинеры друзья были.

Выс: И у моих лакеев такие люди, каков ты, друзьями были.

Низ: Такие люди, как я, с твоими лакеями по сходству нравов обхождение имели, а я по политике; ибо чрез них я входил в милость к господам их, получал от них покровительство и вспомоществование в исканиях моих. Я положил себе такой в жизни устав, чтоб не только приласкиваться к холопям больших господ, но и к собакам их. И ради того всегда носил я в кармане хлеб и собак их потчевал, чтоб я и им не противен был и чтоб они на меня не лаяли и не делали приходом моим в доме шума к беспокойству в нем живущих; а хлеб носил я всегда белый ради того, что в домах

больших господ не только собаки, но и мыши черного хлеба не едят.

Выс: А я тебе скажу: мне ничего не было противнее, как ходить в домы больших господ, хотя бы они все достоинства, принадлежащие чинам их, имели ради того, что я их пуще смерти ненавидел.

Низ: За что ж?

Выс: За то только, что они большие господа.

Низ: Без государственных правителей не можно обойтися: и большие господа не только почтения, но и любви достойны, ежели они душевные достоинства и попечения об общем и об участном благополучии народа имеют и ежели не своей, но народной пользы ищут, и неусыпное имеют упражнение в положенных на них делах; однако это не мое мнение, а мое мнение то, чтоб они делали добро тем, которые, их обманывая, им льстят и кланяются.

Выс: Как бы они ни пеклись о народной пользе, довольно для отвращения к ним того, что они большие господа и что мне должно их почитать и им кланяться.

Низ: А ты того хочешь, чтоб тебе люди кланялись, хотя ты большим господином и не бывал.

Выс: О себе у меня правила, а о них другие.

Низ: Какая же разность правил твоих?

Выс: Разность такая, что я себя люблю ради того, что то я, а их ненавижу ради того, что то они.

Низ: Я и сам других людей не люблю и не любил, а сертил я для того только, что я себя любил.

РАЗГОВОР III

Господин и слуга

Господин: Гей! ...Гей!

Слуга: Кого вам надобно?

Госп: Разве ты позабыл, что мне надобно принять лекарство? Или ты не помнишь того, что я болен и что мне приказал доктор всякие три часа принимать по чашке лекарства?

Сл: Вы, сударь, позабыли, что вы уж умерли и погребены и что докторские напитки только то сделали, что и я, не дожив века, в третий день после вас сюда ж переселился для того, что я, подчивая вас доктор-

ским полпивом, недели с три не спал, а оттого одурел, и ходя по тому свету в твоей спальне до смерти еще едва дышал, а потом так же, как и ты, умер и также погребен: сиречь, положен во гроб, опущен в землю и закопан; только не с такою большою церемониею.

Госп: Так мы уже не на том свете?

Сл: Мы на том свете, где все равно, что господин, что слуга.

Госп: Однако ты человек благодарный и, что я тебя кормил и поил, не забудешь, и хотя не так, как на том свете, однако небольшие услуги мне станешь делать?

Сл: Я человек благодарный, а служить тебе не стану.

Госп: Для чего ж не станешь, когда ты благодарный человек?

Сл: Для того, что ты неблагодарный человек; я тебе служил с крайнею верностью, а ты меня так кормил, как немилостивые люди кормят водовозных лошадей: сиречь, так худо, чтоб она только жива была и смогла воду возить, а когда с голоду у нее не достает силы, так вместо сена и овса употребляется плеть и палка.

Госп: До чего я дошел! Слуга мой мне упрекает!

Сл: Тем-то только здешняя жизнь и хороша, что все можно выговорить, чего у нас на том свете делать не позволяется. Здесь истина беззаконием не почитается, и маскарадов здесь нет, все в своих лицах: добрый человек называется добрым, а худой — худым. Там ты назывался честным, хотя ты честен и никогда не бывал; а здесь честным человеком называют меня, хотя на том свете ты меня и плутом называл. Я плутом не бывал никогда, а ты совершенный плут был.

Госп: Я любопытствую еще больше, нежели сержусь, почему ты меня таким называешь именем.

Сл: Потому, что ты после отца наследства получил мало, быв судьею, жалованье брал умеренное, а жил очень богато; да и я тому свидетель, сколько к тебе подарков нашивали, а взятки брать запрещено и правосудия продавать не позволено.

Госп: Взять не бесчестно, только чтобы дело по правам решено было.

Сл: Да за что же брать? За то платится, что продается, а что не продается, то дается даром.

Госп: Когда я дело вершу и доставлю человека десятьми тысячами рублев, так убыточно ли ему, когда

он десятою частью за то меня подарит, да двадцатую часть за труды даст подьячим?

Сл: Да когда истцу десять тысяч по правам принадлежали, так он удовольствован правосудием, а не тобою, а ты за то, что вершишь дела, имеешь чин и жалованье.

Госп: Это правда, и когда прямо рассмотришь, так брать взятки и грабить это все равно; да еще взятки и хуже для того, что грабительство не присвояет себе почтеннейшего имени правосудия, а взятки присвояют; итак, когда судья взятки берет, согрешает сугубо: первое, что грабит, а другое, что правосудие всуе употребляет; однако это ввелося, да оно ж и нажиточно.

Сл: Нажиточно или нет, только это плутовство, да и великое: а ежели судья возьмет да еще и неправду сделает, так то плутовство превеликое и которого больше нет. А ты это делал: я, тебе служа, все твои плутни ведаю.

Госп: А я ведаю, что тебя за наглые слова надобно сечь.

Сл: Сечь меня не за что, а ты столько ж меня можешь высечь теперь, сколько я тебя.

Госп: Сносно ли это, что собственный мой слуга мне ругается и меня бранит?

Сл: Сносно ли и мне это было, что ты мне ругался, и не только меня бранил, да еще и бил? А я вел себя честно и не так, как ты.

Госп: Горестно мое на сем свете состояние.

Сл: А мое на том свете состояние еще и горестней было.

РАЗГОВОР IV

Медик и стихотворец

Медик: Хотя бы у кого-нибудь палец заболел! Несчастная для нас там жизнь, где люди здоровы. Не только горячки, ни заусеницы здесь нет.

Стихотворец: Здравствуй, господин доктор.

Мед: Только и слов, здравствуй да здравствуй. И на том свете это слово всегда болтают, да по тому не делается, и речь это там пустая, которая докторам, кроме небольшой досады, ничего не делает, а здесь это слово будто как околдовано. Где все здравствуют, там медикам надобно так часто, как ненавистники меди-

цинской науки говорят «здравствуй», говорить «подай милостину».

Стих: Господин доктор, я и на том свете жестокою страдал болезнию и на этом ею же стражду, и многие господа медики почитали эту мою болезнь неизлечимою.

Мед: Слава богу! Есть больной. Какая у тебя болезнь?

Стих: Великий жар и бред, и все брежу на виршах.

Мед: Болезнь у тебя жестокая и подлинно почти неизлечимая. Ежели кто в прозе бредит, так того не трудно вылечить, а ежели на виршах и не скоро захватишь, так того трудно вылечивать. Давно ли эта у тебя болезнь?

Стих: С самого младенчества.

Мед: Как ты бредишь, на рифмах или без рифм?

Стих: На рифмах.

Мед: Это еще злее.

Стих: Однако мне от этого иногда бывает легче ради того, что мне от искания рифмы иногда приходит пот, а после поту некоторое облегчение, слово в слово, как будто потовое примешь или как на полку побываешь.

Мед: Хорошо еще, что натура действует; однако от излишества в таком обстоятельстве поту бывают обмороки.

Стих: Было это и со мною, и ежели бы не пустили мне крови, то б я и не очнулся.

Мед: Каким это пришло образом?

Стих: Надобна мне была рифма к слову «небо». Целые три часа бился я над нею и так жестоко потел, что наконец совсем обессилел, обеспамятел и упал.

Мед: Это с рифмотворцами нередко случается.

Стих: Не можно ли мне от болезни хотя малое получить облегчение?

Мед: Часто ли ты выезжаешь?

Стих: Редко: как больному человеку выезжать?

Мед: Надобно необходимо проезживаться; что больше сидишь дома, то больше эта болезнь умножается; во всех болезнях движение потребно, а в этой еще больше, потому что без движения прибавляется гипохондрия, а стихотворческая болезнь без гипохондрии не бывает. Хорошо ли ты спишь?

Стих: Какое спанье! В иную ночь и на минуту не заснется.

Мед: Какие ты сны видишь? Из этого медики многое

заключают.

Стих: Преужасные.

Мед: Великое загущение крови.

Стих: Вижу Стикс, Ахерон, Фурий, Медузу, Сфинкса, Гидру, Титанов, Гигантов и прочее[1] тому подобное.

Мед: Видишь ли ты когда во сне Дияну, Ендимиона, Венеру, Адониса[2] и прочее такое?

Стих: Никогда, господин доктор. А из дияниной истории видел я однажды себя в образе Актеона, когда он бежал от собак своих[3]. Тут-то я напугался, а после рассуждал, что Актеон не для того собакам своим о том, что он Актеон, и чтоб они узнали своего господина, сказать не мог, что он в оленя превратился, но для того, что в таком лютом обстоятельстве, когда собаки кусают, и в прозе ничего не выговоришь, не только в стихах; а мне собакам надлежало говорить стихами, да еще и с рифмами.

Мед: Великое загущение крови.

Стих: Некогда видел я сон еще и этого страшнее.

Мед: Какой?

Стих: Видел я во сне, будто я Марсий, и Аполлон сдирает кожу с меня[4] и мне приговаривает: «Не бредь, не бредь». А что я брежу, моя ли это вина; кто из доброй воли бредит.

Мед: Жестокий это сон был.

Стих: А некогда видел я сон еще и этого страшнее.

Мед: Какой?

Стих: Приснилося мне, будто я сын Тартара и Земли, и что я, лежа под Етною, ворочаюсь и не могу выдраться, и будто мне Юпитер приговаривает: «Не трогай неба, не трогай неба». Конечно, это знаменовало то, чтоб я к небу не приискивал рифмы, потому что я вить не прямой Енцелад был[5].

Мед: Тягостные это сны.

Стих: Иногда вижу я и наяву мечтания: кажется мне иногда, будто я Икар и, подлетев близко к солнцу, когда растаяли мои крылья, в море упал[6]. Иногда кажется мне, что я Фаетон и свержен с огненной колесницы[7]. А иногда думается мне, что я прекрасная Финикийская царевна и еду на корове[8].

Мед: Стихотворцы не все на парнасском ездят коне: не один ты, многие ваши братья на коровах ездят. Изо всего видно, что у тебя болезнь неизлечимая.

В. ПРИКЛОНСКИЙ

РАЗГОВОРЫ В ЦАРСТВЕ МЕРТВЫХ

РАЗГОВОР I

Скупой, Харон[1]

Харон: Слушай, отдай же деньги за перевоз.

Скупой: Ась, что ты говоришь?

Хар: Полно шутить, отдавай деньги. Вить я никого даром не перевожу.

Скуп: Я думал, что у вас о деньгах и не знают; но и у вас они в употреблении. Почто, Харон, ты возобновил во мне печаль о любезных моих деньгах? Ах, денежки! дражайшие денежки! Кому-то вы достанетесь? Вы уже теперь не в таком сбережении лежите, какое при мне было. Ох! что мне делать?

Хар: Да нет, ты этим не отделаешься, расплачивайся лучше. Долго ли мне будет мешкать и за тобою одним и других не перевозить?

Скуп: Погиб я, пропал я. Какой ты бесчеловечный человек! Я ничего у себя не имею, да и взять мне негде. Пожалуй, пропусти меня даром, покажи свое милосердие на мне.

Хар: Нет. А это что у тебя за мешок в руках? Отдай хотя его ты мне.

Скуп: Да что тебе нужды в нем? Он очень худ, весь в заплатах, и в нем ничего нет.

Хар: Ты меня не обманешь. Я вижу, что у тебя в мешке деньги. Отдавай, или я с тобой инак поступлю.

Скуп: Сделай милость.

Хар: Долго ли тебе это твердить? Я тебе говорю, что ты время только напрасно теряешь.

Скуп: Я думал, что у нас без милости деньги берут; ан и здесь тоже.

Хар: Полно же говорить.

Скуп: Как мне быть?

Хар: А так, что отдай деньги.

Скуп: Какое это хорошее слово «деньги», если их брать! Но если отдавать, то «деньги» самое негодное слово.

Хар: Долго ли тебе будет со мною не расплачиваться?

Скуп: Послушай.

Хар: Знать, что ты хочешь рассказами своими мне за перевоз заплатить. Нет, дружок, ты сего и не думай.

Скуп: А много ли тебе надобно?... Ах! что я говорю? Я уже хочу ему деньги давать.

Хар: За машту, за якорь и за все прочее пятнадцать драхм я с тебя возьму, как и с прочих беру.

Скуп: Да я тебе ничего не даю. Где мне взять?

Хар: Как хочешь, только заплати.

Скуп: За машту, за якорь пятнадцать драхм? Какое бесчеловечие!

Хар: Я так со всех беру.

Скуп: Добро; я уж тебе дам два обола[2], а больше нет у меня. Я не думал, что у вас так немилосердно грабят.

Хар: Ты уж мне наскучил. В первой раз я этакого вижу скупягу.

Скуп: Пожалуй, возьми два обола.

Хар: Нет.

Скуп: Ну, бери уж три обола.

Хар: Долго ли тебе врать будет?

Скуп: Вить три драхмы ты просишь?

Хар: Пятнадцать.

Скуп: Что такое? Какое великое число! На сии деньги можно бы построить флот для всего света.

Хар: Отдавай. А я тебе ничего не сбавлю.

Скуп: Возьми, варвар, возьми, тиран. Я думал, что здесь деньгами веселиться стану; но все иное сделалось. Одна утеха была, да и той ты меня лишил.

Хар: Если б ты на земли не так скупо жил, так бы ты об этом не так теперь и сожалел. Посмотрел бы ты на таких, которые имеют несчисленное богатство: они никакого увеселения из того не получают, кроме вседневного мучения. День и ночь не спят, опасаясь, чтоб денег воры не покрали; за полушку хотят удавиться, о большей же сумме в отдачу и думать боятся. Всяк им вором кажется, им только и во сне грезится, будто бы они считают деньги; словом, для собственных своих

денег весь свет считают они подозрительным. Напротив того весь свет таковых называет скупыми. Прощай, недосуг мне с скупым говорить. Я знаю скупых, что они умеют говорить: когда отдавать им деньги должно, речь свою до того всегда доводят, чтоб у них денег не брали и не просили или чтоб к оным не тщился кто в наследники. Скупого есть одно желание, чтоб его деньги лучше лежа в сундуке заплесневели, нежели в чужих руках обращались.

РАЗГОВОР II

Минос,[3] *подьячий*

Минос: Что за тварь! Что за страшилище сюда идет! Да еще с пером и бумагою.

Подьячий: Куда бы хорошо было, если б он мне теперь велел какую написать челобитную!

Мин: Что ты за человек? Из какой ты земли? Я еще первого такого вижу.

Подьяч: Извольте послушать, приказного человека не знают; это против всех указов.

Мин: Скажи, дружок, кто ты таков? Я из терпения выхожу слышать, из какой ты страны сюда пришел?

Подьяч: Я приказной человек, а именно подьячий, милостивый государь!

Мин: Пожалуй, скажи мне яснее, что ты за человек и на что у тебя бумага и перо?

Подьяч: Какой этот свет, что здесь меня не знают! Я это заявлю.

Мин: Скажи пожалуй.

Подьяч: Я, ваше благородие, подьячий, сиречь такой человек, который будучи на земле, сидел день и ночь в приказах, со всех брал акциденцию, при том, что всего больше, писал я, милостивый государь, лето сплетая в одну литеру очень хитро и мудро.

Мин: Хорошо же ты жил; однако скажи, что это у тебя за перо и бумага и для чего от тебя вином пахнет?

Подьяч: Я вам всю расскажу историю, как-то я на земле живал, и все мои похождения объявлю.

Мин: Того-то мне и хочется. Удовольствуй меня, дружок мой, сим.

Подьяч: Милостивый государь! Изволь слушать

только. Моя должность на том свете была, как уже я сказывал, писать крючки, брать акциденцию и прочее тому подобное делать. Итак я, следуя моему обыкновению, подрядился у одного господина написать крепость, а за работу обещал он мне дать несколько денег и запасу. Написав я оную, пошел с радостию к оному господину, воображая себе те деньги, кои мне достанутся. Но понеже, как тогда очень было холодно, да при том я был и охотник до вина, то зашел в кабак и, в нем попивши с своими друзьями, вышел уже очень хмелен оттуда и, не отошед с две сажени, упал и умер. И для того-то я, высокопочтенный господин, в таком странном виде предстал пред тебя.

Мин: Первого я еще такого вижу, который столько жил беззаконно на земле. Ступай отсюда к фуриям, пусть они мучат тебя за то, что грабил и брал ты со всех людей немилосердно и без пощады.

Подьяч: По которому это указу?

Мин: Не шути здесь. Вить это не на земле взятки брать. У нас все справедливо делают и ничего за труды не берут. Ступай.

Подьяч: Однако, милостивый государь, если возможно, то прошу меня отпустить на землю по деньги и запас к вышереченному господину; а я, получив от него, опять сюда возвращусь и с вами поделюсь.

Мин: Ничего не надобно. Если б ты не грабил там людей, так бы и здесь не то тебе было.

Подьяч: Это не в силу указов.

Мин: Не говори. Ступай, куда я повелеваю. Фурии тебе заплатят за все твои беззакония[4].

М. Д. ЧУЛКОВ

РАЗГОВОРЫ МЕРТВЫХ

РАЗГОВОР I

Рогоносец и прелюбодей

Рогоносец: Здравствуй, государь мой! Как же я рад, что тебя увидел.

Прелюбодей: Приветствие твое мне очень удивительно.

На том свете ты терпеть меня не мог, а здесь увидевши говоришь, что ты очень тому обрадовался.

Рог: На том свете, мой друг, совсем другие обстоятельства. Там иногда делаем мы то, чего бы и совсем не должно было, да сверх же того тамо я имел жену, а здесь ее нет. Так, следовательно, не имею я и причины с тобою ссориться.

Прел: Изрядное доказательство. Разве должность женатого человека со всем светом браниться?

Рог: Этого я не утверждаю; однако смотря по количеству превосходных дарований жениных.

Прел: Очень хорошо. Однако скажи ты мне, за что ж ты меня тамо ненавидел?

Рог: За то, что ты безвыходно бывал в моем доме, а тот гость всегда бывает не мил хозяину, который ездит к нему единственно только для его хозяйки.

Прел: Так разве ты подозревал меня в этом?

Рог: Никак; но только дети мои не были на меня похожи, хотя и называли меня их отцом.

Прел: Неужто ты желал, чтобы были они вылитые в тебя?

Рог: Так было мне хотелось.

Прел: Поэтому ты, мой друг, весьма мало искусен во обхождении светском.

Рог: Это правда, государь мой, я не бывал ни в одной школе, а учился только у старика отца моего, который давал мне наставление, чтобы я столько о чести моей старался, сколько о жизни, доказывая, что сии обе как будто бы сопряжены были между собою. Потерявши честь, потеряти должно и жизнь, ибо без чести живот себе бесполезен, да и обществу вреден; сверх же того, чтобы я добрыми моими делами старался отвращать в людях дурные обо мне переговоры.

Прел: Итак, я вижу, что эта твоя философия мало тебе помогала на том свете.

Рог: Это правда, я часто приходил в уныние, видя, что крепость моя исчезала, и сожительница моя мучила меня несказанно, а правду выговорить, то я и теперь чувствую великое прискорбие. Я уже переселился на сей свет, но дурная о мне молва и поныне осталася в людях и кончится разве тогда, когда жена моя переселится сюда ж.

Прел: Да она уже здесь; пойдем я тебе ее покажу.

Рог: Здесь! ...И ты это знаешь? ...Прости же, государь, я к ней не пойду, да и стану всеми силами стараться, чтоб ни с нею, ни с тобою никогда мне и не встречаться.

РАЗГОВОР II

Меркурий[1], *Харон и вдова молодая*

Меркурий: Харон, прими сию тень береженько и посади потихоньку в лодку, чтоб ее не обеспокоить. Она в великой печали и задумчивости; надобно думать, что многое на свете потеряла. Я пришел об ней в сожаление. Да смотри ж, греби притом потихоньку, чтобы ты проклятым своим веслом ее не обрызгал и не помрачил бы той красоты, которая в ней блистает, мутными сими водами.

Хар: Изрядно, Меркурий, приказ твой я совершенно исполню, хотя не для того, что ты полюбил сию тень, но для моего к ней почтения и сожаления. Мне кажется, что после Елены не перевозил еще я столь прекрасной тени[2]. А ты оставайся на этом берегу и постарайся привести мне больше теней, ибо я сегодня очень мало перевозил, а от праздности такой сила в руках пропадает.

Мер: Стыдися говорить, Харон, можно ли это, чтобы боги от дел изнемогали.

Хар: Да вить боги, брат, не железные... По всему я вижу, сударыня, что были вы весьма знатная женщина, и идучи туда, где все равны, сожалеете о вашем господстве?

Вдова: Никак: я была посредственного состояния.

Харон: Так поэтому лишилися вы весьма великого богатства?

Вдова: Я была небогата и жила очень роскошно.

Харон: Может быть, сожалеете о ваших любовниках, которых вы оставили в свете?

Вдова: У меня их было много, и могу признаться, что они мне уже и скучить начинали.

Харон: Надобно думать, сожалеете вы о том, что соперница ваша по смерти вашей будет счастлива и будет владеть тем любовником, которой вас обожал и любил уже при смерти.

Вдова: Мало вы отдаете справедливости красоте моей.

Я не имела в жизни ни одной у себя совместницы и побеждала во всех тех местах, где только мне за благо рассуждалось, отнимала любовников и отдавала их моим сестрам собственно по моей воле. Итак, поэтому усмотреть можно, что я и умерла без солюбовницы.

Харон: Конечно, сударыня, сетуете вы о том, что в самой цветущей весне лет ваших оставили вы свет и все в оном удовольствия?

Вдова: Несколько сожалею я и о том, однако причиною беспокойства моего совсем иное.

Харон: Знаю, сударыня, я нарочно на конец оное и оставил. Вы плачете о любезном вашем сожителе, который был молод, хорош и статен, которого вы любили больше вашей жизни и которого оставили великому сокрушению на жертву?

Вдова: Ни в чем вы столько не обманулись, как в этом.

Харон: Признаюсь вам, сударыня, что вы привели меня в великий стыд по причине той, что я будучи бессмертным не мог угадать желания смертной, и теперь уже не могу и вообразить, о чем бы вы столь много печалились.

Вдова: Желания наши бывают иногда и сверхъестественны, однако я таких не имею. Муж мой не остался на том свете, но прежде меня переселился во ад. Он был человек угрюмый, не держался совсем нынешнего обыкновения и был ревнив. Главное мое беспокойство, печаль и тоска состоят в том, что я иду теперь в такое место, где и поневоле должна буду его увидеть.

Харон не отвечал ей на это ни слова и, поглядев на нее косо, начал скорее гресть и, пристав к другому берегу, выпихнул ее без всякого почтения из лодки.

РАЗГОВОР III

Скупой и его должник

Скупой: А, здравствуй, друг! Хорошо, что ты мне попался; я помню, что ты мне должен, так, пожалуй, поплатись теперь.

Должник: Да разве ты позабыл, что ты теперь уже в таком месте, в котором деньги ничего не значат.

Скуп: Нет, это я помню, да я бы переслал их

с кем-нибудь к моей жене, которая, я думаю, старается о приращении моего имения.

Дол: Да отсюда послать никого не можно.

Скуп: Кто это тебе сказал?

Дол: Все, у кого я ни спрашивал.

Скуп: Напрасно, мой друг, а я напротив того думаю иное. Греки усопшему клали в рот монету, а оной отдавал ее за перевоз Харону; Харон за одну монету перевозил во ад, а за пятьдесят рублев, конечно, вывезет из ада.

Дол: Да он ничего не возьмет, что бы ты ему ни давал. Берет он тогда только, когда перевозит во ад, а из ада не повезет за деньги, зная, что он за то будет жестоко наказан.

Скуп: Напрасно ты говоришь. Подьячих у нас и жесточее наказывают за взятки, однако некоторые из них и ныне брать не перестают.

Дол: Подьячие не боги.

Скуп: Все те злые духи, которые берут неправильно деньги.

Дол: Так поэтому и ты такой же, что просишь с меня денег, да еще и во аде.

Скуп: Никак, это дело иное; ты у меня занимал.

Дол: Да здесь они тебе ненадобны.

Скуп: Все не то, однако пожалуй мне деньги.

Дол: Да я, умирая, не взял с собою ни копейки.

Скуп: Воля твоя, я от тебя не отстану и во веки веков буду просить у тебя денег.

Дол: Я знаю, что ты меня мучил на том свете, и вижу теперь, что кто имел несчастие одолжать на том свете, то тому ни там, ни здесь не будет никогда никакой отрады.

РАЗГОВОР IV

Меркурий, Харон и злоязычник

Харон: Кого ты ведешь ко мне, Меркурий?

Меркурий: Тень одного из сочинителей, или, лучше сказать, из несносных вралей нынешних веков. Сей человек был на свете злоязычником, всякий час вознамеривался он поносить целый свет, но, имея весьма мелкое понятие, злословил только людей знакомых, и чье

только что узнавал он имя, того уже и ругать был в состоянии.

Хар: Да имел ли он сам за собою какие-нибудь пороки?

Мер: Очень великие: он был весьма мало учен, но заносчив; глуп, но высокомерен; беден, но горд; подл, но слишком тщеславен.

Хар: А где он родился?

Мер: По мнению его, никто не знает; однако всем известно.

Хар: Как его зовут?

Мер: Многими именами, ибо при рождении каждого месяца переменял он имя свое и прозвание и от того называют его ныне Повсюдов.

Хар: Каким образом он людей злословил?

Мер: Под именем Сатиры.

Хар: А разве Сатира не служит поношением человеку?

Мер: Никак, в Сатире описываются такие пороки, которые сродны по большей части многим людям. Надобно весьма остерегаться, чтобы делая тому примеры, не указать на того человека, которого вознамеришься описать пороки. Слог ее должен быть прост, волен, короток и язвителен, и больше всего сочинитель оной должен показывать в ней всю свою кротость, иметь совершенное познание человеческих свойств, играть весьма приятно словами, исправлять человеческие нравы и научать их доброму в шутках.

Хар: Следовал ли он сему правилу?

Мер: Отнюдь нет; да он его и не смыслил.

Хар: А когда не смыслил, так извинить его можно.

Мер: Конечно я его в том извиняю, но в другом он извинения не достоин.

Хар: В чем же еще?

Мер: Все великие люди и великие стихотворцы казалися ему малы: один, по его мнению, был неискусен, другой совсем незнающ, третий не имел к тому дара, а четвертый противу сил своих упражнялся в науках; иной казался для него несносен, а другой представлялся ему вралем, некоторый неученым стихотворцем, а многие — невежами. Никого не выбирал он себе предводителем, почитая себя всех умнее, следовал пустой своей голове и испорченному мозгу. Приводил

в доказательство своих бредней таких авторов, о которых целый свет никогда не слыхивал, и именовал их так дико, что и одно название довольно было удобно произвести в людях охоту плевать на их издания и на подражателя оным. На разумных и ученых людей никогда он не полагался и в примечаниях всеми силами желал их умалить, представляя их ошибки своими неясными доказательствами, их во всем порочил; но сам ничего не утверждал, потому что он не смыслил, а когда и хотел показать свое знание, то и тогда говорил: *Я де думаю...* А когда такой маловажный человек думает, то я сомневаюсь, чтоб великие люди приняли то за правду.

Хар: Удивительно мне, Меркурий, откуда ты имеешь такое известие и описываешь состояние сего человека весьма основательно.

Мер: Это происходит от того, что половина города жалуется на его злоречие, старые и молодые, женатые и холостые, мужеский пол и женский, ибо он никого не щадил, злословил и лгал, ругал и поносил всех без разбору и всякого чина людей.

Хар: Когда же он таков, то я посажу его в греблю; на том свете, видно, его не унимали, и так все его злоречивые соки выдут у него потом, покамест переезжает он через озеро, а переехав туда, отдам я его прямо богиням мщения по причине той, что он суда Миноева недостоин.

Мер: Однако, Харон, переехав туда, напой ты его водою из реки забвения, чтобы он, забыв свою злость, уведомил тебя прямо, какую он имел причину ругать всякого без разбора.

Хар: Очень хорошо. Прощай, Меркурий, мы уже поехали.

Злоязычник: Я не имею жажды и не хочу пить из этой реки; на что ты меня насильно напоить хочешь?

Хар: Для того, чтобы ты пришел в забвение и рассказал мне всю правду. На том свете люди поступают не так. Когда хотят выведать истину у спящего человека, хватаются за большой у ноги палец в то время, когда он грезить начинает, и, держася за оный, спрашивают у него обо всем, а сонный без всякого коварства рассказывает свое и других похождение.

А здесь пьют воду из реки забвения. Пей, а когда не так, то я веслом тебя принужу.

Злояз: Изрядно, я буду пить... Да что ж это такое, не успел я хлебнуть трех раз и захотел уже спать.

Хар: Так надобно. Ложись на этом камне. Кто ты таков?

Злояз: Я украинец и произошел от низких тамошних людей[3].

Хар: Для чего ж ты на том свете не сказывал своего происхождения?

Злояз: Оно подло, а мне хотелось слыть человеком благородным.

Хар: Желая слыть таким, на что ж ты ругал всех людей без пощады, а это не сходно со свойствами благородного человека.

Злояз: Я негодовал на весь свет за то, что почитали меня ученым дураком.

Хар: Да, может быть, ты и в самой вещи был таков.

Злояз: Никак. Я писал много и сплетал различные сочинения. Правду сказать, сперва писал я совсем не для того, чтоб почитали меня ученым человеком, а единственно для одних денег. Наконец, задумал я о себе много и записался против воли Аполлоновой в цех мастеровых Парнасских[4]; а как никто не признавал меня за Парнасского жителя, то я для такой досады предпринял ругать всех без разбору, и когда я уже привык к тому, то и на отца родного написать сатиру был уже в состоянии.

Хар: Изрядный ты детина. Я тебе сделаю услугу и попрошу Плутона[5], чтобы поставил он тебя на Танталово место.

Злояз: А где этот Тантал?[6]

Хар: Он стоит посередине озера по уши в воде, а напиться не может и всегда мучится жаждою.

Злояз: Мало сего для меня. Я на том свете не мог насытиться ругательством и что ни писал, то все состояло из поношения людям; всех почитал дураками, будучи сам всех глупее.

Впрочем, господин непригожий бог, спроси ты у меня в другое время, то я тебе расскажу о себе столько хорошего, что ты, конечно, тому не поверишь, или по крайней мере испужаешься.

Н. И. НОВИКОВ

РАЗГОВОРЫ

Некогда случилось мне быть свидетелем весьма странных и любопытства достойных разговоров, которые я тогда же, пришед домой, написал, а теперь оные сообщаю читателю моему, желая сердечно, чтобы оные в нем подобное моему произвели впечатление.

РАЗГОВОР I

МЕЖДУ РОССИЯНИНОМ И ФРАНЦУЗОМ

Француз: Так, государь мой, я уверяю вас, что подобного несчастия не случалось еще во всю мою жизнь. Сакр-дье! Проиграть с ряда двенадцать робертов![1] После такого несчастья жить более невозможно. Не правда ли, сударь?

Россиянин: Это правда, что проигрыш всякому человеку чувствителен, но одному более, другому менее; вы в сей раз играли несчастливо, но сие и со многими другими игроками нередко случается; счастие и несчастие в игре попеременно бывает: сегодня вы проиграли, завтра можете выиграть. Однако ж, видя вас так чувствительна к проигрышу, играть вам не советую, ибо хотя и всякий человек подвержен житейским претыканиям, но тот почитается благоразумнейшим, который больше другого управляет страстями своими. Благоразумный человек приуготовляет себя к проигрышу прежде, пока не начнет играть: сим средством во все время игры сохраняет он равнодушие, не разгорячается и никогда того не проигрывает, чего не хотел бы проигрывать или чего заплатить не может. Что ж касается до отчаяния вашего, то позвольте мне сказать искренно, оно вселяет в меня противные принятым мною о благоразумии вашем мнения. Я не имел еще времени коротко вызнать свойства сердца вашего; приятель мой, с коим познакомились вы в Париже, писал ко мне об

вас много доброго и просил, чтобы я оказывал вам услуги; и я хочу это исполнить самым делом: ваше обхождение мне понравилось, я вас полюбил, и вы найдете во мне всегда искреннего вам доброхота.

Француз. Ах, государь мой! Вы из отчаяния приводите меня во удивление. Какая добродетель! Какое человеколюбие! И какое сердце! Сердце ваше есть сердце ангельское. Если бы вся ваша земля населена была подобными сердцами, то можно бы тогда было заключить, что она обитаема высшими от человека существами...

Россиянин: Если вы побольше узнаете мое Отечество, то сему действию моему удивляться перестанете. Россияне все к добродеянию склонны. С неменьшим удовольствием оказывают они всякие вспоможения, с каковыми другие приемлют оные; и это, по мнению моему, есть должность человеческая. Надлежит делать добро не по принуждению, но по склонности сердца. Предки наши во сто раз были добродетельнее нас, и земля наша не носила на себе исчадий, не имеющих склонности к добродеянию и не любящих своего Отечества.

Француз. Ах, какая блаженная страна! Вы, государь мой, в большое приводите меня удивление. С сея минуты я забываю мое Отечество; в России нашел я оное. Во Франции был я несчастлив, а здесь, по словам вашим, уповаю найти блаженство. Попечения ваши доставят мне и жене моей приличные породе нашей места. Если исполнится то, о чем вы за меня просили и в чем вас обнадежили, то я и жена моя будем благополучнейшими из смертных. Какое удовольствие научать и воспитывать детей, рожденных столь нежными и добродетельными сердцами! Но... государь мой... Нравоучения ваши меня просветили... я в игре весьма горяч... с сего времени вы не услышите более, чтобы я когда-нибудь принялся за карты... Со всем тем... я проигрался. Бедная моя жена! Увы! Какую весть услышать ты должна... Я проигрался... увы!...

Россиянин: Пожалуйте, не отчаивайтесь, этому пособить можно. Если вы проиграли сколько-нибудь в долг и не имеете чем заплатить, то на сей раз я могу ссудить вас деньгами. Скажите, сколько вам надобно, я тотчас вам дам оные...

Француз: О великодушный человек! Добродетель,

редко имеющая примеры в моем Отечестве! Иностранному человеку, незнакомцу, такие благодеяния оказывать! Позвольте мне, дражайший друг, уверить вас, что благодеяния ваши всегда останутся в моем сердце; что рука, оные творящая, всегда будет мне любезна и что я в нужном случае кровь свою пролью с удовольствием, если то нужно будет для спасения моего друга...

Россиянин: Оставьте излишние уверения, малая моя услуга не стоит толикой благодарности. Я почитаю вас честным и благородным человеком, следовательно я больше вашего должен еще радоваться, что сыскал случай обязать вас любить мое Отечество. Но скажите мне, сколько надобно вам денег?

Француз: Я стыжусь... Сто рублей... Ах! как мучительно чувствительному человеку напоминание его преступлений...

Россиянин: Вот деньги, извольте их взять. Между тем расстанусь с вами на некоторое время: подождите меня здесь, я скоро сюда возвращусь.

Француз: Вы меня оставляете! ...Но я льщусь... ваши одолжения...

РАЗГОВОР II

МЕЖДУ НЕМЦЕМ И ФРАНЦУЗОМ

Немец: Удивительно мне, государь мой, что вы меня не узнали; во время разговора вашего с оставившим вас человеком я нарочно смотрел, не смежая глаз...

Француз: А! любезный приятель, вы здесь? Как, зачем и когда оставили вы Голландию? Расставшись с вами в Амстердаме, я никогда не уповал увидеться в Петербурге. Что касается до меня, то крайность одна могла принудить меня избрать убежище в сем городе. Родственники мои так же бесчеловечны, как и прежде: сие самое принудило меня приехать сюда с женою моею для сыскания приличных мест нашей породе.

Немец: А что касается до меня, то приехал я в Петербург, первое, чтобы увидеть Империю под владением премудрой императрицы[2], во всей Европе славящуюся, а второе, чтобы сыскать приличную моему состоянию должность; и если мне здесь полюбится, как я по началу моей здесь бытности и не сомневаюсь, то останусь здесь на вечное житье. Ученому человеку, как говорят, целый

свет отечество. Что ж надлежит до вас, то, если вы еще по сию пору мест не имеете, я могу возобновить мои вам услуги: приятель мой, купец, имеет нужду в горничной женщине, жена ваша может заступить оное, по моему одобрению, а вы с нею будете иметь комнату для продолжения ремесла, в Голландии вами отправляемого...

Француз: Тише, тише, сударь, прошу не предлагать мне подобных услуг. В Голландии принужден я был несчастливыми моими обстоятельствами отправлять сию презрительную должность; но я рожден не для волосоподвивательной науки. Отец мой был королевской гвардии капитан, дядя родной прокурор парламента парижского; я и сам имел место... но любовные мои шалости навлекли на меня гнев моего дяди; я принужден был удалиться из отечества и, скрывая подлинное свое имя, жить в Голландии; наконец, скажу вам, что вы имеете дело с шевалье де Мансонж[3]. По сему рассудите, прилично ли мне предлагаемое вами ремесло и должность горничной женщины для моей жены.

Немец: Ха, ха, ха! Что вы передо мною притворяетесь, я знаю вашу родину, вы не более как сын стряпчего, отправляющий по смерти своего отца и во Франции ту же самую должность, как отправляли вы в бытность мою в Амстердаме; какую наклепали вы родню, и на что это? Честному человеку состояние бесчестия не приносит. Стыдно делать бесчестные дела: напротив того, никакого бесчестия не делает низкое состояние. Я сам сын деревенского попа, обучался в университете и, наконец, удостоен профессорства; и я никогда не вздумаю назваться бароном; но оставим это. Скажите ж мне, г. кавалер, с каким намерением вы сюда приехали и что будете здесь делать? Не думаю я, чтобы вы приехали сюда проживать только деньги; ибо я уверен, что кошелек ваш в Петербурге не изобильнее амстердамского, а там вы, помнится мне, и с ремеслом вашим и жены вашей жили очень бедно. Да, кстати вспомнил я: в Амстердаме у вас не было жены, разве вы здесь женились?

Француз: Оставим скучные ваши вопросы. Вы спрашиваете, зачем я сюда приехал, я вам это хочу сказать. Мне сказывали, что в России много серых куропаток: я до них великий охотник; во Франции они дороги, так

я приехал сюда их есть. Между нами сказать, в здешней земле француз не умрет от голода. Но еще раз прошу вас, оставьте скучные вопросы, что вам нужды; в Амстердаме был я, а здесь я же, да хочу быть другой; помните, что молчание первая добродетель.

Немец: А я люблю чистосердечие; будьте уверены, что я вам зла не желаю, но поговорим откровеннее. Неужели думаете вы, что в России для голодных французов заведены магазейны? Вы обманываетесь, я уповаю, что здесь хотя и много родится хлеба, однако ж его даром не дают; надлежит трудиться, чтобы достать себе честным образом пропитание. Итак, необходимо надлежит вам приняться за какое-нибудь дело.

Француз: Да кто вам сказал, что я хочу здесь жить безо всякого дела? Я хочу вступить в должность, выслушайте, я вам расскажу. В бытность мою в Париже познакомился я с одним российским путешественником в трактире; он был молод и ветрен; мы подружились, я ему сыскал девку, он в нее влюбился и проживает свои деньги. Я решился ехать в Россию, сказал о том ему, он мне дал одобрительные письма к одному из своих друзей. Я сюда приехал, нашел этого человека, с которым видели вы меня разговаривающего: отдал ему письма, он меня весьма учтиво принял, ввел меня в некоторые знатные домы, где я так хорошо принят, что и истинный французский маркиз не желал бы лучшего принятия. Везде меня ласкают, хвалят мое остроумие, обходятся весьма учтиво; словом, я почитал себя пресчастливым человеком; но третьего дня в одном знатном доме посадили меня играть в вист; я забылся, что у меня нет денег; счастие от меня отлучилось, я проиграл сто рублей. Мне поверили; заплатить такую сумму я не мог и был в крайности потерять навсегда тот дом, в коем я проиграл; но новый мой друг вывел меня из сего состояния, дав деньги на заплату моего проигрыша. Я опомнился и увидел, что надобно мне вступить в какую-нибудь должность; я сказал о том моему другу, он за сие взялся с охотою: меня берут в учители, жену мою также, и дают нам каждому по 500 рублей, выключая квартиры, стола и кареты; но я прошу больше, авось-либо и то удастся; ибо по случившемуся со мною в России я всего надеюсь. Из сего усмотришь, что значит француз в России. Ты, любезный мой приятель,

будучи немец, рассуждаешь истинно по-немецки, что будто без трудов не можно найти честного пропитания; но я француз, следовательно, за одни разговоры могу брать столько денег, что ты, со всеми своими трудами, ни в четвертую долю получить не можешь. Суди по моему приключению, какое счастие родиться на брегах Сены и иметь волшебное наименование *француза,* для отворения дверей во всяком месте, куда бы я ни похотел итти. Слово *француз* так важно, что в нем все замыкаются достоинства.

Немец: Очень хорошо, я соглашаюсь на некоторое время верить словам вашим; но как разговариваем мы дружески и откровенно, то, пожалуйте, скажите мне, чему будете вы обучать воспитанников, поручаемых вам? Ибо, между нами сказать, вы и сами, окроме французского языка, ничего не разумеете. Сии же воспитанники, сказываете вы, знатного господина дети: то как потерпят учителя, ничего не знающего? Как поверят будущую подпору славнейшей империи воспитанию человека неизвестного? Как не приметят, что вы, будучи учителем, сами ничего, опричь французского языка, не знаете; а в сей науке и всякий французский сапожник не менее вашего учен. Наконец, хотя сие по существу своему есть самомалейшее в сем зло, как захотят ни за что бросать немалую сумму денег, да еще и в таких нежных обстоятельствах? Позвольте сказать откровенно, вы воспитанием своим удобнее можете развратить, а не исправить сердце юного своего воспитанника, сделаете таковым, каких, ко стыду России, видел я довольно проезжающих мою Отчизну...

Француз: Скажите ж, пожалуйте, и вы мне, как и где могли вы столько выискать вопросов, до моей должности нимало не касающихся? Какая мне нужда, что они ни за что станут бросать свои деньги, лишь бы я получил оные. Добрые ли будут иметь склонности воспитанники мои или худые, для меня это все равно, лишь бы только воспитались они с любовию ко французам и с отвращением от своих соотечественников, а в прочем какая мне нужда. Глупо делают родители их, что поручают воспитание детей своих мне; а я, напротив того, делаю очень умно, желая получать деньги даром. Наконец, скажите мне, государь мой, по какой бы причине я не мог быть учителем? Разве на французском языке нет

книг, всяким наукам обучающих? Поверьте мне, что их довольно: я закуплю оные книги и буду учить моих воспитанников и сам учиться. Ха, ха, ха... Неужели вы почитаете меня дураком, думая, чтобы я не стал пользоваться толь выгодным случаем. За чужую глупость какая мне нужда ответствовать? А что надлежит до намерения моего, то оное для меня, право, весьма полезно: выслушайте, я по дружбе открою вам оное, и если будет в вас к тому столько способности, сколько я имею, тогда можете вы оным пользоваться. В должность учителя вступаю я не для того, чтобы в состоянии был вправду учить моих воспитанников; но для того, чтобы запастись деньгами, коих я теперь не имею. Накопя же несколько денег и спознавшись с молодыми российскими господчиками, а особливо с *полуфранцузиками*, сделаюсь я учителем и купцом. Начну выписывать французские товары; искусство мое будет оные доставлять мне беспошлинно: какие бы предосторожности ни употребляла таможня, я на всякую ее предосторожность десять имею готовых выдумок. Положим теперь, что я получил уже мои товары; примечайте, как они мне достались дешево: пошлина не плачена, лавки для них я не нанимаю, купецких поборов не плачу и никаких тягостей их не несу. Посредством знакомства моего с молодыми людьми буду я распродавать товары свои за наличные деньги, или, по малой мере, буду раздавать их в долг, однако ж, и оттого убытка я иметь не буду, ибо по счетам начну приписывать цену и число товаров лишние и в тех деньгах буду брать векселя. По векселям деньги верно взысканы будут, да еще с процентами и рекамбиями[4]. Какая мне нужда в том, что посредством обогащения моего молодые люди разоряться будут? Ведь они не соотечественники мои; да если бы возможность человеческая была, так бы я и единоземца своего перехитрил. Моя философия гласит: *«обманывай дурака, в том ни греха, ни стыда нет»*; но оставим это: довольно сего, что в пять лет буду я иметь несколько тысяч рублей. С сими деньгами возвращусь я в мое отечество и буду жить благополучнейшим человеком. Между тем, как и самая справедливость того требует, буду ругаться орудиями, служившими к обогащению моему, как людьми, рассудка здравого и просвещения не имеющими. Ведь справедливо во*** русских людей почитают еще

невеждами[5], варварами, или, на милость, обезьянами. Где, кроме сущих невежд, найти можно такую оплошность, чтобы вверить себя человеку, никогда ему добра не желающему, и позволить из себя все, что бы я ни захотел, сделать? ...

Немец (к стороне): О какая подлая душа! Сердце неблагодарное и изменническое! Чудовище, недостойное человеческого имени! Однако ж, укреплюсь еще. *(К французу).* Вы справедливо рассуждаете. Между тем, пользуясь откровенностью вашею, хочу я сведать ваше мнение о друге, сделавшем вам толико великодушные одолжения и которого добродетельное сердце недавно превозносили вы похвалами. Скажите мне искреннее ваше о нем мнение?

Француз. Искреннее? С охотою. Искренно сказать, я почитаю его простосердечным, легковерным и глупым человеком... Как поверил он одобрению молодого шалуна, который оставил свое отечество для того только, чтобы в чужом шататься по трактирам и народным гульбищам и проматывать безрассудно в отечестве его нажитые деньги? Как верить всему мною сказанному о моей породе; и, наконец, как не могло прийти ему в голову, что если бы был я в самом деле такого рода, как я о себе сказывал, и имел бы хотя самомалейший верный доход, то поехал ли бы я из своего отечества и, оставя известное, стал ли бы я гоняться за неизвестным? Из всего этого я вывожу следующее заключение, что новый мой друг не что иное, как добрая махина, которую можно употреблять и в добрую и в худую стороны. А сей порок я приметил во многих единоземцах моего друга: они слишком полагаются на честность и не могут истины различить от хитрости; но притом сие весьма достойно примечания, что хотя немец и англичанин их не обманывают и обходятся с ними правдиво и честно, однако ж они их не любят, обычаев их не перенимают и если бы те захотели их обманывать, то никогда бы им в обман не далися; напротив того, французу открыта внутренность души и сердца русского человека; боится хитростей его, однако ж всюду его допускает и хочет с ним всегда быть неразлучно; видит, что его обманывает, но он притворяется ему верить; знает, что тот его не любит, но сей старается обязать его услугами и доброжелательством; понимает, что он хочет над ним господствовать и управлять им

по своей выгоде, а сей повинуется и притворяется того не примечающим; словом сказать, обхождение русского с французом можно уподобить человеку, порабощенному порокам, который иногда чувствует, что делает порочное, однако ж делать оного не перестает. Вот чистосердечное мое мнение, которое вы знать желали.

Немец: Последние ваши слова справедливы: но для чего ж льстите вы в глаза другу вашему? почто его обманываете и оставляете в заблуждении? Для чего пользуетесь его слабостями? Если бы я был на месте вашем, тогда сказал бы я ему откровенно в глаза все то, что вы за глаза говорите.

Француз: Эхе, хе, хе, дорогой мой немецкий философ, ты забродишь в древность; такое великодушие в сказках только у нас описывается. Моя философия с твоею различна. Послушай, все ищут философического камня, помощию которого всякие металлы можно превращать в золото. Не правда ли? Знай же дорогой мой проповедник, что камень сей в России нашел француз и в своих руках его имеет; помощию оного преобращаю я пороки свои в добродетели, а русские добродетели в пороки; или по меньшей мере даю оным такой вид: всякое свое слово, всякую хитрость и всякую выдумку превращаю я в золото; но, по несчастию, сии чудеса могу я творить между русскими, а если бы подобно и между другими народами удавалось чудесить, то давно бы должно было мне, французу, поставить кумир...

Немец: Не превозносись, мой друг, своими преимуществами: они блистанием своим подобны гнилушке, в темноте только ночной блистающей; а на российский оризонт давно уже взошло солнце, со престола своего всю Россию освещающее и благотворениями своими роду российскому от сна всех возбудившее. Пользуйся ж моим советом, не превозносись так много ночною блистательностью наружных твоих дарований и будь уверен, что разумные россияне, окроме вертопрахов, уважают уже не тебя, француза, но язык французский. Будь уверен, говорю я тебе, *** ты знаешь Лондон: ты меня понимаешь — я о сем говорить больше не хочу. Честность и справедливость требуют от меня, чтобы я вывел тебя из заблуждения и отдал бы справедливость русским людям: выслушай меня терпеливо. Русские люди в рассуждении наук и художеств (чем вы более

всего превозноситься и должны) столько ж имеют остроты, разума и проницания, сколько и французы, но гораздо более имеют твердости, терпения и прилежания; разность же между французом и русским в рассуждении наук вся в том состоит, что один после другого гораздо позже принялся за науки. Франция за распространение наук и художеств одолжена веку Людовика XIV[6]; а в России судьбою предоставлена была сия слава Екатерине Великой, делами своими весь свет удивляющей. Если посмотреть на скорые успехи, каковые россияне в рассуждении наук и художеств оказали, то должно будет заключить, что в России науки и художества придут в совершенство гораздо в кратчайшее время, нежели в какое доведены они были во Франции. Дай боже, чтобы с таким счастием и успехом исполнялись все премудрые намерения великой императрицы российской, с каким тщанием и трудами она приводит оные к исполнению; тогда, наверное, паче и паче возвеличится Россия в очах всея Европы. О, когда бы силы человеческие возмогли, дабы ко просвещению россиян возвратить и прежние их нравы, погубленные введением кошельков во употребление, тогда бы можно было поставить их образцом человеку. Кажется мне, что мудрые древние российские государи яко бы предчувствовали, что введением в Россию наук и художеств наидрагоценное российское сокровище, нравы, погубятся безвозвратно; и потому лучше хотели подданных своих видеть в некоторых частях наук незнающими, но с добрыми нравами, людьми добродетельными, верными богу, государю и отечеству. Не возражай мне, что и в древние времена россияне имели свои пороки; я скажу тебе в ответ, что все народы во всякие времена имели пороки. Прочитай со вниманием свою историю, увидишь там варварства еще более, нежели сколько его было в России.

ПАРОДИЙНЫЕ ЛЕЧЕБНИКИ

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ЛЕЧЕБНИК

Выдан от русских людей, как лечить иноземцев и от их земель людей; зело пристойные лекарства от различных вещей и дражайших.

1. Когда у кого заболит сердце и отяготеет утроба, и тому пристойные статьи:

Взять мостового белого стуку 16 золотников,[1] мелкого вещного топу 13 золотников, светлого тележного скрипу 16 золотников, а принимать то все по 3 дни неетчи, в четвертый день принять в полдни, и потеть три дни на морозе нагому, покрывшись от солнечного жаркого луча неводными мережными крылами в однорядь. А выпотев, велеть себя вытереть самым сухим дубовым четвертным платом, покаместь от того плата все тело будет красно и от сердца болезнь и от утробы теснота отидетъ и будет здрав.

2. Крепительные ахинайские статьи, им же пристоит:

Егда у кого будет понос, взять девичья молока 3 капли, густого медвежья рыку 16 золотников, толстого орлового летанья 4 аршина, крупного кошечья ворчания 6 золотников, курочья высокаго гласу пол фунта, водяной струи, сметив по цифирю на выкладку, ухватить без воды и разделить яко добрый шелк без ахлопья длинником на пол десятины, мимоходом по писцовой книге.

3. Крепительные порошки:

Взять волового рыку 5 золотников, чистого, самого ненасного свиного визгу 16 золотников, самых тучных куричьих титек, иноходи пол 3 золотника, вешного ветру пол четверика в таможенную меру, от басовой скрипицы голосу 16 золотников, вежливаго жаравлиного ступанья 19 золотников, денной светлости пол два золотника, нощной темности 5 золотников, яйцо вшить в япанчю и истолочь намелко и выбить ентарного масла от жерновного камени 5 золотников.

4. Того ж лекарства живот и сердце крепит:

Взять женского плясания и сердечного прижимания и ладонного плескания по 6 золотников, самого тонкого блохина скоку 17 золотников, и смешати вместе и вложить в ледяную и сушеную иготь и перетолочь намелко железным пестом и принимать 3 дни неетчи. На боляще (?) сердце, в четвертый день поутру рано после вечерень по 3 конопляны чаши принимать вровень не переливая, а после того принимать самый лехкий прием.

5. Крепительныя статьи:

Сухой толченой воды 6 золотников, да взять и с той же обтеки горносталые яйца желток, смешать 3 гусиным бродом большой руки.

6. Им же от запора:

Филинова смеху 4 комка, сухого крещенского морозу 4 золотника и смешать все вместе в соломяном копченом пиве, на одно утро после полден в одиннадцатом часу ночи, а потом 3 дня неетчи, в четвертый день ввечеру на заре до свету покушать во здравие от 3 калачей, что промеж рожек; потом взять москворецкой воды на оловянном или на сребряном блюде, укрошить в два ножа и выпить.

7. Последующая лечба есть и быть довольно, чего у кого привольно, сколь душа примет, кому не умереть — немедленно живота избавит.

8. А буде от животной болезни, дается ему зелья, от которого на утро в землю.

9. А буде которой иноземец заскорбит рукою, провертеть здоровую руку буравом, вынять мозгу и помазать болная рука, и будет здрав без обеих рук.

10. А буде болят ноги, взять ис под саней полоз, варить в соломяном сусле и приговаривать слова: как таскались санные полозья, так же бы таскались немецкие ноги.

Н. И. НОВИКОВ

САТИРИЧЕСКИЕ РЕЦЕПТЫ

Г. издатель!

Больных телом всегда бывает много, а больных душою еще больше. Первые пусть лечатся у тех особ, которые имеют позволение большую половину ими пользуемых методически и систематически морить, а последние, если угодно, могут пользоваться следующими рецептами, которые прошу напечатать. Я уверяю, что сии рецепты никакого никому не причинят вреда для того, что я по сие время ни охоты, ни случая не имел подобных себе убивать тварей: ибо я не доктор, не аптекарь, не пристрастный судья, и не глупая повивальная бабка, но г. издателя всепокорный слуга

Лечитель[1]

РЕЦЕПТЫ

I

Для его превосходительства г. Недоума

Сей вельможа ежедневную имеет горячку величаться своею породою. Он производит свое поколение от начала вселенной, презирает всех тех, кои дворянства своего, по крайней мере, за пятьсот лет доказать не могут, а которые сделались дворянами лет за сто или меньше, с теми и говорить он гнушается. Тотчас начинает его трясти лихорадка, если кто пред ним упомянет о мещанах или крестьянах. Он их в противность модного наречия не удостоивает нижé имени подлости, а как их называть, того еще в пятьдесят лет бесплодной своей жизни не выдумал. Не ездит он ни в церковь, ни по улицам, опасаясь смертельного обморока, который непременно, думает он, с ним случится, встретившись с неблагородным человеком. Вот для чего сей вельможа, подобясь дикому медведю, сосущему свои лапы, сделал дом свой навсегда летнею и зимнею для себя берлогою, или, лучше сказать, он сделал дом свой домом бешеных, в котором, отдавая себе справедливость, добровольно заключился.

Затворник наш ежечасно негодует на судьбу, что определила она его тем же пользоваться воздухом, солнцем и месяцем, которым пользуется простой народ. Он желает, чтобы на всем земном шаре не было других тварей, кроме благородных, и чтоб простой народ совсем был истреблен; о чем неоднократно подавал он проекты, которые многими ради хороших и отменных мыслей были похваляемы, а многие были опорочены для того, что изобретатель для произведения в действо своей выдумки требовал наперед трехсот миллионов рублей. Вельможа наш ненавидит и презирает все науки и художества и почитает оные бесчестием для всякой благородной головы. По его мнению, всякий шляхтич может все знать, ничему не учася; философия, математика, фисика и прочие науки суть безделицы, не стоящие внимания дворянского. Гербовники и патенты, едва, едва от пыли и моля спасшиеся, суть одни книги, кои он беспрестанно по складам разбирает. Александрийские листы, на которых имена его предков расписаны в кружках, суть одни картины, коими весь дом его украшен; короче сказать, деревья, чрез которые он происхождение своего рода означает, хотя многие сухие имеют отрасли, но нет на них такого гнилого сучка, каков он сам, и нет такой во всех фамильных его гербах скотины, каков его превосходительство. Однако г. *Недоум* о себе думает противное и, по крайней мере, в разуме великим человеком, а в породе божком себя почитает; а чтобы и весь свет тому верил, ради того он старается не чрез полезные и славные дела от других быть отличным, но чрез великолепные домы, экипажи и ливрею, несмотря, что он для поддержания своей глупости проживает уже те доходы, кои бы еще чрез десять лет проживать надлежало. Для излечения г. *Недоума* от горячки

РЕЦЕПТ

Надлежит больному довольную меру здравого привить рассудка и человеколюбия, что истребит из него пустую кичливость и высокомерное презрение к другим людям; ибо знатная порода есть весьма хорошее преимущество: но она всегда будет обесчещена, когда не подкрепится достоинством и знатными к отечеству заслугами. Мнится, что похвальнее бедным быть дворянином или

мещанином и полезным государству членом, нежели знатной породы тунеядцем, известным только по глупости, дому, экипажам и ливрее.

II

Для некоторого судьи

Старайся знать потребные для твоего звания науки; без них ты никогда не будешь уметь правильных делать заключений и догадок. Человеколюбие и бескорыстие должны первыми быть путеводителями твоего сердца. Берегись невежества глупых господчиков и дерзости, с которою они обо всем решительно, но неправильно судят, беги праздности и лености, беги самолюбия, приличного только худым авторам, а паче всего убегай пристрастия бессовестного *Стозмея;* оно есть враг чести, добродетели и истинного человечества. Когда ты все сие истолчешь в порошок и пересыплешь им свое сердце и мозг, тогда будешь судия — отец, судия — истинный сын отечества, а не судия-палач.

III

Для некоторого военного человека

Когда ты перестанешь гордиться чином, презирать мещан и крестьян за тем только, что они бесчиновны, бесчеловечно увечить себе подчиненных, когда ты станешь исправлять их ласкою и своим примером, а не строгостию и мучительством, когда ты возьмешь по целому фунту следующего, а именно: любви к отечеству, желания к истинной славе, благоразумной неустрашимости, знания в военном искусстве, покорности к начальникам, снисхождения к подчиненным и терпения в нужных случаях, тогда по справедливости достоин будешь тех лавров, коими герои украшаются.

IV

Г. Самолюб[2] несколько лет страждет самолюбием по той причине, что он стихотворец. Сия болезнь ежедневно в нем увеличивается, а чрез то сильное у него волнение бывает во крови и обыкновенный бред. Он иногда говорит о славном нашем российском стихотворце г. С.,[3]

сравнявшемся в баснях с *Лафонтеном,* в эклогах с *Виргилием,* в трагедиях с *Расином* и *Вольтером*[4] и оставляющим свои притчи неподражаемым примером для наших потомков, что он между русскими писателями то, что был Прадон между французами.[5] Такой бред он тогда обыкновенно повторяет, когда его стихи не похвалят. От сей болезни ему следующий

РЕЦЕПТ

24 зол. благоразумия, 48 лот знания[6] произрастений, именуемых: *знать свою цену* 2 фун., *уметь отдавать другим справедливость* 2 фун., воды из ипокренова источника 3 фун.; сие все, положа, варить и после вместо обыкновенного питья давать пить больному до совершенного излечения. Между тем всякие четверть часа надлежит ему смотреться в волшебное зеркало, которое показывать будет достоинство хулимого им стихотворца и собственные его недостатки. Если ж и сие не поможет, тогда болезнь сия останется неизлечимою.

V

Начеркал сочинил вздорную пьесу[7] и вздумал, что он может равняться со всеми славными комическими авторами. Сие произошло от пристрастия и самолюбия; с тех пор не терпит он сочинителя новой комедии[8] за то только, что его пьеса хорошо написана и что она всеми разумными людьми похваляется. Наконец, от первых болезней приключилась ему новая, опаснейшая прежних: он стал злоязычник и всех тех ругает, кто не похваляет его сочинений. От той болезни

РЕЦЕПТ

Всякий день должен он читать свою пьесу по два раза, сличая с тою, которую он обокрал, и продолжать оное чтение три месяца, что произведет в нем отвращение от той его пьесы; тогда увидит он свои недостатки, и самолюбие уменьшится; злоязычество же, происшедшее от самолюбия, есть болезнь неизлечимая.

VI

Простосерд недомогает болезнию, именуемою *слепая доверенность.* По причине сей болезни судит он о всех по себе, всем верит и думает, что люди не могут быти

злыми затем, что добрыми сотворены. Сие мнение часто ему плачено было худо, но он и тогда говаривал, что сие делалося по слабости человеческой, а не по злому намерению вредить ближним. От такой его опасной для него болезни прописан следующий

РЕЦЕПТ

На всех людей смотреть в волшебный лорнет, показывающий сердца с ним говорящих людей. Сие от той болезни его, конечно, излечит, но при том должен он употреблять свое добросердечие, от чего и сделается честным здоровым человеком.

VII

Незрел вспыльчив, имеет бегучие мысли, но не совсем основательные, а сердце кажется, что доброе. По такому его нраву с ним случаются следующие болезни: от безделицы покраснеет, взбесится и в состоянии сделать всякое дурачество в своей запальчивости; а иногда он смеется тому самому, за что бесился, и в добрый час сносит наивеличайшие обиды. Бегучие мысли заводят его под небеса, но, дошед до своих границ, низвергают в заблуждение, и тогда он сердится сам на себя. Во гневе не попадайся ему ни слуга, ни собака, ни лошадь: он всех перебьет. Когда же спокоен, то добросердие его всеми видимо: оказывает услуги по всей возможности не только что своим приятелям и знакомым, но в состоянии одолжить и такого человека, которого видел не более двух раз и не знает иногда, как его зовут, от чего часто претерпевал убытки. Сему болящему следующий

РЕЦЕПТ

Не полагаться на свои мысли и при начатии каждого дела подробно рассматривать свою способность и силы. В запальчивости своей пить ему холодную воду и продолжать до тех пор сие питие, доколе сам не начнет смеяться своему дурачеству. От излишнего же добросердечия потребно ему золотников 12 недоверчивости.

VIII

Для некоторого купца[9]

Ваша милость имел случай с помощию подкупленных тобою бояр, судей и подьячих набогатиться от откупов и подрядов, или, лучше сказать, от разорения народного. Хотя наполнил ты мешки свои серебром и золотом, но, видно, не наполнил ты головы своей разумом, презирая науки и почитая за грех читать светские книги; ты стараешься выйти в другой свет, в коем ты не родился, а именно: ты добиваешься быть дворянином и иметь чины; сыновей женить на дворянках, а дочерей выдавать за дворян. Желать надобно, чтоб сие сбылося; ибо ничто не вылечит так скоро твоей алчности к чинам и дворянству, как то раскаяние, когда новые твои сродники все твое, без совести нажитое имение, промотают.

IX

Для г. Безрассуда

Безрассуд болен мнением, что крестьяне не суть человеки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о том знает он только потому, что они крепостные его рабы. Он с ними точно так и поступает, собирая с них тяжкую дань, называемую *оброк*. Никогда с ними не только что не говорит ни слова, но и не удостоивает их наклонением своей головы, когда они, по восточному обыкновению, пред ним по земле распростираются. Он тогда думает: *«Я господин, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы, претерпевая всякие нужды, и день и ночь работать и исполнять мою волю исправным платежом оброка: они, памятуя мое и свое состояние, должны трепетать моего взора»*. В дополнение к сему прибавляет он, что точно о крестьянах сказано: *в поте лица твоего снеси хлеб твой*. Бедные крестьяне любить его, как отца, не смеют, но, почитая в нем своего тирана, его трепещут. Они работают день и ночь, но со всем тем едва-едва имеют дневное пропитание, за тем, что насилу могут платить господские поборы. Они говорят: *это не мое, но божие и господское*. Всевышний благословляет их труды и награждает, а *Безрассуд* их обирает. Безрассудный! Разве забыл

то, что ты сотворен человеком, неужели ты гнушаешься самим собою во образе крестьян, рабов твоих? Разве не знаешь ты, что между твоими рабами и человеками больше сходства, нежели между тобою и человеком? Вообрази рабов твоих состояние, оно и без отягощения тягостно; когда ж ты гнушаешься теми, которые для удовольствования страстей твоих трудятся почти без отдохновения, они не смеют и мыслить, что они человеки, но почитают себя осужденниками за грехи отец своих, видя, что прочие их братия у помещиков-отцов наслаждаются вожделенным спокойствием, не завидуя никакому на свете счастию, ради того, что они в своем звании благополучны, то подумай, как должны гнушаться тобою истинные человеки, человеки-господа, господа-отцы своих детей, а не тираны своих, как ты, рабов. Они гнушаются тобою, яко извергом человечества, преобращающего нужное подчинение в несносное иго рабства. Но *Безрассуд* всегда твердит: *я — господин,* они — *мои рабы,* я — *человек,* они — *крестьяне.* От сей вредной болезни

РЕЦЕПТ

Безрассуд должен всякий день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские до тех пор, покуда найдет он различие между господином и крестьянином.

X

Для госпожи Смех

О ты! которая, будучи пятидесяти лет, стараешься казаться осмнадцатилетнею; ты, которая всякий день пять часов просиживаешь перед зеркалом, в котором учишься косить разнообразно глаза свои, делать ужимки, бросать взоры нежные, страстные, застенчивые, горделивые, печальные и отчаянные. Ты, которая чрез смешение разных красок, порошков и умываньев представляешь глазам нашим не естественное лицо свое, но маску распещренную. Не пора ли тебе, сударыня, образумиться и не делать из себя, с позволения сказать, смешной дуры. Леты прелестей твоих протекли и оставили в доказательство того на лице твоем морщины, в кои никто уже больше не влюбится. Не изволишь ли полечиться и принять следующее лекарство: оставь не при-

личное тебе жеманство, брось румяны, белилы, порошки, умываньи и сурмилы, которые смеяться над тобою заставляют. Храни, по крайней мере, хотя в старости твоей благопристойность, которой ты в молодости хранить не умела, и утешай себя напоминанием прешедших своих приключений. Поступя таким образом, не будешь ты ни смешна, ни презрительна.

XI

Для г. Скудоума

Скудоум, сынок приказного человека, грабившего целый свет, имеет следующие болезни: он презирает свою почтения достойную супругу, которая не только что его сделала счастие, но и всей Скудоумовой фамилии: а *Скудоум*, не чувствуя нималой к ней благодарности, таскается по всему городу и влюбляется в таких, с коими обхождение наносит бесчестие. Друзей иметь не может за тем, что много если месяц с кем знается, а то тотчас сыщет причину поссориться. И, следуя наставлениям одного пооглядевшегося в свете бродяги, пользующегося его малоумием, лазит по голубятням, гоняет голубей, держит петухов, кои бьются между собой, и кормит разного роду мерзких собак. Славные авторы заключены у него в шкапе красного дерева с разбитыми стеклами, от частого чтения моль половину их переела, а остатки покрыты пылью. Вот какая участь авторам, попадшим в руки невежи! От сих болезней следующий

РЕЦЕПТ

Как все *Скудоумовы* болезни происходят от недостатку разума, то потребно ему принимать всякий день по 10 золотников здравого рассуждения, по 8 унций охоты к чтению хороших авторов и беспрестанно нюхать порошок, прочищающий толстые перепонки, наросшие на его мозгу.

Г. Издатель!

Я прибегаю к вам и прошу вашей помощи. В соседстве со мной оказалися болезни, от которых господа лечители тел наших отказались, говоря: *не наше-де это дело.*

Итак, надеяся на вас, опишу вам болезни моих соседей, а вы, пожалуйте, напишите им рецепты, которые с благодарностью примет ваш слуга

Заботин.[10]

I

Первая моя соседка госпожа *Непоседова* больна припадком ездить из дома в дом беспрестанно, переносить вести, ссорить друзей, супругов и всех, кого случится. Сие делает от доброго сердца, ибо она всех любит равно; итак, если где услышит о ком слово, то уже не приминет пересказать действительно из одного сожаления. Сие ее сожаление часто производит ссоры, и для того потребен ей от сей болезни рецепт.

II

Г-н Мешков имеет болезнь для своего прибытка честных людей поносить. Он обманывает всех по своей возможности; в глаза льстит, а заочно ругает и для получения какой-нибудь вещи не щадит ни чести, ни добродетели, ни совести, ни законов. Он содержит роспись всем женщинам, с которых во Франции и Голландии собирается пошлина; знает, которая из них с кем знакома, познакомилась или поссорилась и за что. Он ежедневно рассказывает премножество новостей, хотя оные в городе и не случались; показывает себя ученым и честным человеком; критикует поступки всех граждан. Дела всякие решит, показывая свою остроту; выдумывает новые изобретения и никогда оные не исполняет. Словом, ежели бы избирать надлежало из бездельников министра, так бы лучше его сыскать было невозможно. Ему потребен рецепт.

III

Г-ну Злораду, думающему, что слуг, ему подчиненных, ко исполнению своих должностей ничем иным принудить невозможно, как строгостию иль паче зверством и жестокими побоями. Для сей причины подчиненных ему слуг и за самомалейшие слабости и оплошности наказывает зверски. Он не говорит с ними никогда ласково, но такими словами, которые в них производят ужас. Одевает, обувает и кормит он своих слуг весьма худо, утверждая, что когда сии безумия его несчастные не-

вольники чувствуют голод и холод, тогда ежеминутно памятуют они свое рабство и, по его мнению, следовательно, тем побуждаются ко исполнению своих должностей. Любовь к человечеству он опровергает и утверждает, что рабам жестокость и наказание, равно как и дневная пища, необходимо нужны. Надлежит думать, что он имеет сердце, напоенное лютым зверством и жестокостию, когда не слышит вопиющего гласа природы: *и рабы человеки*. А нрав его весьма соответствует испорченному его воспитанию. От такой болезни надлежит прописать рецепт.

IV

Г-же Бранюковой

Сия боярыня поминутно бранится с друзьями, детьми, слугами и своими девками. Она не может ничего приказать не побраня. Друзья ее или ветрены, или угрюмы, или очень скупы, или расточительны; дети упрямы, слуги и девки ленивы, воры, пьяницы, моты, картежники; словом, она так бранчива, что ежели не найдет хотя малейшей причины кого-нибудь побранить, то бранит она самое себя. От беспрерывного ворчанья часто бывает она больна разными припадками. Ей потребен рецепт.

V

Миловид думает, что все женщины должны в него влюбляться, и для того непрестанно за всеми волочится. Он и верить тому не хочет, чтобы нашлась такая женщина, которая бы в него не влюбилась. Любовь его бывает недолговременна: ибо он всем собою жертвует и мысленно всех себе приносит в жертву. От сего припадка надлежит ему полечиться.

VI

Шестнадцатилетней девушке весьма хочется выйти замуж, ради того что матушка ее часто журит и не дает воли, от чего часто бывают у нее разные припадки.

VII

Глупомысл хочет непременно знатным быть господином, хотя имеет чин, и весьма маленький. Он почитает себя весьма обиженным: ибо, по его мнению, он

может быть и фельдмаршалом, и министром, и сенатором, и всем тем, что есть на свете знатно; а в самом деле Глупомысл не что иное, как дурак, и ни к каким делам не годится.

РЕЦЕПТЫ

I

Госпоже Непоседовой

Больная должна чаще быть дома и смотреть за своею экономиею. Тогда останется у нее гораздо меньше времени на бесполезные ее выезды, и она не сделает столько вреда и друзьям своим и самой себе, а между тем принимать ей по три порошка в день, составленных из *благоразумия и истинной дружбы,* которые произведут в ней побуждение ко услуге ближним и истинное дружество, основывающееся на чести и добродетели, и нечувствительно вселит отвращение от вредных пересказываний.

II

Для г. Мешкова

Не мог я прописать рецепта по причине многочисленных его припадков. Для его выздоровления непременно надлежит собрать совет: я не могу сказать утвердительно, но кажется мне, будто у него болезнь неизлечимая.

III

Для г. Злорада

Чувствований истинного человечества 3 лота, любви к ближнему 2 золотника и соболезнования к несчастию рабов 3 золотника, положа вместе, истолочь и давать больному в теплой воде, а потом всякий час давать ему нюхать спирт, делающийся из благоразумия. Если ж и сие не поможет, тогда дать больному принять волшебных капель от 30 до 40. Сии капли произведут то, что он сам несколько часов будет чувствовать рабское состояние, и после сего он, конечно, излечится.

IV

Госпоже Бранюковой

Всякий день по большому стакану давать пить воды, настоянной с благоразумием. Сие утишит беспрестанное волнение в ее крови и произведет то, что она кропотливостию своею сама будет гнушаться и после того увидит, что люди без погрешностей быть не могут и что иногда оные прощать весьма нужно.

V

Болезнь г. *Миловида* минуется с летами, если он не старее 30 лет. Буде же старее, то хотя болезнь сия и не опасная, но, однако ж, незлечимая.

VI

Девице, желающей выйти замуж, надлежит принять до 30 горьких капель, именуемых *брачные узы*. По принятии сих капель, конечно, не так скоро захочет она замуж, но пожелает остаться у своей матушки.

VII

Г. Глупомысл желает невозможного и для него вредного. Сие произошло от худых мокрот, усилившихся в нем при его воспитании. Для очищения его от сих мокрот надлежит ему привить *благоразумие,* так как оно обыкновенно благородным детям прививается в Сухопутном шляхетном корпусе. Если ж леты его не позволят ему сей прививки сделать, то сия болезнь едва ли излечимая.

Н. И. СТРАХОВ

ИЗЪЯТИЯ ИЗ НРАВСТВЕННОГО ЛЕЧЕБНИКА НЕКОТОРЫХ РЕДКИХ И ПОЛЕЗНЫХ ЛЕКАРСТВ

1. *Лекарство от лихоимства.*

Склонность ко взяткам есть столь опаснейшая болезнь, что когда оную вскоре не захватят, то человек рано или поздно погибает. Сия болезнь большею частию бывает у приказных. У писарей начинается она так называемой попрошайностью, а у судей судорогою, корчащею обе руки всегда на ту сторону, с которой подают им взятки; и сии припадки столь жестоки, что одержимые оными никак не могут противиться сей судороге в руках. От толь ядовитой болезни многие излечиваются с успехом чтения закона о взяткобрателях; вместо же фирияка можно употреблять каждый день по ровному числу совести и стыда. Инфляммацию корыстолюбия весьма способно излечивать, поднося почасту близко к глазам повеления об отрешении от дел за взятки.

2. *Лекарство от сильной склонности к насмешкам.*

Склонность к насмешкам, или так называемое шпынство, есть болезнь, наиболее свирепствующая между молодыми людьми худого воспитания. Таковым должно давать каждое утро по стакану здравого смысла, смешав с оным 7 унций скромности, 4 лота осторожности, хорошего и приязненного обхождения от 8 до 10 золотников, смотря по силе болезни. Для утоления великой инфляммации языка[1] должно к оному приложить пластырь, составленный из воздержания; нарыв же хохотания можно прорвать и совсем истребить глупосте-гонительным лекарством, которое составляется из благоразумия. Для разбития же сгустившихся мокрот дурачества вместо электрической машины употреблять для маленьких мальчиков весенние розги, а для взрослых — стыд и увещание.

3. *Лекарство для одержимых любовью.*

Чрезмерное скопление ветрености, пустых воображений и волокитства, притекая к сердцу, производят в оном сильную инфляммацию. Главнейшие признаки любовной болезни суть: притупление и ослабление рассудка, томность в глазах, вздорные разговоры, пустые слова, трагические объяснения, элегические выражения, драматические приступы, умильное шептание, жалостное и отчаянное лицо, теснота в груди и вырывающиеся из оной вздохи. Великим должно почитать счастием, если оная любовная болезнь обращается, смотря по свойству молодых людей, только что в ветреную влюбчивость или просто в волокитство, которое по себе есть также болезнь ума, имеющая впоследствии жалкие и смешные припадки. Когда предъявляется от любовной болезни очевидный вред, как-то вздорные мечтания, скакание и бегание по всему городу, ежечасное посещение любезного предмета, забвение должности и всех своих дел, в таком случае надлежит предупреждать таковое исступление ума прохладительными напитками, для коих берется 3 золотника холодности, 14 равнодушия и 18 беспристрастия; все сие вместе смешивается и принимается вдруг. В глаза пущается сряду 30 дней по 15 капель воздержания, уши же дожны затыкать хлопчатою бумагою, обмоченною в терпении. От тесноты в груди и вздохов надлежит принимать чрез час по 4 ложки рассудку; от бессоницы и некоторых мечтаний в глазах весьма похваляется состав, изготовленной из 8 золотников стараний истребить любовь. Для совершенного же возвращения душевных сил и прогнания слабости рассудка должно истребить из головы испорченное и чрез меру живое воображение глупосте-гонительным лекарством, для коего берется 5 лотов мудрости, 6 унций здравого рассудка, 8 золотников доброй и спокойной совести и равная же мера трудолюбия.

4. *Диета для проигравшихся.*

Проигрыш есть то болезненное состояние духа, которым люди, в игре упражняющиеся, рано или поздно удручаемы бывают. В первой степени жестокой сей болезни нападает на больного помешательство ума, которое состоит в том, чтоб сперва из кошелька, а потом из сундуков и из всего дому выносить все, что ни попадется, в чаянии освободиться от страдательных ощу-

щений проигрыша. Простого состояния людям надлежит в сем случае поскорее пущать кровь, или для разбития густоты оной крепче гладить спину и плечи палками и всего лучше, дабы привесть кровь в движение, употреблять разного роду стеганье по плечам же и спине; но людям нежного сложения надлежит лучше принять крепительное, составленное из 8 золотников воздержности, и как можно беречься, чтоб по нечаянности не принять промывательного, продаваемого на картежных фабриках под ложным именем боль утоляющих карт. Потом должно пользоваться свежим деревенским воздухом до тех пор, пока совершенно не восстановится спокойствие и кошелек не освободится от великой своей сухощавости. Если по выздоровлению пожелают отправиться опять в город, то приступать к сему не прежде, пока разными слабительными не очистят голову свою от глупостей и вредной склонности к игре.

5. *Лекарство от старости и прочих недостатков девиц.*

От старости девиц берется 8 золотников белил, две табакерки румян, 10 сожженых пробок; первыми должно подштукатурить лицо по крайней мере на палец, потом покрыть румянами все лицо, а по сем следует налепить на всякую морщину по кусочку английского пластыря, коего берется от 2 до 3 листков, каждой в четверть. Для прочих частей тела берется закладка или *Planchette,** разные подушки, подушечки, фижмы, а в случае низкорослости употребляется род ходуль, просто называемых каблуками. Сие средство от старости и прочих недостатков тела как употреблялось, так употребляется и ныне многими девицами с успехом.

6. *Слабительное для ученых людей.*

Возьми три листа некоторой известной поэмы, 8 листов Бовы Королевича[2], 6 листов Ильи Муромца и разных прочих сказок от 10 до 12. Дай сему вместе настаиваться 24 часа, потом употребляй.

7. *Рвотное.*

Возьми 9 стихов из сочинений Г. Б. ... 9 похвальных од, 8 листов спора Французского университета о литере Q, 7 листов спора же об антимонии, 9 реестров книгам,

---

* Дощечка (*франц.*).

скучных подносительных писем и длинных предисловий от 20 до 25. Смешай все сие вместе, прочти сряду без отдыху, то увидишь, сколько есть удивительно действие сего рвотного.

8. *Головной лом утоляющее лекарство.*

Смешай разных высокопарных бессмысленных и вздорных сочинений от 30 до 35 листов; также возьми самых высоких математических и метафизических доказательств 4 листа и 4 астрономических описания о прохождении планет. Истолки все сие в порошок, приложи к голове и дай время, чтоб смесь сия вытянула из оной последний ум, от чего никогда не будет в голове никакого уже лому.

ПАРОДИЙНО-САТИРИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

Н. И. НОВИКОВ

САТИРИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

«ТРУТЕНЬ.» ЛИСТ IV. МАЙЯ 19 ДНЯ. ВЕДОМОСТИ.

Из некоторого приказа

Явилось порожнее место, которое в год две тысячи рублев безгрешного приносит дохода. Надобно знать, что сие место требует человека разумного, ученого и прилежного, ибо от него блаженство и жизнь великого числа людей зависит. Трое домогаются сего места.

Первый из них дворянин без разума, без науки, без добродетели и без воспитания, хотя он во младых еще летах записан был в службу, но оной, живучи у матери между нянек и шутих, никогда не исполнял, а доставал чины чрез предстательство, преимущественно пред теми, которые служили. Душ за ним тысячи две, но сам он без души. Короче сказать, все достоинство сего молодца в том только и состоит, что он дворянин и родня многим знатным боярам.

Второй искатель сего места есть дворянин же, но родством ни с каким случайным боярином не связан. Поведения доброго, разума хотя не пылкого, однако наукою подкрепленного. Служит в полках и хотя отменного ничего не сделал, но, по крайней мере, исполняет свою должность с прилежностью. Знает человечество, из подвластных себе наказует только винных, крестян своих не грабит, живет не роскошно и по мере своего дохода, купцов по примеру других дворян не обманывает; словом, дворянин сей человек порядочный и хотя он к важным должностям не вовсе годится, однако благополучно бы было наше отечество, ежели бы таких дворян гораздо побольше у нас завелось.

Третий проситель места, по наречию некоторых глупых дворян, есть человек подлый, ибо он от добродетельных и честных родился мещан. Природный его разум, соединенный с долговременным и в России и в чужих краях учением, учинили его мужем совершенным. Мало таких наук, которых бы он не знал или о которых бы он не имел понятия; защитник истины, помогатель бедности, ненавистник злых нравов и роскоши, любитель человечества, честности, наук, достоинства и отечества, верный друг, благоразумный отец, безмятежный сосед, рассмотрительный и беспристрастный судья. Во всех местах, куда он от правительства был определяем, оставлял примеры разумного своего поведения; благополучны были те люди, которыми он повелевал, неустрашимы были те солдаты, которыми он предводительствовал, и неприятель всегда разбит, с которым он сражался. Покрытый ранами и содержа себя одним жалованием, никогда не негодовал на свою скудость, но сносил ону без роптания: словом, он показал собою, что не порода, но добродетели делают человека достойным почтения честных людей. Не просил бы он и упомянутого выше места, ежели бы здоровье его позволяло долее служить в армии или ежели бы он не был в состоянии подвластных сему месту учинить благополучными и восстановить их от раззорения, в которое приведены были бывшим судьею.

Читатель! угадай: глупость ли, подкрепляемая родством с боярами, или заслуги с добродетелью наградятся?

Из гостиного двора

На гостиный двор приехала в карете с двумя назади лакеями богато одетая женщина; из множества золотых и серебряных сеток купила два мотка и заплатила деньги, а другие два, укравши, тихонько под асалоп спрятала. Купец это видит и, как кавалер учтивый, при случившемся в лавке народе боярыню обесчестить не хочет. Боярыня поскакала домой, а купец за нею. От просителя челобитная подана, а от судьи определение не так, как в приказах, тотчас последовало. Боярыня купцу не только волосы выщипала и глаза подбила, да еще и кожу со спины плетьми спустила. Ништо тебе, бедный купец! Как ты, честный злородный

человек, осмелился назад требовать своей сетки у благородной воровки? Благодари еще боярыню, что бесчестья с тебя не взяла. В самом деле, не великая ли милость купцу сделана?

«ТРУТЕНЬ.» ЛИСТ VI. ИЮНЯ 2 ДНЯ. ВЕДОМОСТИ

В Санктпетербурге

Из Мещанской

Есть женщина лет пятидесяти: она уже двух имела мужей, но ни одного из них не любила, последуя моде. Достоинства ее следующие: дурна, глупа, упряма, расточительна, драчлива, играет в карты, пьет без просыпу, белится в день раза по два, а румянится по пяти. Она хочет замуж, но приданого ничего нет. Кто хочет жениться, тот может явиться у свах здешнего города.

Из Литейной

Змеян, человек неосновательный, ездя по городу, надседаяся кричит и увещевает, чтобы всякий помещик, ежели хорошо услужен быть хочет, был тираном своим служителям; чтоб не прощал им ни малейшей слабости; чтоб они и взора его боялись; чтоб они были голодны, наги и босы и чтоб одна жестокость содержала сих зверей в порядке и послушании. В самом деле *Змеян* поступает с своими рабами, как проповедует. О человечество! Колико ты страждешь от безумия Змеянова! И если б все дворяне пример брали с сего чудовища, то бы не было у нас кроме мучителей и мучеников. Однако благоразумный Мирен не следует мнению *Змеянову* и совсем отменно с подвластными себе обходится. Ежели Мирен не наилучших в России слуг имеет, так, по крайней мере, не боится, чтоб он ими был проклинаем.

Из Москвы

Один посредственный дворянин, но любящий свою пользу больше общественной, имел крепостного человека, преискусного миниатюрного живописца[1]. Искусство сего живописца велико; но доходы, которые он получал за свои

труды, весьма были малы. Причина тому та, что он холоп и русский человек: ибо в Москве есть обыкновение русским художникам платить гораздо меньше иностранных, хотя бы последние и меньше имели искусства; словом, доходы сего живописца, за его содержанием, весьма малый составляли оброк его помещику. Помещик, как человек благоразумный и такой, который в рассуждении своих доходов арифметику учил только до умножения, рассудил за благо сего живописца продать. Живописец купил бы сам себя, но не имел денег. Некоторый знатный господин, достойный за сие великого почтения, о том проведав и увидев его работу, купил его за 500 рублей и избавил его от неволи, для того чтобы сему достойному художнику дать свободу. Сей господин старается, чтобы живописца приняли в Академию художеств. Ежели сие сделается, то он ему откроет путь ко сниканию счастия. Вот пример, достойный разумного, знатного и пользу общественную любящего господина! Дай бог, чтобы таковых наукам и художествам меценатов в России было побольше!

Из Ярославля

Здесь все удивляются воздержности московских писателей. Известно, что почтенная наша старушка Москва и со своими жителями во нравах весьма непостоянна: ей всегда нравилися новые моды, и она всегда перенимала их у петербургских жителей; а те прямо от просветителей в оном разумов наших господ французов. В нынешнем, 1769 году лишь только показалась в свет «Всякая всячина» со своим племенем[2], то жители нашего города заключили, что и это новая мода. И как Москва писателями сих мелких сочинений весьма изобильна, то надеялись, что там сии листки выходить будут не десятками, но сотнями. Ради чего фабрикант здешней бумажной фабрики велел с споспешением делать великое множество бумаги, годной к печатанию; а между тем отправил своего приказчика на почтовых лошадях в Москву для подряду. Но он и мы все обманулись: в Москве и по сие время ни одного такого из типографии не вышло листочка; да и печатанные в Петербурге журналы читают немногие. Старый, но весьма разумный наш мещанин Правдин о сем заклю-

чает, что Москва ко украшению тела служащие моды перенимает гораздо скорее украшающих разум; и что Москва, так же как и престарелая кокетка, сатир на свои нравы читать не любит.

Из Кронштата

На сих днях прибыли в здешний порт корабли: 1. «Trompeur»* из Руана в 18 дней; 2. «Vétilles»** из Марсельи в 23 дни. На них следующие нужные нам привезены товары: шпаги французские разных сортов; табакерки черепаховые, бумажные, сургучные; кружева, блонды, бахромки, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы, запонки и всякие так называемые галантерейные вещи; перья голландские в пучках чиненные и нечиненные; булавки разных сортов и прочие модные мелочные товары; а из Петербургского порта на те корабли грузить будут разные домашние наши безделицы, как-то: пеньку, железо, юфть, сало, свечи, полотны и проч. Многие наши молодые дворяне смеются глупости господ французов, что они ездят так далеко и меняют модные свои товары на наши безделицы.

ИЗВЕСТИЯ

Молодого российского поросёнка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользою, возвратился уже совершенною свиньею; желающие смотреть могут его видеть безденежно по многим улицам сего города.

Молодой дворянин, идучи по Материальной улице против некоторого дома, засмотрелся на окошко, в которое смотрели три прекрасные девушки, и выронил свое сердце; кто объявит о поднявшем оное, тому дастся награждение, соответствующее щедрости молодого дворянина, сына судейского и недавно приехавшего из своего поместья для поминовения своего родителя и проживать нажитое покойным судьею имение.

Старый лицемер, слушая обедню, увидел девушку лицом прелестную. Он, держа в руках молитвенник,

* Обманщик (*франц.*).
** Безделушки (*франц.*).

во всю обедню не спускал глаз с помянутой девушки, примечая, с прилежанием ли она молится; и, находясь в таком положении, нечаянно с носа сронил очки и потерял: кто оные поднял и принесет в его квартиру, тому за труды из любви к ближнему даст он письменное наставление, как жить на свете; а паче всего в рассуждении женщин, сих прелестных сирен, усыпляющих наши чувства и разум.

ПОДРЯДЫ

Для наполнения порожних мест по положенному у одной престарелой кокетки о любовниках штату потребно поставить молодых, пригожих и достаточных дворян и мещан до 12 человек; кто пожелает в поставке оных подрядиться или и сами желающие заступить те убылые места, могут явиться у помянутой кокетки, где и кондиции им показаны будут.

В некоторое судебное место потребно правосудия до 10 пуд; желающие в поставке оного подрядиться могут явиться в оном месте.

Молодому рифмотворцу потребно здравого рассуждения, знания и искусства столько, чтобы достало на все те сочинения, которые он расположился писать; желающие поставить и взять ниже просимых цен, а у него купить прилежания и охоты к стихотворству могут явиться в его квартире.

ПРОДАЖА

За вексельный иск описанное и оцененное в 14 р. 57 к. $^{3}/_{4}$ оставшее после покойного судьи Правдолюбова стяжание, состоящее в верности к отечеству, нелицеприятии, правосудии, истинном понятии законов, милосердии о бедных и здравом рассуждении, имеет быть продано с публичного торгу: ибо наследников ко оному стяжанию из всей его родни не явилось; желающие покупать могут явиться у акциониста, который продавать будет.

Недавно пожалованный воевода отъезжает в порученное ему место и для облегчения в пути продает свою совесть; желающие купить могут его сыскать в здешнем городе.

КУРС ДЕНЬГАМ

У Кащея[3] по 12 рубл. в год на сто.
У Жидомора[4] по 16 рубл.
У мелких ростовщиков по 10 коп. на рубль в месяц.

«ТРУТЕНЬ». ЛИСТ IX. ИЮНЯ 23 ДНЯ. ВЕДОМОСТИ

В Санктпетербурге

С Васильевского острова

Злонрава в превеликой грусти и слезах препроводила целый год, ожидая возвращения своего супруга; наконец, ко утешению ее скорби, он возвратился. Друзья его, обрадовавшись его возвращению, все к нему съехались. *Злонрава* от радости была почти без ума; но час спустя муж ей в чем-то попротивуречил; она рассердилась, проклинала день своего рождения и час ее с ним брака, и чтобы в другой переродиться раз, то посылала она любезного своего супруга к черту. Супруг не успел еще от прежнего в дороге оправиться беспокойства и для того в такой дальний ехать путь не осмелился, хотя жена и поминутно его туда отправляла. Друзья его, удивясь такой перемене, спрашивали ее: для чего она в отсутствие мужа своего всегда о нем плакала, а по приезде его так скоро с ним поссорилась? Она отвечала: о том-то я и плакала, что не с кем было мне браниться.

Из Конной улицы

Старушка лет осмидесяти, одна из тех, которые питаются подаянием добросердечных граждан, шла мимо дома некоторой кокетки и, увидя ее у окна, остановилась и стала просить милостины. Госпожа сказала ей: как тебе не стыдно, старушка, так таскаться и питаться таким худым промыслом; неужли ты не сыщешь себе другого пропитания? — Ежели бы я имела, сударыня, деньги, так бы, конечно, постыдилась промышлять моим ремеслом, но лучше бы принялась за ваше, ибо летами меня вы, конечно, не моложе, а лицу моему так же, как и вашему, помогли бы искусные докторы. Ведь, сударыня, продолжала старушка, деньги-та деньгами же

достают. Боярыня осердилась, хлопнула окном и старушке ничего не подала. Старушка пошла и сквозь зубы заворчала: теперь-то я узнала, что когда просишь милости, тогда правды говорить не надлежит.

Из Офицерской улицы

Прелеста, молодая госпожа, сидя у окна, увидела разносчика с апельсинами и приказала его кликнуть. Разносчик пришел. Боярыня десяток апельсинов за полтину сторговала и начала чистить, а между тем, желая над ним пошутить, стала у него спрашивать. «Женат ли ты?» — «Женат, сударыня, и троих уже имею детей». Боярыня спросила: «Бывают ли между крестьянами мужья рогоносцы?» — «А между господами бывают ли, сударыня?» — «Как не быть,— сказала госпожа,— и у меня есть муж».— «Так как же, сударыня, быть тому меж крестьянами, что делают господа,— отвечал крестьянин.— Нас приказчик за это бы рассек, ежели бы мы что стали у господ перенимать, нам только велят работать».— «Да ведь за женою усмотреть мужу никак невозможно,— сказала боярыня,— если она что захочет делать».— «Ваше дело господское, вы это по себе больше нашего знаете, сударыня,— отвечал разносчик, почесавшись.— А где живет ваш муж?» — «На своей половине,— отвечала госпожа,— а я здесь на своей».— «Да разве вам в одной-то половине тесно, сударыня?» — «Не очень бы тесно, но это по моде».— «Чему ж дивиться, сударыня, что ваш муж за вами усмотреть не может, когда вы так от него далеко живете».— «Дурак,— перехватила, смеючись, госпожа,— ведь я это не про своего говорила мужа».— «Так виноват, сударыня,— сказал крестьянин, также усмехнувшись,— я не растолковал и думал, что вы говорите про своего мужа». Боярыня разносчику пожаловала два рубли и отпустила.

Из Коломны

Забылчесть дворянин, находясь в некотором приказе судьею, трудами своими и любовию ко ближним нажил довольное имение. Он имел попечение о пропитании одних и в то же время разорял других, подобных себе по

образу, а не по делам, тварей; его следующими описывают красками: неправосуден, завистлив, пронырлив, прибыткожаден, скуп, жестокосерд к бедным, злоязычник, ябедник и крючкотворец; а жена его, как сказывают, толста, глупа и проч., короче сказать, оба они составляют сокращенное хранилище пороков. Он подчиненным своим ничего не приказывает, не сказав *во святой час* и не прочитав молитву *пресвятой троице*; водки никогда не пьет, хотя бы то было и в гостях; дела подписывает перекрестясь, говоря: *честной-де крест на враги победа*; несмотря, что те его враги бывают часто законы, истина, правосудие, честь и добродетель: ибо он часто вершит дела против законов и истины; от таких беспокойств он и супруга его занемогли. Доктор прописал в рецепте для г. судьи *добрую душу* и *честь*; а для супруги *разум*, сколько оного потребно для судейской жены; но судья говорит: на такие-де ненужные расходы не нажил я еще денег.

Из Твери

Недавно пред сим чрез наш город проехал молодой дворянин, обучавшийся в некотором славном немецком университете разным наукам. Он о том городе рассказывал нам чудеса. Мещанин наш *Чистосердов* спрашивал у него о нравах того народа, о узаконениях, о обрядах их ярмонок и о проч., но он ни на что не мог порядочного дать ответа. Мещанин потом спросил его, чему он там обучался? Дворянин ответствовал: «Философии».— «А что такое философия?» — «Философия не что иное есть, как дурачество,— ответствовал ученик славного университета,— а совершенный философ есть совершенный дурак».— «О так вы с превеликим оттоле возвращаетесь успехом,— сказал мещанин,— ибо я нахожу вас совершенным философом». Дворянин, усмехнувшись, отвечал: «Сократ, славный в древности философ, говаривал о себе, что он дурак[5], а я о себе того сказать не могу, потому что я еще не Сократ».— «Об вас это другие скажут».— «А знаете ли вы,— спросил дворянин,— какая розница между ученым дураком и неученым?» — «Всеконечно знаю,— сказал мещанин,— розница между ими та, что ученые дураки гораздо больше делают вреда государству». И разошлись. Дворянин поехал

в путь, а мещанин нам сказал: «Видите, братцы, что и в славных немецких университетах разума не продают».

ИЗВЕСТИЯ

Судья некоторого приказа покривил весы правосудия: он в том не виноват; а виноват подрядчик, который на судейскую сторону так много положил кулей с мукою, что правосудие против такой тяжести устоять не могло; желающие те весы починкою исправить из своих материалов могут явиться в том приказе.

Прокурор *Правдулюбов* с судьею *Криводушиным* в одном сидит судебном месте. Судья заразился известною под именем акциденции болезнию; и для того в решении дел часто с прокурором бывает несогласен. Прокурор, опасаяся дальнейших от того следствий, чрез сие объявляет: что ежели сыщется искусный в лечении сих болезней лекарь и сего судью вылечит, тому за труды даст он награждение из собственных денег: ибо судья о лечении сей болезни и слышать не хочет; желающие помянутого судью пользовать могут явиться у прокурора Правдулюбова немедленно.

В некотором приказе был судья; он, служа в военной прежде службе, привык взятков не брать, почему и, сделавшись судьею, не переменился. Он вершил дела по законам, не толкуя оные вкриво; весы правосудия в его время ни кулями с хлебом, ни мешками с деньгами покривлены не были. Все удивлялись его ополчению противу искушателей; и наконец большие судьи его правосудие почли гордостию, думая, что он не берет для того, что не дают больше. Гордость его наказали отрешением его от того места: он о том и не тужил; на место его посажен другой судья, в котором нималой нет гордости. Он берет взятки не яко взятки, но яко подарки. Весы правосудия в его руках, а указы в его устах: ибо они говорят то, что прикажет судья. И так в том месте, где сидел голубь, сидит ныне ястреб, о чем для сведения и объявляется.

Ростовщик, прозванный *Жидомором*, отдает из процентов деньги под ручной заклад, который бы вчетверо занимаемой суммы стоил; а сверх того заимщик, чтобы

не позабыть числа, когда возьмет деньги, должен в той сумме дать вексель, проценты по полушечке только в день на рубль; кто хочет занимать деньги, тот может у него явиться.

«ТРУТЕНЬ». ЛИСТ XVI. АВГУСТА 11 ДНЯ. ВЕДОМОСТИ

В Санктпетербурге

Из большой Садовой улицы

Стозмей[6], житель нашей улицы, ежедневно упражняется во следующем: в 12 часу пополуночи просыпается и, вставши с постели, чешет голову, отказывает своим заимодавцам, занимает вновь и между тем допускает к себе искателей его милости, которая всегда состоит во обещаниях, расспрашивает у них, что в прошедший день в городе нового случилось, а им рассказывает, что там-то он того-то подсмеял, в другом месте острое сказал слово, в третьем, пользуясь глупостию хозяйскою, подговорил хозяйку и возил ее прогуливаться, в четвертом хозяина до того довел, что он начинает о *Добросердове* думать худо, которого за то только ненавидит, что все единогласно утверждают, что *Добросердов* умнее его любовницы и что он сие дело так искусно произвел, как только должно самому великому политику оное сделать. Слушатели из учтивости начнут выхвалять его добродетели и остроту разума, а *Стозмей*, улыбаяся, и вправду думает, что он умен. После сего читает местами русских авторов, прославившихся своими сочинениями, и чтобы и тут показать остроту своего разума, ради того он их критикует, не думая того, что хула его истинной славы сих авторов повредить не может. Рассуждает о театральных действиях, удивляется худым распоряжениям и сказывает, как бы он сделал, ежели бы те дела от него зависели. Одевшись, ездит к *Перекрасе*, своей любовнице, и ей то же рассказывает, а потом упражняются оба в разных изобретениях, касающихся до повреждения доброй славы тех людей, коих они ненавидят. После мыкается по городу и производит в действо утвержденные в их тайном совете предприятия. Смущает всех, кого только может, и чрез всякие два часа ездит навещать свою *Пере-*

красу. Сему удивляться не надлежит, ибо *Стозмей* имеет полдуши и полсердца, а другие половины отдал он своей любезной, а та со сна, забывшись, вместо его *Стозмеево* сердце и душу отдала другому своему любовнику. С того-то самого времени и стал он так малодушен, что для любви не щадит ни чести, ни добродетели. В 2 часа пополуночи приезжает домой и ложится спать. Вот все его упражнение! Со всем тем *Стозмей* утверждает, что полезнее его для государства никого нет.

Из I Российской армии[7]

У нас старое по-старому, а вновь ничего; мы турков гоняем, а они от нас бегают и ныне так далеко ушли, что нам и гонять некого. Итак, мы с нетерпением ожидаем того дня, в которой будем обедать в Хотине, а, пообедавши хорошенько и напившись турецкого кофе, безмерно хочется нашим солдатам посмотреть, каково ужинает турецкий везирь. У нас в армии так мало о турках и татарах думают, что один офицер, пришедши из фрунта в палатку по прогнании крымского хана, хотел дописывать последнее явление сочиняемой им трагедии[8] и как некоторое положение по причине неприятельского нашествия он позабыл, то, рассердясь, выбранил татар и сказал: видно, что хан за тем только и приходил, чтобы мне помешать писать, а не помощь подавать Хотину.

Из Москвы

Подряд любовников к престарелой кокетке, напечатанный во «Трутневых ведомостях», многим нашим господчикам вскружил головы: они занимают деньги и, в последний раз написав: *в роде своем не последний*[9], с превеликим поспешением делают новые платья и прочие убранствы, умножающие пригожство глупых вертопрашных голов; а по совершении того хотят скакать на почтовых лошадях в Петербург, чтобы такого полезного для них не пропускать случая.

Из Каширы

В нашем уезде есть дворянин: он имеет за собою три тысячи душ, получает шесть тысяч рублей годового дохода и живет так, как научил его покойный родитель.

В селе, где он живет, церковь деревянная построена еще прадедом его по возвращении из похода. Дом господский дедушка его построил было на время, но они так в нем обжились, что нового и по сие время не построили: ибо батюшка сего дворянина отягощен был делами, а именно пил, ел и спал; а сынок к строению не имеет охоты, но вместо того упражняется в весьма полезных делах для пользы земных обитателей: ибо он изыскивает, может ли боец-гусь победить на поединке лебедя; ради чего выписывает из Арзамаса самых славных гусей и платит за них по 20, по 30 и до 50 рублей за каждого. Имеет бойцов-петухов; содержит великое число псовой охоты и ежегодно положенный на него соседями за помятие хлеба оброк платит бездоимочно. Ездит на ярмонки верст за 200 весьма великолепно, а именно: сам в четвероместном дедовском берлине в 10 лошадей, и еще 12 колясок, запряженных 6 и 4 лошадьми, исключая повозок и фур с палатками, поваренною посудою и всяким его господским стяжанием. Свиту его составляют люди весьма отборные, в 4 колясках сидят по 2 шута, в 3 по 2 дурака, а в берлине он да священник, его духовник; в прочих же экипажах собаки, гуси и петухи-бойцы. Прошлого года ездил он в Москву, чтобы сыскать учителя пятнадцатилетнему его сыну: но, не нашед искусного, возвратился и поручил его воспитание дьячку своего прихода, человеку весьма дородному. Со всем сим роскошным житьем он проживает не больше ежегодного своего дохода. Дворянин сей говорит, что изо всей его фамилии разумнее его не бывало. Может быть, это и правда: ибо дворянин наш лгать не охотник.

Из Кронштата

На сих днях в здешний порт прибыл из Бурдо корабль: на нем, кроме самых модных товаров, привезены 24 француза, сказывающие о себе, что они все бароны, шевалье, маркизы и графы и что они, будучи несчастливы во своем отечестве, по разным делам, касавшимся до чести их, приведены были до такой крайности, что для приобретения золота вместо Америки принуждены были ехать в Россию. Они во своих рассказах солгали очень мало: ибо, по достоверным доказатель-

ствам, они все природные французы, упражнявшиеся в разных ремеслах и должностях третьего рода[10]. Многие из них в превеликой жили ссоре с парижскою полициею, и для того она по ненависти своей к ним сделала им приветствие, которое им не полюбилось. Оное в том состояло, чтобы они немедленно выбрались из Парижа, буде не хотят обедать, ужинать и ночевать в Бастилии. Такое приветствие хотя было и очень искренно, однако ж сим господам французам не полюбилось, и ради того приехали они сюда и намерены вступить в должности учителей и гофмейстеров молодых благородных людей. Они скоро отсюда пойдут в Петербург. Любезные сограждане, спешите нанимать сих чужестранцев для воспитания ваших детей! Поручайте немедленно будущую подпору государства сим побродягам и думайте, что вы исполнили долг родительский, когда наняли в учители французов, не узнав прежде ни знания их, ни поведения.

Себелюб, славный волокита[11], на сих днях пришед ко своей любовнице, нашел ее в превеликой задумчивости; она приняла его весьма холодно, ласки ее исчезли, и притворство, которое она до того дня употребляла, оставила и начала с ним говорить весьма грубо: ибо она в тот самый день вступила в новые обязательства. *Себелюб* поражен был неожидаемою сею новостию и, как обыкновенно страстные и ревнивые делают любовники, начал упрекать ее неверностию и выговорил все, что в такие говорится минуты, очень грубо. Госпожа смеялась во время его бешенства; но как он замолчал, то она без всяких околичностей ему сказала, чтобы он к ней в дом больше не ходил. *Себелюб*, оказав ей все свое презрение, пошел со двора; но лишь только вышел за ворота, то начали его терзать все страсти, презрение, ревнивость, раскаяние; а любовь привела его во отчаяние. Он принял намерение заколоться; но, идучи по улице, выронил нож из кармана и потерял; кто оный поднял и принесет в его квартиру, тому дастся награждение, состоящее из писем бывшей его любовницы: ибо он непременно свое намерение хочет исполнить.

ПОДРЯДЫ

Некоторому судье потребно самой свежей и чистой совести до несколька фунтов; желающие в поставке оной подрядиться, а у него купить старую его от челобитческого виноградного и хлебного нектара перегоревшую совесть, которая, как он уверяет, весьма способна к отысканию желаемого всеми философического камня, могут явиться в собственном его доме.

Недавно пожалованный прокурор отъезжает во свое место, и по приезде желает он развесть редкое в том городе растение, именуемое *цветущее правосудие*, хотя воевода того города до оного растения и не охотник; чего ради потребен ему, г. прокурору, искусный садовник; желающие вступить во оную должность могут явиться у г. прокурора немедленно.

ПРОДАЖА

У г. *Искушателева* продается сочиненная им в пользу юношества книжка под заглавием *«Атака сердца кокеткина, или Краткий и весьма ясный способ к достижению сердец прекрасного пола»*, ценою по 5 рубл.

Обман, славный и искусный лекарь, сочинил книжку под заглавием *«Тайные наставления, по которым безобразная женщина может совершенною сделаться красавицею»*; оная книжка продается в его доме по 10 рубл.

В тайном г. волокит совете апробованный *«Проект о взятии сердец штурмом»* сочинения г. *Соблазнителева* продается у переплетчика любовных книг по 2 рубл. экземпляр.

Наставление о добропорядочной жизни молодым людям, напечатанное в 1748 году[12], и еще другие подобные оной книге раздаются безденежно: ибо оных никто не покупает.

В Санктпетербурге

Из Большой улицы

Некто, житель нашей улицы, упражняется в сочинении проекта о наложении пошлины на все сочинения худых наших стихотворцев и негодных прозаистов и хочет оный поднести на рассмотрение и утверждение самому Аполлону. Собираемую сумму определяет он на содержание бедных ученых людей. *Некто* уверяет, что от наложения сея пошлины двоякая для государства произойдет польза.

С Парнаса... 1769 года

Здесь все в великом замешательстве: славные стихотворцы, обезображенные худыми переводами, чрезвычайно огорчились и просили Аполлона о заступлении. Все музы, прославленные в России г. С.[13], приходили ко своему отцу и со слезами жаловалися на дерзновение молодых писателей; Мельпомена и Талия проливали слезы[14] и казались неутешными. Великий Аполлон уверял их, что сие сделалось без его позволения и что он для рассмотрения сего дела повелит собрать чрезвычайный совет; а между тем показал Талии новую русскую комедию****, сочиненную одним молодым писателем[15]. Талия, прочитав оную, приняла на себя обыкновенный свой веселый вид и сказала Аполлону, что она сего автора со удовольствием признает законным своим сыном. Она и записала его имя в памятную книжку в число своих любимцев.

Оттуда ж от 1 августа

Смятение на Парнасе и поныне еще продолжается. Все с нетерпеливостию ожидают собрания совета и окончания сего замешательства. На сих днях великому Аполлону подал челобитную Пегас, в которой просит об отставке[16]. Как скоро сия челобитная будет помечена, то мы ее сообщим.

Из Москвы

Безрассуд, житель нашего города, помешался в уме, прочитав книгу «Разговоры о множестве миров»[17]. Сему удивляться не надлежит; ибо *Безрассуд* воспитан был под присмотром старушки, которая все известные простонародные басни о сотворении мира в самом еще младенчестве ему затвердила. *Безрассуд*, достигнув совершенных лет, не достиг, однако ж, ни совершенного ума, ни истинного о вещах понятия. С летами его суеверие и невежество приходили в совершенство. В таком-то состоянии прочитал он Фонтенелля; на всякой странице находил он не ясные о системе мира предложения, но тьму непроницаемую и удаляющуюся от его понятия. Он вострепетал, читая, что звезды подвижные суть такие же миры, каков и наш; что солнце стоит, а земля ходит; огромность висячих над нами тел и что оные один вокруг другого, а все совокупно с землею и с нами так скоро вертятся около солнца, его поразило; куда он ни ходил и где ни сидел, везде казалось ему, что какой-нибудь мир оборвался и весь земной шар стремится расшибить в пыль; то представлялось ему, что планета, сбившись со своего пути, зацепила землю и отбросила оную к солнцу и что мы уже пылаем; иногда казалось ему, что он видит землю вертящуюся, и для того хватался за что попадалось, чтобы не упасть; словом, Фонтенелль и последние *Безрассудова* ума отнял крошки. Он не выходил из комнаты, не пил и не ел целые три дни; напоследок,лишившись совсем ума, ездит ныне ко своим родственникам и знакомым и прощается, сказывая, что он в висячие отправляется миры для проповеди и что он там, яко у непросвещенных людей, всеконечно за веру пострадает.

Миловида намерена разыграть любовную лотерею, в которой весь выигрыш в одном билете, а прочие все пустые. Число пустых билетов не определяется: ибо оные по числу охотников к розыгрышу сей лотереи будут прибавлены или убавлены; выигрыш составляет *цену любви*. Раздача билетов начнется с 1 числа сентября месяца по всякий день в доме госпожи *Миловиды*, где и цена оным будет объявлена.

Некоторый стихотворец по довольном самого себя рассмотрении нашел, что он во всем с славными нашими

стихотворцами равняться может; чего ради о том чрез сие для сведения и объявляет, чтобы его никто ниже тех стихотворцев не считал и неведением не отговаривался.

ПОДРЯДЫ

Издателю «Трутня» для наполнения еженедельных листов потребно простонародных сказок и басен: ибо из присылаемых к нему сатирических и критических пиес многих не печатают; а напечатанные без всякого стыда многие принимают на свой счет и его злословят за то повсеместно; желающие в поставке помянутых сказок подрядиться и взять не свыше рубля 25 коп. за сто могут явиться в его доме.

ПРОДАЖА

Плоды невежества, глупости и самолюбия некоторого сочинителя продаются в его доме повольною ценою.

ОТЪЕЗЖАЮЩИЕ

Троекратно за взятки отрешенный судья добивался места с повышением чина; но, по несчастию, просил он о том такого господина, который прежние его грабительства имел еще в свежей памяти и оные почитал истинным беззаконием: чего ради он ему в прошении отказал. Судья, огорчась сею несправедливостию, отъезжает во свое поместье ко утеснению бедных своих соседей.

Профессор карточных азартных игр поссорился с полициею и для того отъезжает в Москву.

*Chicaneau**, природный француз, находившийся у некоторого господина в должности управителя, отъезжает в Москву для приискания себе другого места; а управительское принужден он был оставить для того, что требовали от него исправных счетов; а француз сей арифметике не учился.

Отставной канцелярист, живший здесь для хождения за делами, отъезжает в Москву и хочет вступить там

---

* Сутяга *(франц.)*.

в должность поверенного, а здесь ему стряпчим быть заказано по некоторой причине; во утверждение сего запрещения он был здесь высечен плетьми.

Fripon *, гасконец, приехавший сюда с новою лотереею, отъезжает в Москву; здесь ему не очень понравилось, затем что мало игроков, хотя лотерея сия и весьма расположена искусно, а именно: что кроме безделиц выиграть ничего не можно.

«ЖИВОПИСЕЦ». ЛИСТ 6. ВЕДОМОСТИ

В Санктпетербурге

Из гостиного двора

Купечество наше, торгующее в гостином дворе, претерпевает великое помешательство в торговле от прогуливания знатных госпож и господ по гостиному двору. Сия мода недавно вошла в употребление; и купечеству нашему тем более вредна, что госпожи и господа приезжают туда в великом множестве; садятся на лавках беседовать; пересматривают все товары, какие только есть; разговаривают о нарядах и любовных делах; пересмехают всех проходящих, а между тем купцы теряют напрасно свое время. Посредственного состояния люди, видя в лавках знатных людей, из учтивости проходят мимо и не покупают нужного для своего употребления. Сии тягостные для хозяина гости, просидев часа два в лавке, выходят; а купец принужден бывает часа три прибирать разбросанные товары, которые гостям своим показывал и из которых они ничего не купили. Пришедшие для покупки товаров люди уходят домой и принуждены бывают приходить в гостиный двор раза по три за тем, что бы могли они искупить в десять минут. Гости гостиного двора переходят из лавки в лавку, ищут знакомых; находят и с ними еще садятся

* Жулик *(франц.)*.

и разговаривают до того времени, как уже будет поздно. Купечество наше обещает от себя немалое награждение тому из модных господ, который чрез искоренение сея моды доставит им свободную торговлю. Награждение сие, как сказывают, состоять будет в том, что вся Суровская линия, сложася с другими, сделает благодетелю своему кредит на десять тысяч рублей. Должно ожидать от сего желаемой пользы: ибо кто найдет себя в состоянии вывесть сие из моды, тот не захочет потерять сию находку. Купечество же потерю свою считать будет тогда не более как в трех тысячах рублей.

Из Миллионной[1]

Здесь применена великая перемена в продаже книг. Прежде жаловались, что на российском языке не было почти никаких полезных и к украшению разума служащих книг, а печатались одни только *романы* и *сказки*; но, однако ж, их покупали очень много. Ныне многие наилучшие книги переведены с разных иностранных языков и напечатаны на российском; но их и в десятую долю против *романов* не покупают. Прежнему великому на *романы* и *сказки* расходу причиною было, как некоторые сказывают, невежество; а нынешнему малому наилучшим книгам расходу полагают причиною великое наше просвещение. И подлинно, благодаря нашему самолюбию мы ныне так стали разумны, что не только ничему уже не хотим учиться, но и за стыд почитаем упражняться в науках, а еще и паче во словесных. Что ж касается до подлинных наших книг, то они никогда не были в моде и совсем не расходятся; да и кому их покупать? просвещенным нашим господчикам они не нужны, а невеждам и совсем не годятся. Кто бы во Франции поверил, если бы сказали, что *Волшебных сказок* разошлося больше сочинений *Расиновых*?[2] А у нас это сбывается: *«Тысяча одной ночи»*[3] продано гораздо больше сочинений г. *Сумарокова*. И какой бы лондонский книготорговец не ужаснулся, услышав, что у нас двести экземпляров напечатанной книги иногда в десять лет насилу раскупятся? О времена! о нравы![4] Ободряйтесь, российские писатели! сочинения ваши скоро и совсем покупать перестанут.

Из Москвы

Свирепствовавшая в нашем городе заразительная болезнь[5] прекращена совсем премудрыми учреждениями дражайшия матери всея России и неусыпными попечениями некоторых истинных сынов отечества[6], приносивших жизнь свою в жертву смерти для нашего избавления. Да начертает истина имена их во храмах Славы и Вечности! И мы паки наслаждаемся вожделенным спокойствием. О, когда бы могла так скоро истребиться другая болезнь, в Москве и Петербурге укоренившаяся! Под сею болезнию разумеем мы слепое пристрастие некоторых знатных российских бояр и молодых господчиков ко всем иностранцам. Ко стыду нашему, сие пристрастие весьма далеко простирается: российские ученые, художники и ремесленники ими презираются, а иностранные, хотя многие и без всяких достоинств, ими отлично принимаются, защищаются и всегда находят их покровительство. Да истребится сие вредное и ни которому народу не свойственное пристрастие; да воздается достоинствам иностранных должная справедливость; но да ободрятся и сыны отечества, и процветут в России науки, художества и ремесла, и да будут презираемы все ненавидящие отечество!

Из Ярославля

Ярославль известен был прежде прекрасным только местоположением и мануфактурами, а ныне славится и хорошими сочинениями. В нашем городе сочиненные комедии представляются в Санктпетербурге на придворном российском феатре; принимаются с превеликою ото всех похвалою и почитаются лучшими комедиями в российском феатре. И мы можем хвалиться, что Ярославль первый из городов российских обогатил русский феатр тремя комедиями в наших нравах[7]. Поговаривают, что и в других российских городах принимаются за сие упражнение. У нас на Руси все делается по моде: но дай боже! чтобы полезные моды почаще входили во употребление и чтобы науки и художества процветали во всех российских городах так, как в Петербурге и Москве.

Из Твери

Недавно чрез наш город проехал в Петербург какой-то славный *Выдумщик.* Он рассказывал нам о себе великие чудеса и показывал более ста *выдумок*, им сочиненных. Между прочими выхвалял он более всех сочинение, в котором он предлагает способ для приохочивания молодых российских господчиков ко чтению русских книг. Оный в том состоит, чтобы русские книги печатать французскими буквами. Г-н *Выдумщик* уверяет, что сим способом можно приманить ко чтению российских книг всех щеголей и щеголих; да и самых тех, которые российского языка терпеть не могут. Он утверждал, что если эта его выдумка произведется в действо, то он надеется от сего великого успеха: потому что, по его мнению, французские буквы мягкостию своею очистят всю грубость российского языка. Сей великий человек недолго промешкал в нашем городе и поскакал в Петербург.

ИЗВЕСТИЯ

Будущего июня 10 числа в доме г. *Наркиса*, состоящем в Вертопрашной улице, будут разыгрываться лотерейным порядком сердца разных особ, в разные времена г. *Наркисом* плененные и за ветхостию к собственному его употреблению неспособные. При каждом сердце отданы будут и крепости на оные, состоящие в любовных письмах и портретах. Билеты можно получать в собственном его доме, где и цена оным будет объявлена.

Недавно приехавший француз учредил для молодых благородных и мещанских детей школу, в которой преподавать будет все в карточных играх употребляемые хитрости и обманы, в каждый день от 10 пополудни до 5 часов пополуночи. Сей честный и некорыстолюбивый француз обязуется как сему, так и другим разным к обогащению себя средствам обучать учеников своих без всякой платы. Но чтобы ученики его больше уважали его наставления и более бы имели прилежания ко скорейшему обучению, то требует он только сей безделки, чтобы они играли с ним на чистые деньги. Впрочем, он клянется французскою своею совестию, что в скорое

время учеников своих приведет в такое состояние, что они других обучать будут. Сей учитель живет в улице *Разорение*, в доме г. *Бесстыднова*.

«ЖИВОПИСЕЦ». ЛИСТ 20. ВЕДОМОСТИ

В Санктпетербурге

Из гостиного двора

В «Ведомостях живописцевых» артикул, из гостиного двора поставленный[8], во многих благородных особах на сего дерзкого газетьера справедливое произвел негодование. В оном артикуле упомянуто, будто многие знатные господа и госпожи без всякия нужды приезжают в гостиный двор, ходят из лавки в лавку, перебирают ненужные им товары и тем будто отгоняют купцов посредственного состояния, а чрез то, по его мнению, приключают вред в торговле нашей. Кажется, никакой нет нужды уверять наших читателей, что все газетьеры ведомости свои почасту наполняют разными выдумками и ложью: это всякому известно; и мы не ответствовали бы на сию очевидную ложь, если бы не старались оправдать себя пред знатными господами и госпожами в том, что сей артикул поставлен без нашего согласия. Мы больше имеем попечения, нежели как думают, о сохранении господской доверенности к нашей совести; она нам столько ж нужна, как им кредит наш к их мнению. Впрочем, мы не много будем иметь труда опровергнуть лжи, сим газетьером рассеиваемые, и начнем с первого.

Прогуливание знатных господ и госпож по гостиному двору не только что не делает торговле нашей вреда, но еще и прибыль приносит; без сего, кто бы покупал в большом количестве выписываемые и привозимые к нам многие французские безделицы, которые расходятся ныне в великом множестве? Без сего с кого бы могли мы брать четверную цену, отпущая в долг товары? Опричь сего прогуливание и ту приносит нам прибыль, что когда госпожи соберутся в лавку и с нами милостиво разговаривают и изволят шутить, тогда и мы, будто шутя, показываем какие-нибудь завалявшиеся безделицы, прося притом, чтобы их как-нибудь ввели в моду;

и часто случается, что от таких безделок получаем прибыли гораздо больше, нежели как от самых лучших товаров. Когда приезжают к нам любовник и любовница, тогда мы наперехват стараемся звать их к себе в лавки; тогда, не щадя трудов своих, сами стараемся показывать всякие товары и перебиваем все куски: от сего имеем мы превеликую пользу; ибо в такое время у любовниц превеликое бывает желание покупать, или, лучше сказать, брать, всякие нужные и ненужные товары, а за сие желание учтивость любовников платит нам всегда наличные деньги. В таком случае господа любовники весьма мало с нами торгуются, а госпожи любовницы хотя и говорят почасту: «Ах, как это дорого! ужасно! нет, я этого не возьму; я бы хотела это купить: но это чересчур дорого»; но мы не пугаемся таких отговорок, потому что *я бы хотела это купить, но это чересчур дорого*, как сказывают, на любовном языке значит: *ежели ты не скуп, так заплати за это деньги.* И мы так применились к таким двоесмысленным словам, что из требуемой цены ни копейки никогда не уступаем, говоря притом: «Это, сударыня, очень дешево; другому бы я за такую цену не уступил; а его чести уступаю для того, что он всегда соизволит покупать товары на готовые деньги; а притом, милостивая государыня, мы умеем разбирать людей и знаем, с кого какую просить цену: поверьте чести моей, что его милость копейки даром не бросит». Тут мы все трое усмехнемся; а господин тотчас станет уверять госпожу, что это недорого, и, заплатя деньги, скажет: «Он детина совестный, обманывать не станет». Между прочим в «Живописцевых ведомостях» упомянуто, что госпожи, сидя в лавках, пересмехают проходящих; но и это никакого не делает нам вреда: ибо многие дворянки, не весьма далекие в модном свете, и также мещанки, почитая такие лавки наполненными модными товарами, всегда к нам приходят и покупают товары. Но чтобы избежать насмешек от модных госпож, то приезжают они на гостиный двор обыкновенно в такое время, когда не прогуливаются. Что ж касается до обещанного в «Живописцевых ведомостях» награждения тому, кто бы вывел из моды прогуливание по гостиному двору, то кажется, что сие и не заслуживает нашего опровержения. Впрочем, у нас в гостином дворе слух носится,

будто купечество наше тому, который напишет на сего газетьера сатиру, обещает награждение, состоящее в благосклонности тех господ и госпож, которые сей артикул взяли на свой счет и на Живописца прогневались.

Из Москвы

Модное наречие петербургских щеголих многим нашим девицам вскружило головы. Все такие модные слова, в «Живописце» напечатанные[9], они вытвердили наизусть и ввели в употребление; но притом чувствуют еще в оном наречии великий недостаток: почему хотят посылать нарочного поверенного, который будет стараться все слова, в модном наречии употребляемые, собирать и сообщать к нам в Москву. Сим способом надеются наши девицы до такого же дойти совершенства в помянутом наречии, как и петербургские щеголихи. Впрочем, надлежит отдать справедливость нашим жителям, что в переимке новых мод они должны почитаться не последними.

ИЗВЕСТИЯ

Некто из молодых господ, умеющий жить во свете, одеваться по моде, чесать волосы со вкусом, танцевать прелестно и петь французские песни с наилучшими манерами, третьего дня ехал в богатой своей английской карете, запряженной шестью прекрасными лошадьми, и, проезжая мимо гостиного двора, обронил *кредит*; кто оный поднял и возвратит сему господину, тому обещает он покровительство свое при дворе.

Некоторой даме не последнего класса во время прогуливания ее по гостиному двору от некоторого молодого дворянина сделано любовное предложение; почему для сведения его объявляется, что ежели он говорил это не в шутку, то, справясь бы с ежегодными своими доходами, явился в собственном сея госпожи доме, о котором ему объявлено и который куплен ею на имя судьи *Кривосудова*.

ПОДРЯДЫ

Некоторому молодому господину потребен секретарь, который бы умел сочинять комедии и писать стихами

песни и другие мелкие стихотворения. Но притом требуется, чтобы сей человек был трудолюбив и скромен до чрезвычайности: сие особливо для того, что сей господин написанные секретарем его сочинения хочет выдавать за свои собственные. Кто пожелает вступить в сию должность, тот может явиться в собственном сего господина доме, состоящем в *Тщеславной* улице.

Некоторому знатному родом и заслуженному, по его мнению, господину потребно до двенадцати молодых, неглупых, проворных и умеющих вкрадываться дворян. Он обещает содержать их на своем иждивении; а должность их состоять будет в том, чтобы сии молодые люди проповедывали повсеместно милосердие к бедным сего господина, которого, однако ж, он не имеет; его любовь к отечеству, о которой не имеет он и понятия; и приписывали бы ему всевозможные добродетели. Сим способом надеется он прийти в любовь ко всем и получить чины, которых он по знатности своего рода давно имеет право требовать. Желающие вступить в сию должность могут явиться у него самого в собственном его доме, построенном из корыстей, полученных прапрапрадедом его под Чигирином.

Престарелый Селадон[10] хочет иметь у себя в услужении прекрасную и молодую девушку: должность ее состоять будет в том, чтобы по утрам и вечерам подавала ему шоколад. Напротив того, обещает он ей ежегодное богатое содержание с тем, чтобы сия девушка весьма была исправна в своей должности, и с таким притом примечанием, чтобы она никогда и никому не давала из той чашки, из которой будет он сам пить: ибо сей дворянин в таком случае весьма завистлив и разборчив. Которая хочет вступить в сию должность, та может явиться у господина Селадона немедленно: ибо по моде нашего времени надлежит ему сие неотменно сделать.

Ф. А. ЭМИН

ВЕДОМОСТИ ИЗ АДА

(июль)

Из-за реки Косита

Вчерашнего дня переправился через реку Косит[а)] Его Высокородие г. воевода ** и был в доме господина Харона,[1] интенданта и хранителя всех адских берегов и дорог. Сей вельможа подписал господину воеводе пашпорт, засвидетельствовав, что он, живучи в свете, был добрый человек и что только за ним было всего порока, что во всю жизнь не имел ни совести, ни чести.

Из Ахеронии[б)]

От его бесовской светлости Плутона к управителю сея провинции прислан приказ, чтоб почтенным и преподобным отцам езуитам, туда на поселение прибывающим и изо всего света за их езуитские поступки выгоняемым, отводить выгодные места и довольствовать их безденежно всем тем, что ад в себе лучшего имеет. Недавно перевезено через реку Ахерон множество женщин, из ада в сию провинцию посланных, которых повелено выдавать замуж за г. езуитов. Между сими женщинами многих знатных бесов, чертей и прочих разных классов адских жителей находятся дочери, которые будут отдаваться смотря по достоинству человека. Преподобные отцы езуиты в своих книгах написали, что ни один монашеский орден столь много добродетели целомудрия не сохраняет, как они. В рассуждении чего его светлость Плутон велел их удостоить бракосочетанием с дамами во аде первых рангов. Некоторый их Провинциал, яко глава сего ордена будет сочетан браком с дочериею

а) *Косит,* баснословная река, через которую во ад странствующему должно переправляться.

б) *Ахеронией* называется земля, лежащая при берегах реки Ахерона, которая плывет огнем. Кто пожелает получше узнать положение той земли, тот пусть сходит в библиотеку г. Харона. Там найдет обстоятельные всех адских провинций ландкарты.

Июды, по сходству их в свете упражнений; ибо и г. езуиты, называясь товарищами христовыми[c], не раз его продавали своими поступками[2].

Из присоединенных к аду провинций

Вчера к вечеру прибыл к нам из ада его святейшество Папа***[3], которого велено держать под крепким присмотром, дабы назад во ад не возвратился; при всем том приказано его содержать великолепно, как того знатность его особы требует. Для делания разных на его стол напитков, привезено из ада несколько тысяч бочек смолы и несколько сот анкорков соку из аконита,[a)] из которого для его святейшества будет сделан преизрядный бишоф. Причина папской ссылки следующая. Как был его святейшество представлен их адским светлостям Плутону и Прозерпине[4], то после оцелования их светлостей рук, так что у него в ту же минуту губы сгорели, уведомил сих владетелей о своем чине, потом и о могуществе, которое имел на свете, сказав, что он, живучи в Риме, имел власть продавать и царство небесное[5]. Плутон, сие услышав, вздрогнул на своем огненном престоле и с гневом сказал папе: «Когда ты мог продавать царство небесное, то и мое здесь кому-нибудь продать или заложить, либо на аренду отдать отважишься». Опасность, чтоб не утратить своего владения, заставила его адскую светлость Плутона отослать его святейшество к нам с приказом, дабы его за границу не выпускать.

Из Тартаров, столичного адского города

Две штатс-дамы ея адской светлости Прозерпины вчерашней ночи больно подраться изволили. Ревнивец Астурий, за которым они обе были замужем живучи в свете, на старость рассудил за благо странствовать в наши земли. Коль скоро упомянутые барыни мужа своего увидели, то побежали к нему навстречу; однако прежде, нежели заключили его в свои объятия, схватились за волосы, каждая из них закричав: «Это законный мой

---

c) Заводчик сего ордена Игнатий из Лойолы, назвал оный сими двумя словами: Compania Jesus, т. е. товарищество Христово.

a) Аконит, трава горчайшая, которой сок всех ядов смертоноснее.

муж! Он мне принадлежит». Старик им сказал: «Теперь по здешнему закону я и вы черту принадлёжим». Однако они, невзирая на его слова, бились по щекам, не допуская одна другую поцеловаться с мужем. Наконец, волосы, за которые дружка дружку держала, у них остались в руках, и, одна от другой вырвавшись, бросились вдруг целовать своего супруга. Губы у них, как раскаленное железо, были горячи, и все лицо Астуриево сожгли. Тогда он закричал: «Я по смерть только обещал вас любить. Теперь квит изо всего: подите от меня прочь! Любите того черта, который вам угоден; я ревновать вас не стану; провалитесь от меня, делайте, что хотите». Однако, не взирая на Астуриево отрицание, супруги с великой любви, схватя его за волосы, потащили к Плутону, который в награду за Астуриево ревнование приказал ему столько дать во аде жен, сколько султан имеет в серале.

Из Форштата, города Тартаров

Славный откупщик разных напитков прислал сюда своего приказчика, который живет в нашем предместии и хочет все адские горючие вещества откупить, дабы оными всех подданных Плутоновых довольствовать и нажить себе от того великую прибыль. Однако ж ему адское правление в том отказало. Он бы и наших всех приказных людей весом денег перетянул на свою сторону; но та беда, что к нам приходят все голяки и не привозят с собою денег, на которые едва бы и наш адский житель не полакомился.

Продавать во аде нечего; ибо там все голы потому, что свое имение здесь слабым людям оставляя, туда все идут философствовать. И как оттуда никто не выезжает, знать потому, что там жить очень хорошо, то и об отъезжающих в адских ведомостях никаких ведомостей не будет.

АДСКИЕ ВЕДОМОСТИ

(АВГУСТ)

Из-за реки Косита

Переплывшие через реку Косит почтенные отцы езуиты просили господина интенданта Харона о пашпорте для вольного проезду во ад. А когда их спросил

господин интендант от строения берегов и дорог, по каким причинам они, оставя свою землю, прибыли в наше государство, то преподобные отцы ответствовали, что нет уже на свете земли, в которой бы им без опасности жить было можно; что во Франции за возмущение народов близки были к виселице[6], но что бегством от оной избавилися. Что по той же самой причине в Ишпании, во всей Италии[7], в Туреции, а наконец, и в Индиях были справедливостию гонимы; что те, из которых каждый достоин быть главою всего света, в Англии, в Голландии и в прочих протестантских землях не могли найти достодолжного им почтения, почему вооружили разбойническое судно в Далмации, хотя всему человеческому роду мстить свои неудачи. Но и море, их достоинств не знающее, им было противно и ветхий их корабль с ними вместе поглотить отважилось, так что они были принуждены ехать из света во ад водою. Все сии их достоинства прописать велел его превосходительство господин Харон в пашпорте, и они на сих днях отселе в столичный наш город отправятся.

Сего дня его превосходительство Харон со всеми своими подчиненными судил некоторое не малой важности дело. Через Косит в небольшой лодке на нашу сторону привезли младенца и дали о том знать его превосходительству. Господин Харон велел сего гостя и тех, кои его перевезли, себе представить. Когда спросил перевозчиков, по какой причине сия безмолвная тварь оставила свет и к нам прибыла, не могши иметь потребных к тому достоинств, то ему ответствовали, что мирным подаянием питающаяся мать, когда его родила, повлеклась к попу и просила, чтобы младенца окрестил; но как у нее не было денег больше пяти копеек, то поп сказал, что ему в тот день крестить было недосуг и чтоб принесла его к нему в другое время. Ребенок был весьма болен и в тот же час, как сия бедная шла домой, скончался. И поелику умер без крещения, то мы его сюда привезли. На что перевозчикам сказал г. Харон: «Сюда люди по делам приходят и по делам определяются им места. Но как сия бедная тварь в свете ничего еще сделать не могла, то в нашем государстве места́ иметь не может». Тогда спросили перевозчики: «Куда же нам его девать, понеже де за рекою, где после смерти никто не приемлется, ему

жить не можно, а в Елисейские поля его не примут»[8]. Сию речь уважив, г. Харон и посоветовав с своими подчиненными, с общего согласия велел написать определение, чтоб младенца отвезти в реку *Неизвестность*, которая течет недалеко от Косита. Потом приказал перевозчикам, чтоб и впредь никогда того рода смертных за Косит не перевозили.

Из присоединенных ко аду провинций

По приказу его адской светлости Плутона присланы к нам Шевалье де*** и Аббе де**, которые недавно переменили жизнь светскую в нашу. Оба сии господа были любимцы владетеля, теперь в Азии и в севере огнь войны воспламенившего[9], и оба скоропостижною смертию скончались. Когда дана им была у его светлости аудиенция, и когда бесовская его светлость, государь наш, их спросить изволил, для чего они неверных с православными поссорили, то они ответствовали, что земля их того терпеть не может, чтоб какое-нибудь государство было их владения счастливее; что сия православная земля[10] так усилилась, что всего севера судьбина от нее зависит; что давно уже правление их употребляет все свое старание, чтоб с часу на час возрастающему сей земли благополучию препятствовать; что часто посылаемы бывают от их владетеля в оную землю разные хитрые их одноземцы; что им приказано разные и почти всегда новые изобретать моды, великолепия и все то, что может служить к дороговизне, праздности, ветрености, непостоянству, роскоши, и от чего слабость народная происшедши, может истребить прежнюю их крепость. Сие услышав, его светлость Плутон сказал сим господам: «Когда вы сию землю возненавидели, то положим, что имеете причину ее счастию препятствовать. Но скажите мне, для чего вы обманываете владетеля сильнейшего в Азии, которому вы теперь тайные союзники?[11] Я слышал,— продолжал Плутон,— от многих магометанцев, от продолжения нынешней войны убегающих и к нам переселившихся, что по совету вашего правления в столичном их государя городе празднована над неприятелем победа, и по улицам кричали, будто 80 000 неприятельских войск побито и взята от неприятеля великая дань, а в самом деле неприятель всегда побеждает его

войско. Скажите мне, какая такой несправедливой выдумки причина?» На что отвечал Аббе де**: «Политика наша состоит в том, чтоб далеко впредь видеть, а лукавство полезно, чтоб всегда у нас было в запасе. Может статься,— продолжал Аббе де**,— что обе сии стороны скоро помирятся; тогда труды наши пропали бы даром, и земля нами возненавиденная нашей бы политике смеялась. Известно вашей адской светлости,— продолжал Аббе де**,— что нынешний султан, имея шесть лет отроду, был заключен в темницу, как того требовала турецкого верховного начальничества жестокая политика, а взошел на престол, имея лет под 60[12], не зная и не могши знать ничего в свете. Следовательно, такого государя легко ко всему привести можно; и когда мы уверили сего владетеля теперь с упомянутою землею воюющего, что он с нее уже получил дань, то можем и впредь его к воеванию с оною землею легко подвигнуть, когда того польза и обстоятельства нашей политики потребуют. Но ежели бы сей в Азии сильный владетель знал правду сущую, то не скоро бы с таким неприятелем воевать отважился, да и нас бы не возлюбил за то, что мы ему посоветовали воевать противу сильнейшего ныне в Европе народа». Тогда сказал Плутон: «Как же вас везде почитают в Европе, зная вашу такую хитрость?» — «Почти большая часть министров европейских государей,— отвечал Шевалье де**,— нашим духом заражены. Везде почти наши одноземцы воспитывают и учат детей, а часто и жен первых рангов вельмож. Уклонность, с хитростию смешенная, доставляет им великую дружбу у многих, и от их проворства баланс часто в других государствах переменяется, а нашему из того бывает выгода; ибо часто выходит, что хотя какой-нибудь владетель и приметит нашу ему вредную хитрость, однако такими до оного дела касающимися его забросают околичностями, что он до тех пор настоящего дела видеть не соберется, доколе оно уже не кончится. Теперь вечная почти нашей земле соперница А...[13] может статься и узнала, что лучше им было защитить остров К.[14] присланием помощи генералу П.[15] Однако пока надумалась, то дело уже все сделано. И теперь во время их с нами впредь войны в Средиземном море, мы, имея сей остров, великие там неприятелю можем делать беспокойства». Его адская

светлость Плутон, опасаясь, чтоб сии хитрые люди и в его владении своей политики не распространили, приказал отослать их к нам.

АДСКИЕ ВЕДОМОСТИ

(СЕНТЯБРЬ)

Из-за реки Косита

Вчера после полуночи, когда все уже петухи отпели, прибыл к нам Его превосходительства Харона ординарец, который был послан в свет к господину*, славному во всем вертопрашном свете сочинителю[16], для провожания сего автора в наше государство. Его превосходительство хотел было наказать жестоко сего провожатого за то, что он к нам прибыл один, без упомянутого г. сочинителя. Но провожатый г. Харону сказал, что дела и некоторые сего автора сочинения могут и без него ему быть изрядными провожатыми, которые прямо его проведут во ад; что ему наскучило толь долгое время ждать сего славного писателя, который с двадцать уже раз его и весь свет своим умиранием обманывал. Тогда г. Харон сему бесу приказал изъяснить вкратце все достоинства сего славного Автора, и он так начал свою речь: «Ежели Ваше превосходительство хотите знать о его совести и чести, то я, яко нелюбопытный бес, ни одной, ни другой в нем не приметил. Извольте, Ваше превосходительство, спросить всех его граждан, из которых многие уже к нам переселились; прочтите Американского Шпиона, многие его дела описавшего[17], а в сочинении его сыщете, что за такие дела, которые многие малодушные и мелкие писатели пером своим прославляют потому, что произошли от сего славного мужа, многие люди посредством некоторого механического инструмента подобного букве П, к нам переселились. Нет почти ни одного такого сочинения, говорят многие, которое бы он вдруг двоим или троим переплетчикам не продал, обязавшися каждому из них совестию и честию не продавать оного никому, кроме одного. Едва шил ли на него такой портной платье, которому бы он не отослал оное назад, сказав, что оно сшито весьма худо, и который бы, боясь его привязок, не уступил ему оное гораздо дешевле договорной цены. Нет почти государя, ни государства, которое бы он не

оклеветал пером своим, если ему никакого подарка не прислало, и которое бы за деньги похвалами до небес не возвысил. Все законы ругает, все обыкновения осмеивает, все сочинения, кроме своих, бранит и во всех науках и художествах, в ученейших и искуснейших людях великих находит недостатки; хотя всему ученому свету известно, что он в одних только словесных науках с великим успехом, но и с немалою порчею молодых людей прославился; а о других науках едва может иметь понятие. При всем том о Невтоне, Картезие, Кларке, Лейбнице, Локке, Баконе, о докторе Виллесе, а особливо об аттракции и геометрии Невтоновой так громко и дурно кричит[18], как выучивший несколько бранливых слов попугай, который бранит, сам не знает кого. Правду ли сие о нем говорят, то, Ваше превосходительство, прочетши все его сатиры и узнав все его дела, сами рассудить извольте, а я только скажу, что в нынешнем веке никто в писании вздоров приятнее его изъясняться не может. В таком роде писания имеет он остроумие чрезвычайное, мысли летучие, разум проницательный и охоту к писанию несравненную. Знает свет и оному угождает; почему поставляют его в великих в учености людях. Ныне он так славен в свете, что лишь только кто начнет обучаться азбуке, то уже сему сочинителю пишет похвалы. Но сие его счастие по большей части происходит оттого, что теперь свет обыкновенно любит безделицы, острые словца, нежные речи и забавные шутки, коими он многих довольствовать умеет. Важный и постоянный Сократ с добродетельным и разумным Цицероном[19] теперь почитаются людьми, писавшими без вкуса, грубыми и великими педантами; а великий муж — господин*[20]. Описывать важные материи важным и от истины нимало не удаляющимся слогом давно не в моде, а в великом употреблении ложь представлять правдою, воздыхать без причины и выдумывать слезы. К чему теперь годятся Платона и Сенеки не правдоподобием, но святою истиною наполненные нравоучения[21], тем, кои имеют счастие читать Пусель д'Орлеан[22], Ле Компер Матиа[23], Кандида[24] и прочие сим подобные книги, что в Ксенофонтовых изданиях и в оных переводе? Автор, говорят разумные по моде, старого завета, пишет правду так смело, как лес ломает, да и то по старому обыкнове-

нию топором, а не пилою, которой зубцы иногда останавливаются. Переводчик прилежен, упрям, от автора нимало не удаляющийся. Благородных же мыслей переводчику должно быть вольному и часто для прохлаждения мысли в разные стороны прогуливаться; смеются те же умники всем переводам Т., столько весьма полезных книг переведшего, сколько критики его не имеют от роду лет[25]. Иной трехденежный свой листок всем его трудам предпочитает и делает лекарство, маково действие имеющее[26]. Все почти кричат: «виват! хорошее»; а о полезном и слова нет. Везде ныне больше смотрят на Флигильмана, оружием так, как ребенок яблоком, играть умеющего, нежели на солдата, дело свое исправно знающего. «Дела упомянутого автора,— сказал, наконец, ординарец,— при котором я долгое время был, и всех его последователей, до тех пор будут в свете в великой славе, доколе люди, позабыв о безделицах, единственно в нужных для общества и для сохранения добродетели делах упражняться не станут. Чего однако ж вряд и нашему роду дождаться». Сию ординарца своего речь Его превосходительство г. Харон, почетши несколько за справедливую, простил его в том, что без отчивной грамоты во ад возвратился.

Из столичного города Тартаров

У его бесовской светлости вчера ужинала знатная Ф*** дама, мадам П**[27], недавно к нам переселившаяся. За столом его светлость Плутон разговаривал с Ея превосходительством о разных светских обстоятельствах. Наконец, спросил ея: «Может ли земля, теперь севера судьбою владеющая[28], иметь довольно способов для своего защищения от пагубной политики ея отечества?» На что, вздохнувши, отвечала Мадам П**: «Сия земля теперь так сильна исправностию и храбростию своих войск, что нимало наших вымыслов не опасается. Народ оныя земли главу своего отечества обожает; оным управляет кротость и благоразумие главы их, а не наглость, с хитростию смешанная, под которой властию стонет наше отечество; а с таким народом, который обожает своего государя, и рады все за избавление его от малейшего беспокойства положить на поле свои головы, дело иметь весьма тяжело нам,

кои за деньги не только от своего владетеля, но и от веры отступить готовы. Известно вашей светлости, что не раз наши полководцы ради серебра басурманились».— «Для чего же,— повторил Плутон,— многие европейские народы вас толь много почитают, когда честь в вашем государстве так давно вдовеет, что и поныне никто с оною соединиться не хочет? Я слышал, что и та земля, которую вы теперь ненавидите за то, что всем вас сильнее и достаточнее, от вас политике и разуму учится?» На что отвечала Мадам П**: «Юноши благородные сея земли для того в наше государство странствуют, чтобы просветиться, но, прибыв к нам, скоро усматривают, что они гораздо больше нашего знают; ибо чему можно научиться у такого народа, который каждую почти минуту переменяет свои мысли и совесть: тогда они, раскаявшись, что к нам приехали, проматываются и становятся ветреными, чтобы их единоземцы им не смеялись, ежели бы возвратились в свое отечество, ничего у нас не переняв. Впрочем, я не знаю, чему бы им от нас научиться можно было? Разуму ли? Оный основан на ветрености. Управлять своими подчиненными? По-нашему, их разорять должно. Обхождению ли с людьми? Оно в каждый час переменяется. Художествам ли? Оные англинскими художниками порабощены. Наукам ли? Где ныне нет академий. Храбрости ли? Она у нас от чужих ошибок рождается; да и можно ли сему народу ездить к нам за тем, что везде в земле их родится? Народ, от Швеции до Китая границы свои распространивший, гордого защитника Риги и Нарвы победивший[29], дерзкого янычара в Константинополе устрашивший и многих иных сильных и беспокойных государей усмиривший, может ли учиться храбрости у народа, волосочесательное искусство всему предпочитающего?

Что касается до наук, то оные у нас с часу на час больше изнемогают. Давно уже у нас Колбертов не стало[30]. Академии наши теперь описывают похождения прекрасных Монтбазонш, Шатилонш, Немуршей и прочих[31]. Науки от нас начинают переселяться в север, а северные жители, с оными на пути разъехавшись, у нас их ищут. Может статься, прельщают их некоторые наши сочинители, из которых лучшие всегда строят храмы просвещения, доброго вкуса и чести; но

никогда оных храмов не окончат; ибо прежде, нежели таким их зданиям положено будет основание, мыслить новая настанет мода, вкус будет другой, вся прежняя архитектура разума состареется и выдет из употребления; а теперь все люди, ученостию и хорошим вкусом хвастающиеся, тщатся рассуждать по моде. Где недавно до небес возносили книгу Б ***, там ныне оной предпочитают К **, которую книгу, если бы к нам возвратясь, Сократ или Цицерон прочли, назвали бы ее двоюродною сестрою Бовы Королевича[32]. Земля Елдорадо, красношерстные К** бараны, число его сокровищ, с которыми он умирал с голоду, и все сего героя дела похожи на такие романы, каков Бова Королевич, Петр золотых ключей и проч[33]. Разность между ними только та, что слог К** получше и вброшено в нем в невозможный вздор горсть острых слов и забавных выражений, которые молодым и ветреных мыслей людям нравятся и тогда, когда наполнены соблазном и развращением; напротив того, в Бове Королевиче нет таких неблагопристойностей и слуху противных выражений (как например сие: *o che sciagura d'essere senza Caz...*)[34], какими наполнен К**. Ежели кто скажет, что сия книга весьма хороша, то должен прибавить: слава богу, что намерение ея не многие понимают.

Правосудие наше теперь живет в доме наследников господина Изабо*. Без них ничего решить не можно, а они решат дела не по большинству голосов, но по большинству денег. У нас в публичных собраниях стряпчий дает свое мнение. Судья, сидя за столом справедливости, проверяет счет, который ему за вчерашний день подал дворецкий. Владетель читает мадригалы, любовнице его ласкателями посвященные, а о низком народе и о его несчастии стоит ли и подумать? При таком нашего отечества состоянии может ли сия сильная земля нас опасаться? Все наше счастие теперь в том состоит, что пограничные народы думают, что мы и поныне еще люди». Сей госпожи речь выслушав, Плутон сказал: «Вижу, что из всего прежнего вашего душевного

---

* Изабо был славный парламента секретарь. Все дела без его скрепы были почти неважны; в собраниях давал мнение и у всех судей имел доверенность. Но был человек из рода тех людей, кои без денег на истца и посмотреть не хотят.

имения осталась только у вас хитрость. Но придет время, что и она когда-нибудь от голода отупеет; ибо ежели брюхо голодно, то и голова немного умничать может». Между тем обед кончился, и Мадам П** уехала в свой загородный двор.

Н. И. СТРАХОВ

Сатирический вестник,
удобоспособствующий разглаживать наморщенное чело старичков, забавлять и купно научать молодых барынь, девушек, щеголей, вертопрахов, волокит, игроков и прочего состояния людей, писанный небывалого года, неизвестного месяца, несведомого числа, незнаемым Сочинителем

ЧАСТЬ I

САТИРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 10676

НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА
897168 ГОДА, ВО 180 ДЕНЬ

ИЗ ГОРОДА М.......
НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА ОТ 87 ДНЯ

Здесь находится множество молодых людей, приехавших в отпуск для праздного жития. На денежки родителей своих настроили они себе богатые кареты, накроили множество кафтанов, навешали на себя множество цепочек, наполнили карманы табакерками, сувенирами и наперниками; груди опоясали модными пуговицами, шеи увязали в жабо, руки оковали в брилиянтовые кольца, ноги стянули продолговатыми пряжками, головы преобратили в. ранжереи, волосы и пукли — в висячие Вавилонские сады[1], всю же сию наружность достоинств своих окутали в полосатое. С таковыми-то снарядами рыскают они по всему городу, везде знакомятся, во все общества приемлются, лепечут с прекрасным полом, вертятся, прыгают, хохочут. Имея худое воспитание,

сердце, необразованное просвещением и добродетелию, сии молодые люди вообще не предполагают никаких целей в жизни своей, редко бывают честными людьми, добрыми гражданами и содругами ближних. Таковых-то сердца и головы без разбору наполняются всем, что только пороки имеют в себе вредного и гнуснейшего. Поелику искушения девиц, сети, подставляемые молодым супругам, по удивительной силе страстей и развратности нравов вменяемы стали за блистательные достоинства юношей, то сии-то юноши отважились явно выдавать себя так называемыми волокитами. Сии открытые враги благонравия и спокойствия общественного, куклообразные волокиты, несмотря ни на что почитаются однако ж людьми, да еще и такими, которые превосходнее настоящих и истинных человеков. Имея подделанный разум, изобилуя в вытверженных словах, искусны будучи в разных уклонках, вертениях, скочках, поклонах, прищуривании глаз и вздохах, они удобно успевают уверить в том женский пол, что накладные их дарования есть истинные достоинства. Красота, имеющая похвалы единою для себя пищею, находит в них безумолкных прославлятелей. Прекрасный пол весьма верит как одобрениям, так и страстности сих тварей; ибо женщины обыкли поставлять все удовольствия жизни своей в искусстве уверять себя в мнимых своих достоинствах, так равно и в том, что ложно оказуемая им страстность и уважение суть истинны.

С сими молодыми людьми родители прекрасных девушек нарочито знакомятся, втайне предопределяя их в мужья дочерям своим; сии же сводят радостно таковые знакомства, втайне думая только, чтоб за ними волочиться. Из сих одна другой противополагающихся мыслей происходят разные несчастные последствия. В городах, а наипаче в уездах сии люди, составляя гнуснейшие сообщества растлителей честных нравов и супружеских должностей и добродетелей, считают славные свои дела по числу срама, беспорядков и бедств, изливаемых ими на век целых семейств; поставляют себя великими, потому что велики в пороках и бесчестии; поставляют себя просвещенными для того, что весьма тонки в придании порокам вида добродетелей, а сим — в придании наружности пороков. Что значит таковое ремесло, и кто придает ему имя

блистательных достоинств? Те, кои сами имеют супруг, дочерей, сестер и родственниц; те, которых сердца должен некогда коснуться яд, изливаемый сим пороком; те, которые рано или поздно долженствуют увидеть среди собственных семейств своих скорбную рану бесчестия.

ИЗ К...... УЕЗДА НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА ОТ 89 ДНЯ

В здешнем уезде весьма редко слышно о браках. Худое воспитание и многие странные свойства нынешних девушек суть наиглавнейшими тому причинами. Зараза роскошью, надменность пустыми преимуществами, страсть к тщеславию, ложное честолюбие и гордость наипаче всего полагают оплоты к бракосочетанию. Самые малые и, можно сказать, от слабоумия проистекающие понятия служат также затруднениями супружеским союзам. Многие предложения здешних дворян отвергнуты были как девицами, так равно и родителями их по самым почти более нежели смешным основаниям. Некоторым отказано было единственно только потому, что не имеют права возить свою повозку четырьмя или шестью лошадьми[2]. Нашлись здесь такие девицы, которые именно назначили и положили, какого достоинства и чина должен неотменно быть тот, кто хочет искать чести соделаться их супругом. Таковые затеснили головы свои требованиями, чтоб никто иной не принимал дерзновенья свататься за них, как тот, который имеет чин полковника или бригадира. Сии чинолюбительницы мало размышляют здесь о том, что для невест всего государства невозможно набрать толикие тысячи полковников и бригадиров; не трудятся также они ломать своей головы и домыслить, что правительство для таковых затейных мыслей не благорассудит раздавать толь нарочитое множество чинов; нимало не представляют, что чины служат означением награждаемых заслуг, приобретаются течением не краткого времени: следовательно, и невозможно, чтоб женихи и молодые люди от 20 до 30 лет были такими же полковниками и бригадирами, как их отцы, имеющие уже от роду 60 и 80 лет. Итак, будучи дочери сих чиновных людей, подкрепляемые внушениями и толкованиями семейства своего и знакомых, они полагают, что самая природа судила им ездить на шести

или четырех. А по следствию таковых понятий почитают за несчастие и низкость присоединить участь свою к человеку, хотя бы впрочем достойному, но потому токмо для них неприличному, что он имеет право ездить только на двух или четырех, а не на шести лошадях.

Сии странные и истинного сожаления достойные заблуждения последуются и заменяются у других чуднейшими и гораздо слабоумнейшими мнениями о браке. Находятся в нашем уезде такие девицы, которые отказывали предложениям молодых людей для того, что они подобно первым в очередь свою сделали такое положение, что тот, кто желает учиниться их супругом, должен иметь известное и назначенное уже ими число крестьян или прочего какого-либо имущества. Таковое число крестьян, по мнению их, неотменно должно простираться от 500 до 1000. Сии также не расчислили, что для невест всего государства нельзя набрать такое множество достаточных женихов, чтоб каждый из них имел за собою 500 и 1000 душ; ибо для выполнения таковых желаний надлежало бы, чтоб государство наше равнялось пространством своим со всеми четырьмя частями света и владения сих женихов — с целою нашею Европою. Несмотря, однако ж, на все сии очевидные и вредные заблуждения, родители сих девиц, полагая бедность в число самого одиннадцатого греха, не престают внушать сим прелестным розам брака своего отравительных и устрашающих мыслей о бедности; подкрепляют в них те заблуждения, которые и без того уже глубоко укоренены в сердцах их роскошью, тщеславием и рвением к щегольству. По сему-то самому добродетели и дарования здесь вменяются в ничто; напротив того, число крестьян, избыток и деньги занимают всю высокую цену души, сердца и просвещения.

Далее, носятся здесь слухи, что отказывали многим сватавшимся потому только, что родословная одного не весьма далеко простиралась; другого родительница 70 лет, не щеголиха и ходит в платочке; третьему для того, что кафтан его был не с долгим лифом, что он не знает вертеться, жеманиться и вообще не искусен в делании глупостей приятными; иным же потому, что были причесаны не по моде, говорили не болтая, ходили не шаркая, взоры имели кроткие; а вообще

для того, что были жители деревенские, а не городские.

И так сии и сим подобные заблуждения, из коих каждое в очередь распространяет худые и бедственные свои влияния, представляют брак не душою общественного благополучия, не ценою истинной любви, благонравия, дарований и добродетелей, но более такою торговою вещью, которую покупают ложною монетою богатства и честей. Родители дочерей своих, или, лучше сказать, сей товар, с осьмнадцати лет начинают возить каждую зиму в большие города. Несмотря на то, ожидания их столько же бывают напрасны, сколько заблуждения и требования их велики и ложны. Продолжая сие до самой старости, наконец, сии родители с горестию усматривают исчезающую младость дочерей своих; преносясь же ко гробу, видят целую уже семью оных преобращенную или в пустыню или в больницу. Итак, девицы, отовсюду и во всех обретая единых одобрителей заблуждений своих, не имея в подкрепление доброго воспитания и просвещения, покоряя ум свой излияниям свойств века и мало научаясь опытами, проводят молодость свою в заблуждении и праздности, возмужалость — в придумании средств прельщать увядшею красотою своею; напоследок в старости видят около себя таких только мужчин, кои участвуют в одном числе и счете лет жизни их. Они ведут век свой ни от кого не утешаемы, кончив же оный, никем не бывают оплаканы. Такова-то есть истинная картина нынешних понятий о браке худого воспитания девиц и жалостного конца пустой их жизни!

*ИЗ Б...... УЕЗДА
НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА ОТ 94 ДНЯ*

На сих днях, наконец, прибыл сюда из чужих краев сын богатого нашего помещика г. Безмозглова. Молодой Безмозглов во время путешествия и учения своего в чужих краях великие, как слух носится, приобрел познания, из числа коих наиглавнейшее состоит в том, чтоб не узнавать своих знакомых и почитать себя умнее всех. При нем находится ученый гофмейстер, нанятый за великую сумму денег, с тем, чтоб он рассказывал и говорил за молодого г. Безмозглова о том, что он в чужих краях видел и чему научился; также чтоб все

умные свои слова и рассуждения объявлял за слова и рассуждения г. Безмозглова; притом вдобавок извинял бы молчаливость его пред прочими тем глубокомыслием, которое произведено в нем великою его ученостию и долгим пребыванием в Англии. Да и подлинно молодой г. Безмозглов есть редкого ума человек, что самое можно увидеть из нескольких проектов или предложений, сочиненных им по случаю как нынешних военных, так и прочих обстоятельств. Сии важные предложения его состоят в следующем:

1) Учредить бомбы такой величины, чтоб во внутренность оных сажать можно было по нескольку человек; целыми тысячами пущать таковые бомбы в город; и когда оные туда влетят и разорвутся, то посаженные люди, выскочив, совершенно свободно могут город взять и покорить.

2) По поводу того, что в военные времена случается упадать солдатам в столь глубокие рвы, что вылезть из оных никоим образом невозможно бывает, предлагает г. Безмозглов ввести между военными в обычай завивать длинные и крутые косы, так что, упавши в ров, можно бы было сию косу продеть сквозь ног, потом, ухватя оную спереди обеими руками, вдруг дернуть что есть силы и помощию сего выкинуть и выбросить самого себя из рва.

3) Для скорости же в причесывании волос военных людей предлагает г. Безмозглов сделать такой величины сальное бревно, как Иван Великий или Сухарева башня[3], так чтоб под оное уставиться мог и вдруг вымазать себе тупеи целый полк. Также упоминает он о толь большой пудренной кисти, от которой единого маху напудрен быть может вдруг целый полк.

4) В рассуждении же опасностей, наносимых сражениями, предлагает г. Безмозглов выдумать такие ружья для сражения с неприятелем, которые бы, простираясь в длину на несколько верст, чрез сие самое могли наносить неприятелям крайний вред, а самим бы доставляли способы не только избегать смерти, но даже и всякой опасности.

Г. Безмозглов не удовольствовался толь важнейшими открытиями для отечества своего: он распространил и снабдил сочинения свои гораздо превосходнейшими предложениями и примечаниями.

5) Предложил он также о заведении особенного рода удобной почты. Сия мысль его состоит в том, чтоб сделать такую превысокую гору, которая бы место от места покатее простиралась. Таким образом устроенная гора от Москвы до Санктпетербурга и таковая ж оттуда до Москвы могли бы служить средством доставлять наискорейшим образом письма; ибо стоит только великое лукошко, наполненное множеством оных писем, пустить с сей горы из Москвы, то оное докатится чрез несколько часов в Петербург, или оттуда в Москву.

6) Далее делает он описание о почте на голубях и бумажных змеях. О сей последней упоминает он, что можно письма как принимать, так и отправлять оные по анемометру или ветропоказателю, т. е. в которое наместничество ветер, в то бы и писать письма со вспущенным на воздух почтовым змеем. На сии змеи можно бы, прилагает он, сажать почталиона, который, увидя себя над каким-нибудь городом, мог бы находящуюся с ним предолгую веревку опустить и по оной с бумажным змеем и письмами притянут быть в желаемый город.

7) В рассуждении бумажных змеев поступает он к дальнейшим выдумкам, а именно: в облегчении трудов, употребляемых на выдергивание больших деревьев, приглашает он любопытных опробовать выдергивать оные с помощию больших змеев. Стоило бы таковых пятьдесят или более привязать крепко к дереву, и когда бы змеи поднялись от ветра все вдруг на воздух, то могли бы так сильно потянуть, что мгновенно выдернули бы самое превеличайшее дерево.

И так сими-то выдумками и предложениями намерен себя прославить молодой г. Безмозглов; да и надлежит уповать, что подлинно по новости оных сделается он известным. Ко всему тому ученейший сей человек, исключая многих путешествий, учиненных им по всей Европе, знает столь много географию собственного своего государства, что положительно уверяет, будто Россия несколько более графства Гогенлоге,[4] что Сибирь есть город Костромского наместничества, а Камчатка — большое село в Кашинском уезде, что торг лесом производится из степных мест, соболей ловят близ Москвы, а икру и рыбу получаем мы из Украины. Он уверяет, что верста составляет 500 сажен, а 500 сажен составляет версту, и что от Москвы до Петербурга подлинно столько же верст,

сколько от Петербурга до Москвы. Словом, если бы время и место позволяло, то можно бы написать о сем редком человеке гораздо толстейшие томы, нежели сколько в себе содержит пространный Белев Исторический словарь. [5] Таковы-то есть редкие плоды путешествий, чинимых многим иждивением людьми, во всем подобными г. Безмозглову.

ИЗ П....... УЕЗДА НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА ОТ 96 ДНЯ

Молодые люди здешнего уезда по долгом пребывании в неизвестности о моде пряжек напоследок на сих днях освободились от грубых заблуждений своих и разрешили споры о сем важнейшем пункте щегольства. Дамы наши и девицы, с своей стороны, также получили свет и знание о новых пряжках, принадлежащих к их одеянию. Недавно прибывшая сюда молодая чета поспешествовала важнейшему сему открытию. Господин и госпожа Промоталовы навезли сюда много мод, а наиглавнейшая из оных состоит в вышереченных пряжках. Дамы наши узнали от супруги г. Промоталова как о стальных, так и о тех позолоченных и прочих пряжках, которые употребляются для женских кушаков; а молодые наши мужчины получили сведения от самого его о употребляемых ныне продолговатых пряжках. Все дамы, равно как и здешние щеголи, отправили уже немалые суммы для закупки таковых пряжек. Мужчины, имевшие прежние серебряные пряжки, неизвестно почему начали уже оные презирать, велели сбыть их с рук, хотя бы то было за бесценок, а на вырученную за оные сумму, хотя бы и с прибавкою, купить накладные продолговатые нынешние пряжки. Неизвестно, скоро ли здешнего уезда ноги иметь будут вид городских ног, а талии наших дам и девиц украсятся кушашными пряжками.

ИЗ З....... УЕЗДА НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА ОТ 98 ДНЯ

Пронесшийся слух, будто бы в столице дамы оставляют накладки филейные, а мужчины манжеты филейные, повергнул многих здешнего уезда госпож и девиц в великое уныние. Известная гжа Неразсудова, барышня престарелых уже лет, наипаче всех от сей новости предалась сокрушению. Сия госпожа девица, от своеобычности своей

и худого воспитания не могши в молодости своей вступить в брак, долгом сочла окружить себя невольными девственницами. Она собрала в свой дом до 50 девок, которые денно и ношно упражняются только в любимых ею филеях. Сии 50 Лукреций день от дня стареются[6] и, будучи незамужны, время от времени увядают. Лишены будучи способов ко вступлению в брачные обязательства, они, вместо того чтоб в продолжение жизни своей иметь случаи делать излияния на благо правительства и человечества, ничего иного в весь свой век обществу и свету не производят, как только несколько десятков аршин филе. Мода есть тиран, а филе, для которых барышня их полагает быть созданными, изнуряет их век и занимает место брачных уз. Разные решетки, цветочки, узоры составляют все цели жизни их. Сии животные, имеющие в действии одни только иссохлые свои пальчики, изнуряют жизнь свою и пресекают оную филеями, для коих употребляемая игла есть меч, который рушит пустую, в бытности погребенную и ничем не означающуюся их жизнь.

Сему подобных губительных домов в уезде нашем находится великое число. В дворянских домах родители определяют дочерям своим по нескольку таковых девок-филейниц, отдают оных несчастных им в приданое, и девица по следствию своеобычности или худого воспитания, не могши долго вытти замуж, предопределяет сих готовить ей приданое, из филе состоящее, в сем тщетном труде проводить весь век и невольно сотовариществовать ей в девстве. Странные уставы, произведенные свойством века нашего, нашими нравами и нашими обычаями! Кто не ужаснется, видя, что состоянием и благом целой жизни располагают с толиким безвниманием, равнодушием, жестокостью и небрежением? Кто может поверить, чтоб суетность и пустота светской и общественной жизни до толь высочайшего степени возмогли загладить чувствования человеколюбия, что решились претворить подобных себе в те простые махины, которые предопределяются для удовлетворения прихотей и самых ребячеств, от коих, однако ж, между тем простирается та беспрерывная цепь горестей, которая составляет безотрадность, мрачность и бесполезность века нескольких людей?

ИЗ В....... УЕЗДА
НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА ОТ 102 ДНЯ

Ученый муж в гидравлике, здешнего уезда дворянин, который, как известно, назад тому несколько лет, в рассуждении водяного судоходства и для облегчения лошадей, которые тянут барки против воды, предлагал приучать тянуть и вместо лошадей сих употреблять всегда пятящихся назад раков, ныне паки учинил полезное предложение ездить по воде вместо лодок на двух шляпах, таким образом, чтоб у сих шляп вырезать тульи, а для плавания продевать туда ноги. Неизвестно, найдутся ли столь любопытные, чтоб захотели сие опробовать.

ИЗ Р....... УЕЗДА
НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА ОТ 104 ДНЯ

Здесь проявилась модная игра в три и три, почему вист почти во всех домах начали кидать, и сия игра столь по новости своей всем полюбилась, что самые защитники ломбера, старых игр — панфила, тресета, басета, а ла муш и тентере[7] весьма в оную игру углубились. Дурачки, а особливо марьяж, почитаются уже ныне подлыми играми потому наиболее, что в сии игры в деньги не играют. Здесь любят такие игры, которые скоро решат счастие и несчастие, выигрыш и проигрыш. Единственное упражнение здешних дворян состоит в беспрестанном занятии себя игрою. Не проходит почти ни одного собрания, в котором бы игра, обычно именуемая приятным упражнением, не разорила двух или трех человек весьма неприятным для них образом. Почитают здесь людьми весьма достойными тех, кои помощию разных изобретенных ими картежных хитростей бесчестно лишают других имений и живут на собственный их счет. Дамы и молодые девицы пред прочими дают преимущество тем молодым людям, кои носят на себе имя игроков. Не упражняющиеся в картежной игре почитаются дураками или худо воспитанными людьми. Одним словом, старики и обоего полу молодые люди весьма пристрастны к игре; неупражнение ж в оной, по принятому здесь от всех изречению, именуется потерянием драгоценного времени. Все здешние общества и посещения не что иное, как академии картежных игр. В нашей стороне часто не только деньги, но и целые имения из рук в руки переходят. Столичных городов игроки, узнавши о толь ве-

ликой склонности наших дворян к картежной игре, на учрежденную в здешней стороне ярмонку приезжают их обыгрывать в притворном виде разного состояния людей. Они наперед распускают несколько сотен дюжин своих карт и сим средством наверное лишают денег. В нынешнюю ярмонку приехавшие сюда в купеческом платье славные бездельники и игроки Стинов, Онов, и Леев обыграли молодых людей нашего уезда на несколько десятков тысяч и чрез то самое многих разорили и пустили по миру. Сказывают, вышеупомянутые игроки не в одном нашем уезде причинили таковые бедствия. Слух носится, что они под чужими именами с помощию разных плутней и притворств ездят весь год и обыгрывают дворян по ярмонкам, деревням и городам.

Здесь наипаче всех множество молодых людей, не имеющих определенного состояния, заразились склонностию к игре, поелику каждый порознь возмечтал удачею в оной приобресть для себя хорошую участь. Богатые дворяне, получив худое воспитание, исполнены будучи развратности и преданы всегдашней праздности, также в очередь свою избрали игру любимейшим своим упражнением. Сии пущаются в бой против счастия с своим изобилием, а бедные — с последними своими деньгами. Первые разрушают обнадеженное состояние свое и поздно уже усматривают, что самое несчастие для пагубы поселило в душе их склонность к игре. Бедные же, нередко испытывая свое счастие с людьми равного с ними состояния, так сказать, друг у друга последнее грабят, друг друга разоряют, то торжествуют, то мучат и мучимы друг от друга бывают. Итак, страсть к игре крайне свирепствует. Пример и попущение родителей и вообще целого общества суть главнейшими причинами сей вредной для юношества склонности, и сия зараза тем наипаче соделывается неизлечимою, что те, кои служить врачами оной, сами одержимы сею скорбию.

ИЗ Д....... УЕЗДА
НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА ОТ 107 ДНЯ

Здешнего уезда дворяне единодушно приняли кафтаны с высокими лифами и узкою спинкою, так что коротких кафтанчиков более двух или трех не можно найти во всем уезде. Определено иметь всех тех в презрении, которые носят кафтаны без высоких лифов и узкой спин-

ки; да и самые молодые девушки почитают таковых жалкими созданиями. Словом, в стороне нашей все короткое не в моде. Жалко, что здесь все меряют по лифу, и не прежде познают о достоинстве человека, пока не посмотрят на него сзади!

ИЗ П....... УЕЗДА НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА ОТ 110 ДНЯ

Недавно услышали здесь, что начали носить палевого цвета кафтаны, отчего молодые люди, имеющие фраки красного цвета с черными пуговицами, приведены были сим печальным известием в великое замешательство. Многие сделали фраки помянутого палевого цвета; но не успели предаться всем восхищениям своего воображения, как достигает другой слух, что начали носить на кафтанах полосатые сукна. От сего самого молодые люди уезда нашего паки поверглись в печаль и уныние. Но таковые приключения, по отдаленности здешнего уезда от столицы, часто постигают сих ревностных модников. В доказательство того, сколь медленно доходят сюда моды, послужить могут недавно только оставленные здесь те старозаветные фуфайки, у коих, если не в труд будет припомнить, совсем не было пуговиц, но находилась одна только сверху от груди простирающаяся прореха. В таковом дальнем от большого света расстоянии некстати бы толь ревностно последовать моде, однако ж, несмотря на то, многие уже послали деньги для закупки полосатых сукон, которые чаятельно не прежде сюда достигнут, как тогда, когда уже совсем оные носить перестанут, или когда оные изгонятся какою-либо другою материю — змейчатою с кругами, или неизвестно с каким другого манера разводом. Удивительно, что одеваться по употреблению соделалось между людьми такою страстию, которой они последуют, невзирая на неудобства к тому времени, места и обстоятельств. Вертопрах, затеивающий в Париже какую-либо моду, без сомнения едва бы живым от смеха остался, если бы знал, что невзначай и навзбалмашь что-либо им выдуманное занимает и некогда достигает до человека за пять или шесть тысяч от него живущего, и что он сие приемлет с жадностию и уважением!

ИЗ ГОРОДА Т......
НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА ОТ 112 ДНЯ

Господин Бедняков, известный здесь по учености своей, несмотря на беспристрастие и твердость, которые доселе были ему свойственны, находясь в крайней бедности, на сих днях поднес одно сочинение свое г. Простакову, человеку весьма богатому, но нимало не сведущему. Чувствуя толь предосудительный поступок, г. Бедняков сочинил целые три тома в оправдание себя; все сии три части посвятил однако ж г. Фалелеину, который гораздо богатее и гораздо малознающее г. Простакова. Поелику ученые люди здешнего города много и в сем случае его предосуждают, то можно надеяться, что чрез краткое время выдет от него еще несколько томов оправдательных сочинений, которые паки будут от него посвящены каким-либо богатым невеждам. Прибыточный способ оправдывать себя таковым образом в беспристрастии и твердости!

ИЗ С...... УЕЗДА
НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА ОТ 114 ДНЯ

На сих днях прибыл сюда сын г. Тщеслава. Сей молодой человек принят всем уездом столь почтительно, сколько он модно и хорошо одет. Он весьма пристрастен к театру, и все, что ни говорит, поет на голос арий, находящихся в новопредставленной италиянской опере Идалиде. Сей ревностный любитель опер, в случае если устает от пения, то, не внимая и не слушая, кто бы что ни говорил или о чем бы его ни спрашивал, вдруг с жаром произносит разные монологи из трагедии. Отец сего разумнейшего чада со слезами восхищается таковыми дарованиями его. Он не может насладиться разговорами, которые сын его для лучшей удобности напевает уже не на голос италиянских арий, но более на тон известнейших песен, которые находятся в Мельнике и Збитенщике.[8] Сей юноша редких знаний в театре и в операх, сказывают, много пропел отцовских денежек, но говорят притом и то, что он, приехавши сюда, помощию разных трагических монологов выпросил у жалостного родителя своего немалую сумму оных. К общему всех прискорбию утверждают заподлинно, что сей молодой человек скоро отправится в столицу, ибо он пропел все уже известные ему песни; а притом поспешает он туда, дабы в некотором обществе мотов играть изготовленную уже для него ролю.

ИЗ Я..... УЕЗДА
НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА ОТ 116 ДНЯ

У известного нашего дворянина г. Псолюбова очумела вся псовая охота и не более как в неделю без остатку переколела. Невозможно объяснить со всею приличною живостию той печали, которая постигла душу г. Псолюбова. Трудно также описать радость тех несчастных и разоренных мужиков, на счет коих изобилия и гладу содержаны были сии резвобегающие твари. По примеру многих дворян г. Псолюбов употреблял на содержание охоты своей не только ежегодные доходы свои, но за недостатком оных столь много распродал крестьян, что чрез то самое малолетных лишил отцов, у жен отнял мужей, а у одряхлевших — помощников их и пропитателей. Исключая сего вреда, великое число крестьян исхищены им были от плуга своего для исполнения праздной и пустой должности псарей. При том он так любил покойную свою охоту, что в голодные годы желал лучше видеть умирающими от недостатка хлеба крестьян своих, нежели околевающими собак его. Сия любовь ко псам столь много занимала его душу, что в оной не оставалось любви к подобному себе. Жена, дети, родственники и друзья находились в забвении, памятуемы же были одни только собаки. Словом, все цели и благополучие жизни своей поставлял он в псах; а с кончиною оных полагал и самого себя умершим. Сказывают, однако ж, что по прошествии отчаяния своего твердо положил он не заводить впредь собак, дабы по случаю нового их переколения не предаться столь же великой печали, каковою в недавне удручены были дни его. Все бедные крестьяне его внутренно и сердечно желают, дабы утвердился он в сих мыслях своих; от сего они надеются, что сердце его обратится к свойственной оному любви несчастных сочеловеков, и что изобилие, добрый порядок и малое, но часто похищаемое благополучие беспышной их жизни паки водворятся в горестию исполненные жилища их.

Благомыслящие дворяне и начальники семейств не менее также радуются о истреблении охоты г. Псолюбова; ибо он доселе не довольствовался тем, что поскользновенному к слабостям юношеству представлял собою худой пример, но даже многих молодых наших дворян разными способами пристрастил к сей охоте, толико вредной, разорительной и притом редко соответствующей благоразум-

ной цели, для которой она принята между благомыслящих обществ людей. Желательно, чтобы те молодые люди, которые имели прежде в г. Псолюбове одобрителя своего, последовали его примеру, оставя таковые праздные упражнения; а те, кои равноподобно ему содержат великие стаи собак, число оных соделали бы соответствующим цели, для которой принято упражнение сие, или бы лучше совсем истребили такую склонность, которая вместо того, что должна была служить приятною заманкою к движению, поспешествующему здравию, бодрости и веселию нрава, по злоупотреблению своему сделалась напротив того такою страстию, которая занимает целую жизнь, расточает целые имения, разоряет бедных крестьян и доставляет в нас целым уездам и обществам юнош худой и растлительный пример добрых нравов. Притом колико удивительно и жалко видеть таких людей, которые для доставления себе минутных зрелищ на зайца и бегущих за ним собак в сих упражнениях провели всю жизнь, прожили все имение, разорили всех крестьян, и не иное что оставили в наследие бедным и беспомощным своим детям, как один только хорошо устроенный собачий двор, но опущенное жилище; хороших псарей, но разоренных крестьян; многие своры собак, но и многие тысячи долгу! Таковых-то людей подлинно многим есть чем помянуть и детям их и потомству!

ИЗ В..... УЕЗДА
НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА ОТ 118 ДНЯ

Недавно в здешнем уезде случилось печальное приключение от принятого нашими дамами обычая всем говорить вдруг. Сей обычай, сказывают, перешел сюда из больших городов; но как бы то ни было, произвел он весьма худые последствия. Пожилой человек, дворянин наш, за нуждами своими отъезжал в город. Жена его, молодых лет барыня, в некоторый после отъезда его день назвала к себе много гостей, которые, последуя принятой моде, все вдруг говорили, так что собрание сие не столько было похоже на общество, как на жидовскую синагогу. В самый тот день рассудилось и пожилому дворянину возвратиться в сумерки домой. Желая удивить супругу свою нечаянным приездом, подкрался он к дому через сад. Но каким объят он был ужасом, услыша величайший шум в доме своем! Тщетно старался он подслушивать,

не выразумеет ли чего из оного крику. Он слышал только то толстые, то тоненькие, пискливые и охриплые голоса. Жена его, которая наиболее следовала в тот день сей моде, кричала осиплым голосом, который он заслыша, возмнил, будто все люди в доме его взбунтовались, выстрелил из пистолета, закричал и упал без памяти. Его нашли в изнеможении от ударившего паралича, а чрез несколько дней от болезни сей преселился он в вечное блаженство. Итак, вот какие следствия произвела мода кричать и говорить всем вдруг!

ИЗ П..... УЕЗДА
НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА ОТ 122 ДНЯ

Молодые люди здешнего уезда весьма добиваются знать, какие ныне пуговицы подлинно в употреблении; по чему самому писали многие из них о присылке самых модных пуговиц, за подписанием двенадцати славных промотавшихся петиметров. Здесь также пронесся слух, что известный наш прожившийся сосед, недавно прибывший из столицы, будто бы имеет на своем фраке такие пуговицы, коих портище стоит 75 рублей; но сказывают, что, по объявлению его, находятся еще пуговицы ценою во 150 рублей портище.

Если все сии известия о дороговизне модных пуговиц подлинно справедливы, то можно смело полагать, что как сей наш сосед, так равно и многие ему подобные обратили волшебным образом все свои деревеньки и достаточек в одне сии пуговицы. Благоразумные родители и дворяне содрогаются, дабы такая разорительная мода не постигла заразою уезда и не опустошила бы нашей страны; ибо всем известно стало, что вышеозначенный промотавшийся сосед сделал фрак с синими пуговицами в такую цену, которую он получил за двух проданных им крестьян. Вот весьма изрядная мена людьми, их спокойствием и блаженством на модные пуговицы. Но удивительно ли то, что отдают людей за сталь? Променивали и ныне променивают их на куклы или болваны, сделанные, однако ж, не из простой, но китайской или саксонской глины.

ИЗ Л..... УЕЗДА
НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА ОТ 128 ДНЯ

Некоторый наш эконом по поводу покачнувшихся на сторону строений выдумал утверждать в таковые строения

мачты, а на оных приделывать паруса, которые тогда, как потянет ветр на ту сторону, от которой покачнулось строение, должно распустить все вдруг, так что оные, от ветру взявши необычайную силу, совершенно могут выпрямить покачнувшееся строение. Сей славнейший выдумщик полагает также, что помощию сих парусов можно сламывать и сваливать одним разом всякое старое и ветхое строение.

ИЗ Е..... УЕЗДА НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА ОТ 130 ДНЯ

Хотя некоторое общество молодых людей сложилось суммою и определило оную на жалованье некоторому в столице живущему петиметру за то, что он обязался каждую почту писать к щеголям уезда нашего о всех модах, пересылать образчики сукон, материи, пуговиц, пряжек и прочего; однако ж на сих днях прибывший сюда из столицы славный вертопрах сделал переторжку, спустил цену и подрядился уведомлять о модах гораздо вернее, нежели прежде избранный ими петиметр. О превосходных знаниях своих и щегольстве представил он молодым дворянам нашим убедительнейшие опыты. В сии доказательства приведены промотанные им тысяча душ, толь частые его в городе выезды, что он ни одного дня дома не бывает, и напоследок то, что он знаком со всем городом, записан во все общества, за сукны и прочие безделки каждый год наживает на себя долгу 10 000 рублей. После таковых доказательств дворяне наши предпочли его прежде избранному от них моту. Теперь он отправился в столицу, все с нетерпеливостию ожидают от него известий, и никто не сомневается в ревностном его исполнении взятых им на себя должностей и обещаний промотать денежки наших дворян и открыть им науку чрез краткое время прожить имение и для перемены деревенского воздуха переселиться в магистрат. [9]

ИЗ ГОРОДА М..... НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА ОТ 132 ДНЯ

Славная гжа Подражалова назад тому с месяц страждет потерянием голоса. Охриплость ея произошла от сильного спору и прения с гжею Новолюбовою о голубых шляпках и дамских картузах. От сего же самого спора и гжа Новолюбова спала с своего голоса и получила

опухоль в горле. Весь город и уезд с нетерпеливостию ожидают прервания жесткой неизвестности о сих модах. Все дамы разделились на две стороны, и неизвестно, которая из оных одержит верх. Со времени болезни сих двух госпож беспрестанно из уезда в город разъезжают множество слуг для осведомления о их здоровье. Мужья сих двух споривших госпож сделались между собою великими врагами. Сказывают, насилу могли их удержать от постыдного намерения решить шпагами спор жен своих о голубых шляпах и картузах. Уверяют также, что сии госпожи с крайнею нетерпеливостию ожидают своего выздоровления, ибо положили оне в некотором доме снова съехаться для спору. Гжа Подражалова и гжа Новолюбова намерены предложить те удостоверительные о модах письма, из которых одно писано некоторою славною щеголихою, а другое продавицею помянутых картузов, полученных из Лондона и Парижа.

П. П. Сей час распространилось по всему уезду жалостное известие о смерти гжи Новолюбовой. Она окончала дни свои от опухоли в горле, ибо прение, которое она имела о модах, происходило в холодное время, и как она довольно много растворяла уста свои, то и последовала сперва простуда, а потом опухоль горла. Все несказанно оплакивают преселение ея в вечность и тем более о ней сокрушаются, что заподлинно узнали о употреблении англинских с высокими тульями и прочими расположениями дамских картузов и шляп. В мыслях всех дам покойная ревностная и вернейшая предвозвестница мод приобрела к себе великое уважение. Госпожа же Подражалова, приведена будучи в стыд и посрамление, на сих днях, сказывают, принудила мужа своего отпроситься в отпуск и ехать в столицу, где она намерена, не жалея ни доходов, ни имения мужа своего, нарядиться наимоднейшим образом, потом обратно сюда приехать и снискать доверенность и уважение, коими она доселе удостоена была от дам всего уезда.

ИЗ Т..... УЕЗДА
НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА ОТ 136 ДНЯ

Танцевание сделалось в уезде нашем толь употребительным, что начали поставлять оное свыше всех дарований и качеств душевных. Воспитание дочерей своих

ИЗ Р..... УЕЗДА
НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА ОТ 138 ДНЯ

Некто любитель и знаток музыки по поводу того, что славный иезуит Кирхер делал некогда наиважнейшее предложение о кошечьей музыке, и также в силу находящегося в принцовой истории в 15 главе предложения, учиненного королю Людовику XI о такой же музыке, производимой вместо кошек свиньями, отдавая справедливость таковым незабвенным выдумкам, издал сочинение о последовании оным, а притом собственно от себя учинил объяснение, как сделать такое строение, которое бы могло служить вместо большого роду духового инструмента. Далее же в сем славном сочинении своем предлагает он любопытным и истинным любителям музыки испытать, не можно ли выучить раков клешнями своими играть на бандоре и мандолине.

ИЗ С..... УЕЗДА
НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА ОТ 140 ДНЯ

Здесь между дамами проявилась мода казаться ложно недомогающими и больными. Самая употребительнейшая между ими болезнь есть ипохондрия и истерика. Те, кои не притворяются страждущими от сих болезней, единогласно признаются женщинами или худо воспитанными, или не знающими светского и приятного обхождения. По сих болезнях занимают вторую степень: кашель, грудная боль, самая чахотка, мигрень, изгага, простуда, трепетание сердца и обмороки. Сии госпожи, съезжаясь в гости, представляют из себя целую больницу. Оне возят с собою разные декокты, спирты, микстуры и зельцерскую воду. В продолжении целого дня любимейший их разговор состоит в рассказывании о болезнях, и те, которые из них злейшую и опасную выдумать могут, наиболее прочих удостоиваются внимания и уважения. Одне из них от истерики курятся бумагою, другие гложут сахар, намоченный Гофмановыми от ипохондрии каплями; иные сидят подвязаны от простуды; некоторые, страдая мигренью, перевязывают голову туго-натуго, прочие же кашляют, зевают, чихают, стонут, охают, пьют воду от трепетания сердца и наступающих обмороков. Таковые проклятые моды, неизвестно откуда перенятые, стоили бы бедным мужьям многого стыда, беспокойств и издержек, если бы, к счастию их, не потерпели оные болезни великой пере-

мены, воспоследовавшей от приезду сюда некоторой городской барыни, которая уверила, что ипохондрия, истерика и прочие болезни в больших городах не в употреблении. Таковое известие совершенно было излечило всех госпож от болезней прежней моды; но поелику между светскими дамами всегда учреждено страдать какою-либо употребительною болезнию, то и вышло, что сия употребительная болезнь между дам (и, к стыду, у некоторых даже мужчин) есть близорукость. Происхождение новомодной болезни сей приписывают тому, что в городах большая часть дам и девиц весьма приохотились к лорнетам и зрительным трубкам, ибо для них весьма приятно показалось с нежным голосом называться от мужчин слепинькими. Итак, с сего времени и наши дамы и девушки ударились в близорукость; декокты, спирты и воды ими уже оставлены; но, страдая, по мнению своему, близорукостию, употребляют лорнеты. Сих лорнетов накупили оне несказанное множество, ибо без оных при гостях не могут оне ступить ни одного шагу; но в случае отсутствия оных, благодаря свойству чудной сей болезни, изрядно и по-прежнему видят. Чего не делает страсть к последованию моде! Колико удивительно малодушие и переимчивость женщин!

ИЗ З..... УЕЗДА.
НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА ОТ 144 ДНЯ

В здешнем уезде настаивание наливок учинилось главнейшею метою всех экономов. Хозяева и хозяйки как наивозможно стараются делать наливки свои превосходными и славнейшими по всему околодку. При таком добром попечении о винах появляется здесь довольное число таких людей, которые отведывают оные и похваляют. Принято за правило выходить из обеденного стола с булавкою в голове и быть хмельну до такой степени, дабы можно было видеть те двери, в которые идти следует, и чтоб человек не казался мухою, муха — слоном, а столы, стулья и прочее — щепками. Итак, если человек несколько не довидит, забывает по временам, как его зовут, то сие здесь не называется быть пьяным, а говорится быть навеселе или находиться в приятном рассеянии. Наливками причиняемое пошатывание в ту и другую сторону, вдруг происходящее сование вперед, летание из угла в

угол, подгибание ног и стремительное падение в кресла или канапе, производит в хозяевах несказанное восхищение о таковых добрых действиях их наливок. Приводимы будучи в восторг радости, они благодарят гостей за толь веселые в доме их выступки; по сем опять удвоивают подносы, наливки паки похваляют и отведывают. Итак, умеренность здесь во всем видна; здесь все пробуют, а не пьют, или столь мало вкушают, что в доказательство того привести можно некоторую пирушку, на которой десятьми человеками отведыванием опорожнено, а именно: 40 бутылок смородиновки, 20 рябиновки, 15 малиновки, домашнего вишневого ликеру, подносимого для отведывания тем, кои вовсе не берут в рот хмельного, 28 бутылок.

ИЗ ГОРОДА М.....
НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА ОТ 146 ДНЯ

Некто из разумнейших граждан наших сделал исчисление, что на 5000 жителей дворян число перукмахеров, поваров, камердинеров, слуг и служанок простирается здесь более, нежели до 100 000 человек. Таковое множество людей отъяты частию от состояния хлебопашцев и от других полезнейших званий. Все важные должности их в том единственно состоят, дабы наполнять передние, трудиться для желудка сластолюбцев, созидать каждодневно волоса вертопрахов и ездить назади за идолопоклонниками счастию и рассеянию. Тщеславные, а если по справедливости сказать, малорассудительные дворяне, собирая около себя толикое множество праздных людей, питают и одевают их богато на счет глада и наготы несчастных и грабимых ими земледельцев. Таковые толпы слуг опустошают села и деревни, отъемлют изобилие у хлебопашцев, лишают их собою таких нужных помощников трудов, для возвращения коих родители проливали пот, лишались сна и утех, но в возмездие при дряхлости и слезах видят их только что исхищенными алчными руками тщеславия, роскоши и прихотей. От сего же самого государство и целые гражданские общества лишаются таких людей, коих ремесло состоит в обработании той земли, произведения которой питают их, поддерживают их деятельность, споспешествуют их изобилию, спокойствию, порядку, тишине и целому благосостоянию. В благомыслящих обществах, в государствах, славившихся благо-

получием, целостию добродетелей, совершенствами дарований, в преименитые времена благонравия и умеренности, прихоти не были должностию тысячи людей, а леность, роскошь и тщеславие не изрывали насажденных корней благополучия и устройства народов.*

ИЗ Е..... УЕЗДА
НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА ОТ 149 ДНЯ

На сих. днях скончалась здесь гжа Обжорова индижестию, или болезнию, происходящею от несварения желудка. В честь памяти госпожи сей можно сказать то, что она была великая хлебосолка и ничем столько не занималась, как изготовлением и выдумкою разных кушаний. Каждый день провождала она время в созывании гостей, в сидении за столом четыре или пять часов, в рассказывании истории каждого блюда, по какому поводу оное выдумано и с чем именно изготовлено. К сожалению же, в сие самое время она все похваляемое ею беспрестанно ела и отведывала, что самое видя наиученейший человек не мог решить, для того ли она ест, чтоб жить, или для того живет, чтоб есть. После обеда продолжала покойная госпожа Обжорова есть разные сласти, ягодники, плоды и конфекты; а все сие запивали кофеем, шоколадом, чаем, аршатом, разными сиропами и медами. Словом, весь день проходил в ядении, питье и великой трате денег на разные лакомства. Бедные ее дети остались в крайней нищете, ибо едва достало всего имения на оплату за сахар, чай, плоды, напитки, столовые запасы и прочее. Наступающие времена голоду крайне делают для них памятною драгоценную жизнь родительницы их; ибо

---

* 1674 года в Цюрихе считали на девять тысяч осьмнадцать жителей сорок два слуги и семьсот пятьдесят служанок, а вообще всех 798. Потом же в 1769 году на 9850 жителей сочли 340 слуг и 1784 служанки. Итак, когда в толико умеренном государстве 2098 человек похищено у земледелия, то сколько долженствует быть отъято таковых у оного в большом государстве?

Как исчисление сие, так равно и многие другие изящнейшие рассуждения, исполненные дарований и истинносердечия, находятся в «Сельском Сократе»,[10] писанном с сильным духом именитым доктором и писателем г. Гирцелем; на наш же язык к удовольствию любителей полезного чтения и учености преложен оный «Сельский Сократ» Васильем Васильевичем Новиковым и напечатан в Москве прошлого 1789 года.

ее жизнь подлинно дорого стоила, поелику для продолжения оной проела она едва не все имение.

ИЗ К..... УЕЗДА НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА ОТ 153 ДНЯ

В здешнем уезде на сих днях с пышностию и богатством совершился брак г. Бездушникова с дочерью зажиточного нашего помещика г. Лжемыслова. Сей достаточный господин весьма был предостережен в выборе супруга дочери своей. Он искал человека с достоинствами, совершенно находящимися в употреблении и моде. В сем он имел желаемый успех; ибо г. Бездушников есть молодой человек, преисполненный всеми дарованиями, каковые только одобряются между светом. Он умеет вызнавать нравы, известны ему слабые стороны людей, искусен в похвалах, а при нужде и злословии не тупоязычен. Может говорить целый день беспрестанно о такой вещи, изображение которой стоит нескольких только минут. Может всем и все обещать, никогда и ничего не исполняя; великую имеет способность брать деньги в заем, а и того паче одарен величайшим искусством извиняться, оправдываться и, наконец, совершенно увертываться от платежа сего. Всегда любимейший его разговор состоит о честности, а любимейшие дела его состоят в обмане и бездушничанье на самом опыте. Он никогда не есть таков, каковым быть кажется; вся доброта его находится токмо на языке, все добрые дела в обещаниях, и все дарования в одном притворстве; словом, честность и добродетель суть антиподы его сердца и души. При таких великих способностях ноги его одарены искусством в изобретенной для них науке, руки его умеющи в передергивании карт, глаза притворно изливать могут слезы, а из уст его исходят притворные вздохи, глас умоления нежности, любви, дружбы и почтения. Одним словом, ошибкою можно его почесть человеком достойным, каковым бы он и в самом деле мог назваться, если бы не лишен был только двух вещей, т. е. души и сердца. Родители! осмотритесь, не избираете ли и вы подобных супругов дочерям вашим!

ИЗ ГОРОДА П..... НЕИЗВЕСТНОГО МЕСЯЦА ОТ 162 ДНЯ

Хотя мода распространяла законы свои на платье и образ жизни, однако ж не менее также имела она

влияния на истинный образ мыслей наших, наши страсти, благополучие и даже самый конец жизни. Здесь прежде по моде предавались развращению, модное имели честолюбие, модную колкость, и по моде перенимали у французов их point d'hónneur *. Мода повелевала ссориться, быть дерзким, всякого для испытания толкать, ругать, драться при первом слове и таковыми гнусными и обидными поступками принуждать других решить ссору шпагами, проливать кровь и нередко кончить самую жизнь. Таковаго-то округа люди прежде желали лучше последовать слепым предрассудкам, нежели истине законов; преступать лучше уставы обществ, но соблюдать внушения ложного честолюбия. Прежде мнили сохранить покой и честь свою на счет ран или смерти подобного себе. Прежде безделка, слово, вид, взгляд, малое невнимание, даже рассеяние вменялись в преступления, достойные мщения, омытия крови и лишения жизни. Прежде истинная храбрость поставлялась в поражении граждан и сочеловеков; истинная благовоспитанность и блестящие дарования состояли в беспрерывной пре и битве, наподобие диких и кровожаждущих зверей. Прежде полагали, что цель жизни и добродетели ничто есть без убийства, и что доброе имя и слава есть право, приобретаемое силою кровожаждущей руки. Прежде самое общество внушало таковые чувствования и все то поставляло в добродетели. Прежде наглецам сим отворялисъ двери всех домов; тогда кричали о их достоинствах, о пороках же их только что шептали. Но ныне, благодаря премудрому, истинному и благозиждительному закону, таковые изверги преследуемы всюду наказаниями, всюду презрены и везде осрамлены. Опыты ясно дают нам видеть правосудие сих законов. Все желают, дабы сии премудрые и благо изливающие законы продолжили предограждать нас тишиною, водворяли бы среди городов благонравие и добродетели и воспрещали появляться прежней моды драчунам и убийцам.

---

* Достоинство (*франц.*).

Объявление от театра щеголей и щеголих

Сего 192 числа представлена будет комическая опера «Напев жалких песен промотавшихся», музыка сочинения всех славных мотов. Чрез неделю спустя играна будет трагедия «Разорившиеся по моде»; а после оной краткая пиеса «Пустой кошелек и магистрат».

О приезжающих и отъезжающих

Со 102 числа месяца Обезьянства по 108 число месяца Подражательности прибыли: 6 796 французских мадам, торгующих чепчиками, 10 100 перукмахеров, 3 000 продавцов духов, 900 танцмейстеров, 500 славных ворожей на кофее, 8 600 женских и мужских портных и башмашников, 630 купцов с лорнетами, 10 000 купцов с галантерейными вещами. Отбыло же в чужие краи: 50 перукмахеров, из коих каждый нажил 15 тысяч рублей; 200 французских мадам, обменявших чепчики на великое число наличных денег, портных, купцов и прочего состояния людей в виде богатых господ отправилось 10 102 человека.

Привоз товаров

Румян — 200,183 пуд.
Белил — 683,000
Пудры — 943,783
Помады — 1000,643 бан.
Зонтиков — 700 000
Тросточек — 2 000 673
Лорнетов — 63 000
Пряжек — 200 000
Жабо — 83 000

Брачный курс

С пригожим личиком молодой мальчик, с полпудом пудры на голове и с золотником в оной мозгу, в одежде по моде, знающий вертеться, прыгать и обманывать, берет за невестою 1 000 душ.

Старичок чину довольно знаменитого, имеющий 80 лет, дряхлое здоровье, толь слабую память, что забыть мог

число, в которое он женится; глухой до чрезвычайности, от подагры не могущий сходить с места, и столько близорукий, что не мог видеть происходящего от него в четырех шагах, берет за двадцатилетнею вертопрашкою 1 500 душ.

Плата за честность по Парижскому курсу

За настоящий пуд честности платится 27 ругательств и 369 насмешек.

За пуд честности в слове — 6725 обманов.

За полфунта супружеской верности и честности — ходячими рогами ежегодно по 100 пуд.

За дружескую верность и доверенность — 200 пуд старых масок.

ПРИБАВЛЕНИЕ К ВЕДОМОСТЯМ

ПРОДАЖА

Молодой пиит г. Стихоплет чрез сие объявляет почтенной публике, что за великим избытком разума своего ставит он на подряд и продажу разные умопроизведения свои. Касательно же до достоинств своих уверить может он почтенную публику, что не более как в продолжение одного часа может он сочинить пространную оду; а потом, если нужда востребует, то на того же самого человека целую и сатиру. Имеющие надобность в таких скороспелых сочинениях должны только принять труд призвать его и объявить о содержании, заказать на заказ или купить совсем уже готовые. Цена же сочинениям его состоит следующая: 1) За хорошие, острые, нежные, плавные и на заказ писанные любовные стихи 2 рубли; за простые же, готовые и без дальних околичностей писанные 15 коп.

2) За нежное, страстное и лучшим слогом сочиненное письмо к любовнице 4 руб., готовое же похуже 25 коп.

3) Ода благодетелю или знатному человеку 35 коп.

4) Сатира на неприятеля готовая 25 коп., за сатиру же на заказ и такую, в которой должно обругать совсем

беспорочного человека, по трудности сочинения такого рода берет вдвое, т. е. 50 коп.

5) За просительное письмо к знатному человеку 20 коп.

6) За письмо поздравительное 10 коп.

7) За разные стишки, нужные любовникам и волокитам, 9 коп.

8) За импромпту 8 коп.

Жительство имеется в переулке Корыстолюбия под номером Глупости, вывеска же сего ремесла его: Пегас с серебряными крыльями, имеющий вместо седла мешок с деньгами.

После покойного господина Промотаева продается деревня Разоренная, состоящая в 500 душах. По избыточеству ее и угодиям отдается за сходную цену 5 000 рублей. Да в доме его продаются также несколько тысяч дюжин новых и мало поигранных карт, несколько сот пуд французской пудры, 10 кадок помады, 2 200 аршин косных лент, два сундука шпилек, 563 разных палочек с набалдашниками, крючками, головками и пр., пряжек по весу 15 пуд, бутылочек и скляночек бывших с духами 6 725, мало поношенного платья, шляп, сапогов и башмаков сколько явится в двух наваленных оными анбарах.

Иностранный купец недавно получил из чужих краев разного роду попугаев, как-то: макао, кокатунов, арра поппиниев или парротов, белых с гребнями, зеленых, полосатых, клузиуских, ангольских, бенгальских, бразильских, барбатских, сент-домингских и бонтийских. Известен будучи о склонности и моде безотменно всякому благородному и светскому человеку содержать у себя в покоях сих подражающих голосу человеческому пернатых, продает их за весьма умеренную цену; в случае же неимения денег соглашается также обменивать сих птиц и на людей.

Франц Карл, французский башмачник, чрез сие дает знать о продаже в доме его нововыдуманных ходуль для низкорослых девушек; для сего же самого предмета находятся у него выписные аршинные каблуки.

В Типографии мод вышли вновь следующие напечатанные книги:

1) Утешение промотавшихся, сочинение славного г. Зубохлопова, в пер. 220 коп.

2) Известие о числе невест, их летах, красоте, богатстве и приданом, о местах, в коих можно с ними видеться, и о средствах им нравиться, с присовокуплением нужных объяснений, сколько времени живут и в котором именно месяце привозятся зимою в города их родителями, тетушками или бабушками. Сочинение славной свахи Пройдоховой, 18 частей, в переплете из театральных объявлений 25 руб.

3) Іоанна Фридерика фон Нищего о чахотке кошелька, 3 части, 275 коп.

4) О способах крепко спать при долгах и после проигрышу, сочинение г. Пустодома, 2 части, в переплете из червонных дам 675 коп.

Еженедельное издание *«Кто за кем в городе волочится и кто в кого влюблен»*. Цена каждой неделе в переплете из визитных карточек и билетов 1 руб.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

За 40 лет назад из дому гжи Старолеты безызвестно куда-то пропала удача в любовных делах; а поелику вышереченная госпожа ныне снова имеет нужду в оной, то сим и объявляет, что, если кто оную удачу отыщет и приведет в ея дом, тому уступит она из жизни своей целые 40 лет.

Желающие совсем выпиться из ума, могут явиться в 1 квартале Праздности под номером Глупости, в доме г. Пьянолюбова. В оный же дом охотники биться об заклад могут приезжать каждый день держать пари о том, выпьет ли один человек четверть бочки вина.

В каретном ряду делаются сообразно нынешним большим шляпам и находящимся на оных перьям, кареты двух сажен в длину и трех в высоту. В оном же ряду делаются такие аглинские высокие коляски, на которых, подъехавши, можно говорить с человеком, живущим во втором этаже; также удобно с оных входить прямо на балконы.

Совесть, вечно отпущенная г. Криводушниковым на волю, на сих днях скончалась; почему он и объявляет о уничтожении всех оною производимых дел.

Некоторая девушка, довольно собою толстая, ростом отменно невысокая, имеющая глаза большие, тому назад

как пятнадцать лет ищет жениха бригадирского или полковничьего чина; но вышед из терпения, сим объявляет, дабы здесь живущие помянутого чина явились чрез месяц, а иногордные чрез полгода; в противном же случае после сего времени от ней еще чин прибавляется, и чем далее преслушание женихов продолжаться будет, тем год от году за чиновнейшего вытти за непременное почитать станет, так что достигнувши восьмидесяти лет, откажет в руке своей и самому фельдмаршалу, о чем чрез сие наистрожайше всем женихам подтверждается.

Плутягина, ремеслом кофейница, загадчица на картах, отгадывальщица снов и в прочих знаниях именитая искусница, представляет услуги свои в рассказывании по густому кофею о том, чего она совсем не знает; в отгадывании по картам всех приключений, о коих она никакого понятия не имеет, и в растолковании по снам бывают горничными девушками тех госпож, кои загадывают о сне. Она также ездит по домам для научения госпож и пожилых девушек искусству толковать разные приметы.

Некоторый перукмахер обронил небольшой сверточек волосов, посланных от некоторой госпожи на перстень к г. Волокитову. Если оная бумажка с волосами будет кем принесена в дом его, то дано будет в награждение 25 густых старых немецких геруков. Он же принимает к себе мальчиков для научения причесывать по манеру последней моды кукол, присланных к нему из Парижа.

На сих днях из дому г. Игролюбова бежало счастие в игре и снесло с собою почти все его имение. Кто оное счастие в игре представит в дом его, тому отдаст он все пожитки без остатку. Оное счастие в игре носит платье, сшитое из руте, подпоясано винновою десяткою, а пуговицы имеет из бубновых тузов, собою рябо, подслеповато, лице имеет бледное, но веселое.

После покойного судьи г. Криволюбова оставшаяся честность его разыграна будет по билетам за весьма дешевую цену, о чем чрез сие и объявляется.

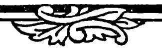
Некоторый волокита промотал уже известную гжу Поседелову, о чем чрез сие из сущего благонамерения своего прочим почтенным волокитам во известие объявляет, дабы они не употребляли тщетных и бесприбыльных к ней подлипательств.

САТИРИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ И ПАРОДИЙНЫЕ ГРАММАТИКИ

[Д. И. ФОНВИЗИН]

ОПЫТ МОДНОГО СЛОВАРЯ ЩЕГОЛЬСКОГО НАРЕЧИЯ

А

АХ! в щегольском наречии совсем противное от прежнего приняло знаменование. Прежде сие словцо изъявляло знаки удивления, сожаления и ужаса. Первое его знаменование было всем полезно; старики показывали им свою досаду и удивление, любовники свою страсть, а стихотворцы более всех употребляли его во свою пользу, наполняя почасту одними ахами целое полустишие. Но щеголихи всех их лишили сего междометия, переменив его употребление. В их наречии *ах* большею частию преследуется смехом, а иногда говорится в ироническом смысле; итак, удивительный и ужасный *ах* переменился в шуточное восклицание, да это и давно пора было сделать: непросвещенные наши предки охотники были плакать, а мы больше любим смеяться; старинные наши девушки, и под венцом стоя, плакали, а нынешние смеются; да притом же старый *ах* поплакал довольно, так пора ему и посмеяться.

ПРИМЕРЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ СТАРОГО И НОВОГО АХ

Ах, какой он негодный человек! он не любит свою жену, несмотря на то, что она разумна, добронравна, домоводна, хороша и сама его любит. *Ах,* как жалка его бедная жена!

Ах, как я сожалею об этом мальчишке! покойный его отец был мне друг и честный человек, он воспитывал его

по долгу родительскому очень хорошо, научил его всему, вкоренял в него благонравие, честность и учтивость; да труды его были и не напрасны, покуда находился он под его присмотром. Я и теперь еще помню, как, бывало, плакивал этот старичок от радости, что имел столь завидного сына. Но нынешнее обхождение совсем его испортило и сделало наглым и дерзким повесою. Я и сам прежде радовался, когда бывал он у меня, а ныне и в дом его к себе не пускаю. *Ах,* как портит молодых людей худое сообщество, если они, по несчастию, в него попадают. Ну, ежели б бедный мой друг воскрес и увидел ныне своего сына,— *ах,* сколько бы он пролил слез! Но не от радости, а с печали!

Ах, я погиб! моя жена изменяет мне... она меня больше не любит! *Ах,* в каком я мучительном нахожусь состоянии! Каким опытам, каким доказательствам и каким клятвам поверить можно, когда ее были ложны? Любовь ее ко мне была беспредельна; ежечасно видел я умножающуюся ко мне ее горячность, поминутно видел новые ласки, и я вкушал наисладчайшее удовольствие быть любиму страстно.— Но *ах!* все это миновало, и осталось мучительное только одно напоминание моего блаженства. О проклятое вольное обхождение! ты одно могло отнять у меня жену! *Ах,* как я несчастлив, что не могу позабыть сию неверную!.. О женщины, женщины, вы меня больше не обманете!

Мужчина, притащи себя ко мне, я до тебя охотница.— Ах, как ты славен! Ужесть, ужесть: я от тебя падаю!.. Ах... Ха, ха, ха.

Ах, мужчина, как ты не важен!

Ах, мужчина, как ты забавен! Ужесть, ужесть; твои гнилые взгляды и томные вздохи и мертвого рассмешить могут. Ах, как ты славен: бесподобный болванчик!— Ну, если б сказала я тебе: люблю; так вить бы я пропала с тобою. По чести: ты бы до смерти меня залюбил,— не правда ли? Перестань, радость, шутить, это ничуть не славно.

Ха, ха, ха! Ах, монкьор, ты уморил меня! Он живет три года с женою и по сю пору ее любит! Перестань,

мужчина, это никак не может быть: три года иметь в голове своей вздор!— Ах, как это славно! ха, ха, ха: необретаемые болванчики!— Ах, как он славен; с чужою женою и помахаться не смеет — еще и за грех ставит! Прекрасно! Перестань шутить: по чести у меня от этого сделается теснота в голове.— Ах, как это славно! ха, ха, ха. Они до смерти друг друга залюбят.— Ах, мужчина, ты уморил меня!

Б

БЕСПОДОБНО, БЕСПРИМЕРНО. Оба сии слова то ж имели знаменование у предков наших, как и у нынешних щеголих; с тою только разницею, что употребляют их неодинаково, или, лучше сказать, и совсем в противном смысле. Из приложенных здесь примеров усмотреть можно, что оба сии слова в русском наречии употребляются в одном прямом, но в щегольском наречии они часто говорятся и в ироническом смысле. Итак, употребление сих слов сделалось гораздо обширнее; да это и не худо: предки наши во всем очень были скупы; они всему, так, как и умствованию своему, полагали пределы; но благодаря бога мы избавились от сего гнусного порока. С того времени, как начали думать, что познаем себя, мы во всем стали тороватее наших предков. Тесные пределы нам не нравятся, и мы во всем любим свободу; даже до того, что кафтанов и юбок узких не носим; а узкие *маньки* * совсем брошены и оставлены для употребления простому народу. Ныне в превеликой моде все вольное, покойное и широкое.

Примеры

Я был вчерась в гостях у Дремова[1] и там нашел многих из его соседей; и хотя беседа наша была немногочисленна, однако ж весела: ибо там находились все люди разумные, степенные и веселые. Большую часть времени препроводили мы в разговорах; особливо рассуждали многие очень хорошо о худом воспитании детей; и я утверждал, что ежели у кого дети худы, так те должны жаловаться на самих себя, потому что или нерачиво

* Манька по-старинному, а по-нынешнему муфточка.

их воспитали, или слепою любовию ко детям сами их избаловали. Дремов в этом был со мною согласен и сказывал в пример собственное свое с детьми обхождение. Все его хвалили за разумное детей воспитание; и мы так весело провели время, что я давно не чувствовал *подобного* увеселения. А притом хозяин и хозяйка столько были нам рады, что не знали, как нас употчевать; и нам всякое у них кушанье казалось сахаром: да на это и присловица есть: *был у друга, пил воду, но лучше неприятельского меду.* Пуще всего полюбилися мне дети Дремова: как они хорошо воспитаны! к родителям почтительны, к старшим и знатнейшим себя учтивы, к равным ласковы, к бедным снисходительны и милостивы; в разговорах их видно просвещенное науками рассуждение; и они так умели всем угодить и усладить беседу, что все гости, смотря на них, не могли довольно нарадоваться; а я и теперь еще от того в восхищении! О, когда бы бог благословил меня воспитать так же и моего сына: какое бы в старости чувствовал я утешение! И мы единогласно заключили, что как сам Дремов *примерным* отцом, так и его дети по справедливости должны почитаться *примерными* молодцами.

Бесподобные люди!— Она дурачится по-дедовски и тем бесподобно его терзает; а он так темен в свете, что по сю пору не приметит, что это ничуть не славно и совсем не ловко; он так развязан в уме, что никак не может ретироваться в свет.

Перевод сего примера *

Редкие люди! Она любит его постоянно: а он совсем не знающ в щегольском обхождении и не разумеет того, что постоянная любовь в щегольском свете почитается тяжкими оковами; он так глуп, что и сам любит ее равномерно.

Беспримерное маханье! Он посадил себе в голову вздор, а у нее вечный в голове беспорядок.

---

* Мне рассудилось некоторые из примеров со щегольского наречия перевесть на общий наш язык: я не следовал точности слов, но держался смысла.

БОЛВАНЧИК. Предки наши, оставя прелесть идольского служения, из презрения ко своим кумирам называли их болванами; а деды наши, гнушаясь прежним суеверием, означали дураков наименованием болвана в таком смысле, что дурак, равно как и болван, наружное только с человеком имеют подобие. Но ни первые, ни последние никогда не употребляли сего слова в уменьшительной степени, а всегда говаривали в положительном — болван и в превосходительном — болванище. Сия честь, чтобы грубые брани переделывать в приятные наименования, оставлена была почтенным нашим щеголихам. Они откинули положительный степень болвана и превосходительный болванища, а вместо тех во свое наречие приняли в уменьшительной степени *болванчика;* и чтобы более сие слово ввести в употребление, то рассудили сим наименованием почтить любовника и любовницу. Мужья и жены сим лестным названием не иначе могут пользоваться, как разве между собою будут жить по щегольскому нынешнему обыкновению. Сия благоразумная щеголих наших осторожность имела желаемый успех: ибо для получения лестного названия *болванчика* многие мужья и жены переменили старое обхождение на новое, щегольское; и от сего произросли уже желаемые плоды: чему примеров очень много. Напротив того, есть еще и такие пристрастные ко старым обычаям супруги, которые не позабывают изречения: *а жена да боится своего мужа;* и хотя они толкуют сие изречение неправильно и принимают оное совсем в противном смысле, однако ж хотят лучше называться болванами, нежели *болванчиками.* Хотя, впрочем, *болванчик* слуху гораздо приятнее болвана. Трудно бы было сделать правильное заключение о произведении слова *болванчик,* если бы кто этого потребовал: ибо ежели произвесть его от болвана, *кумира,* то это было бы согласно со французским употреблением, idole de mon âme: *кумир моей души,* так, как это употребляется во всех французских романах и любовных письмах; но это произведение весьма удалится от того смысла, в каком по щегольскому наречию любовь принимается. Итак, остается произвесть его от последнего болвана, *дурака.* Сие произведение кажется гораздо свойственнее щегольскому наречию, потому что это гораздо ближе к дурачеству. См. *Дурачество.*

Д. И. ФОНВИЗИН

ОПЫТ РОССИЙСКОГО СОСЛОВНИКА[1]

СТАРЫЙ, ДАВНЫЙ, СТАРИННЫЙ, ВЕТХИЙ, ДРЕВНИЙ, ЗАМАТЕРЕЛЫЙ

Старо то, что давно было ново; *старинным* называется то, что ведется издавна. *Давно* то, чему много времени прошло. В настоящем употреблении *ветхим* называем то, что от старости истлело или обвалилось. *Древне* то, что происходило в отдаленнейших веках. *Заматерело* то, что временем сильно окоренело и огрубело.

Старый человек обыкновенно любит вспоминать *давные* происшествия и рассказывать о *старинных* обычаях; а если он скуп, то в сундуках его найдешь много *ветхого;* нередко бывает он *заматерел* в своих привычках. Сих примеров столько ныне, сколько бывало и в *древние* времена.

ОБМАНЫВАТЬ, ПРОМАНИВАТЬ, ПРОВОДИТЬ

Все сии слова значат ложь представлять истиною. *Обманывают* те, кои умышленно облекают ложь всею наружностию правды. *Проманивать* есть не делать обещаемого, питая тщетною надеждою; *проводить* значит брать притворно участие в чью-нибудь пользу, действуя во вред.

Кто не любит истины, тот часто *обманут* бывает. *Проманивать* есть больших бояр искусство. Стряпчие обыкновенно *проводят* челобитчиков.

ЧУВСТВО, ЧУВСТВОВАНИЕ, ЧУВСТВЕННОСТЬ, ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ, ОЩУЩЕНИЕ

Чувства суть способности, коими животное приемлет впечатления внешних вещей; *чувствованиями* называются душевные движения и страсти; *чувственность* есть прилепление к удовольствиям чувств своих; *чувствительность* есть качество, коим тело или душа стремительно проницаются; *ощущение* есть то самое впечатление, которое душа от внешних вещей приемлет.

Счастлив, кто в старости сохраняет все свои *чувства.* Благороден, кто имеет великодушные *чувствования.* Благоразумный всего своего удовольствия в одной *чувственности* не полагает; честный человек принимает с особливою *чувствительностию* все, что честь его трогает; дурная музыка и всякое дурное действие производят на нас неприятное *ощущение.*

РОБКИЙ, ТРУСЛИВЫЙ

Робкий бежит назад, *трусливый* нейдет вперед; *робкий* не защищается, *трусливый* не нападает. Нельзя надеяться ни на сопротивление *робкого,* ни на помощь *трусливого.*

ОСНОВАТЬ, УЧРЕДИТЬ, УСТАНОВИТЬ, УСТРОИТЬ

Основать значит положить чему-нибудь прочное начало; *учредить* значит привести вещи в такой порядок, чтоб каждая была на своей чреде; *установить* есть не что иное, как определить уставы или правила, по коим в деле следовать; *устроить* разумеется распорядить вещи так стройно, чтоб развращение до них не коснулось.

В России Екатерина II *основала* общество благородных девиц, *учредила* наместничества, *установила* совестный суд и *устроила* благочиние.[2]

ПОНЯТИЕ, МЫСЛЬ, МНЕНИЕ

Понятие есть то познание, которое разум имеет о какой-нибудь вещи или деле. *Мысль* есть действие существа разумного. *Мнение* есть следствие размышлений.

Нельзя иметь *понятия* о вещи, если не обратишь к ней *мыслей* своих; *поняв* же ее ясным образом, нельзя ошибиться в своем об ней *мнении.*

Сколько судей, которые, не имев о делах ясного *понятия,* подавали на своем роду весьма много *мнений,* в которых весьма мало *мыслей.*

ОБИДА, ПРИТЕСНЕНИЕ

Обида есть вред, приключаемый чести или имуществу. *Притеснение* есть недопущение пользоваться правом своим.

Не действуют законы тамо, где *обиженный притесняется.*

СУМАСБРОД, ШАЛЬ, НЕВЕЖДА, ГЛУПЕЦ, ДУРАК

Сумасброд никогда не следует рассудку, с которого сбрел, а руководствуется во всех своих делах одним воображением. *Шаль* притворяется обыкновенно глупее, нежели он есть, для того, что без сего притворства не стало бы природного ума его возбудить на себя внимание. *Невежда* называется человек без просвещения. *Глупец* тот, которого ум весьма ограничен. *Дурак,* который ума вовсе не имеет.

Сумасброд весьма опасен, когда в силе. *Шаль* часто дурачеством досаждает. *Невежда* обыкновенно в своих мнениях упрям. *Глупцы* смешны в знати. *Дураку* закон не писан.

НЕСЧАСТЬЕ, НАПАСТЬ, БЕДА, БЕДСТВИЕ

Все сии слова возвещают и знаменуют злоключения; но *несчастием* называется всякое злое происшествие; *напасть* же есть злоключение нечаянное. *Беда* также есть нечаянное зло, но грозящее еще лютейшими следствиями. *Бедствие* значит то же самое, но в обширнейшем смысле употребляется.

Потерять друга есть *несчастие;* лишиться разбойниками всего имения есть *напасть; беда* ручаться за мотов; голод и язва суть народное *бедствие.*

ПОЛНО, ДОВОЛЬНО

Оба сии наречия принадлежат до количества, с тою разностию, что *полно* имеет большое отношение к тому количеству, которое иметь желаешь, а *довольно* к тому, которое употреблять хочешь.

Скупому сколько денег ни давай, никогда не скажет *полно.* Для мота не *довольно* миллионов. Если наливают в рюмку через край, то и пьяница скажет: *полно,* хотя ему и не *довольно.* Многие, имея посредственный доход, говорят: для нас его *довольно,* но редкий скажет: *полно* желать больше.

ПРОСТУПОК, ВИНА, ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ЗЛОДЕЯНИЕ, ГРЕХ

Проступок есть меньшая степень погрешения. *Виною* называется ненаблюдение предписанных должностию правил. Тяжкая *вина,* то есть важное нарушение закона, именуется *преступлением. Злодеяния* происходят от безмерного развращения сердца. Злодей обыкновенно бес-

человечен, вероломен и враг общей безопасности. *Грех* есть действие противу гласа совести.

Проступок свойствен слабости человеческой и легко бывает извиняем. Не всякая *вина* заслуживает наказания. Надлежит *преступление* исследовать весьма осторожно, прежде нежели осудить преступника к наказанию. *Злодеяние* достойно казни. *Грехам* судия бог.

Худо понять приказ начальника есть *проступок.* Забвением не исполнить повеления начальника — *вина.* Ослушание начальству — *преступление.* Умысел противу начальства — *злодеяние.* Пред начальством благодетельствующим *грех* быть неблагодарну.

НИЗКИЙ, ПОДЛЫЙ

Человек бывает *низок* состоянием, а *подл* душою. В *низком* состоянии можно иметь благороднейшую душу, равно как и весьма большой барин может быть весьма *подлый* человек. Слово *низкость* принадлежит к состоянию, а *подлость* к поведению, ибо нет состояния *подлого,* кроме бездельников. В *низкое* состояние приходит человек иногда поневоле, а *подлым* становится всегда добровольно. Презрение знатного *подлеца* к добрым людям *низкого* состояния есть зрелище, унижающее человечество.

ПОМОГАТЬ, ПОСОБЛЯТЬ, ВСПОМОЩЕСТВОВАТЬ, ДАВАТЬ ПОМОЧЬ

В нужде *помогают;* в труде *пособляют;* в недостатке *вспомоществуют;* для обороны *дают помочь.*

Сострадание велит *помогать* бедным; великодушие влечет *пособлять* бессильным; щедрый человек своим излишком *вспомоществует* другим в недостатках. Человечество заставляет *подавать помочь* беззащитным.

БЕСПОРОЧНОСТЬ, ДОБРОДЕТЕЛЬ, ЧЕСТЬ

Часто без разбору говорится: он ведет жизнь *беспорочную, добродетельную, честную;* но чтоб узнать, все ли сии выражения единообразно употреблять можно, надлежит определить разум каждого.

Беспорочность поставляет себе правилом не делать того другому, чего бы не пожелал себе. *Добродетель* распространяет сие правило гораздо далее и велит делать то другим, чего бы пожелал себе. *Беспорочность* обыкновенно меньше заслуживает похвалы, нежели добродетель.

Первая может происходить и от страха наказания; но последняя есть великодушное стремление человека жертвовать другому своим благосостоянием. Чем таковая жертва важнее, тем славнее добродетель.

Состояния людей так многообразны, что при различении *добродетели* от *беспорочности* необходимо надобно рассмотреть внимательно, какой человек, в какое время и в каких обстоятельствах сделал доброе дело.

Иногда *беспорочность* достойна похвалы гораздо больше, нежели самая *добродетель*. Богатый человек, не расстроивая нимало своего состояния, помог бедному некоторым подаянием. Угнетенный нищетою возвратил отданную ему на сохранение вещь, о которой никто не знал, что она у него в сохранении. Один изъявил *добродетель,* другой *беспорочность;* но которая должна большего почтения? Можно сказать, что *беспорочность* бедного есть уже *добродетель,* а *добродетель* богатого есть только что *беспорочность.*

Сверх сих качеств, долженствующих руководствовать нашими делами, есть третье, весьма достойное внимания: *честь.*

Беспорочный бывает таковым по воспитанию, для собственных выгод и повинуясь законам; *добродетельный* следует часто в делах своих рассуждению; но *честный* человек не закону повинуется, не рассуждению следует, не примерам подражает; в душе его есть нечто величавое, влекущее его мыслить и действовать благородно. Он кажется сам себе законодателем. В нем нет робости, подавляющей в слабых душах самую *добродетель.* Он никогда не бывает орудием порока. Он в своей *добродетели* сам на себя твердо полагается.

ЛЕНИВЫЙ, ПРАЗДНЫЙ

Ленивый бывает, кажется, таковым больше от расположения тела, а *праздный* больше от расположения души. *Ленивый* боится при деле труда, а *праздный* не терпит самого дела. Трудолюбивый становится иногда *ленивым,* но не *праздным,* ибо *праздный* отроду не бывал трудолюбивым. *Ленивый,* побеждая свой порок любочестием, может быть отечеству весьма полезен своею службою; *праздный* шатается обыкновенно или без дела у двора, или в непрестанных отпусках, или не служа в отставке, и исчезает с именем презрительного тунеядца.

ЗАПАМЯТОВАТЬ, ЗАБЫТЬ, ПРЕДАТЬ ЗАБВЕНИЮ

Запамятовал тот, кто не может вспомнить. *Забыл*, кто совсем потерял память о какой-нибудь вещи или деле. *Предать забвению* есть никогда не вспоминать.

Можно *запамятовать* имя судьи, который грабит; но трудно *забыть,* что он грабитель, и само правосудие обязано преступление его *не предавать забвению.*

Власть может повелеть такое-то дело *предать забвению;* но нет на свете власти, которая могла бы повелеть то же самое дело не только *забыть,* ниже *запамятовать.*

СОВЕРШИТЬ, ОКОНЧИТЬ, ПРЕКРАТИТЬ

Совершить есть доделать то, чего много уже сделано; *оканчивают* начатое, продолжая работу; *прекращают* те, кои недоконченное прерывают или вовсе уничтожают.

Чтобы написанная купчая имела свое действие, необходимо оную *совершить.* Тяжбу начать легко, да *окончить* трудно. Совестный суд преклоняет судимых *прекращать* распри примирением.

ЗВАНИЕ, ЧИН, САН

Звание есть должность, в службе отправляемая, или место, в службе занимаемое. *Чины* суть степени чести, на которые государь достойных людей возводит. *Сан* есть верховное достоинство, сопряженное с важнейшим государственным служением. *Звание,* например, заседателя, председателя, предводителя. *Чин* прапорщика, майора, бригадира. *Сан* наместника, военачальника, градоначальника и пр.

Можно иметь *звание* без *чина*, но стыдно брать *чины* без *звания.* Кто в большом *сане* не имет большой души, тот не возбудит никогда к себе внутреннего почтения.

В *звание* определяют, *чином* жалуют, *саном* облекают.

Не можно сказать: он пожалован заседателем, ибо в одном месте может заседать и поручик и генерал-поручик. Нельзя сказать: он определен бригадиром, ибо, будучи пожалован в сей *чин,* может оставаться при том же *звании,* в которое определен был в прежнем своем *чине. Саном* обыкновенно облекаются больших чинов особы; не всякий большой *чин* есть *сан:* ибо не всякий большой *чин* налагает важное государственное служение. Есть большие *чины,* в которых нет никакой нужды иметь боль-

ших достоинств, а достигают до них иногда одною знатностию породы, которая есть самое меньшее из всех человеческих достоинств.

ПРАВОТА, ПРАВОСУДИЕ

Правота есть добродетель, влекущая нас отдавать каждому справедливость. *Правосудие,* кажется, определено награждать и наказывать сходственно с законом. Судья не властен внимать *правоте* своей, а повинен следовать *правосудию,* то есть закону. *Правосудие* есть главное достоинство судьи; но *правота* должна быть главная добродетель государя; ибо он своею *правотою* властен умягчать излишнюю строгость *правосудия.*

СУЕВЕР, ХАНЖА, ПУСТОСВЯТ, СВЯТОША, ЛИЦЕМЕР

Суевер есть тот, которого вера противна рассудку и здравым понятием о вышнем существе. *Ханжа* считает в душе своей угодить богу наблюдением всех мелочей, изобретенных суеверием. *Пустосвят* полагает святость в одной пустоте, то есть в действиях, не составляющих никакого истинного богу угождения. *Святоша* выдает себя всенародно за человека, прилепленного к единой святости. Притворно набожный называется *лицемер.*

Ханжа таскается вседневно по церквам, поет молебны не святым, но образам, ибо к одному образу святого имеет всю теплую веру, а к другому того же святого никакой. *Пустосвят* почти никогда к обедне не поспевает. Он бежит в церковь отнюдь не затем, чтоб с умилением сердечным богу помолиться, но чтоб перецеловать все иконы, которые губами достать можно. *Святоша* бродит босиком, в волосяной рубашке, иногда и в веригах. *Суевер* есть несчастнейшее создание. Он всеминутно боится бога, не как судию праведного, но как судию грозного. Все кажется ему предвещанием божеского гнева. Он трепещет днем от примет, ночью от сновидений. Он считает себя всегда пред богом без вины виноватым. Подкреплять и распространять суеверие есть ремесло *лицемеров.*

В, ВО, НА

Некоторые писатели почитают правилом *в* писать пред словом, начинающимся с гласной буквы, напр.: *в* опасности, *в* естестве, *в* Очакове; а *во* пред словом,

начинающимся с согласной, напр.: *во* Франции, *во* славе, *во* гневе; но мне кажется, что обычай и слух делают такое множество исключений из сего правила, что оного и правилом назвать нельзя.

Смешно было бы говорить и писать: *во* Москве, *во* пороке, *во* глине. Напротив того, мы в самых важных сочинениях читаем: *во* услышание, *во* Апостолах, *во* Израили и проч.

Обычай иногда позволяет *на* употреблять вместо *в* и *во;* напр., вместо: живу *в* Москве, *в* Кубани, *в* Луговой, идем *в* рынок, *в* поле,— говорится: живу *на* Москве, *на* Кубани, *на* Луговой, идем *на* рынок, *на* поле и проч.

УМ, РАЗУМ, РАЗУМЕНИЕ, СМЫСЛ, РАССУДОК, РАССУЖДЕНИЕ, ДАРОВАНИЕ, ПОНЯТИЕ, ВООБРАЖЕНИЕ, ТОЛК

Все сии названия, изображающие качества души, не имеют никакого определенного знаменования. Всякий произносит оные, как сам понимает. Один *умом* называет *дарование;* другой чрез *дарование* разумеет *понятие;* иной *смысл* мешает с *толком;* иной *толк* именует *разумением.* Словом, надобно из содержания всей речи распознавать, в каком означении употреблено таковое название. Сие неудобство происходит не от недостатков нашего языка, но от человеческого о душе незнания; ибо как можно понимать ясно качества такого существа, которое само собою для нас непостижимо? Часто, как будто в доказательство превосходства французского языка пред нашим, спрашивают: как перевести по-русски esprit? Но прежде нежели сие слово переводить, надлежит узнать, что через оное сами французы разумеют. Гельвеций, прославившийся сочинением своим по сей материи,[3] начинает свою книгу точно сими словами: «On dispute tous les jours sur ce qu'on doit appeller esprit: chacun dit son mot; personne n'attache les mêmes idées á ce mot; et tout le monde parle sans s'entendre»*. После сего можно ли требовать, чтоб сие слово на какой-нибудь язык переведено быть могло?

---

* Вседневно о том спорят, что должно называть словом esprit. Всякий о нем по-своему толкует; никто не присвояет одинаковых к нему понятий. Все говорят о нем, не разумея друг друга (Пер. *Фонвизина*).

Читая наши духовные книги и лучших писателей, старался я приметить, в каком знаменовании в них сии названия приняты. Здесь сообщаю мои примечания.

Из всех изображенных качеств души *ум* кажется славнейшим, ибо содержит в себе все пространство понятия, всю силу воображения и всю действительность души. Апостол Павел, говоря о боге, вопрошает: кто разуме *ум* господень?[4] Небесные духи названы в священном писании: небесные *умы*.

Разум, кажется, применить можно к зрению. Он есть душевное наше око. Об нем судить надобно, как о телесном, то есть по его ясности, быстроте или объемлемому им пространству.

Некоторые думают, что *разум* превосходнее *ума* для того, что частица *раз* значит будто усугубление; но мне кажется сие мнение несправедливым, ибо частица *раз* иногда вместо усугубления значит уничтожение; напр., *расстроить* не значит больше строить, но, напротив того, значит построенное разрушить. Впрочем, производимые от ума и разума глаголы, кажется, могут решить, которое из сих слов важнее. Кто *умеет*, тот всеконечно *разумеет*, но не всякий тот *умеет*, кто лишь только *разумеет*.

Разумением называется способность примечать бесчисленные отношения во всеобщей стройности вещей. *Смысл* есть первая и самая меньшая степень познания, или первое впечатление души, действием чувств производимое. *Рассудок* есть та естественная способность, коею люди одарены от бога для познания истины. *Рассуждением* называется действие души, судящее о пристойности и непристойности идей человеческих. *Дарованием* именуем отменную к чему-нибудь способность, естественную или приобретенную. *Понятие* есть душевная способность мыслить или получать идеи. Чрез *воображение* разумеем ту силу, которою всякое чувствительное существо имеет представлять в разуме своем вещи, чувствам подверженные. *Толк* есть способность вникать.

К объяснению сих названий, может быть, послужит история известного Глупона. С самого младенчества ничего он не обещал. Будучи трех лет, едва имел он *смысл* годового младенца. Учился грамоте так плохо, что не оставалось никакого сумнения о худом его *понятии*. Начали было учить его и рисовать, но бросили, увидя, что не имеет он ни малейшего *разумения;* а как многие

Глупоны охотники писать стихи, то и наш напутал превеликую оду, в которой не было ниже искры *воображения.* Словом, во всю свою молодость за что ни принимался, все доказывало, что природа не дала ему никакого *дарования.* Вышед из училища, сделался он господином своих поступок и повел себя так дурно, что ни одной своей страсти не хотел или, паче сказать, не умел подчинить *рассудку.* Вошед в службу, выпросил себе судейское место, но чрез несколько дней все приказные служители, даже до последнего подьячего, смеяться стали *рассуждению* своего начальника. В обществах с ним также странное случалось. Те слова, кои в устах людей острых казались наполненными *разума,* те же самые слова в устах Глупона казались величайшим дурачеством. Счастлив бы он был, если б остался в посредственном состоянии. Никому не было бы нужды обращать на него особливого внимания, но слепой случай сделал Глупона знатным господином, и он впутался в дела. Тут уже вся публика скоро усмотрела и единогласно заключила, что в нем *толку* мало, *ума* не бывало.

ВСЕГДА, НЕПРЕСТАННО

Всегда значит во всякое время, при всяких случаях, во всяком положении. *Непрестанно* значит без остановки, без прерывания. Не тот писатель хорош, кто пишет *непрестанно,* но тот, кто пишет *всегда* хорошо.

ПИСЕЦ, ПИСАТЕЛЬ, СОЧИНИТЕЛЬ, ТВОРЕЦ

Писец называется тот, кто сочиняет свое или чужое переписывает. *Писатель* — кто сочиняет прозою. *Сочинитель* — кто пишет стихами и прозою. *Творец* — кто написал знаменитое сочинение стихами или прозою.

Говорится: *писец* исправный, *писатель* древний или новый, *сочинитель* знаменитый, *творец* славный.

У нас в древности *писцов* было мало; из них отличился Нестор, *писатель* Российской Истории.[5] Между *сочинителями* нынешнего века славен Ломоносов, *творец* лучших од на российском языке.

НАМЕРЕНИЕ, ПРЕДПРИЯТИЕ, ЗАМЫСЕЛ, УМЫСЕЛ

Положенное на мере достижение какого-нибудь вида или цели, называется *намерение;* когда оно взято и расположено, бывает *предприятие;* когда оно хитро, именуется

замыслом; когда исполнение оного почитается преступлением, есть *умысел. Намерение* и *предприятие* так в своем знаменовании разнятся, что весьма правильно и нередко употребляем выражение: *я предприял намерение.*

Честный человек никогда не *предприемлет* бесчестного *намерения;* ибо для исполнения оного ум его ни к каким *замыслам* не обратится, и в душе его всякий *умысел* ужас производит.

ПИСЬМО, ГРАМОТА, ПОСЛАНИЕ

Под сими именами разумеется всякая переписка между людьми разных состояний. Чрез *письма* сообщают мысли свои люди всякого звания: и государь к подданному, и подданный к государю посылает *письма;* но *грамоты* пишут одни государи. *Письма* древних называются *посланиями.*

Вольтеровы *письма* наполнены остротою; *грамота* Филиппова к Аристотелю[6] внимания достойна; *послания* святого Павла богодухновенны.[7]

Стихотворные сочинения, под именем эпистол, недавно начали называть *посланиями.*

ВЛЮБЛЕННЫЙ, ЛЮБОВНИК, ЛЮБИТЕЛЬ

Тот *влюблен,* кто в сердце своем страсть любви ощущает; но *любовник* только тот, кто в своей страсти изъяснился. Часто случается видеть *влюбленных,* которые не смеют казаться *любовниками;* но не реже видим *любовников,* которые никогда *влюблены* не бывали. Слово *любитель* не принадлежит до любовной страсти. Так же смешно было бы сказать: он ее *любитель,* как: он *любовник* наук и художеств.

ЖИВОТНОЕ, СКОТ

Все то создание, которое имеет душу живу, называется *животное.* Следственно, человек и *скот* под сие название подходят. Но если человек называется в добром смысле *животным,* то *скотом* иначе не именуется, как в дурном смысле, то есть когда рассудок управляет им не больше, как *скотом.*

Люди и *скоты,* составляющие род *животных,* имеют между собою ту разницу, что *скот* никогда человеком сделаться не может, но человек иногда добровольно становится *скотом.* «Человек в чести сый, не разуме; приложися *скотом* несмысленным, и уподобися им».

МИЛЫЙ, ЛЮБЕЗНЫЙ

Мил, кто любим; *любезен,* кто любви достоин. *Любезный* человек может быть не *мил* и *милый* не *любезен.* Впрочем, слово *любезный* относится к одним людям, а *милый* и к вещам неодушевленным. Говорится: ему не *милы* ни чины, ни деньги, но нельзя сказать: ему ни деньги, ни чины не *любезны.*

РЕВНОСТЬ, РЕВНОВАНИЕ

Ревность есть душевное страдание, происходящее оттого, когда видим благо, желаемое для самих нас, в обладании у другого. Сие слово употребляется более всего, когда речь идет о любви. *Ревнование* есть род *ревности,* возбуждающее нас с кем-нибудь поравняться или кого превзойти в чем ни есть похвалы достойном. Человек, которого сердце растерзано *ревностию,* не может в то ж самое время удобен быть к *ревнованию* в делах великих.

ДОМ, ДВОР

Дом есть здание для обитания. *Двор* есть место, окруженное стенами или зданиями, составляющее часть дома. Нередко случается, что у большого *дома двор* весьма малый. *Двор* также значит придворных господ и служителей, а *дом* — знаменитое поколение. В немецкой земле княжеские *домы* свои *дворы* имеют.

МИР, ТИШИНА, ПОКОЙ

Все сии слова знаменуют состояние, никакому волнению не подверженное; но *мир* означает оное относительно ко внешним неприятелям; *тишина* — к будущему или прошедшему приключению; *покой* изображает сие состояние без всякого отношения.

Худой *мир* лучше доброй брани. Исцеля себя от ложного любочестия, пошел в отставку и живу в *покое. Тишина* часто бурю предвещает.

В церковных книгах нередко находим выражения: *мир* ти, евангелие *мира,* князь *мира,* успе в *мире;* следственно, берется за союз, согласие, добрую совесть, блаженство. Давид, раздробляя понятия свои о добром правлении, говорит, что в нем «*милость* и истина сретостася, правда и *мир* облобызастася».[8]

Д. И. ФОНВИЗИН

ВСЕОБЩАЯ ПРИДВОРНАЯ ГРАММАТИКА

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Сия Грамматика не принадлежит частно ни до которого двора; она есть всеобщая, или философская. Рукописный подлинник оной найден в Азии, где, как сказывают, был первый царь и первый двор. Древность сего сочинения глубочайшая, ибо на первом листе Грамматики хотя год и не назначен, но именно изображены сии слова: *вскоре после всеобщего потопа.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вступление

Вопр: Что есть Придворная Грамматика?

Отв: Придворная Грамматика есть наука хитро льстить языком и пером.

Вопр: Что значит хитро льстить?

Отв: Значит говорить и писать такую ложь, которая была бы знатным приятна, а льстецу полезна.

Вопр: Что есть придворная ложь?

Отв: Есть выражение души подлой пред душою надменною. Она состоит из бесстыдных похвал большому барину за те заслуги, которых он не делал, и за те достоинства, которых не имеет.

Вопр: На сколько родов разделяются подлые души?

Отв: На шесть.

Вопр: Какие подлые души первого рода?

Отв: Те, кои сделали несчастную привычку без малейшей нужды в передних знатных господ шататься вседневно.

Вопр: Какие подлые души второго рода?

Отв: Те, кои, с благоговением предстоя большому барину, смотрят ему в очи раболепно и алчут предузнать мысли его, чтобы заранее угодить ему подлым таканьем.

Вопр: Какие суть подлые души третьего рода?

Отв: Те, которые пред лицом большого барина, из

одной трусости, рады все всклепать на себя небывальщины и от всего отпереться.

Вопр: А какие подлые души рода четвертого?

Отв: Те, кои в больших господах превозносят и то похвалами, чем гнушаться должны честные люди.

Вопр: Какие суть подлые души пятого рода?

Отв: Те, кои имеют бесстыдство за свои прислуги принимать воздаяния, принадлежащие одним заслугам.

Вопр: Какие же суть подлые души рода шестого?

Отв: Те, которые презрительнейшим притворством обманывают публику: вне дворца кажутся Катонами;[1] вопиют против льстецов; ругают язвительно и беспощадно всех тех, которых трепещут единого взора; проповедуют неустрашимость, и по их отзывам кажется, что они одни своею твердостию стерегут целость отечества и несчастных избавляют от погибели; но, переступая чрез порог в чертоги государя, делается с ним и совершенное превращение: язык, ругавший льстецов, сам подлаживает им подлейшею лестию; кого ругал за полчаса, пред тем безгласный раб; проповедник неустрашимости боится некстати взглянуть, некстати подойти; страж целости отечества, если находит случай, первый протягивает руку ограбить отечество; заступник несчастных для малейшей своей выгоды рад погубить невинного.

Вопр: Какое разделение слов у двора примечается?

Отв: Обыкновенные слова бывают: *односложные, двусложные, троесложные* и *многосложные*. Односложные: *так, князь, раб;* двусложные: *силен, случай, упал;* троесложные: *милостив, жаловать, угождать,* и, наконец, многосложные: *высокопревосходительство.*

Вопр: Какие люди обыкновенно составлют двор?

Отв: Гласные и безгласные.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О гласных и о частях речи

Вопр: Что разумеешь ты чрез гласных?

Отв: Чрез гласных разумею тех сильных вельмож, кои по большей части самым простым звуком, чрез одно отверстие рта, производят уже в безгласных то действие,

какое им угодно. Например: если большой барин, при докладе ему о каком-нибудь деле, нахмурясь скажет: *о!* — того дела вечно сделать не посмеют, разве как-нибудь перетолкуют ему об оном другим образом, и он, получа о деле другие мысли, скажет тоном, изъявляющим свою ошибку: *а!* — тогда дело обыкновенно в тот же час и решено.[2]

Вопр: Сколько у двора бывает гласных?

Отв: Обыкновенно мало: три, четыре, редко пять.

Вопр: Но между гласными и безгласными нет ли еще какого рода?

Отв: Есть: полугласные, или полубояре.

Вопр: Что есть полубоярин?

Отв: Полубоярин есть тот, который уже вышел из безгласных, но не попал еще в гласные; или, иначе сказать, тот, который пред гласными хотя еще безгласный, но пред безгласными уже гласный.

Вопр: Что разумеешь ты чрез придворных безгласных?

Отв: Они у двора точно то, что в азбуке буква ъ, то есть сами собою, без помощи других букв, никакого звука не производят.

Вопр: Что при словах примечать должно?

Отв: Род, число и падеж.

Вопр: Что есть придворный род?

Отв: Есть различие между душою мужескою и женскою. Сие различие от пола не зависит: ибо у двора иногда женщина стоит мужчины, а иной мужчина хуже бабы.

Вопр: Что есть число?

Отв: Число у двора значит счет: за сколько подлостей сколько милостей достать можно; а иногда счет: сколькими полугласными и безгласными можно свалить одного гласного; или же иногда, сколько один гласный, чтоб устоять в гласных, должен повалить полугласных и безгласных.

Вопр: Что есть придворный падеж?

Отв: Придворный падеж есть наклонение сильных к наглости, а бессильных к подлости. Впрочем, бóльшая часть бояр думает, что все находятся пред ними в *винительном падеже;* снискивают же их расположение и покровительство обыкновенно *падежом дательным.*

Вопр: Сколько у двора залогов?

Отв: Три: *действительный, страдательный,* а чаще всего *отложительный.*

Вопр: Какие наклонения обыкновенно у двора употребляются?

Отв: Повелительное и неопределенное.

Вопр: У людей заслуженных, но беспомощных, какое *время* употребляется по большой части в разговорах с большими господами?

Отв: Прошедшее, например, *я изранен, я служил* и тому подобное.

Вопр: В каком *времени* бывает их ответ?

Отв: В *будущем,* например: *посмотрю, доложу* и так далее.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О глаголах

Вопр: Какой глагол спрягается чаще всех и в каком времени?

Отв: Как у двора, так и в столице никто без долгу не живет, для того чаще всех спрягается глагол: *быть должным* (для примера прилагается здесь спряжение *настоящего времени,* чаще всех употребительнейшего):

НАСТОЯЩЕЕ:

Я должен. Мы должны.
Ты должен. Вы должны.
Он должен. Они должны.

Вопр: Спрягается ли сей глагол в прошедшем времени?

Отв: Весьма редко: ибо никто долгов своих не платит.

Вопр: А в будущем?

Отв: В будущем спряжение сего глагола употребительно: ибо само собою разумеется, что всякий непременно в долгу будет, если еще не есть.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ОПЫТ ВЕЩЕСТВЕННОГО РОССИЙСКОГО СЛОВАРЯ

А.: Первая буква в нашей азбуке и первая степень учености, а особливо у простого народа, раскольников и простого духовенства. *Он не знает ни аза в глаза,* произнесенное с сожалительным презрением, довольно уже показывает всю силу и важность сей буквы. Почтенное название грамотея, могущего читать прекрасные на Спасском мосту изображения и истории,[1] есть плод знания буквы сей, как ключа ко всем последующим буквам и знаниям, необходимо сочиненным с умением читать азбуку, букварь, часослов и псалтырь. В древние наипаче времена почиталось особливым достоинством, когда степенный дворянин умел сам читать грамоту. Но ныне, благодаря просвещенным временам, всякий почти знает сверх французской и русскую азбуку, дабы следуя моде, тем лучше в письме ошибаться.

Адвокат: Его синонимы *стряпчий, приказной человек, делец, крючок.*

Акциденция: Слово оригинально не русское, но от долгого употребления совершенно обрусевшее, так что никакой искусный грамматик из языка нашего не может оного выгнать. Оно подкрепляется особливо старинною пословицею: *какая честь, коли нечего есть;* а впрочем, *хоть и стыдно, да сытно.* В театральном смысле означает оно оброк или пошлину с имеющих в судах дело; но прямое значение его есть то, чтоб искусно пообедать у просителя; причем учтивый хозяин, наблюдая честь посетителя, должен и проиграть известное число в карты; а не то переговорить наперед, зашед с заднего крыльца, с секретарем того, который в его деле может показать милостивое вспоможение. Но простые люди, как не столько церемонны и тонки, ходят на поклон сами, запасшись наперед всеми возможными к убеждению документами.

Ангел: Слово по большей части нежному полу известное.

Благодарность: Давно устаревшее и весьма дряхлое обыкновение.

Блохи: Слово низкое, но существенно в языке быть долженствующее. Оно значит маленьких и дерзких насекомых, которые слово в слово так наглы и бесстыдны, как господа щеголи или петиметры.

Больница: Такое место, где пекутся о здравии, дабы тем лучше приготовить к понесению новых болезней.

Борода: Украшение мужчин, которое ныне безобразием почитают, как скоро она покажется. Но здесь политическая находится уловка. В старину, когда мужчины что обещали, то брались за бороду, и то всегда было исполняемо. Но теперь для того ее бреют, чтоб не можно было призывать бороды во свидетельство своих обещаний.

Боры: Тысячу червонцев обещают некоторые в награждение тому, который изобретет инструмент разглаживать боры лица столь же хорошо, как и боры платья.

Боязливость: Оставленный предрассудок. Смотри *наглость.*

Великодушие: Комета на политической тверди.

Вор: Подлое слово, некоторым из простого народа только приличествующее. Но все благородно мыслящие им гнушаются, и выдумали вместо его другие выражения, как-то: *уметь жить, наблюдать свои интересы* и проч. Я не могу не сказать здесь с Антонином Философом,[2] что большие мухи, попадая в паутину, проскакивают, а маленькие остаются в оной.

Воры дневные или явные: Многочисленный род людей, живущих всегда пышно и в приятной праздности, которые притом столь рассудительны и велеречивы, что, не знавши, почтешь их за членов Парижской Академии.

Воспитание: Наставление детей, как делать комплименты, а особливо на французском языке, искусно шаркать ногами, поносить других, хорошо танцевать и хорошо играть в карты. Кажется довольно? И верно довольно, а особливо если записать в гвардию. Но сохрани боже, если быть адъютантом! Ну тогда надобно поездить несколько в манеже и поучиться фехтовать.

Вражда: Слово сие ныне в нашем языке не нужно, вражды больше нет, ибо всяк говорит о дружестве и любви к ближнему.

Ветер: Смотри *обещания.*

Глаза: Пара обманчивых блудящих огней.

Глупость: Если б то справедливо было, что англичанин Свифт сказал, будто целый свет не иное что есть,

как дом безумных;[3] то бы можно было спросить, может ли где-нибудь и каким образом быть дом умных.

Глухота: Болезнь богатых людей; а по сему вопль бедных и несчастных редко может побудить их к сожалению, потому что они слышать не могут.

Дарования: В нынешнем свете означают счастливую способность ума говорить обо всем с невероятной легкостию и проворством, и чрез то зажать всем рот. Смотри *болтливость.*— Но дарования бывают и физические, о которых не столько сказать, сколько думать можно.

Должность: Междометие, которое тогда только произносится, когда кому или нечего есть, или он не знает других способов к своему пропитанию. Когда же берется вместо обязанности,— о! тогда означает она великую добродетель, о которой большим господам по крайней мере беспрестанно твердить находят удовольствие.

Дружество: Сие слово до тех пор только бывает употребительно, когда не послышится слово *интерес.* Правда, иные и беспрестанно говорят о дружестве, но для того ли, что они часто уже слишком упоминают об нем, или что многообещающий вид их мало исполняет; им по наружности только верят и платят таким же приятным, но глухим отзывом.

Девицы: Ныне вышли из обыкновения, ибо все стали мадемоазели.

Дьявол в дому: Смотри *злая жена.*

Ей, ей: Слово у простолюдинов по большей части употребительное, дабы придать больше важности и силы обману какому или лжи. Знатные почитают за подлое и употребляют вместо того: клянусь всем, что есть свято; Бог убей мою душу, и проч.

Жар: Слово переносное. Чем больше пользы, тем более жару. В простом же смысле употребляется только тогда, когда чужими руками жар загребают.

Жизнь: Солдатская сума.

Закуски, заедки: Много есть таких близоруких господ, которые все почитают закусками и тотчас лакомиться хотят.

Земля: Жилище пресмыкающихся и неразумных.

Искренность: Величайший порок, а особливо между знатными; и однако ж всякий уверяет, что говорит искренно. Какое притворство!

Истина: Слово старинных времен; потому в наши модные времена больше не употребляется.

Корыстолюбие: Когда б его не было, посмотрел бы я, много ль бы было великих людей.

Крючок:[4] Ныне и крючки уже вывелись, а пошли все багры.

Лживость: Хотя и господствует она, но превращена в учтивость, дабы тем способнее всем вредить можно было.

Лисицы, которые везде вертят хвостом и все пронюхивают, никогда не попадаясь, ныне в великом количестве; их часто называют французским словом *жени.*

Лицемеры: Люди, которые жить умеют.

Ложь: Лжи уж нет больше. Из всякой лжи выходит ныне самая очевиднейшая истина.

Леность: Одно токмо прохлаждение, дабы содержать в покое тело; награждается в некоторых землях под именем бедности весьма изобильно.

Лекарь: Квартермистр вечности.

Любовь: Побуждение к величайшим делам и причина величайших глупостей. Какое противоречие!

Люди: Сколь ни многолюден свет, но их мало.

Лягушки:[5] Слово хотя и низкое, однако же необходимое; потому что ныне весьма много завелось таких, которые как ни сильно надуваются, однако никогда не лопнут!

Мать: Называется та женщина, которая детей имеет. Хотя ж много принадлежит до матери, но в нынешние экономические времена все излишнее выпускается, чтоб легче было остальное разносить зефиру.

Милосердие: Больше не употребительно: потому что оно нечто простонародное в себе заключает.

Милостыня: Четвертая часть копейки. Жаль, что не делится еще на 8 или 12 частей.

Миролюбие: Всякий говорит о нем, как о великой добродетели, но никто исполнять не хочет.

Мужество: Смотри *хвастовство.*

Набожность: Ныне благодаря просвещенным временам самая последняя добродетель.

Наследство: Прекрасная вещь; впрочем не нужно, чтоб к приобретению оной были заслуги.

Недосуг: Употребляется только тогда, когда заимодавцы посещают и когда должность призывает.

Ненависть: Была в самом начале света, есть ныне и будет впредь, пока свет стоять будет.

Нужда: Есть такие превратные нравоучители, которые утверждают, что добродетельно должно жить по нужде. Но мы ежедневно усматриваем тому противное; коль жить добродетельно, так жить в нужде.

Обман: Не потерял еще своего ходу; но чтоб по нынешним деликатным временам не так грубо было, когда назвать его просто, для того назван он *знанием расчетов.*

Обороты: Смотри *политические науки нынешнего света.*

Обыкновения: Есть полезные и вредные, похвальные и глупые; но древнейшие и употребительнейшие суть: *клевета, мотовство, долги.*

Олтарь: Священное место, которое бесчисленным нарушением супружеских клятв, пред ним произнесенных, обесчещено. А чтоб избежать такого попрека, то многие женятся в определенных к тому домах и трактирах.

Падение: Бывает различно: есть падение греховное, падение при дворе, также бывает, что падает строение и проч.; но последнее падение, сколь ни опасно бывает, часто однако ж не есть самое опаснейшее. Первые влекут по себе гораздо горестнейшие следствия.

Память: От долгого стояния света весьма ослабела.

Патроны, иначе *милостивцы* или *благодетели,* а иногда *меценаты.* Знатные господа, которые под их покров прибегших кормят *воздухом* и поят *терпением.*

Подагра: Аттестат природы, что гораздо тяжеле себя обременяли, нежели сколько нужно было.

Прадеды: Суть давно умершие люди, имеющие все хорошие свойства за тем, чтоб их потомки об оных не заботились.

Присяга: Торжественное утверждение сомнительного дела. Но с тех пор, как совесть из моды вышла, присяга бывает часто сомнительнее самого того дела.

Песнопевцы: У нас их немного; но многие едва 50 рифм набрать успевшие, хотят уже называться таковыми.

Радость: Луч солнца, который малейшие облака затмить могут. Но зато часто бывает радость подделанная.

Раскаяние: Смотри *женитьба.*

Самолюбие: Кто его не имеет? Кто не имеет его слишком? И кто же не должен иметь его?

Сан: Должен быть заслуженным и почтенным названием; но по большей части бывает сатира.

Свобода: Фрагмент или отрывок из времен аркадских пастухов[6].

Своенравие: Почиталось некогда странным и чудным свойством человека; но ныне сделалось всеобщим.

Сердце: Барометр, который смотря по состоянию счастия восходит и упадает.

Скупость: Больше не порок, но экономия.

Случай: Прежде значил неожидаемое какое приключение; но ныне совсем напротив.

Смерть: Потеря и прибыль определяют страдания и радость при смерти; плачевна для того, который чрез нее много теряет, но сколь восхитительна для того, который миллионы чрез нее получает в наследство.

Смирение: Здание в древнем (готическом) вкусе. По большей части ныне занимает место оной важное *право сильного*; по-русски перевесть: *кто кого смога, тот того в рога.*

Совесть: Изношенная епанча, которую изредка в ненастье надевают.

Согласие: Сказывают, поехало странствовать, и где теперь находится, за распутицею подлинно сказать не можно.

Сожаление, сострадание: Чем чаще оно бывает на языке, тем менее имеет доступа к сердцу.

Стихотворство: Род жалкого пропитания; кто оным прокормиться хочет, должен иметь слабый желудок.

Супруги: Две особы, которые мужем и женою называются. Некогда союз их был союз согласия и любви, а ныне вражды и ненависти. Тогда не могли они 30 дней прожить друг без друга, а ныне хоть 30 лет так готовы.— Как же просвещаются времена!

Тонкость: Смотри *хитрый обман.*

Характер: Прежде люди получали его от природы и других людей, а ныне всякий, который хотя несколько вертляв, ценит сам себя; и отсюда-то, сказывают, произошло то, что нет у нас ничего оригинального, а все занятое.

Хвастовство: Самая новейшая и со вкусом мода, началась в столицах.

Цвет: Бывает двоякий, искусственный и натуральный.

Последний скрылся в монастырях, почему на белилы, румяны и притиранья цена гораздо поднялась!

Честолюбие: Было прежде похвальное качество; но ныне ужасно в каком злоупотреблении и по большей части от тех, которые не имеют на оное совсем никакого права.

Честь: Было время, когда больше ее имели и меньше об ней говорили. Она была побуждением к великим деяниям; но теперь в сии чересчур экономические времена большая часть меняет ее на деньги.

Чувствования: По большей части попортившийся товар, и потому мало уважается, ищется и покупается.

Шляпа: Давно уже обещано награждение за такую шляпу, которая бы всякому была впору; а чрез то думают исполнить великое предприятие, чтоб все головы привесть на одну шляпу.

Ученость: Капитал без достаточных процентов. Дети природы ныне гораздо счастливее, нежели сыны искусства, сколько бы их высоко ни почитали, ибо иначе больше бы им платили, хотя б хвалили и меньше.

Ученые: Малое число людей занимающихся размышлением, между тем как прочие пьют только да едят.

Уединение: Тогда наиболее любят, когда кто или очень здоров, или очень болен.

Я. Б. КНЯЖНИН

ОТРЫВОК ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ *(в сокращении)*

А

Азбука . . . . Знание, составляющее всю ученость многих, думающих о себе гораздо более.

Арифметика . . . . . Искусство богатому считать свое, а бедному чужое.

Ах! . . . . Затычка стихотворцев сла-

бых и любовников охолоделых.

Авось	Словцо, которое всех людей за нос водит.
Автор	Отголосок древних умов.
Амур[1]	Проказливый мальчик для молодых красавиц и для набожных старушек.
Аминь	Словцо, означающее конец. Оно по большей части венчает искусство лекарей над участью больных.
Анбар	Самая тесная комната у богачей, а обширная у бедняков.
Аргус	Юнонин сторож[2], который стерег богиню Ио. Он имел у себя сто глаз. Ныне и с тысячию не успел бы в своей должности.
Аврора[3]	Мачеха плоских стихотворцев.
Архива	Памятник судейским взяткам.

Б

Бал	Собрание, в котором молодые люди в танцах выставливают свою фигуру; а старики свою за картами прячут.
Болван	Вещь, на которую часто головы похожи бывают не одними париками.
Благословение . .	То же, что и мешок; без денег ничего не значит.
Бесстыдный . . .	То же, что и пробошной мужичок, с свинцовой головкой; как его в нос не щелкай, всегда становится в позитуру.
Богатство	Сильное свидетельство о спо-

собностях ко всему.

Божба . . . . . . Очень ходячая в свете монета, по большой части фальшивая.

Болтать . . . . Одно достоинство многих.

Бедность . . . . Уничтожение всех наших дарований.

Беспристрастие . . . . Качество, весьма сумнительное и редкое.

Бессмертие героев . . . Достоинство, покупаемое смертию многих простолюдинов.

Белила . . . . Подпора увядших красот.

Брак . . . . Панихида по любви.

Благодарность . . . Не нынешнее, но древнее чувствование.

В

Важность . . . . Маска дураков, а особливо ученых.

Веселие . . . . По большей части значит перемену одной скуки на другую.

Воскресенье . . . . . День узаконенный опочить от трудов. Простой народ, исполняя сей закон, чтобы крепче опочить, напивается допьяна.

Воспитание . . . . Блестящий лак, из-под которого и дурная картина бросается в глаза.

Врач . . . . От слова враг часто отличается только переменою буквы *г* на *ч*.

Война . . . . . . Искусство, показывающее правило, как себя порядочнее убивать.

Взятки . . . . Судейский оселок, на котором они пробуются без ошибки.

Воображение . . . . . Огромный анбар, в котором хранятся разного рода придури.

Высокомерие . . . . . Помнится, божество идоло-

поклонников, творящее и чудеса и глупости.

Вопрос . . . . Речь, доказывающая и очень умного, и очень глупого человека.

Вселенная . . . . Театр человеческих деяний.

Г

Гордость . . . . Огромная вывеска самой маленькой души.

Глупость . . . . Качество общее, с которым можно быть долговечну.

Гроб . . . . Предел желаний.

Грех . . . . В слабомыслящем человеке он рождается каждую минуту, но здравый рассудок принимает его на себя очень редко.

Город . . . . Место, где всякий, надев маску, старается сыграть свою ролю как можно лучше.

Герб . . . . Замена личного достоинства.

Гость . . . . Для скупого самая несносная особа.

Гром . . . . Пробуждение природы и закоснелой в преступлении совести.

Грабить . . . . Пример, как с помощию силы разживаться.

Гнуть . . . . Ежели спиною, то в передних знатных господ; ежели совестью, то за судейским столом; ежели языком, то у ног любовницы.

Гулянье . . . . Место, где красавицы, не смотря ни на кого, заставляют всех на себя смотреть.

Д

Детство . . . . Возраст человеческий, в котором играют в куклы. Сей возраст во всю жизнь

его продолжается — разница только в куклах.

Добрый человек . . . . Смирный, не делающий другому вреда. Итак, такая доброта есть и в собаке, которая не кусается.

Дерзость . . . . . . Деяние, которое приемлет наиблистательнейшее имя, если есть удача.

Деньги . . . . Существительное отменных свойств, занимающее одно само собою всевозможные прилагательные.

Дураки . . . . Они то, что самые темные тени в картинах — нужны для оттенки.

Дать . . . . Глагол весьма неупотребительный, а только употребляется там, где нет надежды более взять.

Добродетель . . . . . Епанча, которую на себя надевают честные люди, чтобы чем ни есть от плутов отличиться.

Добросердие, добродушие Платье, в котором летом очень жарко; а зимою очень холодно. И для того его ныне, кроме бедняков и простых людей, никто не носит.

Достоинство . . . . . Где оно заключается в степенях богатства, там часто бывает оно без достоинства.

Дружба . . . . Душевная свадьба, которая подвержена нередко разводной.

Доволен . . . . Сие чувствование столь же от нас далеко бежит, как должник от заимодавца.

Е

Эпитафия . . . . . . Знак гордости оставшихся.

Эфир . . . . Безмерная высота, куда обыкновенно летают все стихотворцы.

Ездок . . . . . Искусник, которого слава по большой части зависит от искусства лошади.

Ер . . . . То же в азбуке, что истина между людей; литера, без которой легко можно обойтиться.

Эол . . . . Бог ветров.— Молодые вертопрахи с усердием поклоняются сему богу, и для того то они так ветренны и непостоянны.

Ельник . . . . Парнасские розги, которыми наказываются худые стихотворцы.

Ж

Жалеть . . . . Слово сие принимается в разных смыслах. Лекарь жалеет о убыли больных; судья о людском миролюбии; воин о спокойствии и тишине. Везде мелькает эгоизм!

Жизнь . . . . Ежели богатая, то хлопотлива; а бедная скучна.

Женитьба . . . . Последний ресурс, коли по интересу; последняя страсть, ежели по любви.

Желание . . . . То же, что и вечность! — беспредельна!

Ждать . . . . К сему слову приучены почти все челобитчики.

Жадность . . . . . . Сильное стремление к собственному своему благу.

Жена . . . . Милое творение, созданное из мужнина ребра, которое нередко в сердцах пересчитывает и осталь-

ные ребра своего сожителя.

Жених . Смешная жертва, которая для того сперва веселится, чтоб после плакать.

Жеманство . . Наружный обман, которым утешают себя старые красавицы.

З

Заимодавцы . . . Род честных людей, которые приучают нас к вежливости.

Зефир . . . Скучный ветерок. Он всюды суется, и везде встречается.

Зависть . Печаль о благополучии другого.

Знаю . . . . Приемлется тремя видами — 1-е: все знаю, означает надменного невежду; 2-е: не знаю — глупого; 3-е: ничего не знаю — разумного человека.

Завтра . . . . В старину значило на другой день; а ныне гораздо долее; а секретарское — никогда.

Зеванье . . . . Родная сестра скуки и сна, у которых отцы по большой части бывают плохие сочинители и скучные ораторы.

Зубы . . . . Коли женины, то они иногда слишком больно кусаются; но мужнины более ни к чему не годятся, как для съестного.

Заря . . . . Предвестница новой радости счастливцам, и новой горести злополучным.

Злодей . . . . Бич божиего правосудия.

Знание . . . . Сокровище, которого никакое злополучие отнять не может.

И

История . . . . Архива тщеславия.
Интерес . . . . Мера человеческих деяний.
Игрок . . . . Вор, который ворует без оглядки, не боясь Управы благочиния[4].
Испытание . . . . Оселок. Каждая вещь имеет свой. Тут круглая порука. Золото пробуется огнем, женщина — золотом, а мужчина — женщиной.
Искушение . . . . Сильное старание о умножении чужих грехов.
Измена . . . . Продажа совести с публичного торгу.
Идолопоклонник . . . . То же, что и льстец, у которого по наружным видам все кумиры.
Иней . . . . Улика поседелым красавицам и дряхлым женишкам.
Исступление . . . . . Полная воля наших страстей.
Искра . . . . Ежели стихотворческая, то более раздувай; если любовная, то скорей гаси.

К

Красота . . . . Кредитивное письмо; но ненадолго.
Комплимент . . . . . Скучная рацея, которая ничего не значит.
Кредит . . . . Старинное словцо. Ныне оно начало уже выходить из употребления и теряет свою цену.
Критика . . . . . . У мелких писателей рождается от зависти к хорошему.
Коварство . . . . Самая ходячая монета; даже без промену.
Комедия . . . . Наперед сего значило школа нравов; а ныне не что иное есть, как школа остроты.

Красноречие . . . . . Излишество и злоупотребление слов.

Корысть . . . . Идол, которому все сокровища в жертву приносятся.

Клевета . . . . Ядовитое растение, которое под розами сохнет и увядает.

Клятва . . . . Способ, чтобы неправду сделать правдою.

Красть . . . . Сильная привычка не свое делать своим.

л

Лавры . . Листочки, никуда более непригодные, как к соусам.

Ласкательство . Род прилипчивой болезни, которая действует как антонов огонь.

Лоб . . . У мужей самое выгодное место, где по большой части строят супружеские обелиски.

Лира . . . . Сделалась почти всеобщим инструментом. Разница в том та, что в руках нежных поэтов она сохранила свое имя, а у дюжинных сочинителей слывет за простую балалайку.

Лекарство . . . . . Служит только одною формою медицины, чтоб после смерти больного сказали, что он методически лечился.

Личина . . . . . . Нужный наряд, который в в этом свете редко скидается.

Лицемер . . . . Ложный вестник сокровенных чувств.

Льстец . . . . То же, что и зеркальный фонарь, который издали хорош, но вблизи никуда не годится.

Любочестие . . . . . Источник славы.

Лихоимец . . . . . . Человек, который только дер жится двух правил в арифметике: сложения да умножения.

м

Мода . . . . Идол, которого обожают дураки, чтоб казаться умными, а умные — чтобы не прослыть дураками.

Мечта . . . . Призрак прошедших времен, мысленное удовольствие и забвение настоящих горестей.

Муж . . . . Комнатное украшение, которое закрывает все домашние недостатки.

Малодушие . . . . . Болезнь, почти неисцелимая, ежели в молодости от нее не избавишься.

Милостыня . . . . . Испытание нашей чувствительности.

Молва . . . . Словесная почта, которая нигде не замедлит.

Младенец . . . Новое лицо в этом мире для претерпения разных бед.

Мгновение . . . . . . Термин наших веселий — изображение нашей жизни.

Молчание . . . . . . Большою частию маска невежества.

Мужество . . . . . . Сию добродетель может на себя принять и тот муж, который храбро дерется с своею женою, потому, что не многие в сей победе отличаются.

н

Наследство . . . . . . Ресурс промотавшихся.

Невежество . . . . . Неограниченная нищета, которая и под самым золо-

том не может сокрыть своей бедности.

Недоросль . . . В моральном смысле принимается такой человек, который во всю жизнь не мог дорасти ни до ума, ни до нравственности.

Новость . . . . Отрада болтливых, которая с помощию их родится, вырастает и умирает.

Нравственность . Есть та часть философии, которую гораздо более толкуют, а меньше всего исполняют.

Наружность . Занавес, за которою делать можно что угодно, только не должно забывать ее опустить.

Непостоянство Третное жалованье, отпускаемое молодыми женами старым мужьям.

Начало . . . . В приказных тяжбах никогда не теряет своего существа и всегда остается началом.

Наглость Сильный приступ, покровительствуемый бесстыдством, который всегда служит ко вреду самого себя.

Нрав . . Ежели судейский, то он, как магнитная стрелка, самое сильное имеет наклонение к деньгам.

О

Обморок . . Женская ухватка, чтобы через бесчувствие сделать любовника своего слишком чувствительным.

Обезьяна . . . . Зверек, похожий на людей, которые, принявшись за хорошие примеры, выкраивают из них самые худые лоскутки.

Оглавление . . . . . . Вывеска книге.— Большею частью много обещает, но мало исполняет.

Обстоятельства . . . . Более творят преступников, нежели самый умысел.

Обручение . . . . . . Вексель на верность, который, однако ж, очень скоро протестуется и отдается ко взысканию.

Одежда . . . . Ежели богатая, то она часто бывает видимой вывеской невидимого достоинства.

Опасность . . . . . . Случай, где душа познает свою великость или ничтожество.

Откровенность . . . Старенькая повадка наших предков.

Обольщение . . . . . Выигрыш над слабыми чувствами, за который после платить большим проигрышем.

Ослепление . . . . . Чудесные глаза, которые иногда видят то, чего другие не видят; и не видят того, что другие видят.

П

Память . . . . Архива прошедших времен.

Панегирик . . . . . . Заказная речь, относящаяся более ко славе сочинителя его, нежели ко славе того, о ком говорят.

Пегас[5] . Крылатая лошадка, которая таскает и хорошее и дурное.

Подражание Значит у нынешних писателей то же, что и собственное сочинение.

Подлость . Ариаднина нить, ведущая ко щастию[6].

Правда Лежалая монета, с которой всегда останешься в накладе.

Плутовство . . . . . . Имя весьма существительное; но как оно жестоко отдается, то заменяет его слово *тонкость*.

Подьячий . . . . . . Род саранчи, которая чрезмерно плодуща и прожорлива.

Приданое. . . . . . . Масштаб, по которому измеряются достоинства невесты.

Похвала . . . . Авторский подкоп, подводящий мину под кошельки знатных господ.

Первое апреля . . . . . День, в который всякий старается выдумать какой-нибудь искусный обман, но ежели обернешь глаза на все месяцы, то каждый день покажется за первое апреля.

Р

Развязка театральная . . В трагедии — смертию, а в комедии — женитьбою. Поэтому видно, что гораздо веселее жениться, нежели умирать.

Решимость . Право дураков. Умный человек только решит сам о себе.

Ревность . Амурная лихоманка.

Рожки . . Головное украшение весьма дешевое; и потому никогда из употребления не выходило и не выдет.

Рядная Брачный торг, где полагается на невесту цена.

Родословная Верная опись всем мертвым дедам и прадедам.

Разум . . . . . Источник добра и зла.

Робость . . . . Изображение малой души.

Риторика . . . . Наука, приносящая большую отраду бедным со-

чинителям, как раскрашивать свою нищету.

Развалины . . . Жертва времени, которая показывает, что все под ним истлевает.

Рвение . . . . Приступ к славе.

Радость . . . . То же, что и детская игрушка. Вскоре делается обыкновенною, а после надоест.

С

Самолюбие . . . . Оно то в морали, что и рычаг в механике.

Суета мирская . . . . . Картина, которую должно рассматривать одаль, чтоб узнать точную ей цену.

Сочинитель . . . . . . Художник, который обнаруживает разум свой, искусство и глупость с помощию типографии.

Сватья . . . . Смешная особа, пекущаяся с большим усердием о размножении рода человеческого.

Смирение . . . . Постное лицо скоромной души.

Стихи . . . . Лежалый товар, который редко кому не в наклад.

Соблазн . . . . Верное искушение к новым грехам.

Старость . . . . Время, в которое природа требует обратно все свои дары.

Совесть . . . . Сердечный караульщик, который однако ж часто спит.

Смеяться . . . . Изредка кое-чему принадлежит каждому; а всему вообще одним токмо дуракам, да самым умным людям.

Свет . . . . Он в просвещении никогда не затмевается, а невежда и днем ничего не видит.

Счастье . . . . См. *Щастие*

Счеты . . . . См. *Щеты*

Т

Терпение . . . . Добродетель весьма легкая преподавать другим.

Так и быть . . . . . . Словцо, которым себя утешает умный человек во всех противных случаях жизни.

Траур . . . . Мрачное изображение иногда самой светлой души.

Тростник . . . . Растение, похожее на льстецов, которые при маленьком шорохе знатных господ всегда приклоняют свои спины.

Тайна . . . . Она так же мучительна для женщин, как и правда для судей.

Тартар[7] . . . . Место, где гораздо теснее будет, нежели в раю.

Твердость . . . . . . Высочайшее благо, с которым во всех превратных случаях не потеряешь имени человека.

Трезвость . . . . Добродетель, известная нам более по одному слуху, нежели по существу ее дела.

Трагедия . . . . Жалкое сочинение, где иногда актеры рыдают, а зрители хохочут.

Титла . . . . То же, что и *вериги*. Иной насилу их таскает.

Тюрьма . . . . Самая верная и дешевая квартира для промотавшихся.

Театр . . . . См. *Феатр*.

Упрямство . . . . Вывеска дураков.

Уважение . . . . Ныне разделено по состоянию богатств.

Ученый . . . . Без просвещения ничего иное есть, как движущаяся архива знания.

Упоение . . . . Люди во все времена были склонны к упоению; но с тою только разницею, что в старину более упоялись духом, а ныне вином.

Учтивость . . . . В старину она была изражение добродетелей и общежития, а ныне только изображение оных.

Уметь жить . . . . . . Значит уметь льстить.

Уши . . . . Часто бывают длинны не у одних только ослов.

Утро Время, в которое все пробуждается для возобновления новых дурачеств.

Убор . . . . Вещь, чрез которую надеются и дурные прослыть хорошими.

Уф! . . . . Восклицательный знак слушателя, когда он стонет под толстою тетрадью плоского стихотворца.

Усы . . . . Изображение геройского лица, у которого иногда храбрость в одних только усах состоит.

Упадок . . . . Случай, где познается истинное дружество.

Урок . . . . Вся наша жизнь. Мы уже тогда его выучиваем, когда приходим к старости.

Ум . . . . Редкий товар. На него много охотников, но мало покупщиков.

Ф

Философия . . . . Походит на делание злата. Многие ее ищут.

Франкмасон . . . . То же, что и кафимский узел,[8] которому дивится невежда, а умный и развязывать за сущую малость считает.

Фортуна . . . . Походит на глупого богача, который расточает свои сокровища без всякой цели.

Феатр . . . . Место, куда люди собираются, чтобы посмеяться самим над собой.

Фонарь Без свечи, то же, что и голова без ума: никакого нельзя сделать употребления.

Фурия . . . . Чудовище, которое превращается по большей части в женщин.

Форма . . . . Часто служит изображением какого-нибудь достопамятного лица богатого барина, которое иногда только тем и знаменито, что слишком толсто и жирно.

Фальшивая красота . . . То же, что и фальшивая монета. Всегда останешься с нею в накладе.

Х

Хула . . . . Дочь зависти; и потому-то она всегда далека от истины.

Хвалить . . . . Без разбору — знак глупого и низкого; ничего не хвалить — надменного; а изредка — разумного человека.

Хаос — Непостижимое пространство всех наших желаний

Хмель . . . . . — Чудотворное растение, которое, однако ж, люди постарались сделать опасным.

Хоронить . . . . . — Способ как избавляться от покойников для того, что они в живе были слишком неугомонны.

Храбрость — Иногда получает свой выигрыш от трусости других.

Холостой . — Счастливец, который еще не попал в тартар на этом свете.

Художник — Человек, которого кормит и дурак, и умный. Равно оба его и судят.

Холодность . — По большой части снискивается через брачные обряды.

Хлеб — Где он приобретается честностию, там много для него поту проливают.

Хворый, или больной . — Платит за три вещи вдруг. Лекарю за приезд, аптекарю за лекарство, а гробовому мастеру за гроб.

Ц

Целомудрие . — В красавицах родится от страха, а в старушках по необходимости.

Цветок — Тленность красоты, которая без душевных прелестей скоро увядает.

Церемония . — Где люди надувают свои лица, для того, чтобы как возможно умнее и важнее показаться.

Циркуль . — Верный инструмент для землемера, как на деся-

тинах бедного помещика расположить богатого.

Цыганка . . . . Искусная волшебница, которая всегда угадывает старому мужу, что он будет рогат.

Цепи . . . . Моральная смерть, которая тем несноснее, что чувствуешь всю тягость оной.

Ценитель . . . . То же, что и аукционист; из всех вещей, которым полагает цену, сам меньше всех стоит.

Цепкий Знающий, как уцепиться за чужой кошелек.

Ч

Читать . . . . Читается трояким образом; 1-е:читать и не понимать; 2-е: читать и понимать; 3-е: читать и понимать даже то, что не написано. Большая часть людей читают первым манером, но третьим весьма мало.

Четки . . . . Нетерпение кающегося грешника.

Чердак . . . . Жилище стихотворцев.

Чахотка . . . . Жестокая болезнь, которая вкрадывается в денежные кошельки, и равно везде неисцелима.

Честь . . . . Слово, за которое всегда более вступаются, и которое менее всего соблюдают.

Чувствование . . . . . Оно по большой части управляется золотом.

Человек . . . . Удивительная смесь ума, глупости, добра и зла.

Часы . . . . Мера наших веселостей и горестей.

Черт Существо бесплотное, коего

плотность многие глупые люди над собой ощущают.

Червонцы . . . . Магнит, который водит за собою почти целый свет.

Человеколюбие . . . . . То же, что и надутый пузырь. Больше показывает, нежели что в нем есть.

Чванство . . . . . Вывеска малодушия.

Ш

Школа . . . Место, где бы было очень тесно, если бы поместить туда всех тех, кто в нем нужду имеет.

Шалость . Шутливое своенравие, которое редко кому не в наклад.

Шипы . . Нет розы без шипов.— Нет красавицы, которая бы их не имела. Со всем тем редкий, который бы не хотел ими поколоться.

Шкап с книгами . . Часто служит одним только украшением, а не пользою.

Шептать . Способ, как двум бранить третьего.

Шарлатан . То же, что и *раек*. Кажется красивым сквозь стекло; но вблизи, кроме вздору, ничего не найдешь.

Шуба . Защита от морозов; но недостаточные поэты согреваются воспарением духа и для того никогда шубы не имеют.

Шутник, или остряк . . . С богатой вывеской самая бедная лавка, в которой никогда не найдешь прочных товаров.

Шпага . . . . Висячая храбрость, которая иногда прицепливается к ходячей трусости.

Щ

Щастие . . . . Бланкет на все достоинства.

Щеты . . . . Бумага, из которой видно, что управители сильнее в умножении, нежели в вычитании.

Щедрость . . . . . . Мера бескорыстия нашего.

Щеголь . . . . Первый переход природы от обезьяны к человеку.

Щадить . . . . Ныне значит то, что ежели кто кого только что не бранит.

Щеки . . . . Женские парники, на коих старухи хотят и зимою производить розы.

Щелчки . . . . Всеобщая игра, от которой одни падают, а другие восстают.

Ю

Юриспруденция . . . . Наука, подающая способ, как делать из черного белое, а из белого черное.

Юрист . . . . Знающий права, то есть jus: то ѐсть, знающий различить букву Ю в гражданской азбуке.

Юный . Не всегда по летам. Иногда с самой седой головою не теряет сего имени.

Юродливый . . . . . . Шут, который в древние времена многих умных за нос водил.

Я

Я . . . . Буква гласная в грамматике, а в свете часто бывает безгласная.

Ябеда . . . . Приказная война, где один приискивает законы как атаковать, а другой как обороняться.

Яма . . . . Место, куда прилежные лекари прячут плоды своего искусства.

Ярмонка . . . . Академия плутовства.

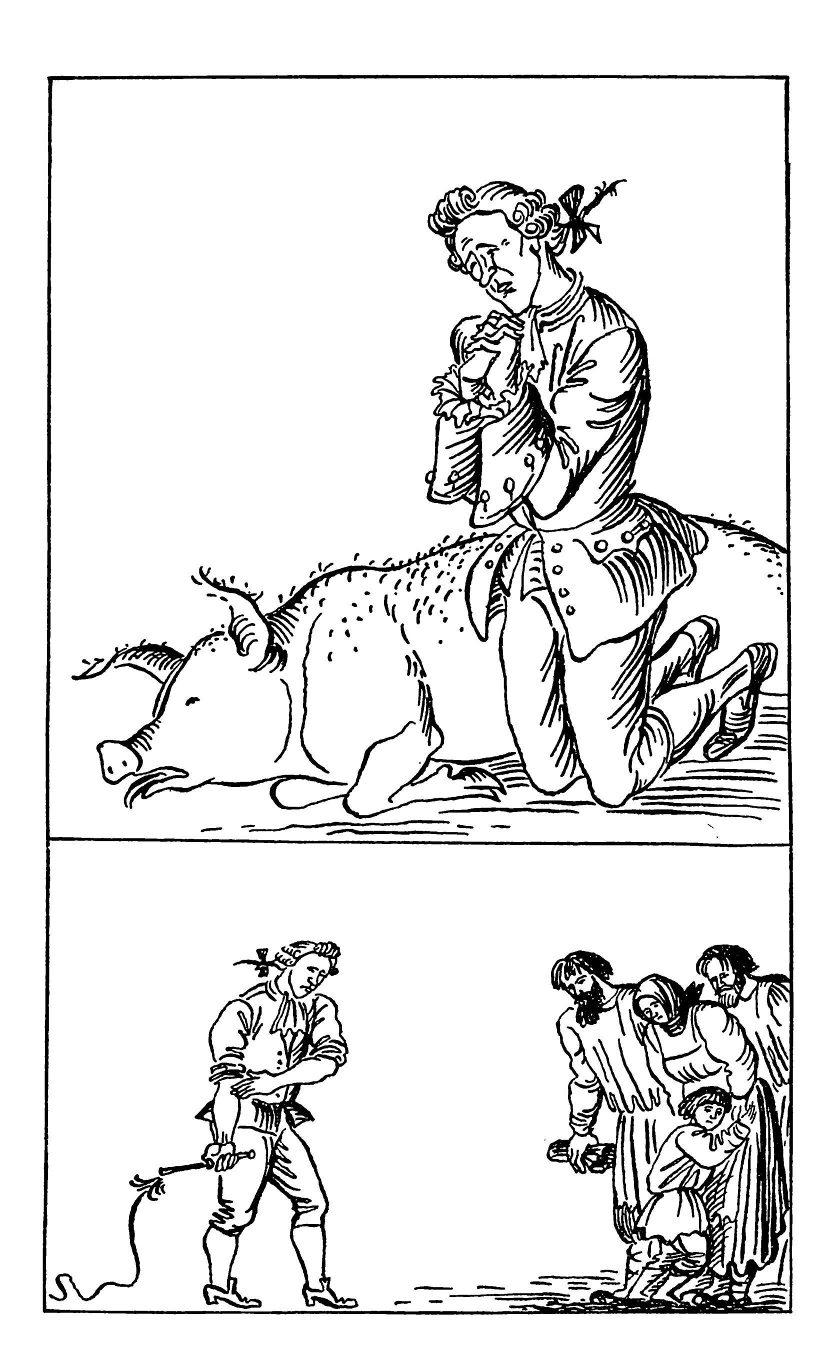
Якорь . . . . . Изображение надежды, с которой гораздо мудренее отыскать дно нашего счастия, нежели дно морское.

Ясли Между глупых людей и богатый стол не теряет сего имени.

САТИРИЧЕСКИЕ ПИСЬМА

[Д. И. ФОНВИЗИН]

ПИСЬМА ДЯДИ К ПЛЕМЯННИКУ

Любезный племянничек .....

здравствовать тебе навеки нерушимо желаю!

Уведомился я, что ты и по сие время ни в какую еще не определился службу. Отпиши ко мне, правда ли это; ежели правда, так скажи, пожалуй, что ты с собою задумал делать? Я тебя не приневоливаю идти ни в придворную, ни в военную службы для сказанных мне тобою причин; пусть это будет по-твоему; а притом и службы сии никакой не приносят прибыли, а только разоренье. Но скажи, пожалуй, для чего ты не хочешь идти в приказную? почему она тебе противна? Ежели ты думаешь, что она по нынешним указам ненаживна[1], так ты в этом, друг мой, ошибаешься. Правда, в нынешние времена против прежнего не придет и десятой доли; но со всем тем годов в десяток можно нажить хорошую деревеньку. Каково ж нажиточно бывало прежде, сам рассуди: нынешние указы много у нас отняли хлеба!

Тебе известно, что по приезде моем на воеводство не имел я за собою больше шестидесяти душ дворовых людей и крестьян, а ныне благодаря подателя нам всяких благ, трудами моими и неусыпным попечением нажил около трехсот душ не считая денег, серебра и прочей домашней рухляди; да нажил бы еще и не то, ежели бы прокурор со мною был посогласнее: но за грехи мои наказал меня господь таким несговорчивым, что как его ни уговаривай, только он как *козьи рога, в мех не лезут;*

и ежели бы старанием моим не склонил я на свою сторону товарища секретаря и прочих, так бы у меня в мошне не было ни пула.[2] Прокурор наш человек молодой, и сказывают, что ученый, только я этого не приметил. Разве потому, что он в бытность его в Петербурге накупил себе премножество книг, а пути нет ни в одной. Я одинажды перебирал их все, только ни в одной не нашел, которого святого в тот день празднуется память, так куда они годятся? Я на все его книги святцев своих не променяю.[3] Научился делать вирши, которыми думал нас оплетать; только сам он чаще попадается в наши верши. Мы его частехонько за нос поваживаем. Он думает, что все дела надлежит вершить по наукам; а у нас в приказных делах какие науки? кто прав, так тот и без наук прав, лишь бы только была у него догадка, как приняться за дело; а судейская наука вся в том состоит, чтобы уметь искусненько пригибать указы по своему желанию: в чем и секретари много нам помогают. Правда, что это для молодого человека трудно и непонятно: но ты этого не опасайся, я тебя столько научу, сколько сам знаю. Пожалуйста, Иванушка, послушайся меня, просись к нам в город в прокуроры. Я слышал, что тебя многие знатные господа жалуют, так это тебе тотчас сделают. Наживи себе там хороших защитников, да и приезжай сюда; тогда весь город и уезд по нашей дудке плясать будет. Рассуди сам, как этого места лучше желать и покойнее. Во всех делах положися на меня, а ты со стороны, ни дай ни вынеси, будешь брать жалованье; а коли будет ум, так и еще жалованьев под десяток в год получишь. Мы так искусно будем делать, что на нас и просить нельзя будет. А тогда, как мы наживемся, хотя и попросят, так беда будет невелика: отрешат от дел и велят жить в своих деревнях. Вот те на, какая беда! для чего не жить, коли нажито чем жить; то худо, как прожито чем жить, а ка́к нажито, этого никто и не спросит. Пожалуйста, послушайся меня, добивайся этого места. Ты вить уже не маленький робенок, можно о себе подумать, чем век жить. Отцовское-то у тебя имение стрень-брень с горошком, так надобно самому наживать; а на мое и не надейся, ежели меня не послушаешься; хотя ты у меня и один наследник, но я лучше отдам чужому, да только такому, который себе добра хочет. Ежели ж послушаешься, то при жизни моей укреплю все тебе.

Смотри ж, я говорю наобум, а ты бери себе на ум. Прощай, Иванушка; пожалуй, подумай о сем хорошенько и меня уведомь. Остаюсь дядя твой...

2

Племяннику моему Ивану, здравствовать желаю!

На последнее мое к тебе письмо с лишком год дожидался я ответа, только и поныне не получил. Я безмерно удивляюся, откуда взялось такое твое о родственниках и о самом себе нерадение. Мне твое воспитание известно: ты до двадцати лет своего возраста старанию покойного твоего отца соответствовал. Он из детей своих на тебя всю полагал надежду; да и нельзя было не так: большой твой брат, обучаяся в кадетском корпусе светским наукам, чему выучился? Ты знаешь, сколько он приключил отцу твоему разорения и печали. А ты под присмотром горячо любившего тебя родителя жил дома до двадцати лет и учился не пустым нынешним и не приносящим никакой прибыли наукам, но страху божию; книг, совращающих от пути истинного, никаких ты не читывал; а читал жития святых отец и Библию. Вспомнишь ли, как тебе тогда многие наши братья старики завидовали и удивлялись твоей памяти, когда наизусть читывал ты многих святых жития, разные акафисты, каноны, молитвы и проч.: и не только мы, простолюдимы, но и священный левитский чин [4] тебе завидовал, когда ты, будучи еще сущим птенцом шестнадцати только лет, во весь год круг церковного служения знал и отправляти мог службу? Куда это все девалося? Всеконечно создатель наш за грехи отец твоих отъял от тебя благодать свою и попустил врагу нашему, злокозненному дияволу, искушати тебя и совращати от пути, ведущего ко спасению. Ты стоишь на краю погибельном, бездна адской пропасти под тобою разверзается, отец дияволов, разинув челюсти свои и испущая из оных смрадный дым, поглотить тебя хочет; аггели мрака радуются, а силы небесные рыдают о твоей погибели. Ежели то правда, что я о тебе слышал, сказывали мне, будто ты по постам ешь мясо и, оставя увеселяющие чистые сердца и дух сокрушенный услаждающие священные книги, принялся за светские. Чему ты научишься из этих книг? Вере ли несомненной? без нея же человек спасен быти не может? Любве ли к

богу и ближним, ею же приобретается царствие небесное? Надежде ли быти в райских селениях, в них же водворяются праведники? Нет, от тех книг погибнешь ты невозвратно. Я сам, грешник, ведаю, что беззакония моя превзыдоша главу мою; знаю, что я преступник законов, что окрадывал государя, разорял ближнего, утеснял сирого, вдовицу и всех бедных судил на мзде; и, короче сказать, грешил, и по слабости человеческой еще и ныне грешу почти противу всех заповедей, данных нам чрез пророка Моисея, и противу гражданских законов, но не погасил любве к богу: исповедываю бо его пред всеми творцом всея вселенныя, сотворившим небо, землю и вся видимая, всевидящим оком, созерцающим во глубину сердец наших. О ты, всесильный, вселенныя обладатель! Ты зришь сокрушение сердца моего и духа, ты видишь желание следовать воле твоей, ты ведаешь слабость существа нашего, знаешь силу и хитрость врага нашего диявола, не попусти ему погубити до конца творение рук твоих; посли от высоты престола твоего спутницу твою и святые истины, премудрость, да укрепит та сердце мое и дух ослабевающий. Сказано: постом, бдением и молитвою победиши диявола; я исполняю церковные предания, службу божию слушаю с сокрушенным сердцем; посты, среды и пятки все сохраняю не только сам, но и домочадцев своих к тому принуждаю. Да я и не принужденно, но только по теплой вере и еще прибавил постов; ибо я и все домашние мои во весь год, окроме воскресных дней, ни мяса, ни рыбы не едим. Вот каково, кто читает жития святых отец! Мы во оных находим книгах, что неоднократно из глубины адской пропасти теплые слезы и молитвы возводили на лоно Авраамле, [5] а ты сего блаженства лишаешься самопроизвольно. Разве думаешь, что когда ты не вступишь в приказную службу, то уже и согрешить не можешь? Обманываешься, дружок: и в приказной, и в военной, и в придворной, во всякой службе и должности слабому человеку не можно пробыти без греха. Мы бренное сотворение, сосуд скудельный, как возможем остеречься от искушения; когда бы не было искушающих, тогда, кто ведает, может быть, не было бы и искушаемых! [6] Но змий, искусивший праотца нашего, не во едином живет эдемском саде: он пресмыкается по всем местам. И не тяжкий ли это и смертный грех, что вы, молодые люди, дерзновенным своим языком гово-

рите: *за взятки надлежит наказывать; надлежит исправлять слабости, чтобы не родилися из них пороки и преступления.* Ведаете ли вы, несмысленные; ибо сие не припишу я злобе вашего сердца, но несмыслию? Ведаете ли, что и бог не за всякое наказывает согрешение, но, ведая совершенно немощь нашу, требует сокрушенного токмо духа и покаяния? Вы твердите: *я бы не брал взяток.* Знаете ли вы, что такие слова не что иное, как первородный грех, *гордость?* Разве думаете, что вы сотворены не из земли и что вы крепче Адама? Когда первый человек не мог избавиться от искушения,[7] то как вы, будучи в толико крат его слабее, колико крат меньше его живете на земли, гордитеся не свойственною сложению вашему твердостию? Как вам не быть тем, что вы есть? Удивляюся, господи, твоему долготерпению! Как таких кичащихся тварей гром не убьет и земля, разверзшися, не пожрет во свое недро, стыдяся, что таковых во свет произвела тварей, которые вещество ее забывают. Опомнись, племянничек, и посмотри, куда тебя стремительно влечет твоя молодость! Оставь сии развращающие разумы ваши науки, к которым ты толико прилепляешься; оставь сии пагубные книги, которые делают вас толико гордыми, и вспомни, что *гордым господь противится, смиренным же дает благодать.* Перестань знатися по-вашему с учеными, а по-нашему с невежами, которые проповедуют добродетель, но сами столько же ей следуют, сколько и те, которых они учат, или и еще меньше. К чему потребно тебе богопротивное умствование, как и из чего создан мир? Ведаешь ли ты, что судьбы божии неиспытанны: и как познавать вам небесное, когда не понимаете и земного? помни только то, что *земля еси и в землю отыдеши.* На что тебе учитися речениям иностранным; язык нам дан для прославления величия божия, так и на природном нашем можем мы его прославляти; но вы учитесь оным для того, чтобы читать их книги, наполненные расколами противу закона; они вас прельщают, вы читаете их с жадностию, не ведая, что сей мед во устах ваших преобращается в пелынь во утробах ваших; вы еще тем недовольны, что на тех языках их читаете, но, чтобы совратить с пути истинного и не знающих чужеземских речений, вы такие книги переводите и печатаете: недавно такую книгу видел я у нашего прокурора. Помнится мне, что ее называют

К****.[8] Безрассудные! читая такие книги, стремитеся вы за творцами их ко дну адскому на лютые и вечные мучения. Из сего рассуждай, ежели в тебе хотя искра страха божия осталась, какую приносят пользу все ваши науки, а о прибыли уже и говорить нечего! Итак, в последние тебе пишу: ежели хочешь быть моим наследником, то исполни мое желание, вступи в приказную службу и приезжай сюда; а петербургские свои шашни все брось. Как ты не усовестишься, что я на старости беру на свою душу грехи для того только, чтобы тебе оставить, чем жить. Я чувствую, что уже приближается конец моей жизни: итак, делай сие дело скорее и вспомни, что упущенного уже не воротишь. Ты бы, покуда я еще жив, в приказных делах понаторел, а после бы и сам сделался исправным судьею и моим по смерти достойным наследником. Исполни, Иванушка, мое желание, погреби меня сам; закрой в последния мои глаза и после поминай грешную мою душу, чтобы не стать и мне за тебя на месте мучения; проливай о грехах моих слезы, поминай по церковному обряду, раздавай милостыню, не жалей ничего; а на поминки останется довольно, о том не тужи, ежели и ты не прибавишь, так, поживши свой век моим, оставишь еще чем и тебя помянуть. Итак, мы оба, на земли поживши по своему желанию, водворимся в место злачно, в место покойно, идеже праведники упокоеваются. Пожалуй, Иванушка, послушайся меня; вить я тебе не лиходей. Я тебе столько хочу добра, сколько и сам себе. Прощай.

*Остаюсь дядя твой****.*

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

КОПИИ С ОТПИСОК КРЕСТЬЯН К СВОЕМУ ПОМЕЩИКУ И КОПИЯ С ПОМЕЩИЧЬЕГО УКАЗА

Государю Григорью Сидоровичу!

Бьют челом*** отчины твоей староста Андрюшка со всем миром.

Указ твой господский мы получили и денег оброчных со крестьян на нынешнюю треть собрали: с сельских ста

душ сто двадцать три рубли двадцать алтын; с деревенских с пятидесяти душ шестьдесят один рубль семнадцать алтын;[1] а в недоимке за нынешнюю треть осталось на сельских двадцать шесть рублев четыре гривны, на деревенских тринадцать рублев сорок девять копеек; да послано к тебе, государь, прошлой трети недоборных денег с сельских и деревенских сорок три рубли двадцать копеек; а больше собрать не могли: крестьяне скудны, взять негде, нынешним годом хлеб не родился, насилу могли семена в гумны собрать. Да бог посетил нас скотским падежом, скотина почти вся повалилась; а которая и осталась, так и ту кормить нечем, сена были худые, да и соломы мало, и крестьяне твои, государь, многие пошли по миру. Неплательщиков по указу твоему господскому на сходе сек нещадно, только они оброку не заплатили, говорят, что негде взять. С Филаткою, государь, как поволишь? денег не платит, говорит, что взять негде: он сам все лето прохворал, а сын большой помер, остались маленькие робятишки; и он нынешним летом хлеба не сеял, некому было землю пахать, во всем дворе одна была сноха, а старуха его и с печи не сходит. Подушные деньги за него заплатил мир, видя его скудность; а за твою, государь, недоимку по указу твоему продано его две клети за три рубли за десять алтын; корова за полтора рубли, а лошади у него все пали, другая коровенка оставлена для робятишек, кормить их нечем: миром сказали, буде ты его в том не простишь, то они за ту корову деньги отдадут, а робятишек поморить и его вконец разорить не хотят. При сем послана к милости твоей Филаткина челобитная, как с ним сам поволишь, то и делай; а он уже не плательщик, покуда не подрастут робятишки; без скотины да без детей наш брат твоему здоровью не слуга. Миром, государь, тебе бьют челом о завладенной у нас Нахрапцовым земле, прикажи ходить за делом: он нас здесь разоряет и землю отрезал по самые наши гумна, некуда и курицы выпустить; а на дело по указу твоему господскому собрано тридцать рублев и к тебе посланы без доимки; за неплательщиков положили тяглые, только прикажи, государь, добиваться по делу. Нахрапцов на нас в городе подал явочную челобитную, будто мы у него гусями хлеб потравили, и по тому его челобитью была за мною из города посылка. Меня в отчине тогда не было, посыльные забрали в

город шесть человек крестьян в самую работную пору; и я, государь, в город ездил, просил секретаря и воеводу, и крестьян ваших выпустили, только по тому делу стало миру денег шесть рублев, воз хлеба да пять возов сена. Нахрапцов попался нам на дороге и грозился нас опять засадить в тюрьму: секретарь ему родня, и он нас очень обижает. Отпиши, государь, к прокурору: он боярин добрый, ничего не берет, когда к нему на поклон придешь, и он твою милость знает, авось-либо он за нас вступится и секретаря уймет, а воевода никаких дел не делает, ездит с собаками, а дела все знает секретарь. Вступись, государь, за нас, своих сирот: коли ты за нас не вступишься, так нас совсем разорят, и Нахрапцов всех нас пустит в мир. Да еще твоему здоровью всем миром бьют челом о сбавке оброчных денег, нам уже стало невмоготу; после переписи у нас в селе и в деревне померло больше тридцати душ, а мы оброк платим все тот же; покуда смогли, так мы-таки твоей милости тянулись, а нынче стало уже невмочь. Буде не помилуешь, государь, то мы все вконец разоримся: неплательщики все прибавляются, и я по указу твоему сбор делал всякое воскресение и неплательщиков секу на сходе, только им взять негде, как ты с ними не поволишь. Еще твоей милости доношу, ягоды и грибы нынешним летом не родились, бабы просят, чтобы изволил ты взять деньгами, по чему укажешь за фунт; да еще просят, чтобы за пряжу и за холстину изволил ты взять деньгами. Лесу твоего господского продано крестьянам на дрова на семь рублев с полтиною; да на две избы, по десяти рублев за избу. И деньги, государь, все с Антошкою посланы. При сем еще послано штрафных денег: с Ипатки за то, что он в челобитье своем тебя, государь, оболгал и на племянника сказал, будто он его не слушался и затем с ним разошелся, взято по указу твоему тридцать рублей; с Антошки за то, что он тебя в челобитной назвал отцом, а не господином, взято пять рублей, и он на сходе высечен. Он сказал: *я-де это сказал с глупости,* и напредки он тебя, государя, отцом называть не будет. Дьячку при всем мире приказ твой объявлен, чтобы он впредь так не писал. Остаемся рабы твои, староста Андрюшка со всем миром, земно кланяемся.

КОПИЯ С ДРУГОЙ ОТПИСКИ

Государю Григорью Сидоровичу!

Бьет челом и плачется сирота твой Филатка.

По указу твоему господскому, я, сирота твой, на сходе высечен, и клети мои проданы за бесценок, также и корова, а деньги взяты в оброк, и с меня староста правит остальных только мне взять нигде: остался с четверыми робятишками мал мала меньше; и мне, государь, ни их, ни себя кормить нечем. Над робятишками и надо мною сжалился мир, видя нашу бедность; им дал корову, а за меня заплатили подушные деньги: а то бы пришло последнюю шубенку с плеч продать. Нынешним летом хлеба не сеял, да и на будущий земли не пахал; нечем подняться. Робята мои большие, и лошади померли, и мне хлеба достать не на чем и не с кем: пришло пойти по миру, буде ты, государь, не сжалишься над моим сиротством. Прикажи, государь, в недоимке меня простить и дать вашу господскую лошадь: хотя бы мне малопомалу исправиться и быть опять твоей милости тяглым крестьянином.[2] За мною, покуда на меня бог и ты, государь, не прогневались, недоимки никогда не бывало, я всегда первый клал в оброк. Нынече пришло на меня невзгодье, и я поневоле сделался твоей милости неплательщиком. Буде твоя милость до меня будет и ты оботрешь мои сиротские и бедных моих робятишек слезы и дашь исправиться, так я и опять твоей милости буду крестьянин; а как подрастут робятишки, так я и добрый буду тебе слуга. Буде же ты, государь, надо мною не сжалишься, то я, сирота твой, и с малыми моими сиротишками поневоле пойду питаться Христовым именем.[3] Помилуй, государь наш, Григорей Сидорович! кому же нам плакаться, как не тебе? Ты у нас вместо отца, и мы тебе всей душой рады служить; да как пришло невмочь, так ты над нами смилуйся: наше дело крестьянское, у кого нам просить милости, как не у тебя? У нас в крестьянстве есть пословица, *до бога высоко, а до царя далеко,* так мы-таки все твоей милости кланяемся. Неужто у твоей милости каменное сердце, что ты над моим сиротством не сжалишься? Помилуй, государь, прикажи мне дать клячонку и от оброка на год уволить, мне без того никак подняться не возможно; ты сам, родимый, человек умный, и ты сам ведаешь, что как твоя милость без

нашей братии крестьян, так и мы без детей да без лошадей никуда не годимся. Умилосердися, государь, над бедными своими сиротами. О сем просит со слезами крестьянин твой Филатка и земно и с робятишками кланяется.

КОПИЯ С ПОМЕЩИЧЬЕГО УКАЗА

Человеку нашему Семену Григорьеву!

Ехать тебе в **** наши деревни и по приезде исправить следующее:

1

Проезд отсюда до деревень наших и оттуда обратно иметь на счет старосты Андрея Лазарева.

2

Приехав туда, старосту при собрании всех крестьян высечь нещадно за то, что он за крестьянами имел худое смотрение и запускал оброк в недоимку; и после из старост его сменить; а сверх того взыскать с него штрафу сто рублей.

3

Сыскать в самую истинную правду, как староста и за какие взятки оболгал нас ложным своим докладом? За то прежде всего его высечь, а потом начинать следствием порученное тебе дело.

4

Старосты Андрюшки и крестьянина Панфила Данилова, по коем староста учинил ложный донос, обоих их домы опечатать и определить караул; а их самих отдать под караул в другой дом.

5

Если ж в чем-либо будут они чинить запирательство, то объяви им, что они будут отданы в город для наказания по указам.

6

И как нет сумнения, что староста донос учинил ложный, то за оное перевесть его к нам на житье в село***; буде же он за дальним расстоянием перевозиться и разорять себя не похочет, то взыскать с него еще пятьдесят рублей.

7

Сколько пожитков всякого звания осталося после крестьянина Анисима Иванова и получено крестьянином Панфилом Даниловым, то все с него, Данилова, взыскать и взять в господский двор, учиня всему тому опись.

8

Крестьян в разделе земли по просьбе их поровнять, по твоему благорассуждению: но притом, однако ж, объявить им, что сбавки с них оброку не будет и чтобы они, не делая никаких отговорок, оный платили бездоимочно; неплательщиков же при собрании всех крестьян сечь нещадно.

9

Объявить всем крестьянам, что к будущему размежеванию земель потребно взять выпись; и для того на оное собрать тебе со крестьян, сколько потребно будет, на взятье выписи.

10

В начавшийся рекрутский набор с наших деревень рекрута не ставить: ибо здесь за них поставлен в рекруты Гришка Федоров за чиненные им неоднократно пьянствы и воровствы вместо наказания; а со крестьян за поставку того рекрута собрать по два рубли с души.

11

За ложное показание Панфила Данилова и утайку свойства других взять с него, вменяя в штраф, сто рублев; а его перевезть к нам в село*** на житье; а когда он просить будет, чтобы полученные им неправильно пожитки оставить у него и его оставить на прежнем жилище, то за оное взыскать с него, опричь штрафных, двести рублев.

12

По просьбе крестьян у Филатки корову оставить, а взыскать за нее деньги с них; а чтобы они и впредь таким ленивцам потачки не делали, то купить Филатке лошадь на мирские деньги; а Филатке объявить, чтобы он впредь пустыми своими челобитными не утруждал и платил бы оброк без всяких отговорок и бездоимочно.

13

Старосту выбрать миром и подтвердить ему, чтобы он о сборе оброчных денег имел неусыпное попечение и неплательщиков бы сек нещадно; буде же какие впредь явятся недоимки, то оное взыскать будет все со старосты.

14

За грибы, ягоды и проч. взять с крестьян деньгами.

15

Выбрать шесть человек из молодых крестьян и привезть с собою для обучения разным мастерствам.

16

По исправлении всего вышеписанного ехать тебе обратно; а старосте накрепко приказать неусыпное иметь попечение о сборе оброчных денег.

*N.B.****

[Д. И. ФОНВИЗИН]

ПИСЬМА ЩЕГОЛИХИ К ИЗДАТЕЛЮ «ЖИВОПИСЦА»

Mon coeur*, живописец!

Ты, радость, *беспримерный* Автор.— *По чести* говорю, *ужесть как ты славен!* читая твои листы, *я бесподобно утешаюсь;* как все у тебя *славно:* слог *расстеган,* мысли *прыгающи.— По чести* скажу, что твои листы *вечно меня прельщают: клянусь,* что я всегда *фельетирую* их без всякой *дистракции.* Да и нельзя не так, ты *не грустен, шутишь славно,* и твое перо *по бумаге бегает бесподобно.— Ужесть, ужесть* как прекрасны твои листы! Но сказать, *вокруг нас,* ты в них многое взял на мне: *уморить ли, радость?* Вить мнение-то *Щеголихино* ты у меня подтяпал.[1]— Ха! ха! ха!— *Клянусь!* Спроси у всех моих знакомых, они тебе скажут, что я всегда это говаривала: но это ничего не значит. Признаюсь, что я и сама много заняла из твоих листов.

---

* Душенька (*франц.*).

Пуще всего ты *ластишь* меня тем, что *никак со мною не споришь;* а особливо когда говорил о науках: ты это так *славно прокричал.*— Черт меня возьми!— *как книга.* А притом ты всегда стараешься оказывать нам учтивости; не так, как некоторый грубиян, сочиня комедию, одну из подруг моих *вытащил* на театр.[2]— Куда как он много выиграл? Я чаю, он надеялся, что все *расхохочутся до смерти,* ан, право, никто из наших сестер и учтивых мужчин и не улыбнулся; а смеялись только... Он хотел нас одурачить, да не удалось. *Ужесть как славно* он забавлялся над бедным мальчиком *Фирлифюшковым:* со всем тем подобные ему люди останутся всегда у нас в почтении; а его *Дремов* никогда не выдет из дураков.[3] Если б узнала я этого Автора, то *оттенила* бы сама его *бесподобно.* Я *никак* на него не сердита: он меня *никак* не тронул, однако ж я и сама не знаю, за что я его *никак* не могу терпеть. В первой его комедии я и сама до *смерти захохоталась: ужесть как славно шпетил* он наших бабушек; а эта комедия такую сделала *дистракцию* и такую *грусть,* что я поклялась *никак на именины* не ездить.[4] Правда, ты и сам *зацепился:* но это шуткою; а за шутки мы *никак* не сердимся: напротив того, ты бранишь одних только деревенских дураков; да и *беспримерно: ужесть как славно* ты их *развернул* в 5 листе твоего «Живописца».

Ты *уморил* меня: точь-в-точь *выказал* ты дражайшего моего *папахина.*— Какой это несносный человек! *Ужесть, радость, как он неловок выделан:* какой грубиян! Он и со мною хотел поступать так же, как с мужиками: но я ему показала, что я не такое животное, как его крестьяне. То-то были люди! С матушкою моею он обходился по старине. Ласкательства его к ней были: брань, пощечины и палка; но она и подлинно была того достойна: с эдаким зверем жила сорок лет и не умела *ретироваться в свет.* Бывало, он *сделает ей грубость палкою,* а она опять в глаза к нему лезет. *Беспримерные люди!* таких горячих супругов и в *романах* не скоро *набежишь. Ужесть как славны!* Суди, mon coeur, по этому, в какой была я школе: было чему научиться!

По счастью, скоро выдали меня замуж: я приехала в Петербург: *подвинулась в свет, розняла глаза* и *выкинула весь* тот *из головы вздор,* который *посадили* мне мои родители: поправила *опрокинутое мое понятие,* научи-

лась говорить, познакомилась со щеголями и щеголихами и сделалась человеком. Но я *никак* не ушла от беды: муж мой *в уме очень развязан:* да это бы и ничего; чем глупее муж, тем лучше для жены; но вот что меня *терзает до невозможности:* он *влюблен в меня до дурачества,* а к тому ж еще и ревнив. Фуй! как это *неловко:* муж *растрепан* от жены: это, mon coeur, *гадко!* О, если б не помогало мне разумное нынешнее обхождение, то давно бы я *протянулась.* Сказать ли, чем я *отвязываюсь* от этого несносного человека? Одними обмороками.— Не удивляйся, я тебе это растолкую: как привяжется он ко мне со своими *декларасьонами* и клятвами, что он от любви ко мне сходит с ума, то я сперва говорю ему: *отцепись;* но он *никак* не отстает; после этого *резонирую,* что стыдно и глупо быть мужу влюблену в свою жену; но он *никак* не верит: и так остается мне одно средство *взять обморок.* Тогда *скачет* он по всем углам: старается помогать мне, а я тихонько смеюсь; *ужасно* как *беспримерно* много помогают мне обмороки: *божусь!* тем только и живу; а то бы он меня *залюбил до смерти. Бесподобный человек! Подари, радость,* хорошеньким советом, что мне с ним делать. Он до того *темен в свете,* что и спать со мною хочет вместе,— ха! ха! ха! Можно ли так глупо *догадаться!*

Шутки прочь, помоги мне: ты знаешь, *радость,* что от этого можно тотчас получить *ипохондрию.* Пожалуй, *не задержись* с ответом; я на тебя *опущаюсь* и буду ожидать его с *беспримерным нетерпением.* Прости, mon coeur.

P. S. Услужи, *фреринька,* мне, собери все наши модные слова и напечатай их деташированною книжкою под именем «Модного женского словаря»:[5] ты многих одолжишь, и мы твой журнал за это будем превозносить. Только не *умори, радость,* напечатай его маленькою книжкою *и дай ему вид;* а еще бы лучше, если бы ты напечатал его вместо чернил какою краскою. Мы бы тебя *до смерти захвалили.*

II

Г. живописец!

Долго ли тебе устремлять гнев твой на женский пол и выдумывать нелепые лжи, обвиняя нас несносными бесчиниями. Ведай, что мы выходим из терпения; и если ты не воздержишься от злословия, так берегись.— Сносно ли

это, что в последнем твоем листе некоторую женщину попрекаешь ты ревнивостию[6] таким пороком, от которого мы давно избавились.— Заврался, мой свет: это неправда; знай, что мы не столько о мужьях своих думаем, чтобы стали к ним ревновать, и только что терпим их, а не любим: и как можно столько любить мужа? непонятно, странно, смешно, уморил, ха! ха! ха!— Ревновать к мужу, любить его: это я никак не понимаю; а может быть, твой только один острый разум проницает в чрезъестественные тонкости. Видеть мужа всякий час, сидеть с ним обнявшись, говорить с ним нежно, да еще и ревновать к нему — фуй! как это неловко! Конечно, это какая-нибудь была сумасбродная женщина: для чего же ты ее скрываешь? такая женщина всеобщего достойна презрения. Что это за староверка, чтоб быть прицепленною к своему мужу и ревновать ко всякой; но это быть не может: нынче век просвещенный! а воспитание наше беспримерно: мы мужьям нашим даем свободу знаться с теми женщинами, с которыми хотят, и довели их до того, что и они нам то же позволяют. Понимает ли пустая твоя голова, что от этого-то и происходит благополучие наших семейств и согласная жизнь наша; оттого мы и не разводимся с мужьями, а живем в одном доме: видимся в неделю по разу, ездим в комедии, прогуливаемся с милым человеком то в городе, то за городом. Такая бесподобная вольность может ли нас когда-нибудь противу мужей приводить в огорчение: нет, в листе твоем описанная ревнивость есть твоя глупая выдумка; и для того-то я сим письмом многих оправдать вознамерилась. Мы знаем, что письмо о ревнивости писал ты сам, а не посторонний. Нет ныне таких мужей, которые бы такой вздор описывать захотели и беспричинно бы стали злословить жен своих таким гнусным пороком, который давно уже истребился. Прощай.

14 4186

[Д. И. ФОНВИЗИН]

ПИСЬМА РОДНЫХ К ФАЛАЛЕЮ

Господин живописец! поместите, пожалуйте, следующее письмо в ваши листы, буде возможно; содержание его, кажется, заслуживает это, чтоб вы исполнили просьбу

вашего покорного слуги

П. Р.

1. ПИСЬМО УЕЗДНОГО ДВОРЯНИНА К ЕГО СЫНУ

Сыну нашему Фалалею Трифоновичу, от отца твоего Трифона Панкратьевича, и от матери твоей Акулины Сидоровны, и от сестры твоей Варюшки, низкий поклон и великое челобитье.

Пиши к нам про свое здоровье: таки так ли ты поживаешь; ходишь ли в церковь, молишься ли богу и не потерял ли ты святцев, которыми я тебя благословил. Береги их; вить это не шутка: меня ими благословил покойник-дедушка, а его — отец духовный, ильинский батька. Он был болен черною немочью[1] и по обещанию ездил в Киев: его бог помиловал, и киевские чудотворцы помогли; и он оттуда привез этот канонник[2] и благословил дедушку, а он его возом муки, двумя тушами свиными да стягом говяжьим. Не тем-то покойник-свет будь помянут! он ничего своего даром не давал: дедушкины-та, свет, грешки дорогоньки становились. Кабы он, покойник, поменьше с попами водился, так бы и нам побольше оставил. Дом его был как полная чаша, да и тут процедили. Вить и наш батько Иван, кабы да я не таков был, так он бы готов хоть кожу содрать: то-то поповские завидливые глаза: прости господи мое согрешение! А ты, Фалалеюшка, с попами знайся, да берегись; их молитва до бога доходна, да убыточна... Как отпоешь молебен, так можно ему поднести чарку вина да дать ему шесть денег, так он и доволен. Чего ж ему больше: прости господи, вить не рожна?[3] Да полно, нынече и винцо-то в сапогах ходит[4]: экое времечко; вот до чего дожили; и своего

вина нельзя привезть в город: пей-де вино государево с кружала да делай прибыль откупщикам. Вот какое рассуждение! А говорят, что все хорошо делают: поэтому скоро и из своей муки нельзя будет испечь пирога. Да что уж и говорить, житье-то наше дворянское нынече стало очень худенько. Сказывают, что дворянам дана вольность[5]; да черт ли это слыхал, прости господи, какая вольность? Дали вольность, а ничего не можно своею волею сделать; нельзя у соседа и земли отнять: в старину-то побольше было нам вольности. Бывало, отхватишь у соседа земли целое поле; так ходи же он да проси, так еще десять полей потеряет; а вина, бывало, кури сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продашь на сотню места. Коли воевода приятель, так кури смело в его голову: то-то была воля-та! Нынече и денег отдавать в проценты нельзя: больше шести рублей брать не велят, а бывало, так бирали на сто и по двадцати по пяти рублей. Нет-ста, кто что ни говори, а старая воля лучше новой. Нынече только и воли, что можно выйти из службы да поехать за море; а не слыхать, что там делать? хлеб-ат мы и русский едим, да таково ж живем. А из службы тогда хоть и не вольно было выйти, так были на это лекари: отнесешь ему барашка в бумажке[6] да судье другого, так и отставят за болезнями. Да уж, бывало, как приедешь в деревню-та, так это наверстаешь: был бы только ум да знал бы приказные дела, так соседи и не куркай. То-то было житье! Ты, Фалалеюшка, не запомнишь этого. Сестра твоя Варя посажена за грамоту, батько Иван сам ей начал азбуку в ее именины; ей минуло пятнадцать лет: пора, друг мой, и об этом подумать; вить уж скоро и женихи станут свататься; а без грамоты замуж ее выдать не годится: и указа самой прочесть нельзя. Отпиши, Фалалеюшка, что у вас в Питере делается; сказывают, что великие затеи: колокольню строят и хотят сделать выше Ивана Великого:[7] статочное ли это дело; то делалось по благословению патриаршему, а им как это сделать? Вера-то тогда была покрепче; во всем, друг мой, надеялись на бога, а нынече она пошатнулась, по постам едят мясо и хотят сами все сделать; а все это проклятая некресть делает: от немцев житья нет! Как поводимся с ними еще, так и нам с ними быть в аде.

Пожалуйста, Фалалеюшка, не погуби себя, не заводи с ними знакомства: провались они, проклятые! Нынече и за море ездить не запрещают, а в «Кормчей книге» положено за это проклятие[8]. Нынече все ничего; и коляски пошли с дышлами, а и за это также положено проклятие; нельзя только взятки брать да проценты выше указанных: это им пуще пересола; а об этом в «Кормчей книге» ничего не написано. На моей душе проклятия не будет; я и по сю пору езжу в зеленой своей коляске с оглоблями. Меня отрешили от дел за взятки; процентов больших не бери, так от чего же и разбогатеть: вить не всякому бог даст клад; а с мужиков ты хоть кожу сдери, так немного прибыли. Я, кажется, таки и так не плошаю, да что ты изволишь сделать? Пять дней ходят они на мою работу, да много ли в пять дней сделают? Секу их нещадно, а все прибыли нет; год от году все больше нищают мужики: господь на нас прогневался: право, Фалалеюшка, и ума не приложу, что с ними делать. Приехал к нам сосед Брюжжалов; и привез с собою какие-то печатные листочки[9] и, будучи у меня, читал их. Что это у вас, Фалалеюшка, делается, никак с ума сошли все дворяне? чего они смотрят, да я бы ему, проклятому, и ребра живого не оставил. Что за живописец такой у вас проявился? какой-нибудь немец, а православный этого не написал бы. Говорит, что помещики мучат крестьян, и называет их тиранами; а того проклятый и не знает, что в старину тираны бывали некрещеные и мучили святых: посмотри сам в «Чети-Минеи»;[10] а наши мужики вить не святые: как же нам быть тиранами? Нынече же это и ремесло не в моде; скорее в воеводы добьешься, нежели во... Да, полно, это не наше дело. Изволит умничать, что мужики бедны: эдакая беда! неужто хочет он, чтоб мужики богатели, а мы бы, дворяне, скудели; да этого и господь не приказал: кому-нибудь одному богатому быть надобно, либо помещику, либо крестьянину: вить не всем старцам в игумнах быть. И во святом писании сказано: *работайте господеви со страхом и радуйтеся ему с трепетом. Приимите наказание, да не когда прогневается господь: егда возгорится вскоре ярость его.*— Да на что они и крестьяне: его такое и дело, что работай без отдыху. Дай-ка им волю, так они и не ведь что затеют. Вот те на, до чего дожили! только я на это смотреть не буду:

ври себе он, что хочет: а я знаю, что с мужиками делать . . . . . * О, коли бы он здесь был! то-то бы потешил свой живот: все бы кости у него сделал как в мешке. Что и говорить, дали волю: тут небось не видят, и знатные господа молчат; кабы я был большим боярином, так управил бы его в Сибирь. Эдакие люди, за себя не вступятся! Вить и бояре с мужиками-та своими поступают не по-немецки, а все-таки также по-русски, и их крестьяне не богатее наших. Да что уж и говорить, и они свихнулись. Недалеко от меня деревня Григорья Григорьевича Орлова;[11] так знаешь ли, по чему он с них берет? стыдно и сказать: по полтора рубли с души: а угодьев-та сколько! и мужики какие богатые: живут себе, да и гадки не мают[12], богатее иного дворянина. Ну, а ты рассуди сам, какая ему от этого прибыль, что мужики богаты; кабы перетаскивал в свой карман, так бы это получше было: эдакий ум! то-то, Фалалеюшка, не к рукам эдакое добро досталось. Кабы эта деревня была моя, так бы я по тридцати рублей с них брал, да и тут бы их в мир еще не пустил; только что мужиков балуют. Эх! перевелись-ста старые наши большие бояре: то-то были люди, не только что со своих, да и с чужих кожи драли. То-то пожили да поцарствовали, как сыр в масле катались: и царское, и дворянское, и купецкое, все было их; у всех, кроме бога, отнимали; да и у того чуть тако не отни... А нынешние господа что за люди, и себе добра не хотят. Что уж и говорить: все пошло на немецкий манер. Ну-тка, Фалалеюшка, вздумай да взгадай да поди в отставку: полно, друг мой, вить ты уже послужил: лбом стену не проломишь; а коли не то, так хоть в отпуск приезжай. Скосырь твой жив и Налетка; мать твоя бережет их пуще своего глаза; намнясь Налетку укусила было бешеная собака; да спасибо, скоро захватили, ворожея заговорила. Ну, да полно и было за это людям. Сидоровна твоя всем кожу спустила: то-то проказница; я за то ее и люблю, что уж коли примется сечь, так отделает! Перемен двенадцать подадут: попросит небось воды со льдом;

* Я нечто выключил из сего письма: такие мнения оскорбляют человечество.

да это нет ничего, лучше смотрят. За сим писавый кланяюсь. Отец твой Трифон, благословение тебе посылаю.

II

2. СЫНУ МОЕМУ ФАЛАЛЕЮ

Так-то ты почитаешь отца твоего, заслуженного и почтенного драгунского ротмистра? тому ли я тебя, проклятого, учил и того ли от тебя надеялся, чтобы ты на старости отдал меня на посмешище целому городу? Я писал к тебе, окаянному, в наставление, а ты это письмо отдай напечатать. Погубил ты, супостат, мою головушку! пришло с ума сойти. Слыханное ли это дело, чтобы дети над отцами своими так ругались? Да знаешь ли ты это, что я тебя за непочтение к родителям, в силу указов,[13] велю высечь кнутом; меня бог и государь тем пожаловали: я волен и над животом твоим; видно, что ты это позабыл! Кажется, я тебе много раз толковал, что ежели отец или мать сына своего и до смерти убьет, так и за это положено только церковное покаяние. Эй, сынок, спохватись! не сыграй над собою шутки: вить недалеко великий пост, попоститься мне немудрено; Петербург не за горами, я и сам могу к тебе приехать. Ну, сын, я теперь тебя в последний раз прощаю по просьбе твоей матери; а ежели бы не она, так уж бы я дал себя знать. Я бы и ее не послушался, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, впредь берегись: вить ежели ты окажешь еще какое ко мне непочтение, так уж не жди никакой пощады; я не Сидоровне чета: у меня не один месяц проохаешь, лишь бы только мне до тебя дорваться. Слушай же, сынок, коли ты хочешь опять прийти ко мне в милость, так просись в отставку да приезжай ко мне в деревню. Есть кому и без тебя служить: пускай кабы не было войны, так бы хоть и послужить можно было, это бы свое дело; а то вить ты знаешь, что нынча время военное;[14] неровно как пошлют в армию, так пропадешь ни за копейку. Есть пословица: богу молись, а сам не плошись; уберись-ка в сторонку, так это здоровее будет. Поди в отставку да приезжай домой: ешь досыта, спи, сколько хочешь, а дела за тобой никакого не будет. Чего тебе лучше этого? За честью, свет, не угоняешься; честь! честь! худая честь, коли нечего будет есть. Пусть у тебя не

будет Егорья,[15] да будешь ты зато поздоровее всех егорьевских кавалеров. С Егорьем-то и молодые люди частехонько поохивают; а которые постарее, так те чуть дышат: у кого руки перестреляны, у кого ноги, у иного голова: так радостно ли отцам смотреть на детей изуродованных? и невеста ни одна не пойдет. А я тебе уже и приискал было невесту. Девушка неубогая, грамоте и писать горазда, а пуще всего великая экономка: у нее ни синей порох даром не пропадет;[16] такую-то, сынок, я тебе невесту сыскал. Дай только бог вам совет да любовь, да чтобы тебя отпустили в отставку. Приезжай, друг мой: тебе будет чем жить и опричь невестина приданого; я накопил довольно. Я и позабыл было тебе сказать, что нареченная твоя невеста двоюродная племянница нашему воеводе; вить это, друг мой, не шутка: все наши спорные дела будут решены в нашу пользу, и мы с тобою у иных соседей землю обрежем по самые гумна: то-то любо: и курицы некуда будет выпустить! Со всем будем ездить в город: то-то, Фалалеюшка, будет нам житье! никто не куркай! Да полно, что тебя учить, ты вить уже не малый ребенок, пора своим умком жить. Ты видишь, что я тебе не лиходей, учу всегда доброму, как бы тебе жить было попригоднее. Да и дядя твой Ермолай чуть тако не то же ли тебе советует; он хотел писать к тебе с тем же ездоком. Мы с ним об этом поговорили довольно, сидя под любимым твоим дубом, где, бывало, ты в молодых летах забавлялся: вешивал собак на сучьях, которые худо гоняли за зайцами, и секал охотников за то, когда собаки их перегоняли твоих. Куда какой ты был проказник смолоду! Как, бывало, примешься пороть людей, так пойдет крик такой и хлопанье, как будто за уголовье в застенке секут: таки, бывало, животики надорвем со смеха. Молись, друг мой, богу, нечего, правду сказать, ума у тебя довольно, можно век прожить. Не испугайся, Фалалеюшка, у нас не здорово, мать твоя Акулина Сидоровна лежит при смерти. Батько Иван исповедал ее и маслом особоровал. А занемогла она, друг мой, от твоей охоты: Налетку твою кто-то съездил поленом и перешиб крестец; так она, голубушка моя, как услышала, так и свету божьего не взвидела: так и повалилась! А после как опомнилась, то пошла это дело розыскивать; и так надсадила себя, что

чуть жива пришла и повалилась на постелю; да к тому же выпила студеной воды целый жбан, так и присунулась к ней огневица. Худа, друг мой, мать твоя, очень худа! на ладан дышит: я того и жду, как сошлет бог по душу. Знать, что, Фалалеюшко, расставаться мне с женою, а тебе и с матерью и с Налеткою, и она не лучше матери. Тебе, друг мой, все-таки легче моего: Налеткины щенята, слава богу, живы: авось-таки который-нибудь удастся по матери; а мне уж эдакой жены не наживать. Охти мне, пропала моя головушка! где мне за всем одному усмотреть! Не сокруши ты меня, приезжай да женись, так хоть бы тем я порадовался, что у меня была бы невестка. Тошно, Фалалеюшко, с женою расставаться: я было уже к ней привык, тридцать лет жили вместе: как у печки погрелся! Виноват я перед нею: много побита она от меня на своем веку; ну, да как без этого; живучи столько вместе, и горшок с горшком столкнется: как без того! Я крут больно, а она неуступчива, так, бывало, хоть маленько, так тотчас и дойдет до драки. Спасибо хоть за то, что она отходчива была. Учись, сынок, как жить с женою; мы хоть и дирались с нею, да все-таки живем вместе; и мне ее теперь, право, жаль. Худо, друг мой, и ворожеи не помогают твоей матери; много их приводили, да пути нет, лишь только деньги пропали. За сим писавый кланяюсь, отец твой Трифон, благословение тебе посылаю.

ПИСЬМО МАТЕРИ

3. Свет мой Фалалей Трифонович!

Что ты это, друг мой сердечный, накудесил? пропала бы твоя головушка: вить ты уже не теперь знаешь Панкратьевича: как ты себя не бережешь; ну, кабы ты, бедненький, попался ему в руки, так вить бы он тебя изуродовал пуще божьего милосердия. Нечего, Фалалеюшко, норовок-ат у него, прости господи, чертовский; уж я ли ему не угождаю, да и тут никогда не попаду в лад. Как закуролесит, так и святых вон понеси. А ты, батька мой, что это сделал, отдай письмо его напечатать; вить ему все соседи смеются: экой-де у тебя сынок, что и над отцом ругается. Да полно, вить, Фалалеюшко, всех речей не переслушаешь; мало ли что лихие люди говорят: бог с ними, у них свои детки есть,

бог им заплатит. Чужое-то робя всегда худо; наши лучше всех; а кабы оглянулись на своих деток, так бы и не то еще увидели. Побереги ты, мой батько, сам себя, не рассерди отца-то еще: с ним и черт тогда уже не совладеет. Отпиши к нему поласковее да хоть солги что-нибудь; вить это не какой грех, не чужого будешь обманывать, своего; и все дети не праведники: как перед отцом не солгать? Отцам да матерям на детей не насердиться: свой своему поневоле друг. Дай бог тебе, друг мой сердечный, здоровье, а я лежу на смертной постеле. Не умори ты меня безвременно: приезжай к нам поскорее, хоть бы мне на тебя насмотреться в последний раз. Худо, друг мой, мне приходит; нечего, очень худо; обрадуй, свет мой, меня: ты вить у меня один-одинехонек, как синей порох в глазе, как мне тебя не любить; кабы у меня было сыновей много, то бы свое дело. Заставай, батька мой, меня живую: я тебя благословлю твоим ангелом да отдам тебе все мои деньжонки, которые украдкою от Панкратьевича накопила: вить для тебя же, мой свет; отец-ат тебе несколько дает денег, а твое еще дело детское, как не полакомиться, как не повеселиться? Твои, друг мой, такие еще лета, чтобы забавляться: мы и сами смолоду таковы же были. Веселись, мой батюшка, веселись: придет такая пора, что и веселье на ум не пойдет. Послала я к тебе, Фалалеюшко, сто рублей денег, только ты об них к отцу ничего не пиши; я это сделала украдкою; кабы он сведал про это, так бы меня, свет мой, забранил. Отцы-то всегда таковы: только что брюзжат на детей, а никогда не потешат. Мое, друг мой, не отцовское сердце, материнское, последнюю копейку из-за души отдам, лишь бы ты был весел и здоров. Батька ты мой, Фалалей Трифонович, дитя мое умное, дитя разумное, дитя любезное: свет мой, умник, худо мне приходит: как мне с тобою расставаться будет? на кого я тебя покину? Погубит он, супостат, мою головушку; этот старый хрыч когда-нибудь тебя изуродует. Береги, мой свет, себя, как можно береги: плетью обуха не перебьешь; что ты с эдаким чертом, прости господи, сделаешь? Приезжай, мой батька, к нам в деревню, как-таки можно приезжай; дай мне на тебя насмотреться: сердце мое послышало, что приходит мой конец. Прости, мой батюшко; прости, свет мой:

благословение тебе посылаю, мать твоя Акулина Сидоровна, и нижайший, мой свет, поклон приношу. Прости, голубчик мой, не позабудь меня.

ПИСЬМО ДЯДИ ЕРМОЛАЯ

Любезному племяннику моему Фалалею Трифоновичу

от дяди твоего Ермолая Терентьевича низкий поклон и великое челобитье; и при сем желаю тебе многолетнего здравия и всякого благополучия на множество лет, от Адама и до сего дня.

Было бы тебе вестно, что мы по отпуск сего письма все, слава богу, живы и здоровы; тако ж и отец твой Трифон Панкратьевич здравствует же, только Сидоровна, хозяйка его, а твоя мать больно трудна, что подымешь, то и есть, а сама ни на волос не поворохнется. Вчерась отнялись у нее и руки и ноги, а теперь, чай, уж и не говорит; и при мне-та так уж через мочь только намекала. Она заочно благословила тебя твоим ангелом да фарсульской богородицей, а меня неопалимой[17]. Ну, брат племянник, мать-то твоя и перед смертью не тороватее стала! Оставила на помин душе такой образ, что и на полтора рубля окладу не наберется. Невидальщина какая! у меня образов-то и своих есть сотня места, да не эдаких: как жар вызолочены; а эта, брат, неопалима подлинно что не обожжет; и окладишко весь почернел: бог с нею! Спасибо хоть за то, что она в полном уме исповедалась и маслом особоровалась; хоть и умрет, так уж по-христиански. Дай бог всякому такую кончину! Да и тут, Фалалеюшко, кабы не я, так бы разве глухою исповедью исповедывать[18]. Уж я ей говорил: эй, Сидоровна, исповедайся: вить уже ты в гроб глядишь; так нет-ста, насилу прибили. А как приспичило, так давай, давай попа, да уж зато в один день трижды исповедалась. Знать, что у нее многонько грешков-то скопилось. Приводили, правда, и ворожей: ничего, спасибо твоему отцу, не поскупился, да ничего не помогли. А после исповеди привели было еще одного, да уж и Сидоровна сама не захотела напрасно тратить деньги. Кому жить, Фалалеюшко, так будет притоманно жив; а кому умереть, тому и ворожеи не пособят. Животом и смертью бог владеет. Аще ежели ему угодно будет прекратить дни ее, то приезжай

погребсти грешное тело ее. Да и кроме того нам до тебя есть дело. Ну, Фалалеюшко! вить матушка твоя скончалась: поминай, как звали. Я только теперь получил об этом известие: отец твой, сказывают, воет, как корова. У нас такое поверье: которая корова умерла, так та и к удою была добра. Как Сидоровна была жива, так отец твой бивал ее, как свинью, а как умерла, так плачет, как будто по любимой лошади. Приезжай, друг мой Фалалеюшко, приезжай бога ради поскорее, хоть ненадолго, а буде можно, так и вовсе. Ты сам увидишь, что тебе дома жить будет веселее петербургского. А буде не угодно, то хоша туда просись, куда я тебе присоветую, сиречь к приказным делам, да только где похлебнее, на приклад, в экономические казначеи, или в управители дворцовых волостей, или куда-нибудь к подрядным либо таможенным делам. В таких местах кому ни удалось побыть, так все, бог с ними, сытехоньки стали. Иной уже теперь и в каменных палатах живет, а которые ни одной души за собою не имели, те уже нажили сотни и по две-три. Не в пронос сказать о нашем Авдуле Еремеевиче: хотя он недолго пожил при монастырских крестьянах, да уже всех дочек выдал замуж. За одной, я слышал, чистыми денежками десять тысяч дал да деревню тысяч в пять. А не совсем-таки разорился: бог с ним, про себя еще осталось. А кабы да его не сменили, так бы он и гораздо понагрел руки около нынешних рекрутских наборов. Знать, что тех молитва дошла до бога, которые в эту пору определились. Не житье им, масленица! Я бы-ста и сам не побрезгивал пойти в эдакие управители: перепало бы кое-что и мне в карман: кресты да перстни — все те же деньги, только умей концы хоронить. Я и поныне еще все стареньким живу. Кто перед богом не грешен? кто перед царем не виноват? не нами свет начался, не нами и окончается. Что в людях ведется, то и нас не минется. Лишь только поделись, Фалалеюшко, так и концы в воду. Неужто всех станут вешать? в чем кто попадется, тот тем и спасется. Грех да беда на кого не живет? я и сам попался было одиножды под суд; однако дело-то пошло иною дорогою, и я очистился, как будто ни в чем не бывал. Но кабы ты сам сюда приехал, так бы мы обо всем поговорили лучше на словах; а писать-то страховато, не ровно кому попадется

в руки, так напляшешься досыта. При сем во ожидании тебя остаюсь дядя твой

*Ермолай***.*

ПИСЬМО ДЯДИ ЕРМОЛАЯ К ИЗДАТЕЛЮ «ЖИВОПИСЦА»

На прошедшей неделе получил я с почтового двора письмо следующего содержания:

Слушай-ка, брат живописец! на шутку, что ли, я тебе достался? Не на такого ты наскочил. Разве ты еще не знаешь приказных, так отведай, потягайся. Ведомо тебе буди, что я перед Владимирской поклялся и снял ее, матушку, со стены в том, что как скоро приеду я в Петербург, то подам на тебя челобитье в бесчестье. Знаешь ли ты, молокосос, что я имею патент, которым повелевается признавать меня и почитать за доброго, верного и честного титулярного советника[19], ведаешь ли ты, что и в *подлости* * есть присловица: *не пойман не вор, не...* А ты, забыв законы духовные, воинские и гражданские, осмелился назвать меня якобы вором. Чем ты это докажешь? Я хотя и отрешен от дел, однако ж не за воровство, а за взятки; а взятки не что иное, как акциденция. Вор тот, который грабит на проезжей дороге, а я бирал взятки у себя в доме, а дела вершил в судебном месте: кто себе добра не захочет? А к тому же я никого до смерти не убил: правда, согрешил перед богом и перед государем: многих пустил по миру; да это дело постороннее, и тебе до него нужды нет. Как перед богом не согрешить? как царя не обмануть? как у него не украсть? грешно украсть из кармана у своего брата: а это дело особое: у кого же и украсть, как не у царя; благодаря бога дом у него как полная чаша, то хотя и украдешь, так не убудет. Глупый человек! да это и указами за воровство не почитается, а называется похищением казенного интереса. А похищение и воровство не одно: первое не что иное, как только утайка; а другое преступление против законов и достойно кнута и виселицы. Правда, бывали и такие примеры, что и за утайку секали кнутом: блаженной памяти при***[20] это

---

* Подлыми людьми по справедливости называться должны те, которые худые делают дела; но у нас, не ведаю по какому предрассуждению, вкралось мнение почитать подлыми людьми тех, кои находятся в низком состоянии.

случалось; но ныне благодаря бога люди стали рассудительнее, и за реченную утайку кнутом секут только тех, которые малое число утаят: да это и дельно; не заводи дела из безделицы. А прочих, которые приличаются в утайке больших сумм, отпущают жить в свои деревни. Видишь ли ты, глупый человек, что ты умничаешь по-пустому. Кто тебя послушается? Я помню, как один господин в бытность мою у него рассуждал о тебе так: он-де делает бесчестье всем дворянам, пиша эдакие письма; что-де подумают иностранные об нас, когда увидят, что у нас есть дураки, плуты . . . . Понимаешь ли ты, что и верить этому не хотят, что есть бессовестные судьи, бесчеловечные помещики, безрассудные отцы, бесчестные соседи и грабители управители. Что ж ты из пустого в порожнее пересыпаешь? Мне кажется, брат, что ты похож на постельную жены моей собачку, которая брешет на всех и никого не кусает; а это называется брехать на ветер. По-нашему, коли брехнуть, так уж и укусить, да и так укусить, чтобы больно да и больно было. Да на это есть другие собаки, а постельным хотя и дана воля брехать на всех, только никто их не боится. Так-то и ты пишешь все пустое: кто тебя послушается или кто испугается, когда не слушаются и не боятся законов, определяющих казнь за преступление. Слыхал я от одного моего соседа историю, как один греческий мудрец сказал, увидя, что — да полно, вить не все надобно говорить, об ином полно что и подумаешь. Ну, брат маляр, образумился ли ты?[21] послушай, хотя ты меня и обидел, однако ж я суда с тобою заводить не хочу, ежели ты разделаешься со мною добрым порядком и так, как водится между честными людьми. Сделаем мировую; заплати только мне да жене моей бесчестье, что надлежит по законам; а буде не так, то по суду взыщу с тебя все до копейки. Мне заплатишь бесчестье по моему чину[22], жене моей вдвое, трем сыновьям-недорослям в полы против моего жалованья, четырем дочерям моим девицам вчетверо каждой; а к тому времени авось-либо бог опростает мою жену, и родит дочь, так еще и пятой заплатишь. Видишь ли, что я с тобою поступаю по-христиански, как довлеет честному и доброму человеку. Смотри, не испорть этого сам и не разори себя. К эдаким тяжбам мне уже не привыкать; я многих молодчиков отбрил так, что одним моим, жены моей

и дочерей бесчестьем накопил трем дочерям довольное приданое. Что ж делать, живучи в деревне отставному человеку? чем-нибудь надобно промышлять. Многие изволят умничать, что, живучи в деревне, можно-де разбогатеть одним домостроительством и хорошим смотрением за хлебопашеством; да я эдаким вракам не верю: хлеб-таки хлебом, скотина скотиною, а бесчестье в головах. Да полно, что об этом и говорить, на такие глупые рассуждения нечего смотреть: которая десятина земли принесет мне столько прибыли, как мое бесчестье; нет-ста, кто что ни говори, а я-таки свое утверждаю, что бесчестьем скорее всего разбогатеть можно. Есть и такие умники, которые проповедывают, что бесчестье брать бесчестно: но пусть они скажут мне, что почтеннее, честь или деньги? что прибыльнее, честь или деньги? что нужнее, честь или деньги? Коли есть деньги, так честь нажить не трудно, а с честью, право, не много наживешь денег. Так-то, брат, я рассуждаю; да я думаю, что и многие хотя не согласятся на сие словами, но в самом деле моим же правилам следуют. Итак, рассудя хорошенько, пожалуй послушайся меня и не заводи тяжбы: так мы и останемся приятелями; а это нет ничего, что ты меня выбранил: *брань на вороту не виснет,* лишь бы деньги у меня были в кармане. А притом постарайся уговорить племянника моего Фалалея***, чтобы он пошел в отставку и приезжал в деревню. Видно, что ты с ним приятель, потому что он отдает тебе все отцовские и материнские и мои письма для напечатания. За сим остаюсь

доброжелатель Ермолай.

Октября 22 дня,
1772 года.
из сельца Краденова

Д. И. ФОНВИЗИН

ПИСЬМО ТАРАСА СКОТИНИНА К РОДНОЙ ЕГО СЕСТРЕ ГОСПОЖЕ ПРОСТАКОВОЙ

Матушка сестрица! я по отпуске сего письма жив, но в превеликом горе. Тебе небезызвестно, что в деревенской жизни свиной завод мой составляет главное мое удовольствие. На сих днях сделалось у меня несчастие; я чуть было не дошел до отчаянности. Лучшая моя пестрая свинья, которую из почтения к покойной нашей родительнице (ты знаешь, что я всегда был сын почтительный) прозвал я ее именем, Аксинья, скончалась от заушницы. Сколько ни старался я об ее излечении, но вижу, что и свиные врачи не искуснее человеческих. Лечили несколько месяцев, денег перевели пропасть, а кончилось дело кончиною моей дражайшей Аксиньи, которая была дороже жизни и всего завода. Она жила беспорочно. Я между женщинами многих Аксиний знаю, но моя жила их целомудреннее. Как скоро мне сказали, что она трудна, с тех пор не выходил я из хлева до последнего ее издыхания. Она умирала геройски, не показывая никакого знака нетерпения. Я, будучи также смертный, истинно, глядя на нее, учился умирать.

Сие несчастное приключение переменило совсем нрав мой. Мне свет опостылел. Я чувствую, что потерял прежнюю мою к свиньям охоту; но надобно чем-нибудь заняться. Хочу прилепиться к нравоучению, то есть исправлять нравы моих крепостных людей и крестьян; но как к достижению сего лучше взяться за кратчайшее и удобнейшее средство, то, находя, что словами я ничего сделать не могу, вознамерился нравы исправлять березой. Всегдашняя склонность моя влекла меня к строгости. Лишась моей Аксиньи, не буду знать ни пощады, ни жалости, а там пусть со мною будет, что будет. Я хочу, чтоб действие надо мною столь великой потери ощутили все те, кои от меня зависят. Ты знаешь, матушка, что всякую мою досаду, кольми паче несчастие, над людьми моими вымещаю, и если между твоими крепостными найдутся такие, коих нравы исправ-

лять надобно моим манером, то присылай ко мне; а я на свою руку охулки не положу и всегда рад тебе доказывать, что я твой достойный брат

Тарас Скотинин.

ПЕРЕПИСКА НАДВОРНОГО СОВЕТНИКА ВЗЯТКИНА С ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВОМ***

*ПИСЬМО, НАЙДЕННОЕ ПО БЛАЖЕННОЙ КОНЧИНЕ НАДВОРНОГО СОВЕТНИКА[1] ВЗЯТКИНА, К ПОКОЙНОМУ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ****

Москва, 1777.

Милостивый государь и второй отец!

С крайним сердца нашего обрадованием, чему свидетель господь сердцевидец, услышал я с женою моею Улитою и с детьми нашими обоего пола, что ваше превосходительство, так сказать, из ничего, по единой божеской благости, слепым случаем произведены в большой чин и посажены знатным судьею, весьма в непродолжительное время и без всяких трудов, по единой милости создателя, из ничего всю вселенную создавшего. К стопам вашего превосходительства упадая, просим рабски не оставить нас по делам нашим, которым и реестрец маленький вкратце приложить возымел я дерзость, а при нем прилагаю Вам, государю и отцу, сторублевую ассигнацию, на первый случай, зная издревле благочестивую душу вашего превосходительства, пред которою *всяко даяние благо и всяк дар совершен.* Да и поистине, милостивый государь и отец, жизнь наша краткая; не довлеет пренебрегать такие благознаменитые случаи, в которые ваше превосходительство можете приобрести стяжания в роды родов. Теперь-то пришло время благополучия нашего: истцы и ответчики, правые и виноватые, богатые и *убозии* — все в руце вашего превосходительства. Что же касается до казны, то, по моему глупому разуму, несть греха и до нее от времени до времени прикасаться; ибо не ваше превосходительство, так другой, а казна никогда от рождения в целости не бывала, да и быть едва ли может, да и, видно, таков положен ей предел, *его же не прейде.* При толиких удобных благополучиях да не буду и я отриновен от благодати вашего превосходительства, и не возможно ли,

милостивый государь и второй отец, перетащить меня из Москвы в С.-Петербург, хотя тем же чином, для прислуг вашему превосходительству. А когда соизволите усмотреть приращение интересов ваших моими усердными и беспорочными трудами в приискании известных случаев ради помянутого приращения, то и о произведении меня чином отеческое попечение возымеете. Да еще ж прошу вас, государя и отца, о сыне моем Митюшке, ежели возможно, взять его к себе хотя в кописты, а его господь наградить благоволил, что он к приказным делам весьма сроден и уже под моим смотрением сочинил совсем нового рода сводное уложение, приискав на каждое дело по два указа, из коих по одному отдать, а по другому отнять ту же самую вещь неоспоримо повелевается; так я и думаю, что из него прок будет и он удостоится отеческой вашей милости, на что и ожидаю вашего указа. Истинно, милостивый государь и отец! теперь ваше, а по вас и наше время настало; а на первый случай хотя народу и тяжко будет, да когда в производствах своих соблаговолите ссылаться на законы, к чему и убогие Митюшкины труды могут пригодиться, то поневоле замолчат наши недоброхоты. Государь и отец! рассудите сами по чистой совести: буде челобитчик и ответчик ищут своей пользы в законах, то для чего же судье своей пользы не искать в законах? От таковой выключки оборони нас вышний; а я по конец жизни вечно и по гроб мой до последнего издыхания пребываю *Вашего превосходительства, милостивого государя и отца, всепокорнейший слуга и раб, Артемон Взяткин, к стопам повергаюсь.*

КРАТКИЙ РЕЕСТР ДЛЯ НАПОМИНАНИЯ ВСЕУНИЖЕННЕЙШЕЙ ПРОСЬБЫ НАДВОРНОГО СОВЕТНИКА ВЗЯТКИНА, С ОЗНАЧЕНИЕМ ЦЕН, КЛЯТВЕННО ОБЕЩАЕМЫХ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ЗА МИЛОСТИВУЮ ПРОТЕКЦИЮ И ПОКРОВИТЕЛЬСТВО

1. Имеется межевое дело бывшего воеводского товарища Антропа Шильникова с разными беззаступными помещиками. Вместо потребных документов, коих реченный Шильников нигде отыскать не может, да заступит едино предстательство вашего превосходительства за . . . . 500 руб.

2. Асессор Воров ищет места в дальних наместничествах, дабы слух о производствах его не достигал до столицы. Человек он кроткий и славы не любит. Чрез полгода по прибытии в его место не преминет он вашему превосходительству повергнуть чрез меня . . . . 500 руб.

Потом ежегодно, пока продлит бог века Вашему превосходительству, по . . . . 1000 руб.

3. Вдова штаб-офицерша Беднякова, имеющая вексельное дело с купцом Плутягиным, потащилась в С.-Петербург искать правосудия. Не возможно ль, государь и отец, удостоить отеческим покровительством реченного Плутягина и, не допуская до подания челобитной, под каким ни есть предлогом выгнать из столицы реченную вдову Беднякову? За такое человеколюбивое благодеяние, которое в настоящем случайном благополучии Ваше превосходительство всего удобнее показать можете, реченный купец подносит . . 500 руб.

4. Советник Криводушин, находящийся в известном наместничестве, просит сильного рекомендательного письмеца Вашего превосходительства, дабы он употреблен был при рекрутских наборах; и если, как надеяться должно, будет он удостоен сей весьма важной для поправления дел его комиссии, то в каждый таковой благополучный и вожделенный год Ваше превосходительство наверное благоволите считать от него по . . . . 1500 руб.

5. Находившийся при таможенных сборах асессор Простофилин, которого за весьма малое до казны прикосновение бросили от места, припадает к стопам Вашего превосходительства и просит из единого человеколюбия приложить милосердное попечение об определении его к новому месту, с клятвенным обещанием, что он так мало до казны никогда не прикоснется и поставит себя в состояние, в непродолжительном времени, достойно и праведно возблагодарить Ваше превосходительство.

Наконец осмеливаюсь упомянуть Вашему превосходительству и о моем страдальческом положении. До сих пор в здешнем правительстве не решено еще известное дело мое о бесчестии и увечье, по поводу данной мне, всенижайшему, сильной пощечины от его высокоблагородия г. майора Неспускалова. Помилуйте,

государь и отец, не оставьте меня милостивою рекомендациею к здешнему начальству и испросите высокого его покровительства в скорейшем мне получении определенного по законам бесчестья и увечья как за сию, уже данную мне пощечину, так генерально и за все могущие впредь со мной воспоследовать, дабы не при всякой новой оплеухе утруждать Ваше превосходительство вновь о милостивом заступлении.

ОТВЕТ

Мой государь, Артемон Власьевич!

Много благодарствую за приятельское ваше писание с приложением известной бумажки и реестра, по которому я учинил следующее распоряжение:

На 1. Шильниково дело я давно знаю. Если б он попался к другому, то б, конечно, обвинен был; но как я крепостных документов никогда ни от кого не спрашиваю, а решу и заступаю по другим документам, каковых соперник его не представляет мне ни одного, а Шильников пятьсот, то сей последний может быть уверен, что все законы возопиют против его соперника; но не забудь, мой приятель, растолковать ему, что обещаемые пятьсот документов мне не послужат нимало к убеждению секретаря. Для него потребна по крайней мере новая сотня документов. Он человек совести весьма деликатной и за безделицу души не покривит.

На 2. Воров мне самому был приятелем с ребячества. Прилагаю об нем рекомендательное письмецо в твердом уповании, что он свой расчет сделал и обещаемое мне верно доставлять станет. А ты, мой приятель, уверь его, чтоб он никаких жалоб не опасался, ибо, пока я боярин, он, Воров, и вся его родня будут вести житие благоденственное.

На 3. О Бедняковой дал я сегодня же приказ моему канцеляристу, чтоб он при въезде ее в город закричал на нее: *караул*! в ямской, под предлогом якобы некоего тяжебного дела; следственно, будет она проведена прямо в государеву квартиру; а как, по новости ее в городе, она порук по себе не найдет, да и я не допущу, то может она сидеть в тюрьме до тех пор, пока согласится, не заезжая никуда, отправиться восвояси. Будь уверен, мой приятель, что, пока я боя-

рин, по тех пор для всех Бедняковых Петербург будет тюрьма, а тюрьма — Петербург.

На 4. Рекомендательное письмо к NN об употреблении советника Криводушина к рекрутским наборам охотно при сем прилагаю; а притом прошу внушить ему якобы от себя, чтоб он не сильно налегал на помещичьих, а прижимал бы плотнее тех, за которых некому вступиться. Сего последнего правила держусь я и сам в знатном моем состоянии, кольми паче маленький человек наблюдать оное должен.

На 5. Асессор Простофилин сам виноват, для чего потерял место. Я его за простоту любил, и, как теперь помню, накануне допроса, учиненного ему о казенной краже, я призывал его к себе и сколько раз, увещевая дружески, говорил ему: «Эй, отопрись, отопрись!» Нет, сударь, таки признался, повинился; вот за то и топчи теперь площадь. Скажи ему, однако, что я об нем постараюсь; но что если он еще раз украдет мало, то навсегда от него отступлюсь.

При сем же прилагаю рекомендательное письмецо по поводу данной тебе, приятелю моему, пощечины. Будучи в малых чинах, я и сам пользовался безумною горячностию челобитчиков и с таким успехом, что поистине целый годовой оклад мой выбирал иногда на одних оплеухах. Но с тех пор, как я сделался боярином, сия ветвь моих доходов совершенно истребилась. Когда я, будучи в маленьких чинах, обращался с мелким дворянством, бывало, за всякую безделицу: выдеру ль лист из дела, почищу ль да приправлю, того и смотрю, что обиженный мною, без дальних извинений, шлеп меня по роже. Но в настоящем положении, что ни творю, никто не дерзает меня в очи избранить, не только заушить. Истинно, мой достойный приятель жалко видеть, как в большом свете души мелки и робки!

Учиня тебе, мой государь и нелицемерный приятель, ответ на твое дружеское писание, прилагаю при сем вкратце тебе наставление, или краткую инструкцию, какие в настоящем моем положении потребны мне твои приятельские услуги:

1. В откровенности тебе скажу, моему государю, что здесь слово *откуп* в крайнем презрении и поношении и называется *монополия*. Мое мнение то, чтоб сего слова никогда не употреблять, а все откупать, что

возможно; ибо иногда одну вещь под разными именами не распознают вовсе. Я положил откуп называть *законтрактованием* и прошу тебя приискать в Москве из старых откупщиков к новому законтрактованию каких вещей они сами пожелают, лишь бы меня самого взяли в половину, дабы я имел причину дать им надежную протекцию и покровительство.

ПЕРЕПИСКА СТАРОДУМА С ДЕДИЛОВСКИМ ПОМЕЩИКОМ ДУРЫКИНЫМ

ПИСЬМО К СТАРОДУМУ ОТ ДЕДИЛОВСКОГО ПОМЕЩИКА ДУРЫКИНА

Имея честь быть Вашим соседом, прошу не прогневаться, что я, без всяких моих заслуг, утруждаю Вас сим письмом. Я знаю, что Вы в Москве много знакомцев имеете и любите людей ученых, а мои обстоятельства вот каковы:

Я имею шестерых детей: трех мужеского и столько ж женского пола. Для девочек переманили мы от соседа мадаму, которая за ними смотрит и за которою мы смотрим; она называется мадам *Лудо*, неизвестно какой нации. Большой мой сын, Фединька, по семнадцатому году, читать и писать умеет, а Митюшка и Павлинька еще не начинали грамоте. Митюшка — матушкин сынок; с ним надобно обходиться нежно, ибо он слабого здоровья. Я хотел бы выписать из Москвы учителя, но только не немца, ибо боюсь взять Вральмана. Не худо было бы, если б Вы сделали милость, посмотрели из университетских студентов, а кондиции мои при сем прилагаю, пребывая впрочем...

Дурыкин.

КОНДИЦИИ ДЛЯ УЧИТЕЛЯ ДОМУ ДУРЫКИНА.

1. Учитель должен быть из русских, уметь по-французскому, по-немецкому, сочинять стихи, сколько потребно для домашнего обихода. Не худо, чтобы он знал и арифметику.

2. На год дам ему двести рублей, а он должен учить детей моих со всею кротостию.

3. Жить он будет у меня в доме; обедать с камердинером.

4. А как я, по милости божией, имею чин генеральский, будучи отставлен действительным статским советником[2], то я именно требую, чтоб он в разговорах со мною и с женою давал нам чаще титул превосходительства.

5. При гостях в наше присутствие он садиться не должен.

6. С мадамою *Лудо* отнюдь не амуриться, дабы не подать худого примера жене моей, а потом и дочерям.

7. При мне и при жене моей ни шляпы, ни колпака отнюдь не надевать; но из человеколюбия в зимнее время дозволяю накрыться, и то когда метель большая.

8. В сутки будет он получать по три бутылки русского пива домашнего варенья.

9. Не худо, если б он взял на себя вести мои приходные и расходные книги, а притом бы умел причесать и ребятам моим волосы, также и парик бы мой взял под свой присмотр.

10. Он должен исполнять все сие условия, под опасением, в противном случае, быть выгнату по шее из дому; ибо я признаюсь, что нрав у меня бешеный, да и будучи в генеральском чине, может быть, не могу воздержать себя противу студента, в службе моей находящегося, хотя бы он и офицерского был чина.

ОТВЕТ СТАРОДУМА ДУРЫКИНУ

Письмо Ваше, государь мой, казал я одному университетскому профессору, который на просьбу мою о приискании в дом Ваш студента отвечал мне письменно. Вот и письмо его.

Стародум.

ПИСЬМО УНИВЕРСИТЕТСКОГО ПРОФЕССОРА К СТАРОДУМУ

Я говорил некоторым нашим студентам о предлагаемом им месте в доме его превосходительства Дурыкина. Охотники есть, но, правду сказать, большая часть ставят учительское звание ниже себя, а хотят чинов; один, однако ж, объявил мне свое желание быть учителем. Он из малороссиян, называется господин Срамченко — филолог и философ, а иные уверяют, что и мартинист[3], но просит в год не меньше трехсот рублей, хотя живет по духу, а не по плоти. Знает по-французски, а больше по-латыни, арифметику до тройного правила; от стихов, однако ж, просит увольнения; обещает воздавать его превосходительству должное почтение, но обедать с камердинером не соглашается. Предложение о чесании волосов и о надзирании над его париком почитает себе обидою, ибо сие называет он рукоделием. Расходные и приходные книги вести не берется. От искушения касательно мадам Лудо всемерно остерегаться будет, почему и я подозреваю его мартинистом.

Представился мне еще молодой человек 22 лет; поучен изрядно. Я оставил его у себя обедать и нахожу, что жрет без милосердия. Он требует, кроме обеда и ужина, чтоб дан был ему добрый завтрак, а не меньше и полдник, также чтоб и предлагаемая порция пива была удвоена.

Господин Кераксин желает также быть учителем, просит 250 рублей за год. Он знает по-гречески, по-еврейски, но не знает по-русски, что, кажется, для детей его превосходительства и не нужно. Ныне, к сожалению, многие из русских дворян хотят детей своих учить по-русски; но, поистине, охота сия есть одна пустая затея, ибо сам г-н Дурыкин грамотою ли дослужился до титула превосходительства?

Цезуркин, ремеслом пиита, желает также иметь место у господина Дурыкина. Он обещает каждый раз для именин его превосходительства и каждого из чад его сводить в стихах своих всех богов с Олимпа, просит по копейке за стих да к святкам кафтана с плеча его превосходительства, хотя довольно поношенного. Он весьма забавного нрава и шутит так умно, что в доме

дурака не надо; ни на кого не сердится, разве только кто стихи его похулит.

Красоткин, студент весьма щеголеватый, убирается как кукла, да и думает не иначе. Он с удовольствием берется причесывать волосы детям его превосходительства, умеет выводить из платья пятна и вырезывать из бумаги разные фигуры. За одно только не ручаюсь, а именно, чтоб не завел он каких шашней с мадам Лудо или с ее превосходительством, ибо он и моей жене повернул голову.

ПИСЬМО ДУРЫКИНА К СТАРОДУМУ

Предлагаемые господином профессором в дом мой студенты кажутся мне все ребята достойные быть учителями у детей благородных, и для того я боюсь выбрать одного без обиды другому. Покорно прошу уговорить господина профессора, чтоб он всех сих господ созвал к себе в дом и сделал род аукциона: кто возьмет дешевле, того я и беру, и с тем может он заключить контракт на шесть лет. Впрочем пребываю...

Дурыкин.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ПИСЬМА ИЗ САТУРНА

ПИСЬМО I

Один из моих приятелей поехал в планету Сатурнову. Каким то образом случилось, где к оной дорога и давно ль или недавно, я тебе, любезный читатель, не скажу; потому что оное тайно, но сообщу только тебе письмо, которое я от него получил; и обещаюсь, что ежели и впредь от него получать стану, то ты их читать всеконечно будешь.

Любезный друг!

Я, приехав сюда, увидел величайшее замешательство, услышал жестокий звук оружия и удивился политике здешней планеты. Почему я прежде, нежели

тебе по обещанию своему описывать стану нравы и обычаи здешних жителей, опишу в сем письме, что за причина тому замешательству, которое я нашел.

На восточной стороне сея планеты есть поселившаяся шайка гордых разбойников, которые почитают себя властителями над другими частями сей планеты; и для того взяли себе в герб второе светило неба, то есть луну[1], не помня, что она подвержена часто затмениям и переменам. Несмотря на свою гордость, они дружбою соединены и управляемы другим народом, поселенным на полудне, который лукавством, завистью, неоснованием и такой же гордостью, как и прежде изображенные, наполнен. Сей взял себе в герб лилеи[2], дабы тем возвестить, что он, подобно как лилея, может белизною своею прельстить глаза и потом скоро увянуть.

Сей последний заражен завистью к другому народу, поселенному на севере[3], который в начале нынешнего столетия начал просвещаться помощию одного великого мужа[4], царствовавшего над оными, и теперь в славе, науках и художествах не уступает никакому другому народу. Сей избрал себе гербом орла[5], дабы тем изобразить, что ничто парению его сопротивляться не может; ныне, благодаря его счастливой судьбе, им управляет жена[6], которая по своей премудрости не только почтена своими подданными, но и всеми людьми, умеющими разбирать достоинство. Сия старается довершить начатое упоминаемым прежде их царем; она знает, что блаженство народа состоит в чистейших законах, собрала своих подданных и, руководствуя оными, повелела им самим для себя сделать законы[7]; она для довершения народного просвещения ничего не жалеет. Восстановила училища, где воспитываются на ее собственное иждивение младые юноши и девицы; одним словом, она толикое число благодеяний излияла и изливает на свой народ, что оное ничей разум не в силах изобразить.

Я теперь, любезный друг, в сем счастливом государстве обитаю и очевидный тому свидетель, коликую силу ея добродетель имеет над теми из своих подданных, кои умеют чувствовать и мыслить.

Полуденный народ, прежде мною упоминаемый, взирая на блаженство северных жителей, воскипел завистию; страшась, чтоб лилеи его скоро не увяли

и тленность их, покрытая прельщающей белизною, не отверзлась, во зло обратить желал самое добродетельнейшее дело северной Минервы, а именно:

Сия царица, не довольствуяся тем, чтоб делать своих подданных счастливыми, восхотела, чтоб и соседы ея пользовались тем блаженством, для которого сотворены суть люди. Она восхотела изгнать из них гнусное суеверие, в которое ввергал их человек, сидящий на престоле великих героев и называющий себя преемником первого ученика того бога, который почитается сею планетою[8]. Она восхотела защитить законы их и, посадя на престол человека, избранного ею, сделать их счастливыми[9]. Но сии не разумеющие своего блаженства люди и быв возбуждены упомянутою пред сим полуденною страною, восстали сами против своего благополучия. Однако и сего казалось мало для такого народа, который в погибели северной страны полагал свое блаженство. Он воздвиг еще восточных разбойников против оной, и тогда тишина, царствующая на севере, прервалася, и воскипела война[10].

Однако не думай, любезный друг, чтоб злость могла торжествовать над истиною; желание сих злобных людей им в вящий срам обратилось; луна уже бледнеет; парение орла ничто остановить не может; злость, покрытая белизною лилей, открывается, и уже глаза просвещенные видят, что оные увядают. Северная Минерва[11] новым лучом славы облеклась, и ее подданные, несмотря на войну, наслаждаются под ее тению воспеваемым древними стихотворцами златым веком.

Я тебе упомянул, любезный друг, в начале сего письма, что меня удивила политика сей планеты, слова, которые я тебе истолкую. Все народы, живущие на оной, суть единого закона; хотя и имеют некоторую различность в обрядах, но однако главным основанием почитают единое. Упомянутые мною восточные разбойники суть первейшие гонители сего закона и правилом своим имеют, что, истребя хотя единого из последующих оному, они наслаждаются после смерти обещанным им их лжепророком блаженством. Сии разбойники покорили под иго свое великое число народов, прославляющих вышеупомянутый закон; тирански управляют оными, отнимают жен и детей для своего увеселения и, одним

словом, дают им чувствовать всю тягость тиранской власти.

Все народы зрят на оное, знают, что польза их всех состоит в изгнании из пределов сея планеты сих гордых разбойников. Но зависть, сия ближайшая родственница злобы, сие чувство, терзающее сердца человеческие, к исполнению оного их не допускает.

Ты знаешь, любезный друг, что политика в истинном своем смысле знаменует сохранение своей собственной пользы; но здесь ей дали совсем иное истолкование и обратили сие полезное дело в искусство обманывать друг друга и не допускать одному народу другого распространять пределы свои. Сие последнее похвально, но не в такое время, когда общая польза требует, чтоб истребить злодеев рода человеческого и возвратить отнятое ими блаженство невинным людям.

Вот, любезный друг, что меня удивило. Вообрази себе, что теперь время самое способное исполнить вышеописанное. Восточные разбойники премудростию северной Минервы приведены в крайность; народы, впадшие под их иго, обретя в сердце своем семена храбрости своих предков, приняли оружие, все способствует к их истреблению. Но, несмотря на сие, все народы молчат, един север в движении, единый он устрашает восток падением, а все прочие, забыв свою пользу, думают лишь только о том, чтоб не допустить северному царству усилиться. Опомнитесь, примите оружие, возвратите вольность людям единого с вами закона, или не препятствуйте северной Минерве довершить свое намерение. Да слава ее когда может умножиться, то да умножится сим делом, и да род человеческий узрит в ней своего спасителя. Представьте себе гордость сих в невежестве и грубости утопающих людей, вообразите их множество, и что ежели способом увядающих лилей они искусство военное получат, то сколь страшного и грубого неприятеля вы иметь будете! И не полезнее ль для вас, чтоб пространство, обитаемое сими разбойниками, составило особое царство из людей единого с вами закона, из потомков тех великих мужей, которым поднесь свет удивляется, и из тех, которые за возвращение их вольности и блаженства должны вам быть обязаны? Тут нет средины. Взгляните беспристрастными глазами на собственную

вашу пользу, то оное и узрите конечно. Вот что говорю я Сатурновым жителям, и вот, любезный друг, все, что хотел тебе описать; а к оному прибавлю только то, что я, восхищаясь премудростию северной Минервы, вместе с подданными ее возглашаю к богу всех тварей и миров: да продлит он век ее, да просветит мысли других народов, да узрят оные свою пользу и да увенчает намерение премудрости, сидящей на престоле!

Прости и помни
верного своего друга Н. Н.

1772 году,
генваря 5 дня.
Сатурнова планета.

ПИСЬМО II

Любезный друг!

Нравы и обычаи здешних жителей ничего меня не удивили, потому что они таковы ж, как и на нашем круге.

Скупой здесь также прячет деньги за несколько замков, корпит над оными и за гривну лезет в удавку. Он также, как и у нас, лишается нужной пищи, имея за замком тысяч сто денег, клянется и богом и честию, что он крайне беден.

Здесь мот, не расчисляя, достанет ли его доходов на год, проживает оный в два месяца. Картежник ставит на карту все имение. Льстец самые пороки называет добродетелью; и когда бы тот, кто его познатнее, назвал черное белым, то бы он и на то согласился. Он плачет тогда, когда ему не хочется; смеется, когда плакать желает; одним словом, он ни склонностей, ни чувств своих не имеет, а следует чувствам и склонностям того, до кого ему нужда.

Хвастун старается военных уверить, что он бывал на нескольких сражениях, что он причиною победы над неприятелем, и что на приступах он первый на стену всходил, хотя и всем известно, что он неприятеля никогда в глаза не видывал. Статских уверяет, что он у такого-то министра в милости, что тот вверяет ему все государственные дела и без его совета ничего не делает. Таковой носит всегда пукй бумаг за пазухою, утвердительным голосом говорит о интересах всех государей; одним словом, мир и войну располагает между оными, и важным голосом свое покровительство

обещает челобитчикам. Петиметрам, или вертопрахам, его слушающим, он за тайну сказывает, что такая-то женщина в него влюбилась, но что он, имея уже любовницу, той отвечать не может; потом вынимает письма, которые он сам к себе писал в своем кабинете, и выдает их за письма от его любовницы. Он старается также, чтоб ему при людях сказать что-нибудь на ухо большому боярину, дабы думали о нем, что он ему приятель; или женщине, дабы думали, что он с нею любится.

Здесь гордый также ходит, поднимя голову свою, и мнит, что всякий должен ему почтением. Он презирает всех, но едва кто перед ним возгордится, то он подобно маленькой собачке, которой хозяин погрозит, поджав хвост свой, убегает. Лукавый здесь также скрывает и от самых друзей своих склонности и мысли; он обманывает весь свет и, имея препорочное сердце, принимает на себя вид добродетели. Самохвал вычитает повсеминутно мнимые свои достоинства. Злоязычный всякое дело обращает в худо, и удовольствие свое находит в том, чтоб и самого добродетельнейшего человека оклеветать. У него всегда готов язык ответствовать, когда станут кого хвалить, что в том ошибаются. Он-де не таков, как вы думаете; я знаю некоторые его дела, но скромность мне запрещает далее продолжать. Такими и подобными сему речьми он старается приводить в сомнение людей. Когда ж у него о ком точно спросят, что он думает, тогда уже весь свой яд извергает, и все гнуснейшие пороки на него взводит, не забывая притом уверять слушающих его, что он принужден оное сказать и что он желает от искреннего сердца, чтоб тот исправился.

Невежа здесь, также ничего не зная, судит обо всем; увидит ли новую книгу, то возьмет ее в руки, посмотрит и, брося, говорит: «Ее разуметь нельзя». Но сие делают осторожные невежи; а те, которые стараются, несмотря на невежество, выказываться, худо судят обо всех сочинениях и тем самым открывают свое невежество.

Нахал и здесь вбегает к министру, когда он занят делами; к автору, когда он пишет; к женщине, когда она лежит в постеле; одним словом, он, не зная, что есть стыд, исполняет все желания, родившиеся в пус-

той голове его. Иногда случается с ним самое то, что с ослом, который заупрямится и не захочет своротить с дороги, то есть покажут ему палку; но и сие не заставит его покраснеть и обычая оставить.

Пустомеля здесь также никак не может удержаться, чтоб не говорить беспрестанно. Нескромный сказанное ему тайно также за тайну сказывает всякому, кто первый навстречу попадется. Недоверчивый не может найти себе друга и мучится от того, что всякого подозревает. Суевер думает, что ежели соль просыплется, или тринадцать человек за стол сядет, то он погиб; что он, поехав в седьмый день недели на богомолье, заглаживает все грехи, учиненные им в шесть прочих дней, но, возвратясь, в те ж грехи впадает. Он в беспрестанном беспокойстве, потому что от мнимых своих воображений он страшится того, который ему жизнь дал, а не отца в нем признает. Из сего ты видишь, любезный друг, что здесь нравы такие ж, какие и у нас. Что же принадлежит до обычаев здешних, то, подобно нашим, просвещенные и умные люди разделяют день свой на упражнения, украшающие разум, и на отдохновение от трудов; петиметры, кокетки и тунеядцы не знают сами, как день провожают, и с самого утра до поздней ночи скачут в каретах найти толпу таких же тунеядцев, каковы они сами.

Вперед, ежели мне удастся, то я обстоятельнее тебе здешние обычаи опишу, а теперь кончу.

Твой верный друг N. N.

1772 года, генваря 31 дня.

ПИСЬМО III

Любезный друг!

Обещание мое описать тебе при случае обычаи здешних жителей я теперь исполняю.

Подтверждаю тебе писанное мною в прошедшем письме, что умные здесь люди, подобно как и наши, разделяют день свой на упражнения, украшающие разум, равно как и на отдохновение от трудов; почему и не стану тебе подробно описывать. И то скажу, что за неимением времени я в сем письме опишу тебе только

упражнения ученого мнением, педанта, петиметра и кокетки.

Ученый мнением, ничего не зная, желает, чтоб о нем думали, что он много разумеет. Он, проснувшись рано, берет какую-нибудь трагедию или роман, думая из оных познать историю, выучивает что-нибудь наизусть. Наконец, утвердясь, что он совершенно учен, входит во всякие разговоры, судит о сочинениях неправильно; взяв трагедию, спрашивает, не из такого ли она романа почерпнута; а ежели попадется ему такая книга, которая проповедует о истинном уме или истинных науках, то он, ее не понимая, засмеется и говорит, что сочинитель бредит. Одним словом, он своим бесстыдством часто открывает свое невежество перед самыми теми, перед которыми желал прославиться. Другой, прочитав критику на закон, проповедуемый в сей планете, примечания авторские выдает за свои, с тою прибавкою, что ежели автор суеверие, вкравшееся в закон, опровергнул, то он напротив того опровергает истину; и, желая прослыть философом, выдает себя за вольнодумца, хотя он внутренне гнусным суеверием заражен, и, приехав домой, со трепетом ложится спать, дабы не помечтался ему дьявол со всеми адскими фуриями.

Педант выступает мерными шагами, протяжным голосом толкует самые высшие науки и, желая принести пользу роду человеческому, потеет целый век в изыскании: есть ли в луне люди, знают ли они грамматику, правильно ли ставят препинания в своих сочинениях, и несутся ли тамо куры?

Петиметр, следуя когда-то введенным сюда обычаям полуденными вертопрахами, просыпается в двенадцатом часу по полуночи, кличет *Лафлера* (имя его камердинера), приказывает подать себе шоколаду, пьет, вскакивает с постели, набрасывает пудремян, спрашивает одеваться. Я позабыл сказать, что он, заразясь любовию к полуденному народу, презирает свое отечество и думает, что в нем ничего хорошего быть не может. По сей причине и служат ему одни чужестранцы.

Он садится перед уборный столик, глаз своих не отвращает от зеркала, увещевает своего перукмахера, чтобы он его получше убрал; и, позабыв обо всей подсолнечной, думает только о наружности головы своей, полагая, что вся вселенная в оной заключена. Когда же волосы его раз-

новидными помадами намазаны и душистою пудрою осыпаны бывают, тогда он счастливым себя почитает. Надевает кафтан, принесенный от портного, которому он уже несколько лет должен; башмаки, за которые опричь красных каблуков (потому что оные взяты на чистые деньги у человека, приехавшего с полудня), не заплачено. Окропливает себя благовонными водами и в то время, забегая с разных сторон к зеркалу, непрестанно спрашивает у камердинера: «Хорош ли я?.. Так ли у вас на полудне одеваются?... Ах! как мне жаль, что я не там родился!... Однако пора мне ехать... Карету!...» Карета подвозится; он в нее бросается и скачет к таковым же основательным людям, каков сам, у которых бранит сограждан своих, смеется над своими учеными, называя их дураками; над своими авторами, говоря, что они писать не умеют, потому что они пишут не полуденным языком, хотя он северных писателей никогда не читывал; и, наконец, о том с ними горюет, что он живет не на полудне.

Иногда он едет к таковым, где уповает найти денег взаймы; входит с надменным видом, сказывает, что он теперь только купил карету или лошадей, а потом просит для заплаты за оные денег, уверяя честию петиметрскою, что он на назначенный срок заплатит. Когда же тот ему в деньгах откажет, то он для получения их оставляет надменность и до самой гнусной подлости доходит. Получа оные и вышед за двери, возвращает прежнюю свою гордость и скачет к полуденным купцам, дабы взятые взаймы деньги им отдать за товары, на которые берут они процентов только по пятидесяти. Отобедав, он ищет публичного собрания; когда же того нет, и он принужден остаться дома, то, не зная искусства в самом себе находить удовольствия, умирает со скуки и желает, чтобы скорее день прошел, и сон покрыл бы глаза его.

Кокетка утро свое проводит, подобно петиметру, у уборного столика, с тою прибавкою, что девки, служащие ей в сие время, суть самые бедные твари. Ежели тень в лице ее не так хороша, как была накануне, то за оное служанки отвечают; ежели ленточка, которую сама приколет, покажется ей, что к ней не пристала, то тут опять девки бывают виноваты и отвечать должны терпением, а иногда щеками. Одним словом, туалет ее, который по крайней мере пять часов продолжается, для

сих бедных девок кажется ужасом; да ежели и муж попадается в это время, то и ему эти часы раем не покажутся; а более ежели он осмелится упомянуть о домашней экономии, о которой кокетка считает за подлость иметь понятие; или скажет, что ему обхождения ее не нравятся, то тут он пропал. Жена, вскрикнув Ах!... упадет в обморок, пришед в себя, прольет из глаз токи слез; она зачнет умирать, и бедный муж, когда не захочет из благопристойности с нею разойтися, то принужден просить извинения и уходит. А жена продолжает прежнюю свою жизнь, с тою прибавкою, что жалуется всем на нрав своего мужа. Наконец, его возненавидит и его лбу угрожает рогами.

Когда же она оденется, то едет обедать в гости, где злословит всех женщин, которые не так живут, как она, или имеют несчастие быть хороши. Там ее дожидается толпа людей, прельщенных ее нарядами; она с ними говорит языком половина северным, половина полуденным, или таким языком, которого большая часть здешних жителей не разумеет, то есть выдуманным ею. После обеда едет в публичное веселье, ведет за собою толпу обожателей и, ни одного из них не любя, ни у одного не отнимает надежды. Одним словом, на иного взирая с улыбкою, иному сказав приятное слово, она старается привязать всякого к себе, не привязываясь сама ни к кому. Наконец, по окончании дня и за несколько часов за полночь, возвращается домой, и ночь проводит в размышлении о уборе, который она у такой же вертопрашки видела; и во изыскании средства на подобный выпросит у мужа денег.

Вот все, что я хотел тебе описать; сравни оное с нашими обычаями, и ты увидишь, что везде люди, не измеряющие поступок своих по правилам здравого рассудка, одинаковы.

Твой верный слуга Н. Н.

1772 году
февраля 22 дня

Н. И. СТРАХОВ

ПЕРЕПИСКА МОДЫ, СОДЕРЖАЩАЯ ПИСЬМА БЕЗРУКИХ МОД, РАЗМЫШЛЕНИЯ НЕОДУШЕВЛЕННЫХ НАРЯДОВ...

(в сокращении)

ПИСЬМО I

От Моды к Непостоянству

По твоему совету пустилась я во 192 путешествие по земле. В Америке не обитает почти ни одного из истинных наших подданных; однако ж, несмотря на то перяные уборы, бисер, на который жители по глупости своей променивают золото и прочие подобные сему безделки, продержали меня там дней до двух. В Африке прожила я не более 4 суток, в Азии же, а особливо у китайцев, перемена некоторых церемоний и прочих странностей, заставила меня пробыть около 6 дней.

Приблизившись к границам Европы, сей возлюбленной нам страны, была я встречена превеликою толпою. Не можешь ты поверить, с каким я достопочтением и радостию была принята от ожидавших меня наших данников. *Перукмахерское искусство*, увидя меня, предалось такому исступлению, что вдруг начало прыгать и на всех бросаться с гребенкою. *Портное мастерство* от радости также едва было не рехнулось ума; а *танцевание* так крепко меня обняло, что чуть-чуть было не задушило. *Коммерция* со многими продавцами модных товаров и фабрикантов поднесла мне на блюде пирог с золотою начинкою. *Художества* и *рукоделия* одарили меня всякими вещами, а *стихотворство* поднесло мне оду, на случай прибытия моего сочиненную.

Но по прошествии всех восхищений, я вскоре повергнулась в уныние. Представь, какую услышала я ужасную новость!... Странно и огорчительно сказать. Целый народ... народ доселе знаменитый оказанием совершенного ко мне послушания... народ, коего столица была главнейшею моею резиденциею... народ, коего все остроумие и все выдумки доселе клонились единственно к умножению моей славы... народ, для коего я предприняла 191 путешествие... одним словом, целый народ отрекся и отложился моей власти[1]... Удар совсем

свершен... Старшины народа, увы! остриглися уже в кружок и по два раза в неделю моют головы!

Если подлинно сей народ ниспровергнул власть мою, то, конечно, уже ниспровергнул и власть *Дурачества;* а когда где не повелевает *Дурачество*, там что значу я, *Мода*?... Не ведаю, право, что мне должно начать в таковых смутных обстоятельствах. Я намерена завтра же отписать к *Дурачеству*, которое еще и по сю пору живет в столице возмутившегося противу меня народа. Пожелай, чтоб ложен был слух о сей толпе *модников* и *петиметров*, которые, как сказывают, будто бы отверглись *Дурачества* и меня, твоей усердной

Моды

ПИСЬМО 2
От Моды к Непостоянству

Напоследок по долгом ожидании, на сих днях получила я от *Дурачества* ответ на письмо мое. *Дурачество* советует мне равнодушно взирать на мнимую перемену предупомянутого народа. В доказательство, что в сем государстве настанет вскоре наше время, уверяет оно, что *мнимая Мудрость*, которая покорила себе умы сего народа, есть самая ближняя его родственница, и что исключая сего, имея с нею тесную дружбу, оно действует с *мнимою Мудростию* почти заодно. Впрочем, утверждает *Дурачество*, что, живучи в сей земле почти искони, оно приметило, что вертопрашество, вдунувши какой-либо образ мыслей в голову сих народов, паки оной выдувало и выносило из ней вон.

Сбыточества предречений *Дурачества* кажутся мне весьма вероятными. Дабы и тебе в сем столько же быть удостоверенною, как и я, то стоит только прочесть при сем посланное мною к тебе *описание происхождения, начала и последствия возмущения Антифилософов*. Из оного ясно можешь ты увидеть, что все сие великое дело произошло от того только, что *петухи не захотели повиноваться Цесарской курице*[2].

В ожидании желаемой перемены в сем народе я вознамерилась пока отправиться в *землю Подражательности*, где, как и тебе, чаю, небезызвестно, всегда беспрекословно и радостно повинуются всем моим учреждениям и уставам. Правда, хотя самая большая часть народа совсем не уважает ежегодно от меня от-

правляемых туда подчиненных мне *Мод*, однако ж отрасли сих народов, воспитаны будучи *новым вкусом*, составляют из себя отделенную страну, или так называемую *землю Подражательности*, состоящую в двух весьма многочисленных городах[3], из коих первый построен назад тому 7728 месяцев, а другой 1056 месяцев.

Вот сокращенное известие о той стране, в которую я вскоре намерена отправиться. Известие о сем уже туда сообщено, и чаятельно прибытия моего ожидают с неизъяснимою нетерпеливостию. Между тем я есть pour toujours*

Мода

ПИСЬМО 3
От Моды к Непостоянству

Назад тому месяц я уже прибыла в *землю Подражательности*. Ты не поверишь, как мне здесь почти все обрадовались! Правду тебе сказать, наши французы здешним милым жителям и в подметки не годятся. Я надеюсь, что тебе не покажется скучным описание о сем новооткрытом мною прелестном и любезном народе. Исключая мудрых людей, большая часть жителей вот имеют какие свойства:

Я, *Мода*, составляю для жителей род некоего божества, на которое все жалуются, но все между тем повинуются; все наружно ненавидят, но внутренно идолопоклонствуют. Ежедневно выдаваемые от меня глупости и странности чредят блистательные достоинства, утехи и блаженство жизни. В моей власти состоит повелеть признавать глупое за разумное, странное за достойное уважения, смешное за нечто мудрое, мудрое за нечто смешное, неприличное за пристойное, постыдное за похвальное, разорительное за приятное, и порочное за добродетельное, а сие за порочное. И потому, сообразно оному преудивительному и сильному влиянию, каковое я имею над жителями.

Здесь почитается наиважнейшею наукою *переделываться из людей в обезьяны.*

Здесь достоинство носят на плечах, знание имеют в ногах, а премудрость в тупее.

Волокитство признается честным обманом, *игра* —

* Навсегда твоя (*франц.*).

благовоспитанным грабежом и обкражею, а *роскошь*, обычайно клонящаяся или к пагубе детей, или не к предвидимой, но всегда последуемой обкраже тех друзей и знакомых, которые доверили нам свои деньги, почитается от всех за блистательную и любезную добродетель общества.

Здесь у подвластных мне супружество есть торг, а дружба — покупка. Дарования оцениваются теми монетами, которые я выдаю; достоинства взвешиваются на моих весках, а добродетель и честность измеряются на мой аршин.

Здесь живут в сутки 11 часов, а спят 13. День разделяется на 4 упражнения, а ночь на два. Три части века проходят в бездейственном существовании, а третья часть, составляющая жизнь, протекает в деятельных пороках и заблуждениях. Люди видят то во сне, что и наяву, а наяву не лучшее, что видели во сне, так что, от сна пробуждаясь ко сну, вся их жизнь есть только один сон.

По вторникам, четвергам и воскресеньям съезжаются здесь в один дом галантерейные вещи, брилиянты, платья, наряды, шляпки, тупеи, ноги, руки и лица. По середам и пятницам свозят в некоторое место все свои уши и рты, дабы первыми ничего не слушать, а другими зевать. В понедельник и в субботу или закупают в рядах достоинства, или с готовыми, севши на четыре колеса, приезжают в четыре каменные или деревянные стены, напичканные языками, ушами и глазами.

Богатый плут приятного вида и ловких поступок сидит здесь за столом, а честный, но бедный человек, по четыре часа дожидается докладу в передней.

Обидеть человека и защищать свою дерзость концом шпаги между шалунами называется иметь храбрость и честь.

Девушки почитают за достоинство иметь много любовников и мало к ним любви, много обожателей, но ни одного мужа. В самое же то время, когда они по богатству выходят за одного мужа, тогда по сердцу обручаются со всеми, которые им милы. На щегольство во время сватанья за невесту употребляется здесь третья часть имения, на свадьбу столько же, а остальная половина проживается в первые годы брака. По сем

дети отдаются для пропитания к родне, супруги расходятся врознь: муж старается вознаградить свое разорение, а жена — убытки. Муж, расстроивший состояние, жена, прожившая имение, дети нищие и без пристанища — вот изящнейшие следствия здешних браков! вот образ мыслей и круг жизни подвластных мне красавиц и щеголей.

Здесь строят такие большие палаты и с таким множеством окон, что по окончании оных не на что бывает вставить стекол в окны, топить печей, освещать и затворять сие здание.

Здесь, кто приехал на четырех колесах, того голова почитается превосходнее головы, прибывшей на двух собственных своих ногах.

Здесь пословицы, выдуманные для осмеяния пороков, учинились правилами поведения, как например: *кто кого смога, тот того и в рога; што твоя и честь, коли нечего есть; в брюхе щелк, а на брюхе шелк; попито, поедено, потешена душка; ныне жив, завтра умер* и пр.

Вот, любезное мое Непостоянство, свойство жителей той страны, в которой я играю ролю некоего божества. Не знаю, каковы тебе из описания показались сии люди; а что до меня, то нет их ничего превосходнее, и я готова с ними жить весь мой век. Поелику мы друг без друга жить не можем, то, пожалуй, не замедли твоим сюда прибытием. Я вне себя от радости! Представь, какое нам предстоит в здешней стране блаженство.

Я есьмь всегда твоя fidele*

Мода

ПИСЬМО 4
От Моды к Непостоянству

Внедавне только опамятовалась я от балов, пиршеств и сосиете, по которым радушные щеголи и щеголихи таскали меня около месяца. По принятии тьмочисленных поздравлений и визитов и по выслушивании миллиона учтивых слов, напоследок засела я дома для отправления дел, состоящих в поданных мне прошениях, которых, однако ж, столько накопилось, что я принуждена была отдать все оные для рассмотрения

* Верная (*франц.*).

секретарю моему г. *Бель-Эсприt*[4]. Для сведения и любопытства сообщаю я тебе списки с оных поданных мне просьб и также прилагаю учиненные мною решения.

I

Прошение иностранных продавцов модных товаров

С давних лет продолжая самым ревностным образом обманывать щеголей и щеголих и усердно брать с них за каждую безделку вдесятеро, со всеми толикой важности услугами могли мы не более нажить, как на каждый парижский обол по одному только червонцу. При таковых безвыгодных торгах щеголи и щеголихи оказали еще нам такую еще несносную обиду, что начали с нами также торговаться, как и с здешними купцами, нимало не принявши того во уважение, что мы обманывали их товарами на модном языке и самым учтивейшим образом. Исключая сей чувствительной для кармана нашего обиды, внедавне щегольский свет толь явным образом отрекся от модной неосторожности, что, приходя в наши лавки, со вниманием уже рассматривает товары, и, находя, что некоторые из оных суть не выписные, а здешние, не внемлет уже потом никаким нашим уверениям, так что с сих пор не могли уже мы более десяти вещей, деланных точно здесь, продать за вещи выписные. Чего ради всепокорнейше и всенижайше просим достославную *Моду*, как об отвращении угрожающего нам упадку, так и о восстановлении кредиту к нашей божбе и доверенности к нашим обманам.

РЕШЕНИЕ

Приделать к лавкам черные доски и поставить на них золотые французские буквы мерою в рост человеческий. Но дабы и в сем случае не могли щеголи и щеголихи потерять должное уважение, то лучше всего переименовать лавки в магазины, Magasin. Здешнего же дела вещи, и особливо чепцы, шляпки, токи и прочие женские уборы, продавать в парижских и лондонских коробках и футлярах.

II

Прошение портных

Доселе ежегодно переменявшийся покрой платья, к крайнему нашему убытку и разорению, в нынешних временах остановился на *высоком лифе* и *длинных полах*, чаятельно по тому только, что все сие занято от постоянных англичан. Чего ради в отвращение сущего для нас убытку да благоволит всепочтеннейшая *Мода* в самую Англию послать повеление о наискорейшей перемене покроя или указать щеголям по-прежнему перенимать платье от французов, которые и самого бедного и неискусного из нас обогащать могут по пяти раз на один год.

РЕШЕНИЕ

Довольствоваться переменою воротников, обшлагов, клапанов, фалд, спинок, пуговиц и употребительных цветов сукна.

III

Прошение от иностранных перукмахеров

Назад тому несколько лет всякая голова истинного щеголя не иначе могла почтена быть точною головою, как помощию взодранных нами вверх волосьев. Все щеголи и щеголихи оказывали нам уважение по тому наиболее, что от нас зависело строение того здания, в которое для жительства перешли из головы все достоинства. Мы были первые выдумщики причесок *неглиже, ен кок, а ла кроше*[5] и пр. Мы выдумали устроивать букли наподобие вавилонских висящих садов[6], а пучки самым искусным образом то утолщать, то укорачивать, то спущать ниже и паки приподнимать их вверх. Несмотря на то, ныне щеголи и щеголихи самым неблагодарным образом забыли все наши подвиги и труды, подъятые нами из истинной любви к ним самим и деньгам их горячности. Все те, которые доселе со смирением покорялись нашим уставам, ныне столь явно отверглись нашей власти, что даже осмелились из слуг своих завести собственных себе перукмахеров. Итак, от того, что руки природных здешних жителей обучились

искусно драть, имя наше марается, а паче того доход, который мы до сего времени получали с наших рук, совсем почти истребился и упал. Исключая сего, злоумышленность щегольского света до того даже простерлась, что внедавне щеголи и щеголихи оказывать начали неуважение к тем рукам, которые мы вывезли из чужих краев и обучали в славнейших цирюльнях и школах, находящихся в славном и знаменитом городе. Чего ради всенижайше и всепокорнейше просим достознаменитую *Моду* отвратить толико грознейшую тучу для карманов наших, восстановить знаменитость выписных рук и паки иностранную гребенку вознести на верх достодолжной ее славы и чести.

РЕШЕНИЕ

Для восстановления кредиту выписных рук надлежит присоединить к славной науке власодрания особенную отрасль некоторой выспренней же науки, известной под именем искусства *убирать голову флером, лентами, цветами и каменьями.* В ожидании успехов в сем знании должны иностранные перукмахеры чрез «Ведомости» беспрестанно жужжать в уши щегольскому свету то о своих именах, то о искусстве своих рук. Между тем к домам своим надлежит им прибить нелепые картины, изображающие мужчину в пудроманте, а женщину с тупеем, преизукрашенном всякими лоскутками. Вообще же для совершенного восстановления кредиту иностранным перукмахерам надлежит ездить в карете, а не пешком ходить. Три или четыре удачные прически, или к личику какой-либо красотки приставшая уборка, могут совершенно восстановить опрокинутую славу иностранных власодрателей.

⟨. . . . .⟩

Сим просьбам подобного содержания находится у меня еще великое множество нерешенных прошений, которые я при случае сообщить тебе не премину, а между тем для твоего удовольствия посылаю тебе целую кипу на сих днях присланных ко мне писем с некоторыми моими на оные ответами. Прости, до свидания!

Мода

ПИСЬМО 6

От Собольей Маньки к Моде

Премногомилосердная наша Госпожа!

Занеже вестно бе, яко ты велемочием своим попра и одоле искони властвовавший над ны *обычай*, прибегаю убо к велемочной руце твоей и слезно прошу тя вняти сицевым моим прошениям:

При блаженной памяти *обычае* ревностно и беспорочно послужих с честию и достоянием многия лета. Бывшу же нашествию твоему в православную нашу Палестину, неведомо коея ради вины моея, некии злоковарнии прислужницы твоя оклеветаша мя пресветлей твоей персоне и без всякого суда и расправы заключиша мя в узы и отдаша некиим благочестивым токмо людиям на руце. Но егда и сии людие ради любве ко мне обременены быша поруганием, с тугою сердца своего, и тии отрекошася мя и в живе погребоша в вечный мрак сундуков своих. Се ныне зде во слезном житии скончеваю живот свой! Се ныне зде отвсюду облежит мя едина моль и истление! Сицевыми ли неправдами и поруганием довлело наградить доблести *Маньки*? Сицевых ли гонений достойна ревностная, беспорочная, а паче долголетняя и рабская служба ея? К тебе убо, о велемочием и властию исполненная *Мода!* прибегаю в скорбех моих. Молю о предстательстве и избавлении. Поправши и одолевши доселе властвовавший над ны *обычай*, да не како и мя бедствующую до конца погубиши! Вемь бо, яко неции отродия моего в недавне тобою возведены быша до высокия чести, яко-то: муфты из пернатых, муфты, украшенные шелками, некия иноземного племени Анголы и прочии мнозии многих родов. Егда же достигшу слуху, яко вси от сих овии отлучени быша лица твоего, овии навлекоша на себя гнев твой, возымех дерзновение слезно молити тя, да удостоена буду велияго мило-

сердия твоего и помещения меня, бедной и сирой, на место их, хотя без всякия мзды и достоинства. Ожидая высокомилостивого внимания твоего на мя бедную, отныне и навсегда, от сего часа до последнего дня и по век живота моего, припадаю к стопам твоим.

Недостойная и всенижайшая раба

Манька

От *изгнания Манек* 68 года,
101 числа *невзгодья на старину.*
Из *заплесневшаго сундука,*
стоящего в чулане.

ПИСЬМО 7

Ответ Моды к Собольей Маньке

Друг мой!

Письмо твое совсем осталось бы мною нечитанным, но по счастию твоему нашелся такой человек, который перевел оное на мой язык. Из сего преложения ясно усмотрела я всю жестокость твоего состояния. Для облегчения страданий твоих принять тебя к себе в службу соглашаюсь, но только с таким условием, чтоб ты исполнила нижеследующие мои наставления:

Во-первых, надлежит тебе ведать, что ныне все *узкое* истребляется, а по повелению моему вводится в употребление все *широкое;* почему теперешнее узенькое твое сложение пригодно быть может только для детского возраста. Итак, можешь ты явиться ко мне в службу не иначе как с таким условием, чтоб ты сделалась наперед шире и более, и вошла бы в щегольской свет не под своим именем, но под названием *большой Собольей Муфты.* Известия о твоем появлении вчерась же разосланы от меня по всем щеголям и щеголихам. Явись скорее из своего заключения и вступай в свет в должность *согревательницы* мужских рук и женских пальчиков.

Мода

11 091 года,
месяца *лино-батист*
7 дня.
A l'Hotel...

ПИСЬМО 8

От золотых цепочек с эмалью к Моде

Милостивая Государыня!

На некотором острове нашлось несколько таких покровительствуемых вами волшебников, которые столь очаровали всю почти Европу, что заставили верить, будто *сталь* лучше *золота* и будто сия же *сталь* и дороже *золота*. Можно сказать, что философический камень ныне сыскан,[7] ибо *сталь* учинилась *золотом* щегольского света, а притом выдумщики сего железного *золота* могут переманивать в свой карман подлинное и настоящее *золото*. В сем переманивании они весьма успевают, ибо помянутой *стали* золотник продается по 15, 20, 50 и по 100 рублей. Но до всего оного мало было бы мне нужды, если бы от того не зависело собственное мое благосостояние. Дело в том состоит, что предупомянутые волшебники *сталь* сию пригвоздя к кожаным ремешкам различных цветов осмелились назвать как сию юфть, так и некоторые на оной стальные фигурки цепочками. Посудите, милостивая Государыня, сколь мы были сим поражены! Но удивление и горесть наша еще более умножилась, когда мы узнали, что сей нововыезжий сапожный и кузнечный товар, помощию разных употребленных происков, снискал ваше благорасположение и получил от вас достоинство *употребительных цепочек*. Помилуйте, милостивая государыня, достойны ли мы такого жестокосердого с нами поступка? Вспомните, с каким усердием мы вам служили. Мы, кажется, в свое время видом своим и дороговизною, если позволите сказать, оправдывали совершенно высокое ваше к нам покровительство. Не говорим уже мы о тех цепочках, которые все из *стали* сделаны. Но что касается до оных ремней с некоторыми только стальными фигурками, по единому всемогуществу вашему из ничего учиненных цепочками... кажется нам, что они делают вам невеликую честь. Правду сказать, все бы равно было, милостивая государыня, если бы вы наслали щегольскому свету повеление носить вместо цепочек кожаные постромки... Извините, милостивая государыня, сию нашу дерзость; ибо злополучия побуждают открыть истинной образ наших мыслей. Впрочем, может быть, вы имели важные причины оказать нам ваше неблаговоление.

Мы довольно много причиняли щеголям помешательств своим от движения их происходящим брянчанием и царапаньем. Жаль только того, что в Англии не только изойдет весь сапожный товар, но и самые старые голенищи будут употребляться в дело на сии нововыкроенные *цепочки;* жаль также и того, что настоящее *золото* переманится в Англию железным *золотом.*

Милостивая государыня!

Ваши покорные услужницы
золотые цепочки с эмалью.

В лето гонения,
стального месяца
17 дня.

ПИСЬМО 9

Ответ Моды к золотым цепочкам с эмалью

О го! го! Как желтая грязь изволит ныне пыщиться! Смотри пожалуй! Так-то, мои разумницы! Вы забыли, что по власти своей могу я делать золото хуже стали, а сталь лучше золота; серебро хуже дерева и кости, людей дешевле скота и статуй, а скот и статуи дороже людей? Сказанное мною я скоро могу доказать. Что сталь лучше золота, то ныне ясно видимо отставкою вашею. С бездельною резьбою костяные и деревянные табакерки продавались внедавне дороже серебряных. Кургузая английская лошадь и мраморная статуя или бюст стоили и стоят дороже мужичка. Но это еще нимало не удивительно! Я делаю, что кружок величиною около вершка, улеплен будучи блестящими камушками, заключает в себе цену ста, а иногда и 200 человек. Цена сего кружка отереть может слезы целого несчастного семейства. Цена сей кучки камешков содержит в себе то счастие, о коем вздыхают два или три человека и от которого спокойно и радостно надеются они провести весь свой век. Цена сего кружка доставить может законный союз добродетельным и взаимно друг ко другу пылающим сердцам. Цена сего кружка разнесть может тучи, помрачившие дни достойного человека. Цена сего кружка доставить может к спокойному пристанищу тех, кои при честности и дарованиях несправедливо гонимы бывают судьбою. Цена сего кружка извести может десять несчастных из тех темниц, в кото-

рых каждому свет является гробом, самая жизнь адом, а ощущения сердца становятся истинными подобиями мучений оного. Цена сего кружка может премножество людей заставить во весь их век плыть или ходить, потеть или зябнуть, драться и быть битыми, любить и ненавидеть, строить и разламывать, опущаться на дно моря или влезать на самую высоту и пр. ...Вот все действия цены того кружка, который по повелению моему богач имеет только для того, чтоб вздеть оной на мизинец и, дождавшись вечера, раз десять против свечи вернуть пальцем, блеснуть камешками, улыбнуться на разинутые от того рты, порадоваться внутренно пяленью глаз и потом, видя, что почти все, удивляющиеся его кружку, разъехались, позевавши раза три, уехать домой, скинуть кружок, который учинял его мизинец стоящим десяти тысяч, и дожидаться другого вечера, в который бы помощию одного пальца мог он паки ехать доказывать о всех достоинствах головы своей. Вот свойство, каковое только по повелению моему иметь может предупомянутый каменный и блестящий кружок. Важная цена денег, могущая иметь важные и полезные на людей влияния, вмещается в кучку камешков и в тот кружок, который по воле моей ни на что не может иметь влияния, кроме одного мизинца тщеславных людей и глаз льстецов, пустословов и пустолобов.

Итак, познавши силу и власть мою над смертными, о вы, мелкие твари, в которые я вдыхаю существо и достоинство, не осмеливайтесь ворчать против вашей создательницы и покоряйтесь со смирением той участи, в которую благоволит вас предназначить

Мода

Месяца *Тарлатану*
в 19 день.

ПИСЬМО II

От старинных головных уборов к Моде

Благоутробная и честная госпожа! Здравия отныне и нерушимо желаем во веки с дражайшими родственниками и со всеми любящими вас!

С тех самых пор, как мы не знаем, не ведаем, за што и про што подпали мы под тяжкий гнев ваш и немилость, живем мы, горестные и сирые, в загоне и шатаемся

по чужбине. Правда, благочестивой род иногородних купчих, старинного крапивного семени жены,[8] смиренные попадьи, некоторые лет шестьдесят не выезжающие из деревень своих барыньки и их барские барыни, хотя по своей милости нас не оставляют и жалуют любят, однако ж это нас никак не веселит. Подумай, мать наша, как на чужбине не взгоревать и не вздохнуть по родительской своей сторонке и по городе с золотыми маковками, где мы родились, росли, жили и принимали и горе, и нужду, и радость, и утеху. О! о! охти нам! Как мы ни вздумаем о том, так сердечушко-то закипит, закипит! А сами-то мы в рыд, да в рыд как зальемся, да обольемся, так и уему нет. Все-то приплакали мы свои глазаньки; когда уж, мать моя, приходит на нас такая тоска и лезет в голову такая дрянь, что ради на себя руки наложить. Кабы не отъемная водочка, ан! прощай, давно бы из нас все с глоткой полезли в петлю. Хоть уж это-то нам, матушка, помогает. Как выпьешь доброй *утренничек* или *чарочку улиточкой,* так будто што-то и забудешь кручину и будто што-то веселее станет на сердце. О! охо! хо! хо! Отжили мы добрые свои дни! Взмилуйся хоть ты над нами, асударыня наша! Сказывают, что ты, беляночка, милостивая барышня. Когда ты нас, сирот, не оставишь и призришь, то сама за такую добродетель твою выдешь за хорошего жениха. Ты еще, красное наше солнышко, сказывают што молода, што зелена и некогда тебе было узнать над собой тоски и кручины. Кабы ты-то это, светел наш месяц, знала, так бы и над нами смиловалась. Мы сами, как были молоди, так никакой-то кручинушки не знали, не ведали. А век-та пережить — не поле вить перейти. Когда были молоди, так все нам челом били, а как одряхлели, так никто на нас и смотреть не хочет. Все-то, мать моя, ныне на белом свете стало по пословице: *Как у Филюшки три денежки, так Филюшка — Филипп, а как у Филюшки ни денежки, так б... сын Филипп.*

Не прогневайся, государыня, на наше бабье вранье, што делать! Кровь наша говорит. Кабы не сука наша нужда, так бы мы истинно твою милость не потрудили. Да што полно про то и говорить! Буди все за волю вашу, а мы за сим пребывая, до лица земли бьем челом.

Кокошник с перепелами.
Соболья бархатная шапочка корабликом.

Рогатая шапка.
Колпаком шапка соболья.
Чепец-бармотик.
Нахтыш-чепец.
Косой чепец с шишкой и пр.

Месяца *телогрей*
в 6 день.

ПИСЬМО 12

Ответ Моды к старинным головным уборам

Ваша бономи и семплисите заставили меня так смеяться, что я едва от того не лопнула. Фуй! Фуй! Как вы меня уморили! Сюр мон онер[9] вы видно презабавные твари! Одни ваши имена... Кокошник с перепелами... шапочка корабликом... рогатая шапка... чепец бармотик... косой с шишкою... Ну! совершенно я интересуюсь вас видеть и узнать персонально. Я чаю, вы так милы, что от вас надсядешься со смеху.

Определить в подлинный свой штат я вас не могу, ибо ныне вместо кокошника с перепелами на головах прекрасного полу находятся целые строусы. Старинные женские головы, может быть, любили плавать, и потому нужны были шапочки корабликами, но нынешние головы имеют единственным своим основанием воздушную стихию и потому любят лучше ветреность и парение по воздуху. *Рогатая шапка* также не может быть употребляема, ибо ныне на женских лбах фальшивые рога совсем нетерпимы. Впрочем, к сожалению моему, для ради подобных причин нахожу я себя принужденною отказать также в сем шапочке колпачком, чепцам бармотику, нахтышу и кривому с шишкою. Однако ж, несмотря на то, если вы согласитесь вступить ко мне сверх комплекта, я с великою радостию к себе вас приму. Должность ваша будет самая легкая, веселая, забавная, шутливая и довольно почтительная. Я вам позволяю играть важную роль в учрежденных мною маскерадах. Клянусь вам, что все светские люди вас крайне полюбят, и вы скоро можете затмить славу иностранных масок. Пожалуйте, мои милые, поспешите ко мне скорее, явитесь в первый маскерад и приезжайте в оный под именем *маскерадных забавниц,* принадлежащих к сверхкомплектному штату вашей покорной к услугам

Моды

Месяца *шляп грешневиками*
в 9 день.

ПИСЬМО 16
От высоких лифов к низким лифам

Благодаря *Моде* мы находимся в такой у всех чести, что не согласимся променять свое состояние на участь самой головы. Да коли правду сказать, то нечему нам оной позавидовать, ибо мы сами собою составляем новую голову на новом месте. Так ли, сяк ли, а не прогневайтесь, мы эти строим чудеса! Лишь только войдет человек в собрание — все на него смотрят. Люди применились уже, с которой стороны доказывать свои достоинства. Тотчас делает он несколько таких движений, чтоб как-нибудь оборотиться задом. Увидя *высокий лиф,* тогда всякий понимает уже, что это вошел за человек. Тогда голова, ум, сердце и мозг — все уж дрянь! *Высокий лиф, высокий лиф!* Вот все, что требуется ныне от людей.

Все сие, может быть, покажется вам невероятным, но не удивляйтесь сему. Ныне по новому способу, изобретенному *Модою,* здесь уже выкраивают умных людей и иглою шьют их достоинства. Мы вам это простее можем изъяснить. Например, представя себе молодого человека, горящего нетерпеливым желанием отличиться в свете, как вы полагаете, какие бы он вздумал употребить к сему средства? Науки? Нет. Доброе поведение? Нет. Природные дарования? Совсем напротив! Науки требуют времени, прилежности и склонности, да к тому же они не служат уже ныне способом к приобретению доброго имени. Доброе поведение почитается ныне также из числа старинных душевных мебелей, а природные дарования находят себе пищу в том, что только принадлежит до *Моды* и *щегольства.* Подивитесь же! Молодой человек, горящий нетерпеливым желанием отличиться в свете, нимало и ничему не учась, совсем не старавшись о добром поведении и никаких не имея природных дарований, вот каким чудесным способом вдруг делается как по своему, так и по людскому мнению *достойным человеком.* Скачет в ряды, накупает сукон, материи, пуговиц. Потом приходит к нему творец его достоинств; он снимает, так сказать, меру, каковую должна иметь его душа, дарования и знаменитость в свете. Чрез несколько дней поспевает существо молодого нашего человека. Модное сукно, лацканы, воротник, узенькая спинка, *высокий лиф,* употребительные фалды, обшлага, клапаны — вот вы-

кроенный, сшитый и лишь только с иголочки *достойный человек.* Вот и поспел уже тот, который может в свете играть важную ролю. Мода чрез портного одарила его *высоким лифом* вместо головы, воротником вместо понятия, узенькою спинкою вместо остроумия, употребительными фалдами вместо дарований, клапанами вместо основательности, обшлагами вместо знания, а пуговицами вместо всех добродетелей.

Из сего ясно можете вы усматривать, сколь во всем против прежнего находится великая перемена. В ваши времена училища были едиными местами, в коих только приобретались достоинства. Ныне ряды есть едиными местами, где оные покупаются. В ваши времена, может быть, одни разумные книги снабжали голову достоинствами. Ныне одни *мерки* снабжают их оными. В ваши времена одни мудрые мужи, просвещенные учители, науки и благонравие учиняли людей именитыми. Ныне одни портные, их ножницы и иглы, в несколько дней вдруг выкраивают и сшивают достойных и именитых людей. Итак, любезные приятели, после сего может ли то вам казаться невероятным, что мы ныне занимаем место настоящей головы, а настоящая голова занимает наше место?

Мы надеемся, что вы порадуетесь такому нашему счастию. Между тем, прося о неоставлении нас вашим известиям, имеем честь пребыть с искренним почтением,

Милостивых государей
Усердные слуги
Высокие лифы

Месяца *стальных пуговиц*
в 3 день.

ПИСЬМО 18
От модной прически к старинной

Кстати ли, если б ты знала, в каких я ныне попыхах!.. За меня уж голоою рукою не изволь хвататься!.. Я ныне являюсь на головах в виде рощей, садов и нивись чево. Без меня человек есть как будто без головы, а голова без меня как ничто. До таких-то времян дожила я! ...Смотри, пожалуй! Вот наконец, пришли те годы, что головы одолжаются своими достоинствами волосам, а не волосы головам. Да и для чего ж не так? Вить если бы *Мода* не вздумала обратить внимательного своего ока

на волосы, то оные были бы по-прежнему только что волосы. Ныне же между кудрей, удобренных душистым салом и белою пылью, в несколько часов произрастают все человеческие достоинства. Чего же этого лучше и легче? По рассказам я знаю, бывало встарь несколько лет во младости трудись, да учись, да будь умен, так уж потом будешь с головою. А ныне райское пришло житье! Была бы на человеке хоть одна форма головы, так уж помощию предупомянутого средства может быть в оной и мозг. Пирамиды, устроенные гребенкою,— вот-те тут весь ум и достоинства! Ну как, право, эдакого чудного средства не похвалить? В несколько часов сделать человека достойным и пустить его в свет умницею и разумницею! Слыхано ли было это прежде? А ныне у нас так это подлинно водится вот как: вдруг человек берет волосы в руки, вздирает их вверх, усыпает мукою, намазывает салом; волосы дыбом, букли рогами, пучок торчком — вот те и поспела голова и человек!

Я чаю, ты теперь вытаращила глаза от удивления. Э! ге! ге! Ну есть чему дивиться! Видно, тебе то это невидальщина, а нам так уж это, право, примелькалось. Ведай же и знай себе и ты, что это не великая диковинка. Головы ныне, моя голубушка, только что называются головами, а в самом-то деле оне... нивись што-то такое другое, а знаю точно, что не головы... Ну-таки, што ты будешь, не могу вдруг припомнить, на что бы оне были похожи! Мимо рта суется. Как бишь это называется, на чем перуки причесываются? Те, те, те, те!— Болваны, моя матушка, болваны. Вот это-то нынешние головы. Так посуди ж теперь, удивительно ли то, что волосы и прическа играют на оных головах толь важную ролю? Ну сама подумай, что бы уж и без волос-то и без модной-то прически такая голова могла значить? Вить уж бы подлинно болван болваном была?

Вот, милая моя знакомка, каковы те некоторые люди, коим *Мода* дала нас вместо голов. Прости моя дорогая, не завидуй моей участи, ибо и имя мое доказывает, что оная скоро должна перемениться.

Последняя прическа
En fer de cheval,
или *подкова.*

Месяца французской помады
в 4 день.

ПИСЬМО 33

От женской косынки к старинному крагану

Женские уборы и наряды с самого того времени, когда учинились украшением прелестей и возбуждением желаний, подвергнулись столь частым переменам, сколь многоразличен и непостоянен есть образ мыслей о том, чем более можно прельщать, или что более пристойнее к лицу. Если рассматривать до нынешних времен все Моды, которые единственно для грудей женских были выдумываемы, то увидишь, что все сии перемены произошли от желания прельщать помощию большего и гораздо меньшего открытия или закрытия тела. Сколько раз во Франции и Англии все женщины имели у себя груди открытые! Сколько раз они паки оные то совсем, то несколько закрывали! В начале каждое из сих предприятий имело свои успехи. В начале все восхищались и все хвалили открытые груди. Но вскоре, когда прекрасный пол усмотрел нечувствительность мужчин, тогда паки принужден был прибегнуть к новой хитрости. От неблагодарных смертных красавицы начали понемногу закрывать свои груди. Все также начали сие хвалить и восхищались, подглядывая на те только несколько прикрытые прелести, которые с умыслу были скрываемы. Но ныне и сия Мода по некоторым причинам делается скучною, и сказывают, что во Франции прекрасный пол открыл уже свои груди. Если сие подлинно правда, то подумай, любезная приятельница, может ли быть постоянно счастие косынок? Когда и сюда Мода сия достигнет, то что тогда последует с нами, косынками?.. Мы все от сего трепещем... Несколько голосов петиметров в похвалу французских красавиц... удар свершится, и все груди — увы!— в погибель нам и порадованье вертопрахам совсем обнажатся!... Страшная над нами висит туча, поистине страшная. Жадные глаза волокит давно уже умышляли нашу погибель, и погибель сия точно для нас настала, ибо щеголи над нами не сжалятся.

Женская косынка.

Месяца *пышных косынок*
в 27 день.

ПИСЬМО 38

От Моды к Непостоянству

Хотя я живу здесь инкогнито под именем *Дурачества,* однако ж время от времени и час от часу прихожу я в большее уважение. Слава моя достигла до ушей *здравого смысла,* а власть моя столь усилилась, что я всюду гоню и давлю *истинные дарования.* Известно, думаю, тебе, что я с оными в вечной перебранке. На сих днях получила я от сих *истинных дарований* письмо нижеследующего содержания:

Государыня моя!

Помощию легкомыслия овладевши умом и сердцем слабого и неопытного юношества, мы слышим, что вы вопреки прямой добродетели и чести повсюду распространяете пагубный образ мыслей. При всем том ваши гонения и некоторые ругательства на счет наш, хотя впрочем и мало могут нам вредить, однако ж оные нам неприятны. Мы также за долг почитаем уведомить вас, что, если вы не выберетесь из сей земли и не оставите предприятий ваших, которые относятся к совершенному развращению юношества, следовательно и к низвержению на истинных правах и пользах основанной нашей власти, в таком случае мы непременно донесем *здравому смыслу о* всех ваших шалостях. Впрочем, пребываем с истинным желанием о вашем исправлении.

Истинные дарования

Вот как вздумали было они меня стращать! Однако ж я, право, о таких мелких тварях так мало думаю, как о изношенной шляпе *а ла тарар.* Я здесь властию своею столь укрепилась, что даже и самый *здравый смысл,* по свойственному ему благоразумию, едва захочет вмешаться в толь трудные и запутанные мною дела. Правду сказать, где я, *Мода,* поживу хоть десяток лет, то надобно несколько на то веков, дабы истребить тот образ мыслей, который я внушаю людям. *Глупость* наделать может столько в один год, что и самая мудрость не исправит того в десять. *Легкомыслие* столько портит людей в пять лет, что истины, философия и сатиры на нравы не прежде могут оных переобразовать, как разве через полвека, да и то еще не самых тех, которые попались уже в руки *легкомыслия,* но разве их потомков.

Где *роскошь* поживет десять лет, там чрез сто лет не научишь людей быть умеренными. Словом, где я, *Мода,* побываю хоть год, оттуда *дурачество* и *ветреность* не выживешь и в пятьдесят!

Рассуди же, пожалуй, как эдакие Фалалеи подумали уничтожить нашу с тобою власть?[10] Объятное ли это только для них дело? Ну и мы докажем же им свою дружбу! Пожалуйста, прочти только со вниманием ниже сего написанное мною постановление и повеления щегольскому свету. Из оного ты ясно можешь усмотреть, как я везде и всем старалась наклеить нос *истинным дарованиям.*

Мне крайне нужна твоя помощь, и я тебя сюда с часу на час дожидаюсь. Пожалуй, брось любимые тобою земли и поверь, что ты в том нимало не будешь раскаиваться. Сжалься надо мною и подумай, что значит Мода без Непостоянства? Если ты сюда приедешь, то-то уж мы с тобою заживем! ...Но я боюсь, чтоб не предаться восхищению. Мне весьма хочется, чтоб ты прочел мое постановление и объявил бы о том свои мнения. Прости, прости!.. Еще раз напоминаю, пожалуй, скорее сюда приезжай, чем крайне будет утешена и обязана навсегда тебе верная

Мода

Постановления Моды

1. *Кокетству* повелеваю быть главным над женским полом, а *волокитству* над мужским.

2. Над любовию начальствовать ветрености, легкомыслию и корыстолюбию.

3. Главнейшими достоинствами прекрасного полу да будут: пустомозглость, щегольство, роскошь, городской образ мыслей, ложные понятия, ветреные мысли, презрение истинных дарований, добродетели и трудолюбия. Далее: великое число любовников, позднее вставание, чрезмерное прыгание, ежедневное небытие дома, рассеяние, картежная игра, праздность и пр.

Сообразно сему должны в том же состоять и достоинства щеголей.

4. Под начальством *кокетства* учредить фабрику *подделания красоты искусством,* на коей работать белилы, румяна, фальшивые зубы, перуки, порошки, притирания, лаки, намазки и прочие вещи, принадлежащие

до лепной и штукатурной работы. Фабрику сию завести из тех денег, которые собираются с безобразных и нелепых лиц.

5. Под начальством *роскоши* учредить несколько академий уборов и платьев, из коих продавать модные душевные достоинства.

6. Ноги признавать головою, и сообразно сему уменье прыгать по правилам науки почитать превыше самых душевных достоинств.

7. Прыгунов, шаркунов и плясунов приказываем почитать за людей, имеющих в ногах философию, которая по чудному действию воздуха переделалась в танцевание.

8. Желаем, чтоб женщины и девушки как можно более сидели на одном месте, в твердом уповании, что, учинившись тучными, они точно высидят еще по другому уму для головы своей.

9. Остроконечность башмачных носков почитать остротою разума.

10. Тонкие и уютные ножки в прекрасном шелковом чулочке почитать за тонкость рассудка.

11. Фижмы почитать крыльями, помощию коих можно воспарять к чести, славе и богатству.

В рассуждении же мужчин высокий лиф признавать единственным способом ко всякому возвышению и совершенству.

12. Снуровки поставлять такою формою, в которой тело приемлет вид, означающий все модные достоинства.

13. Склаважи и бусы в случае употребительности оных признавать родом таких цепей, к коим пригвождены все модные достоинства.

14. Косынки почитать драгоценными покрывалами модных *барельеф*.

15. Притирания и румяны признавать за такие краски и налипки, помощию коих можно иметь на ланитах живописную красоту и штукатурные прелести.

16. Модные серьги поставлять за вывеску, означающую, что уши, на коих оные болтаются, принадлежат к модному телу.

17. Прическу волос признавать за совершенный монумент мудрости.

18. Модные чепцы, шляпки, картузы и приборы лент почитать зданиями совершенств.

19. Кафтан, стягивающий мужчин помощию модных пуговиц, признавать одеждою преразумной и модной твари.

20. Косынки с большими бантами признавать истинными вывесками, означающими великость головы, или, лучше сказать, великость и достоинство ног.

21. Мужчинам позволяем мы также румяниться и белиться, ибо нимало не стыдно занять у женщин на один вечер куда-нибудь съездить их нарумяненые щечки, подкрашенные губы, брови и пр.

22. Букль барб в рассуждении мужчин составлять могут род волосяных серег. Оные должны также почитаться за важные флигели к тем зданиям, в коих обитают все модные достоинства.

23. Шляпу с обвостренною высокою тульею мужчины обязаны почитать крышкою всех своих высоких достоинств.

24. Угодно нам, чтоб щеголи почитались не только за схожих на людей обезьян, но даже признавались бы за сотворения, превосходящие подлинных и точных человеков.

25. *Игроков* повелеваем почитать за таких людей, которые честным образом друг друга грабят помощию карт.

26. Соизволяем, дабы *моты* признаваемы были за таких людей, которые честным образом друг друга обкрадывают и разоряют помощию векселей.

27. Повелеваем, дабы *вертопрахи* почитались остроумными глупцами.

28. Приказываем, дабы болтливые и модные врали признавались словоохотливыми мудрецами.

29. Приказываем, дабы *волокиты* почитались добродетельными бездельниками.

30. Рассеянных людей повелеваем признавать за премудрых празднолюбцов.

31. Позволяем богатым или счастливым вертопрахам в одно время быть женатыми на трех, а в разные времена иметь до шести жен.

32. Повелеваем, чтоб супружество было такою торговою вещию, которая бы продавалась по вольной цене.

33. Повелеваем учредить награждение за знание ног и за премудрость тупея.

34. Повелеваем учредить награждения тем, которые

с великим успехом могут *переделываться из людей в обезьяны.*

35. Повелеваем щеголям и франтам как можно искать случаю быть въезжими к таким людям, которые имеют домы в два этажа, а и того паче, если в три и четыре. Таковое возвышение домов возвышает и достоинство петиметров.

36. В случае, если кто кого-либо из щеголей злословить станет вертопрашеством, дерзостию или теми пороками, которые кто точно имеет, повелеваем вооружаться им за сие огнем и железом.

37. Если портные при всех клятвах и уверениях не станут верить в долг петиметрам и мотам, в таком случае самых уже петиметров и щеголей уполномочиваем со спин таковых невеж палками снимать исправные мерки.

38. Для скорейшей траты серебряных кружков повелеваем сколько можно чаще переменять кружки на кафтанах.

39. Повелеваем, чтоб всякой цвет сукна в употреблении находился не более года.

40. Выдавателей и выдумщиков новых мод повелеваем признавать за живые энциклопедии премудрости и наук.

41. Продавцов модных товаров уполномочиваем все согнутые чудною фигурою проволоки и пришитые к ним лоскутки называть не шутовскими именами, но как-нибудь важнее и затейнее.

42. Повелеваем судить о числе достоинств по числу платья, а о числе честных свойств по мотовству и долгам.

43. Повелеваю проживать большое имение в один год или иметь расход вдесятеро более приходу.

44. Повелеваю, чтоб блестящие камушки стоили такой суммы, помощию коей могло бы жить спокойно весь век целое семейство.

45. Повелеваю строить для жилища двух человек и при них несколько людей такие большие здания, в которых бы могло уместиться до 300 и 500 человек.

46. Желая всеусердно, чтоб люди при всяких обстоятельствах разорялись сколько можно более, для сего самого повелеваем всеми силами расточать имение на свадьбы и похороны.

47. Желающим умирать даем полное право притворяться больными, а докторов жалуем привилегиею

здоровых их лечить, здоровых обирать и здоровых людей морить.

48. Предбудущее открывать даем право кофейной гуще и бумажным листкам.

49. Одним только свахам позволяем вступать в оптовый подряд кого-либо женить.

50. Желаем, чтоб прелестницы почитались невинными игрушечками и куколками.

51. Повелеваем награждать актеров за их крик, а актрис за их безмолвную игру.

52. Повелеваем признавать, что все те, которые родились и жили в городе, состоящем под 48 градусом, 50 минутою и 14 секундою географической широты, способны быть во всем истинными наставниками юношества.

53. Желаем, чтоб введено было в употребление говорить о политике, совсем не знавши оной.

54. Желаем, чтоб оды были писаны во вкусе самой тонкой лести и бесприметного подлипательства.

55. Повелеваем, чтоб богатые дураки превосходили разумных бедняков; бездельники приятного вида имели бы вход до самой спальни, а честные, но не весьма лепообразные люди стояли бы в передних или бы не далее входили, как до порогу гостиной.

56. Наконец, повелеваем в *понедельник* съезжаться на положенные дни, во *вторник* на положенную праздность, в *середу* на положенное зеванье, в *четверг* паки на положенные пустяки, в *пятницу* на предупомянутое же зеванье, в *субботу* истрачивать в рядах положенное число денег, а в *воскресенье* съезжаться слушать положенного вздору и предаваться положенным проказам.

Конец.

ПАРОДИЙНЫЕ ПАНЕГИРИКИ, ПРОШЕНИЯ И НАДГРОБНЫЕ РЕЧИ

Д. И. ФОНВИЗИН

ЧЕЛОБИТНАЯ РОССИЙСКОЙ МИНЕРВЕ ОТ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ПО ТИТУЛЕ

Бьют челом российские писатели; а о чем наше прошение, тому следуют пункты:

1

Под владением вашего божественного величества находимся с лишком двадцать лет, в течение коих никаких обид и притеснений от лица вашего нам, именованным, не учинено; напротив же того, всякое одобрение и покровительство от священной особы вашей нам изъявляемо было.

2

Но как ваше божественное величество правите своей землею своим умом, то и не удивительно, что часто предстоит вам труд поправлять своим просвещением людское невежество и своей мудростию людскую глупость. Сею высочайшею милостию пользовались и ныне пользуются все те верноподданные вашего божественного величества, кои достигли до знаменитости, не будучи сами умом и знанием весьма знамениты.

3

Сии самые знаменитые невежды, заемля свет от лучей вашего величества, возмечтали о себе, что сияние дел, вами руководствуемых, происходит якобы от искр их собственной мудрости; ибо, возвышаясь на степени, забыли они совершенно, что умы их суть умы жалованные, а не родовые, и что по статным спискам всегда справиться можно, кто из них и в какой торжественный день пожалован в умные люди.

От сего возмечтания родилось в душах реченных невежд внутреннее удостоверение, что к отправлению дел ни в каких знаниях нужды нет, ибо-де мы сами в делах, без малейшего в них знания. Мы, именованные, приемля сие их признание за справедливое, понеже и в силу закона собственное признание есть наилучшее всех доказательств, дерзаем представить вашему божественному величеству, что помянутые невежды, произносящие с крайним бесстыдством и в похвальбу себе таковое признание, употребляют во зло знаменитость своего положения, к тяжкому предосуждению словесных наук и к нестерпимому притеснению нас, именованных. Они, исповедуя друг другу неведание свое в вещах, которых не ведать стыдно во всяком состоянии, постановили между собою условие: всякое знание, а особливо словесные науки, почитать не иначе как уголовным делом. Вследствие чего учинили они между собою определение, которое в противность высочайших учреждений, нам, именованным, при открытых дверях не прочитали и без всяких обрядов к действительному оного исполнению нагло приступили. Сие беззаконное определение их состоит, как мы стороною узнали, в нижеследующих пунктах: 1. Всех упражняющихся в словесных науках к делам не употреблять. 2. Всех таковых, при делах уже находящихся, от дел отрешать.

И дабы вашего божественного величества указом повелено было сие наше прошение принять и таковое беззаконное и век наш ругающее определение отменить; нас же, яко грамотных людей, повелеть по способностям к делам употреблять, дабы мы, именованные, служа российским музам на досуге, могли главное жизни нашей время посвятить на дело для службы вашего величества.

Великая богиня! просим ваше божественное величество о сем нашем прошении решение учинить. К поданию надлежит в «Собеседник любителей российского слова». Прошение писал российских муз служитель

Иван Нестельцов.

Д. И. ФОНВИЗИН

*ПОУЧЕНИЕ, ГОВОРЕННОЕ В ДУХОВ ДЕНЬ ИЕРЕЕМ ВАСИЛИЕМ В СЕЛЕ П*****[1]

Вчера был праздник троицын день. Вы, духовные дети мои, все были у обедни. Сегодня духов день, и также большой у бога праздник, а собралось сюда вас гораздо меньше вчерашнего. Рассмотрим же, отчего сегодня церковь божия так просторна? Отчего, например, ты, крестьянин Сидор Прокофьев, пришел к обедне, может быть и с умиленным сердцем, но с разбитым рылом? Отчего и ты, выборный Козма Терентьев, стоишь выпуча на святые иконы такие красные и мутные глаза? Да посмотрим и на жену твою Евдокию: отчего она теперь всю обедню продремала? О, духовные мои дети! начиная от старосты Егора Фомина до последнего бобыля Каряги, как вчерашний праздник проводили? Из тысячи душ по последней ревизии едва триста не походили на скотов бесчувственных, и, о горе окаянству вашему! если вы и сегодняшний духов день поработаете не святому духу, но диаволу: ибо работать диаволу в вашем крестьянском быту, есть не что иное, как наливать в себя большим ковшом пиво и сделаться не человеком на тот день, на другой, а может быть, и на неделю. Кто же из вас пустится в скоты на неделю, мудрено ли

---

[1] К господам издателям «Собеседника».

Тому уже несколько лет, как, едучи в мою деревню, заехал я в село П*** в духов день. Случилось мне отслушать тут обедню, после которой священник сказывал крестьянам поучение. Мне оно так понравилось, что я просил проповедника подарить мне с него список. Он отвечал мне, что поучения свои говорит крестьянам всегда, не приуготовляясь; что, по его мнению, к исправлению их всякое витийство бесполезно; что для сего почитает он за нужное одним простонародным, но ясным языком показывать им те бедствия, в которые пороки ввергать их могут. Я просил его, не может ли он вспомнить сегодняшнего поучения и положить его на бумагу. Он тотчас исполнил мою просьбу.

Недавно, разбирая мои бумаги, нашел я нечаянно сие поучение. Вот оно от слова до слова. Если вы об нем одного со мною мнения, то прошу поместить его в вашем «Собеседнике».

тому пуститься и на месяц, а потом отстать от всякого крестьянского дела, не платить подати государю, оброка помещику и, жив прежде зажиточным домом, пустить, наконец, по миру себя с женою и с детьми. Поверьте, дети мои, что главный корень всякого зла в крестьянстве есть вино и пиво. *(Взглянув на одного крестьянина, который взором показал свое неудовольствие)* Вижу, вижу, что у тебя теперь на уме. Ты кивнул головою, думая: «Неужто и в праздник чарки вина выпить нельзя?» Ах, окаянный ты Михейка Фомин! да чарку ли ты вчера выглотил? Если в наши грешные времена еще бывают чудеса, то было вчера, конечно, над тобою, окаянным, весьма знаменитое. Как ты не лопнул, распуча грешную утробу свою по крайней мере полуведром такого пива, какого всякий раб божий, в трезвости живущий, не мог бы, не свалясь с ног, и пяти стаканов выпить? Подумайте, дети мои, куда годится пьяница? Он всегда худой крестьянин; никто из добрых людей на него не полагается. Да как и полагаться? Ты думаешь, что он пашет, а он пьяный спит. Никто из добрых людей ему не верит. Да как и верить? Ты дашь ему деньги поберечь, а он их пропьет. Одним словом: посмотрим на всех тех крестьян, которые обедняли или которые изворовались. Что ж мы найдем? Всякий нищий, наверное, пьяница, потому что добрый крестьянин, кроме гнева божиего, обнищать не может. Всякий вор, конечно, пьяница, потому что добрый крестьянин животы беречь умеет, а пьяница, пропив все, за что принимается? За воровство. Вору какой конец, толковать вам нечего. Итак, послушайте меня, дети и друзья мои, и в сегодняшний великий праздник не прогневляйте бога по-вчерашнему. Я вам не запрещаю вовсе пить вино и пиво. Не в том дело, пил ли ты, да в том, сколько ты пил. Буде столько, что остался человек, в том и вины нет; буде же столько, что с ног долой, то сделал грех пред богом, грех пред всем миром, грех пред собою. Перед богом для того, что он сделал тебя человеком, а ты сам сделался скотиной. Перед миром для того, что буде бы случилась ему на тот час в тебе нужда, ты, бесчувственный, не мог бы исправить мирской нужды. Перед собою для того, что ты, будучи здоров, наводишь на себя болезнь и, будучи жив, лежишь, как мертвый. Но чтоб яснее вам показать, какая разница между добрым и худым крестья-

нином, я далеко ходить не стану. Возьмем в пример двух крестьян: Якова Алексеева и Якова Лысова, которые оба стоят перед вами. Лысой с ребячества своего был, как я от стариков слышал, превеликий ленивец. Его женили в надежде, авось-либо поправится. Не тут-то было: он стал пить, помещика гневить, жену свою бить; дети их, смотря на отца, выросли сорванцами. Иной спился, иной стал красть, и словом: у Лысова было много детей, но ни один не призрил его старости. Видно, бог так рассудил, что дурной крестьянин не достоин иметь детей хороших, отнял благодать от дому его и, наконец,— как мы его теперь видим? Посмотрите на него, дети мои! Вон он стоит у дверей с ковшичком, просит милостыни. А тот же бы Лысой, если б не изжил века своего в лености и пьянстве, мог бы сам накормить убогого. Напротив же того, посмотрим теперь на доброго крестьянина. О, мой возлюбленный старик и сын духовный Яков Алексеев! Перед всем миром скажу тебе в очи, что добродетельная жизнь твоя угодна господу богу. Ты вошел во храм божий, окруженный тридцатью пятью человеками своих сынов, внучат и правнучат; ты стоишь теперь перед алтарем господним, поддерживаемый двумя сынами, возвратившимися на сих днях на свою родину после двадцатипятилетней воинской службы. Ты видишь на одном из них две, на другом три медали. Ты знаешь, что это знаки верной их службы, что проливали они охотно кровь свою за церковь божию, за своих великих государей, за свой народ российский. Как душе твоей не веселиться! Посмотри и на прочих сынов своих и на сыны сынов своих; всякий из них есть, или всеконечно будет, добрый крестьянин, потому что все они тебя примером взяли. Как ты работал в силах своих, так они теперь работают; как ты с соседьми жил мирно, так и они живут; как ты платил, так и они платят подати и оброк бездоимочно; как ты от роду своего не терпел пьянства, так и их никто не видал в безобразии. Все жены их — жены добрые, работающие, утешающие старость твою согласным и дружеским житьем с мужьями своими. О, семья благодатная! *(Здесь старик заплакал от душевного веселия, и весь народ прослезился. Сам священник, подняв на небо руки, сквозь радостных слез едва продолжать мог.)* О, боже и господи! зри слезы радостного умиления. Се жертва, достойная тебя!

Продли милость свою к сим добрым людям, да видят прочие, колико благ ты к тем, кои в простоте души своей исполняют твоя заповеди, и да взирая на сие, исправятся окамененные сердца всех тех нечестивцев, всех тех грешников, кои подобны Якову Лысому. Аминь.

Н. И. СТРАХОВ

ПЛАЧ МОДЫ ОБ ИЗГНАНИИ МОДНЫХ И ДОРОГИХ ТОВАРОВ, ПИСАННЫЙ СОЧИНИТЕЛЕМ ПЕРЕПИСКИ МОД

Уже исчезает в сердцах слепое повиновение власти моей; исчезает могущество игрушек и мелочей, которые в руке моей управляли миром; уже безделки не чтутся совершенствами достоинств, а разорение и глупость не ставятся великостию мотов и славою вертопрахов! Для глаз глупцов приманчивая наружность, для пустых голов милые приятности, для развратных сердец восхитительные предметы уже попраны и изгнаны. Здравый смысл, разруша владычество мое, разрушил и замыслы мои к пагубе рассудка, совести и денег. Рыдай, возлюбленное щегольство и ветреность! Стонай со мною, дурачество и роскошь!

О, праведное заблуждение! прилично ли пылиться иною какою пылью кроме пыли французской? Увы! отныне французское пудро не будет тучами летать в уборной, а благовоние жервеевой помады[1] не услышит отныне ни один щеголь и щеголиха. Подлое пудрицо и помащишка посрамят на веки кудри большого света, и вскоре под бременем сей пыли и мази самая модная голова заразится постоянством и рассудительностью! Да восплачут со мною все щеголи и щеголихи, которым для доказательства ума и достоинств прежде стоило только качнуть благоуханною головою и тряхнуть душистыми кудрями!

Кружевные манжеты, всем могуществом моим защищаемые, и вы среди славы своей навеки посрамлены!

Доныне рука богатого щеголя без вас никуда не могла являться, а страстный любовник и искательный жених почасту подымали их вверх, дабы обращать взоры милых своих на драгоценные и преузорочные нити. Поседелая красавица почитала вас лучшим подарком для угождающего ей волокиты; нити и сеточки ваши творили цепи правоте и уловляли невинность. Увы, и преславные кружева подвергнулись общему с вами изгнанию!

Позднее потомство да содрогнется о изгнании накладок для дамских платьев! Помощию мудрого изобретения оных являлись новые красы и достоинства по краям платья и на подоле. Приятная их непрочность и похвальная дороговизна безделиц со вкусом приметным образом отличали ветрениц и мотовок от рассудительных и умеренных женщин. Увы! чем ныне отличаться будут полные котелки от пустых и пустые головы от набитых умом? Исчезла надежда разоряться и убыточиться! Большой свет не может делать больших издержек и больших глупостей!

Чей стон еще мне слышится? Увы! рыдают линобатист, флёр, марль, креп, дымка и тарлатан.[2] Тленные драгоценности, что может мне заменить потерю вашу? Целыми веками приобретенное искусство в шитье и уборах вами восприяло совершенство свое и славу. Во мраке невежества гибнувший в селах женской пол во множестве из хижин переселялся в господские девичьи. Крестьянка, долженствовавшая вступить в брак, предопределяемая вечно держать в руке серп и дойник, со славою старелась в девстве за пяльцами и тамбурной иглою, приобретала бессмертие. Оскудение полей награждалось полями, изображенными на тленных драгоценностях; не размножалось подлое отродье сельских жителей; род человеческий извлекаем был из гнусной простоты и невинности. О! вы, преухищренные французские продавицы! Навсегда низвергнуты уже памятники премудрости вашей в дурачествах; навсегда разрушилось бессмертие ваше, свидетельствуемое славными изобретениями разновидных мелочей и безделок!

Прекрасные серьги, перстни и кольца с эмалью приемлют уже от щеголих последнее целование. Бусы исчезают со света и вееры с изображением приятных дурачеств навеки изгоняются. Болтание серьгами отныне не будет придавать ветреным головам пленяющей

красивости. Отныне милой девице и страстно любимой невесте ни один щеголь не может подарить на мизинец ни Gage d'amour*, ни Gage d'amitié**. Нежной белизны рука не поправит на шее голубых бус, а картинки на французских спичках не станут прохлаждать лица!

Жилеты, кафтаны шитые и полосатые казимиры не будут уже придавать собою пестроту достоинствам. Пуговица, округленная за морем, не будет видна на поле щегольского кафтана. Пряжки, на волос покрытые серебром, уймутся местничаться с настоящими. Башмаки и сапоги, преплывшие моря, не видны будут на ногах; выписная шляпа не покроет головы, а привозные трости и хлысты навеки исхитятся из рук щеголей. Умолкнут брелоки, и часы с эмалью не покажут время! Прострется всюду умеренность, расточение померкнет, и щегольской свет погибнет!

На детские резвости, игрушки и куклы отныне не потратят родители половины своих доходов. Отныне взрослые не будут дорого давать за то, чтоб было во что положить перышко для ковырянья в зубах. Охотницы до обмороков из дешевых фляжек будут нюхать спирт. Увы! и сор для нюханья не станут уже хранить под эмалью и разноцветным золотом!

Прости навеки, шампанское, единое пьянство, позволенное богатым шалунам! На пирах и за столом не будешь уже ты плескаться вверх и кипеть в бокалах! Да восплачутся винолюбивые вертопрахи и вместе с ними все те, которые любили напиваться дорогими винами и вскружать себе голову парами заморских настоек!

Увы! умеренность всюду водворяется! Стены без французских обоев и простой фонарь для освещения гостиной отныне всюду представлять будут противную глазам дешевизну! Щеголиха не будет убираться на выписном табуре, а щеголь вертеться на заморских креслах и канапе. Во всех подъездах слышно будет хлопанье простыми бичами; иностранное колесо не будет биться об мостовую, а выписная рессора гнуться под легкими щеголями и щеголихами!

Плачьте и стонайте, злополучные изгнанники! Ветреностию утвержденное, дурачеством обороняемое и

---

* Залог любви (*франц.*).
** Залог дружбы (*франц.*).

роскошию вознесенное владычество мое поколебалось и пало. Увы! что есть плачевное существо мое и непостоянная слава моя? Производить прелестное, отметать оное для нового, новое делать старым, в один день быть славимой и хулимой, одним днем умирать и оживляться: се тщета и ничтожество моей великости, основанной на удовольствии и скуке, на прилеплении и непостоянстве.

О! вы, ветром наполненные головы щеголей, и вы, непостоянством биющиеся сердца щеголих! гнусная рассудительность способна ли ежедневно угождать вашим вкусам и прихотям; ежедневно переменять ваши украшения и достоинства? Ежедневно решала я, что должно почитать хорошим или худым, умным или глупым, старым или новым. Гонимо мною было продолжительное единообразие, постоянное употребление вещей и гнусная их дешевизна. Утро начинало славу вашу одним убором; к полдню другое выдуманное довершало вашу великость; к вечеру третье изобретенное умножало вашу красоту. Кораблями отягощенные моря, столицы, наполненные продавцами, дома, населенные художниками и художницами, возвещали мою заботливость о переменах и новостях. Апрельский ветер ежегодно придувал к петербургским берегам плывучие магазины с модными товарами; майский мчал их обратно с здешними сокровищами и в оборот с новыми безделками; в августе успевали приплывать оные за новыми деньгами. Так текли счастливые дни моего владычества; а ныне скоро единообразность и умеренность наложит цепи на вкус, щегольство, подражательность и дурачество!

Внемлите стону моему, возлюбленные мною подражательность и расточение! Подкрепите могуществом вашим обессиленную от горести владычицу свою. Вопреки рассудку и умеренности произведите тленность и новости, достойные ума и кошелька щегольского света. Отмстите за французское пудро и помаду французскою гребенкою и драньем рукою француза. Внушая расточителям охоту выдумывать на месте дурачества, коим подобные доныне изобретались за морем, отмстите тем за изгнание выписных изобретений. Отмстите за лино-батист, за тарлатан и достойных их сотоварищей изобретением новейшей тленности. Замените магазины мод девичьими и соделайте оные училищами нового расточения. Отродье кружев

и кружевных манжет, потомство разного рода французского шитья, да возродятся под перстами, коим повинуются коклюшки, филейная и тамбурная нить. Умоляю праздных красавиц и щеголих держать при себе премножество вечных тружениц для шитья и поделки юбок, жилетов, накладок, платков, чепцов, шляп, шарлот, тюрбанов, манжет, кошельков и книжек. Умоляю расточителей и вертопрахов не оставлять похвального рвения разоряться и дурачиться. Всех выдумщиков и выдумщиц заклинаю вспомоществовать и покровительствовать оставшимся здесь исчадиям моим. Преславным изобретательницам новостей, преухищренным французским продавицам модных товаров даю и подтверждаю право производить новые моды; всюду истреблять продолжительную единообразность, не терпеть постоянного употребления вещей, а более, гнусной прочности и дешевизны оных!

Спешите расточители и мотовки закупкою остальных товаров запастись на долгое время потомством изгоняемых мелочей и дурачеств. Явите себя в последний раз покровителями разорительного щегольства. Раскупайте все у продавцов по двойной и тройной цене; да не восстонут они с оставшимися на руках их товарами! На русском аршине да свистит непрестанно французская тафта, и всею силою да вытягиваются на оном лино-батист и тарлатан. Сомнутые не здешними руками шарлоты, тюрбаны, чепцы, наколки, диадемы, бандо-д'амур,[3] накладки, гирлянды, косынки и рукавки всемогуществом денег да освободятся от заточения и изгнания. Да удостоятся гостеприимства карманов и комод дорогие галантерейные безделки. При последнем издыхании своем злополучные мелочи из магазинов и лавок простирают к щегольскому свету умиленный глас: будьте милостивы и жалостливы до нас бедных, к заточению и изгнанию осужденных дурачеств!

И. А. КРЫЛОВ

РЕЧЬ, ГОВОРЕННАЯ ПОВЕСОЮ В СОБРАНИИ ДУРАКОВ

Милостивые государи!

Когда, простой памяти, предки наши оставили нам в наследство приятную способность делить время с лошадьми и собаками, воображали ли они, что сие дарование, которое одно мешало им зевать во всю их жизнь, не зажимая рта, будет осмеяно некоторыми беспокойными головами, и что их прилипчивая система жить, поджав руки, или, если позволят мне употребить такое смелое изображение, система их жить, поджав умы, найдет дерзких сатириков, которые осмелятся доказывать наперекор модному рассудку, что человеку большого света нужно иметь разум не для злословия, вкус не для кафтана и сердце не для волокитства; но, государи мои! к стыду нашего века это делается, и когда ж? Тогда, как просвещение взошло у нас на вышнюю степень; когда почувствовали мы, что природа, сотворяя человека, не могла избежать некоторых погрешностей; когда, желая заменить ее недостатки, обрезали мы стан его целою четвертью, привязали к нему под шею жабот, причесали голову его анкрошет[1]; словом, показали, каков бы он должен быть создан, если бы из рук природы вышел по совету премудрых французов. Но приступим подробнее к истории нашего модного просвещения, дабы тем яснее доказать грубость сатиры и возбудить в сердцах ваших благородную ревность переломать сатирикам руки и ноги.

Мода уже давно со справедливою завистию видела, что науки обращали к себе внимание наших одноземцев и угрожали изо всего государства сделать одну академию. Сожалея о погибающем человечестве и более всего сожалея о бедных женщинах, которые бы должны были зазеваться до смерти подле своих мужей или любовников, слушая ученые их рассуждения, она принуждена была войти к нам украдкою и ввести сюда своих

первых рачителей — французов, которые, делая нам честь, для нас оставляли в своем отечестве достоинство французских водоносов и разносчиков, чтобы образовать наши нравы и обычаи. Они-то из медведей сделали нас людьми; они-то показали нам необходимость переменять в год по пятидесяти кафтанов; открыли нам ключ, что удачнее можно искать счастья с помощию портного, парикмахера и каретника, нежели с помощию профессора философии; они-то, наконец, научa нас танцевать, открыли нам нужную для светского человека тайну, что ученые ноги в большом свете полезнее ученой головы.

Не подумайте, милостивые государи, что пристрастие управляет моим языком; нет, без самолюбия скажу, что я в сем случае философ и все нации люблю, выключая моего отечества; итак, говоря о просвещении, нельзя умолчать мне об англичанах. Им-то обязаны мы искусством изъясняться с аглинскими лошадьми и превращать грубых наших крестьян в стальные пуговицы и пряжки; их-то скромный кафтан и французская ветреность составляют нечто неподражаемое из наших модных господчиков, которые одни имеют великое дарование соединять в себе благородную ветреность французских парикмахеров и философскую важность аглинских конюхов.

С каким ужасом, государи мои, воспоминаю я то время, когда у нас молодой человек при первом слове был виден, как далек он в невежестве: должно было или учиться, или опасаться посмеяния и самого презрения. Должно было проводить время в кабинете вместо того, чтобы с удовольствием убивать его в кофейных домах; должно было читать книги полезные... Но, любезные слушатели! я примечаю, что от одного напоминовения о таком варварском времени вы зеваете, и многие чувствительнейшие из вас патриоты зазевались бы до слез, если бы продолжал я такое жалкое описание, но оставим его. Сие время уже прошло; ныне молодой человек, желающий слыть ученым, не имеет большой нужды в грамоте; за недостатком своего ума можно иметь у себя на полках тысячи чужих умов, переплетенных в сафьян и в золотом обрезе, а этого уже и довольно, чтобы перещеголять своею славою лучшего академика.

Но чем не обязаны мы счастливому нашему просвещению! Если б вздумал я описывать все в нем выгоды, то бы речь моя была длиннее всех предисловий Т... вместе; она бы показалась пространнее комедии *Мнимого Детуша,*[2] которая в своем пространстве столько неизмерима, что в ней ученый свет не находит ни начала, ни конца; она бы показалась протяжнее романа *Антирихардсона,*[3] которого долготерпеливейшие читатели не дочитывались до половины.

Но мне ли, государи мои, с слабыми моими силами, прилично говорить о пользах мо́дного просвещения: сия материя так неисчерпаема, как древние авторы, которые под рукою молодых наших писателей перерождаются, как Протей,[4] в тысячи разных видов, один одного хуже. Довольно и того, когда доказал я, что модное просвещение взошло у нас на вышнюю степень; и в подтверждение этого стоит только вам взглянуть друг на друга, чтобы видеть истину моих доказательств и почувствовать выгоду вашего состояния, приманчивого для человека, которое одно только можно поддержать, не имея ни ума, ни сердца.

Были дерзкие писатели, которые утверждали, что петиметры ниже человека, и полагали их в число животных. Безумные, они не приметили, что таким заключением делали нашу славу. Так, государи мои! согласимся, что петиметр не человек; но если он скот, то, конечно, умнее всякой скотины, не выключая и самой обезьяны. Итак, не лучше ли быть первым между скотами, нежели последним между людьми; а сие-то лестное первенство получили мы в нынешний век; и оно-то посеяло яд зависти в беспокойных сердцах и вооружило на нас сатиру или, лучше сказать, пасквиль, покушающийся сделать жалким щеголя в большом свете, где играет он первое забавное лицо. Сей пасквиль желает разрушить наши труды, тогда как мы в разборчивости платья и в щегольстве превосходим самих женщин; дерзкий сей пасквиль, кажется, осмеливается отнимать наше первенство и доказывает, что будто из человеческой головы можно сделать лучшее употребление, нежели то, чтобы давать ее французу всчесывать анкрошет, и будто голова не для того нам дана, чтобы носить на ней аглинскую шляпку.

Вот, государи мои, причина, для которой собралось

теперь наше почтенное общество. Надобно подавить в самом начале дерзость; надобно доказать нашим противникам, что без хорошего парикмахера и портного нельзя ни заслужить уважения публики, ни подружиться со счастьем; что истинное достоинство состоит только в том, чтобы уметь одеваться по погоде и подделывать свой тупей под крымские овчинки так же искусно, как французы подделывают медь под золото.

Почему ж, возразят мне, может быть, некоторые, вооружаетесь вы на сатиру за то, что она нападает на порок, не указывая ни на чье лицо?.. Будто рассказывать дурачества разных особ не есть то же, что выставлять их лица на осмеяние. Так, государи мои, не выставлены наши имена, но дела наши обнаружены.

Когда описываю я сочинителя, который своими романами перебивает у аптекарей торг сонными порошками и который отважно передразнивает славного сочинителя *Клариссы* или *Новой Элоизы,*[5] нужно ли тогда долго задумываться, чтобы в неутомимом этом дразнильщике угадать неустрашимого Антирихардсона? Члена, который делает собою украшение нашему обществу, стремится подражать авторам, не читая их, и который всегда выигрывает у своего подлинника большинство томами,— нужно ли долго отыскивать его имя? Конечно, нет; и он имеет неоспоримое право назвать на себя личностью всякую сатиру, где осмеивается усыпляющий автор, хотя бы такое описание было сделано и за сто лет до его рождения. Не имеет ли право вступиться за себя сиятельный Юла, как скоро описывают щеголя, который, как состарившаяся в невестах девушка, проводит перед туалетом две трети своего века, старается всем понравиться и думает, что о красоте его твердит весь город, между тем как едва примечают, что он двигается в большом свете? И много ли надобно трудов Одохвату на то, чтоб доказать оскорбление стихотворной своей особы там, где ругаются оды без стихотворства, стихи без остроты и без смысла и когда упоминается стихотворец, который похвалами своими мучит героев более, нежели Боало мучил своими сатирами Прадона и Котина;[6] где говорится про оды, в которых не только красот, но и смысла все академии вместе в триста лет не отыщут,— трудно ли, говорю я, Одохвату доказать, что тут разругана его особа? Нет, государи мои! Стоит

только ему вынуть первую свою оду, и самый скромный читатель согласится, что сатира метила на него.

Взгляните на описание Тарантула,[7] который разжился женою, поставя себе прекрасным правилом, что нет вреднее двух случаев: если у купца деньги, а у него жена назаперти, и который хочет переломать руки и ноги сочинителю за то, что тот издал описание его по-русски, которое покойник Лесаж еще до рождения его написал прекрасно по-французски.[8] Кто не узнает в нем нашего милого Тарантула; кто, имеющий сердце и палку, не вооружится за его особу, как скоро увидит сочинителя, осмеивающего золотые рога. Если вам надобно подтверждение, что это сатира на него, то сам Тарантул выставит до двадцати доказательств, что, не обижая его, нельзя бранить рогатых, хотя и он еще не все доказательства знает; что ж, если вступится в это дело его жена? Какой бездны доказательств тогда ожидать мы должны! О, тогда-то, если только приговорят в наказание пасквилянту рвать у него по волоску за всякое доказательство Тарантуловой жены, то в два месяца останется у него менее волос, нежели у усерднейшего мусульманина.

Итак, не ясно ли видны ваши имена, когда дела ваши выставлены? И не достойно ли такое ругательство явного мщения? Вооружимся же, государи мои, и поищем способов унизить дерзких сатириков. Отмстим и докажем, что если мы не в силах отбраниваться пером, то кулаки, палки и брани словесные суть такие в наших руках орудия, которыми можем мы прогнать армию Цицеронов.[9]

При слове мщения нельзя не обратить мне моей речи к любезному нашему Тарантулу и не отдать справедливости, что он под французским кафтаном носит итальянское сердце и ни на чем не остановится, лишь бы отмстить тому, кто ему не мил. Он в состоянии сатирика своего вызвать на аглинский бой головами и не задумается прибавить сучка четыре к своим рогам только для того, чтобы раскроить ему череп надвое. Вот пример, которому если мы будем рачительно последовать, то или наши неприятели смирятся, или нас принудят смириться... Станем подражать Тарантулу, и пусть похвала, которую я к нему обращу, послужит нам поощрением, а ему наградою.

Он не подражал некоторым слабым душам, которые, увидя в сатире свое лицо, или стараются исправить свои слабости, или возвышают пирамиды печатной бумаги и пишут сатиру на сатиру. Нет, едва ощупью по рогам узнал он свой портрет, как дал клятву сломить голову сатирику, его типографщику и даже мастеровому, у которого покупает он чернило; и если б страх кончить свою историю в смирительном доме не удержал его, то бы доказал он, что и маленькое тело может сделать великое зло. Со всем тем это не привело его в отчаяние: он стал рассевать, как Бомаршев Базиль, зловредные на сатиру толки,[10] и там, где говорят о пуговицах, он доказывает, что обижается чье-нибудь лицо; там, где бранят пьянство, он силится доказать, что оскорбляют честь; а там, где осмеивают податливого мужа, торгующего рогами, он силится уверить, что оскорбляют добродетель и человечество; словом, сидя в своей конуре, выдумывает он всевозможные кривые толки и ищет поссорить сатиру со всеми честными людьми, когда она ссорится с одними пороками. Он не смеет явно выдавать таких толков, но, как скромный автор, не ставит имя у своих творений, и читатель, задремав над его стихами, уже проснувшись, угадывает, что это должен быть Мнимый Детуш; подобно и Тарантул наш по делам своим заставляет угадывать свою особу. Так точно рассерженный клоп, едва приметный в океане веществ, забивается в маленькую скважину, пускает вонь на своего неприятеля, которого телом он питается, и имеет дарование беспокоить нос, не опасаясь быть увидим. Он знает, что его не иначе льзя отыскать, как носом; и хотя всякий нос может до него довести, но что и самый терпеливый нос в две минуты отступится от таких мучительных поисков и оставит ему поле сражения.

Вот, государи мои, пример, которому должны мы последовать, если хотим избавиться от ига сатиры. Дадим же себе слово переломать сильною рукою перья наших неприятелей, и если уже воображение наше слабо сравнится в выдумках с воображением маленького Тарантула, то будем хотя пользоваться его советами, которыми он в своем роде перещеголяет Генлея.[11]

Итак, вы, почтенные собратия, которые ощупаете себя в сатире, не будьте так слабы, чтобы признавать свои

погрешности и стараться их поправить. Но, подражая Тарантулу, старайтесь мстить сатирикам. Нет, ничего, хотя бы автор и не думал о вас: уже он ваш открытый неприятель, когда бранит дурачества, и вы получаете право злословить его особу, намерения и побить самого его, если вам удастся. Одним словом, я признаю, что тот не член нашего общества, кто не палкою станет оправдываться и не кулаками доказывать истину; а тот будет нашим украшением, кто ко всему этому прибавит злословие и вредные толки на сатирика. Может быть, не станут нас слушать, но зато какая слава и удовольствие для нас, если выиграем мы поле сражения! Тогда-то мы будем дурачиться, как хотим, и если уже станут хохотать над нами наши современники, то по крайней мере не будем мы воздержаны страхом, чтоб над нами смеялись позднейшие наши потомки... Тогда-то... но восторг меня объемлет и понуждает хотя кратко изобразить то золотое время. Последую движению моего духа и сим изображением, как самым приятным для вас местом, кончу мою речь.

Тогда-то, говорю я, кокетка будет спокойно щеголять белыми своими зубами и длинными волосами, не опасаясь, чтобы напечатано было, что зубы ее искусно сделаны из слоновой кости, а волосы проданы ей молодым щеголем, которого тетка, расточа все свое имение, оставила ему в наследство одни только свои прекрасные волосы.

Тогда-то, щеголь, не находя о себе ни строки, будет иметь удовольствие мотать до тех пор, пока не заставят его в магистратской тюрьме сличить приход с расходом; тогда-то расчетистый Тарантул, который любит свою жену, как рыбак свою удочку, не будет опасаться, чтоб беспокойный сатирик иссчитывал сучки его рогов и предостерегал бы молодых людей от западни, которая старается ловить сердца, чтобы очистить имение. Тогда-то романы прилежного Антирихардсона будут спокойно лежать на полке, не опасаясь, чтобы кто-нибудь их бранил, выключая малого числа неблагодарных читателей, которые, несмотря на то, что автору своему бывают часто обязаны хорошим сном, имеют безбожную привычку, проснувшись, бранить его первого. Тогда-то, наконец, всякий из нас будет смело дурачиться, не опасаясь, чтоб дурачеству, которое сделал он в Петербурге,

стали смеяться даже в московских книжных лавках. Одним словом, мы тогда, читая древних авторов, будем иметь удовольствие смеяться их дуракам и иметь перед ними то преимущество, что нам наши потомки смеяться не станут и не будут нашими именами бранить своих дураков.

И. А. КРЫЛОВ

МЫСЛИ ФИЛОСОФА ПО МОДЕ, ИЛИ СПОСОБ КАЗАТЬСЯ РАЗУМНЫМ, НЕ ИМЕЯ НИ КАПЛИ РАЗУМА

Любезные собратия!— так начинает мой философ,— уважая вашу благородную ревность казаться разумными в большом свете и в то же время сохранять наследственное прилепление к невежеству, предпринял я быть вам полезным и преподать способ, лестный для нынешнего воспитания, способ завидный — *казаться разумным, не имея ни капли разума.*

Намерение такое удивит угрюмых читателей и философов; может быть, и вы сами почтете его странным, уважая старинную пословицу: Ученье — свет, а неученье — тьма. Но кто учен, друзья мои? И когда сам Сократ[1] сказал, что он ничего не знает, то не лучше ли спокойно пользоваться нам наследственным правом на это признание, нежели доставать его с такими хлопотами, каких стоило оно покойнику афинскому мудрецу; а когда уже быть разумным невозможно, то должно прибегнуть к утешительному способу — казаться разумным. Поставим себе в пример женщин, станем учиться у них: у них нет науки быть пригожею, но пригожею казаться — вот одно искусство, над которым многие лет по семидесяти трудятся, и часто с успехом.

Науки ныне в таком же малом уважении, как здоровье; быть дородною, иметь природный румянец на щеках пристойно одной крестьянке, но благородная женщина должна стараться убегать такого недостатка: сухощавость, бледность, томность — вот ее достоинства. В нынешнем просвещенном веке вкус во всем доходит

до совершенства, и женщина большого света сравнена с голландским сыром, который тогда только хорош, когда он попорчен... То же можно заключить и о нашей учености: прямая ученость прилична низким людям. Учение, к удовольствию модных господчиков, уравнено с другими ремеслами, и здесь Невтон и Эйлер, конечно, менее уважены, нежели Брейтегам и Гек[2]; но искусство притворяться учеными — вот одно достоинство, приличное благородному человеку и которое делает его милым в глазах общества; самые женщины, открытые неприятельницы книг, любят слушать его рассуждения, для того что оные не унижают их самолюбия. Женщине очень приятно видеть, когда мужчина лет под сорок рассуждает так забавно, как пятнадцатилетняя девушка, и такою прекрасною уловкою скрадывает у себя лет двадцать. Скажите мне, друзья мои, не первая ли должность мужчины нравиться женщине? Но что же для ее разборчивого и расчетистого вкуса может быть приятнее молодого мужчины с разметанным разумом, который бы, не утверждаясь ни на чем, старался о всем говорить, который бы своими рассуждениями о важных делах был так же забавен и основателен, как маленькая девушка за куклами?

И не ужасно ли, когда молодой благородный человек вздумает от чистого сердца прилепиться к наукам и представлять особу столетнего старика? Один вид такого невежи жить в большом свете заставит зевать самую учтивую женщину. Но вы, друзья мои, не должны опасаться, чтоб к вам относилась эта укоризна: обожая моду, вы не выступаете из ее правил; вы с искусством убегаете наук и с похвальным усердием храните, как талисман щеголих, наследственное невежество; вы не знаете, что такое есть мыслить, и можете служить первым доказательством, что человеку большого света не нужно иметь ни сердца, ни ума и что тот уже довольно одарен от природы, кто имеет проворный язык и может, не уставая, говорить по десяти часов сряду. Вы, наконец, столь искусно умеете играть лицо маленьких ребяток, что из вас стариков по одним седым волосам узнать можно; вы часто умираете прежде, нежели догадываетесь, что вы живете и зачем вы на свет родились.

Пусть смеются над вами; пусть пишут на вас сатиры,

сказки, песни, эпиграммы: вы все это сносите с стоическим терпением или, лучше сказать, вы ничего этого не видите и доказываете только тем, что ваши сатирики, желая вас переменить, оставляют вам поле сражения... Так точно старый осел, привыкший к понуканиям и к брани своего хозяина, с терпением слушает его восклицания и ругательства... зная, что это один пустой звук, и продолжает свой путь по-прежнему, тихим шагом, оставляя хозяина в надежде, что он когда-нибудь его уговорит. Вот пример, которому вы последуете, и справедливо делаете, друзья мои! Оставьте сатириков кричать и будьте уверены, что, нападая на вас, не вашей пользы, но своей славы они ищут, и вы только служите им богатым оселком, около которого острят они свой разум. Не думает ли свет, чтобы Боало перестал браниться, когда бы Прадон и Котин его исправились?[3] Поверьте, что нет; он бы сыскал кого-нибудь еще глупее для своих насмешек. Сказать ли вам более: перестаньте только дурачиться, вздумайте быть рассудительны, если только это можно,— и сатирики первые огорчатся такое переменою. Вы у них отнимете любимую их пищу, и многие из них помрут с отчаяния, что глупее, смешнее и забавнее вас никого побранить не сыщут. Но посудим философски: достойны ли вы даже и насмешек их и во многом ли они перед вами преимущество имеют?

Говорят строгие нравоучители, что первая и труднейшая должность человека есть победить свои страсти. Но вы, вы не имеете страстей, которые бы были для вас опасны, или, лучше сказать, вы совсем бесстрастны и поступаете так же равнодушно, как прекрасные куклы, показываемые в народных игрищах, и которые приписывают вам волю и страсти, так же обманываются, как мужики, которые, увидя разные движения кукол, думают, что оные делают все кривлянья по своему хотению. Поутру, едва проснетесь, комнатные служители обертывают вас и подымают с постели, после того волосочес вертит вашею головою, потом возят вас по городу, сажают за стол и к вечеру опять укладывают в постелю. Доказывает ли все это, чтобы в вас были хотя малые порывы страстей?

Тогда как важных ваших противников занимают желания, которые почти выше человека; когда они ищут

таинства природы, стараются даже проникнуть в связи миров; когда измеривают, сколько далеко отселе до солнца, как будто бы желая вычислить, как дорог им станет туда проезд; когда занимаются топографиею луны; когда они устремляются еще в важнейшие рассуждения и силятся продолжать далее свой путь, несмотря на то, что перед ними открыта его бесконечность,— вы тогда спокойно занимаетесь игрушками; вас утешают зайчики, кареты, собаки, кафтаны, женщины, нередко случаются у вас и драки; но и дети ведь дерутся за свои безделки: ваши ссоры не важнее их, и потому-то вы не более их виноваты.

Вы не занимаетесь тем, далеко ли отселе до Сириуса, и довольны, если кучер ваш знает, близко ли от вас первый хороший трактир или клоб; вы не думаете, солнце или земля скорее вертится,— довольно для вас и того труда, что вы вертитесь с ними вместе, и это важнейшая работа, которая в жизни вас занимает...

Но, завлеченный восторгом вас хвалить, любезные собратия, я не примечаю, сколь много отдалился я от моего виду, и позабываю, что обширностью моего письма я подвергаю себя опасности не быть никогда вами прочтенным. Приступим же поскорее к самому делу.

Теперь уже ясно, сколь велики ваши выгоды, которых первая важность состоит в том, чтоб блистать остроумием. Щеголь, который не умеет притворяться разумным, не может играть блистательного лица в большом свете, а к сему-то и нужны некоторые правила, приведенные в порядок... Вот предмет моего труда! Я посвящаю его вам, друзья мои, и буду доволен, если один из тех французов, которые готовят вас в свет и учат трудной науке ничего не думать,— если один из тех французов, говорю я, прочтя мои правила, скажет, что они согласны с образцом, по коему он воспитывал благородное наше юношество.

1

С самого начала, как станешь себя помнить, затверди, что ты благородный человек, что ты дворянин и, следственно, что ты родился только поедать тот хлеб, который посеют твои крестьяне; словом, вообрази, что ты счастливый трутень, у коего не обгрызают крыльев, и что деды твои только для того думали, чтобы доставить твоей голове право ничего не думать.

2

Приуготовя себя таким прекрасным началом, из коего следуют все другие правила, делающие блестящим человека в большом свете, должен ты отвергнуть некоторые предрассуждения, мешающие иногда блистать остроумием молодому человеку, и для того привыкай заранее шутить над тем, что для предков наших было священно: ничто так не блистательно, как молодой человек, когда он шутит над важными вещами, не понимая их; при всей мелкости своего ума, он тогда так мил, как болонская собачка, которая бросается на драгунского рослого капитана и хочет его разорвать, между тем как он равнодушно курит трубку, не занимаясь ее гневом. Как мила и забавна смелость этой собачонки, так точно забавна смелость вашего ума, когда огрызается он на вещи, перед коими он менее, нежели болонская собачка перед драгунским капитаном.

3

Должно быть забавным в обществе, уметь убивать время и делить его весело, а к сему нужна только одна наука — играть в карты: она заменяет в большом свете все другие науки. Бойся не играть в карты: ничего нет глупее молодого человека, который, не зная карт, лишен способа кстати проиграть деньги барину или его любовнице... Карты суть душа наших собраний: без них четыре человека, съехавшись по несчастию вместе, не знали бы, что делать; и справедливо должно сомневаться, бывали ли, полно, до выдумки карт какие-нибудь собрания.

Французские учители многие очень хорошо делают, что питомцев своих учат играть в карты, и я бы не советовал родителям принимать для своих детей никакого учителя, если он не знает игор, которые в употреблении; молодой достаточный человек, вступая в свет, может спокойно забыть свои науки. Имея деньги и дядюшек, он уже имеет право на невежество и на счастье, но карты ему необходимы: без них он в лучших домах будет мертвецом, и на него станут указывать пальцами, как на выходца с того свету!.. «Вообразите,— скажут женщины,— он невежа до такой степени, что не может сделать партию в вист!»

4

Будь насмешлив, сколь можно: молодой человек, умеющий осмеять и подшутить, ищется, как клад, в лучшие об-

щества; злословец не может быть дурак: вот определение модного света. Старайся его заслужить, и ты будешь взыскан; но не будь низок и не шути над тем, что в самом деле достойно осмеяния: это знак слабого воображения, если молодой человек смеется над смешными только людьми или вещами; остроумник нынешнего века должен бегать такого недостатка и острить свой язык насчет важных и почтенных людей. Никакой нет славы смеяться над Антирихардсоном и над Мнимым Детушем[4]: это значит бить лежачих: и без тебя весь свет знает, что они гадкие писатели, но если ты будешь смеяться над Ломоносовым или, увидя на театре, станешь бранить славную Лесаж и Делпи[5], то подашь тем знак о превосходстве твоего вкуса, который и столь великими талантами не мог быть удовольствован.

5

Отбери несколько авторов наудачу, затверди их имена, вздумай, что один из них пленил тебя своими красотами так, как Дон-Кишот вздумал, что его пленила Дульцинея, которой он и в глаза не видывал; таким образом, пожаловав одного какого-нибудь автора, тем больше тебе чести, если он иностранный, в свои любимцы, брани других и занимайся им одним, приписывай тем погрешности, которых в них нет, и придавай ему прелести, коих в нем не бывало; ничего нет милее, как видеть двух молодых щеголей, когда спорят они за своих авторов, не читав их, и мне часто случалось быть свидетелем, как Руссовы эпиграммы над Юнговыми *Ночами* одерживали победу[6], которая всегда оставалась на той стороне, у чьего защитника здоровее горло.

Маленькие дети ныне очень искусно учатся передразнивать своих родителей, и если им не мешают в таком приятном упражнении, то можно со временем ожидать, что из такого ребенка сделается презабавный для света повеса; такие дети бывают обыкновенно неустрашимого духу, и на пятнадцатом году они уже в состоянии колотить своих отцов или выталкивать их со двора.

6

Умей говорить, не думая; думать прилично ученому, а учение не пристало щеголю, и ты должен остерегаться, чтоб не сказать чего умного; молодой человек, который говорит умно, очень глуп в большом свете, а ты должен быть забавен; большая часть женщин любит попугаев;

хочешь ли и ты теми же самыми женщинами так же быть любим, старайся говорить, как попугай, и ты прослывешь остряком: выучи поутру несколько чужих острых слов и умей их сказать кстати... Твой разум, как женщина, должен быть прибран за уборным столиком: вот ключ к доброй славе; умей поутру выкрадывать, что надобно тебе говорить днем, и половина города не приметит, что ты невежа.

Есть и другой способ говорить забавно без ума, буде только язык твой гибок и проворен, как трещотка; но это трудная наука, которой только у женщин учиться можно. Старайся подражать им, старайся, чтобы в словах твоих ни связи, ни смысла не было, чтоб разговор твой переменял в минуту по пяти предметов, чтоб брань, похвала, смех, сожаление, простой рассказ — все бы это, смешанное почти вместе, пролетало мимо ушей, которые тебя слушают, и, наконец, чтоб ты, как барабан, оставлял по себе один приятный шум в ушах... не оставляя никакого смыслу. Молодой человек с такими дарованиями нужен в модном обществе, как литавр в оркестре, который один ничего не значит, но где должно сделать шум, там без него обойтись не можно.

7

Остерегайся быть скромен, или ты заставишь думать, что тебе нечего сказывать, а это великий недостаток. Молодой щеголь нынешнего века должен быть то же, что морская труба: принимая в один конец слова, выдавать их тотчас в другой; и чем кто смешнее умеет пересказывать, тем более приписывают ему ума. Не заботься, если от таких пересказов родятся ссоры, драки и бедствия: тем более чести пересказчику, чем более и блистательнее действие произведет его пересказ. Легко станется, что ты и бит будешь, но это есть лавры, составляющие лучшее украшение пересказчиков: чем сильнее тебя побьют, тем яснее доказательство, что память и воображение твое обширны; и чем более тебя бранят, тем виднее, что ты привлекаешь к себе внимание. Многие франты совсем забыты от света, не имея дарования переносить вести; а это жалкая участь щеголя, если о нем помнят одни его заимодавцы.

Вот, любезные мои собратия, маленький опыт правил, столь необходимых тому, кто хочет с успехом блистать

в модном свете. Пользуйтесь ими; я знаю, что многие французы будут завидовать, для чего другие написали то, чему они словесно учили; но я не самолюбив и охотно признаюсь, что эти прекрасные правила не моей выдумки и что мы обязаны оными тем снисходительным французам, которые, кончив на галерах свой курс философии, приехали к нам образовать наши нравы.

И. А. КРЫЛОВ

ПОХВАЛЬНАЯ РЕЧЬ В ПАМЯТЬ МОЕМУ ДЕДУШКЕ, ГОВОРЕННАЯ ЕГО ДРУГОМ В ПРИСУТСТВИИ ЕГО ПРИЯТЕЛЕЙ ЗА ЧАШЕЮ ПУНША

Любезные слушатели!

В сей день проходит точно год, как собаки всего света лишились лучшего своего друга, а здешний округ разумнейшего помещика; год тому назад, в сей точно день, с неустрашимостию гонясь за зайцем, свернулся он в ров и разделил смертную чашу с гнедою своею лошадью прямо по-братски. Судьба, уважая взаимную их привязанность, не хотела, чтоб из них один пережил другого, а мир между тем потерял лучшего дворянина и статнейшую лошадь. О ком из них более должно нам сожалеть? Кого более восхвалить?

Оба они не уступали друг другу в достоинствах, оба были равно полезны обществу; оба вели равную жизнь и наконец умерли одинаково славною смертью.

Со всем тем дружество мое к покойнику склоняет меня на его сторону и обязывает прославить память его, ибо хотя многие говорят, что сердце его было, так сказать, стойлом его гнедой лошади, но я могу похвалиться, что после нее покойник любил меня более всего на свете. Но хотя бы и не был он мне другом, то одни достоинства его не заслуживают ли похвалы и не должно ли возвеличить память его, как память дворянина, который служит примером всему нашему окольному дворянству?

Не думайте, любезные слушатели, чтоб я выставлял его примером в одной охоте; нет, это было одно из последних его дарований; кроме сего, имел он тысячу

других приличных и необходимых нашему брату дворянину: он показал нам, как должно проживать в неделю благородному человеку то, что две тысячи подвластных ему простолюдимов выработают в год; он знаменитые подавал примеры, как эти две тысячи человек можно пересечь в год раза два-три с пользою; он имел дарование обедать в своих деревнях пышно и роскошно, когда казалось, что в них наблюдался величайший пост, и таким искусством делал гостям своим приятные нечаянности. Так, государи мои! часто бывало, когда приедем мы к нему в деревню обедать, то, видя всех крестьян его бледных, умирающих с голоду, страшимся сами умереть за его столом голодною смертью; глядя на всякого из них, заключали мы, что на сто верст вокруг его деревень нет ни корки хлеба, ни чахотной курицы. Но какое приятное удивление! Садясь за стол, находили мы богатство, которое, казалось, там было неизвестно, и изобилие, которого тени не было в его владениях. Искуснейшие из нас не постигали, что еще мог он содрать с своих крестьян, и мы принуждены были думать, что он из ничего созидал великолепные свои пиры. Но я не примечаю, что восторг мой отвлекает меня от порядку, который я себе назначил. Обратимся же к началу жизни нашего героя; сим средством не потеряем мы ни одной черты из его похвальных дел, коим многие из вас, любезные слушатели, подражают с великим успехом; начнем его происхождением.

Сколько ни бредят философы, что по родословной всего света мы братья, и сколько ни твердят, что все мы дети одного Адама, но благородный человек должен стыдиться такой философии, и если уже необходимо надобно, чтоб наши слуги происходили от Адама, то мы лучше согласимся признать нашим праотцем осла, нежели быть равного с ними происхождения. Ничто столь человека не возвышает, как благородное происхождение: это первое его достоинство.

Пусть кричат ученые, что вельможа и нищий имеют подобное тело, душу, страсти, слабости и добродетели. Если это правда, то это не вина благородных, но вина природы, что она производит их на свет так же, как и подлейших простолюдимов, и что никакими выгодами не отличает нашего брата дворянина: это знак ее лености и нерачения. Так, государи мои! и если бы эта природа

была существо, то бы ей очень было стыдно, что тогда как самому последнему червяку уделяет она выгоды, свойственные его состоянию; когда самое мелкое насекомое получает от нее свой цвет и свои способности, когда, смотря на всех животных, кажется нам, что она неисчерпаема в разновидности и в изобретении, тогда, к стыду ее и к сожалению нашему, не выдумала она ничего, чем бы отличился наш брат от мужика, и не прибавила нам ни одного пальца в знак нашего преимущества перед крестьянином. Неужли же она более печется о бабочках, нежели о дворянах? И мы должны привешивать шпагу, с которою бы, кажется, надлежало нам родиться. Но как бы то ни было, благодаря нашей догадке мы нашли средство поправлять ее недостатки и избавились от опасности быть признанными за животных одного роду с крестьянами.

Иметь предка разумного, добродетельного и принесшего пользу отечеству,— вот что делает дворянина, вот что отличает его от черни и от простого народа, которого предки не были ни разумны, ни добродетельны и не приносили пользы отечеству. Чем древнее и далее от нас сей предок, тем блистательнее наше благородство; а сим-то и отличается герой, которому дерзаю я соплетать достойные похвалы; ибо более трехсот лет прошло, как в роде его появился добродетельный и разумный человек, который наделал столь много прекрасных дел, что в поколении его не были уже более нужны такие явления, и оно до нынешнего времени пробавлялось без умных и добродетельных людей, не теряя нимало своего достоинства.

Наконец появился наш герой Звениголов; он еще не знал, что он такое, но уже благородная его душа чувствовала выгоды своего рождения, и он на втором году начал царапать глаза и кусать уши своей кормилице.

— В этом ребенке будет путь,— сказал некогда, восхищаясь, его отец,— он еще не знает толком приказать, но учится уже наказывать; можно отгадать, что он благородной крови.

И старик сей часто плакал от радости, когда видел, с какою благородною осанкою отродье его щипало свою кормилицу или слуг; не проходило ни одного дня, чтобы маленький наш герой кого-нибудь не оцарапал. На пятом еще году своего возраста приметил он, что окружен

такою толпою, которую может перекусать и перецарапать, когда ему будет угодно.

Премудрый его родитель тотчас смекнул, что сыну его нужен товарищ. Хотя и много было в околотке бедных дворян, но он не хотел себя унизить до того, чтобы его единородный сын разделял с ними время, а холопского сына дать ему в товарищи казалось еще несноснее. Иной бы не знал, что делать, но родитель нашего героя тотчас помог такому горю и дал сыну своему в товарищи прекрасную болонскую собачку. Вот, может быть, первая причина, отчего герой наш во всю свою жизнь любил более собак, нежели людей, и с первыми провождал время веселее, нежели с последними.

Звениголов, привыкший повелевать, принял нового своего товарища довольно грубо и на первых часах вцепился ему в уши, но Задорка (так звали маленькую собачку) доказала ему, как вредно иногда шутить, надеясь слишком много на свою силу: она укусила его за руку до крови. Герой наш остолбенел, увидя в первый раз такой суровый ответ на обыкновенные свои обхождения: это был первый щипок, за который его наказали. Сколь сердце в нем ни кипело, со всем тем боялся отведать сразиться с Задоркою и бросился к отцу своему жаловаться на смертельную обиду, причиненную ему новым его товарищем.

— Друг мой! — сказал беспримерный его родитель,— разве мало вкруг тебя холопей, кого тебе щипать? На что было трогать тебе Задорку? Собака ведь не слуга; с нею надобно осторожнее обходиться, если не хочешь быть укушен. Она глупа: ее нельзя унять и принудить терпеть, не разевая рта, как разумную тварь.

Такое наставление сильно тронуло сердце молодого героя и не выходило у него из памяти. Возрастая, часто занимался он глубокими рассуждениями, к коим подавало оно ему повод; изыскивал способы бить домашних своих животных, не подвергаясь опасности, и сделать их столь же безмолвными, как своих крестьян; по крайней мере, искал причин, отчего первые имеют дерзости более огрызаться, нежели последние, и заключил, что его крестьяне ниже его дворовых животных.

Чадолюбивый отец, приметя, что дитя его начинает думать, заключил, что время начать его воспитание,

и сам посадил его за грамоту. В пять месяцев ученик сделался сильнее учителя и с ним взапуски складывал гражданскую печать. Такие успехи устрашили его родителя. Он боялся, чтобы сын его не выучился бегло читать по толкам и не вздумал бы сделаться когда-нибудь академиком, а потому-то последнею страницею букваря кончил его курс словесных наук.

— Этой грамоты для тебя полно,— говорил он ему,— стыдись знать более: ты у меня будешь барин знатный, так непристойно тебе читать книги.

Герой наш пользовался таким прекрасным рассуждением и привык все книги любить, как моровую язву. Ни одна книга не имела до него доступа. Я не включаю тут рассуждения Руссо о вредности наук[1]; вот одно творение, которое снискало его благосклонность по своей привлекательной надписи; правда, он и его не читал, но никогда не спускал с своего камина.

— Прочти только это,— говаривал он, когда кто вздумает хвалить перед ним науки,— прочти это, и ты будешь каяться, что в тебе более ума, нежели в моей гнедой лошади! О, Руссо — великий человек,— продолжал он и после этого принимался с подобострастием считать листы в его сочинении. Это было величайшее его снисхождение к учености, которое оказывал он только одному сочинителю «Новой Элоизы»[2].

Время наконец наступило записывать его в службу, и редкий родитель его, отпуская, дал сыну своему последнее наставление.

— Помни, любезный сын,— говорил он ему,— что у тебя две тысячи душ; помни, что ты старинный дворянин и остался один в своем роде; итак, береги себя, не подражай бедным людям, которые, не имея куска хлеба, принуждены на службу тратить здоровье. Служи так, чтобы не быть разжаловану, а о достальном не пекись. Пусть бедные ищут чинов, а нашу братью богатых чины сами должны искать; будь только порядочного поведения: то есть не выходи из передней знатных; более всего берегись досадить женщине, сколь бы низкого состояния она тебе ни казалась; наружное состояние женщины бывает сходно с молодым деревом, которое сколь ни кажется слабо и презренно, но часто корень его глубоко под землею сплетен с корнем великого дуба, который может задавить тебя своею

тяжестью. Короче, вот тебе в двух словах мое завещание; я не требую, чтобы ты возвратился заслуженным, но чиновным.— И после сего наградил он его своим родительским благословением и двумя тысячами рублей на дорогу. Спустя же три дни после его отъезду кончил свою знаменитую жизнь.

Сколь ни жаден был наш герой пользоваться наставлениями, со всем тем благородная его душа неохотно приняла сии последние, или, лучше сказать, он из них одобрил половину, то есть последуя отцу своему, не хотел он служить, но не хотел также состареться в передних. Эти два правила поссорили его с двумя дядюшками, со службою и сделали философом; суеты большого света скоро ему наскучили; он видел, что куда он ни приходил, то или он зевал, или над ним зевали, и взял миролюбивое намерение расстаться со светом, видя по всему, что они друг другу не надобны.

Редкое великодушие, неподражаемая скромность — сии два любезные качества видны в нем были с самого приезду его в столицу. Честолюбивый на его месте, имея столь знатную родню, как он, не отстал бы от больших обществ и искал бы въезду в первые домы, но герой наш просиживал целые ночи в трактирах. Он убегал пышности и часто под вечерок из толпы завидливых игроков возвращался домой смиренно без кафтана. Он не был злопамятен и очень спокойно обедал там, где накануне били его за ужином; терпелив был до крайности. Я сам, государи мои, был свидетелем, с какою умильною кротостию принимал он побои от своих приятелей и после с ними вместе запивал свое горе. Иной бы честолюбивый на его месте, повторяю я, был соблазнен примерами большого света и увлечен его суетами, но он равнодушно слушал вести, что такой-то его сверстник пожалован, что тому дано место, другому награждение. Всем этим не тронута была великая его душа, и он, зевая, стоически слушал такие новости.

— Может быть, половину этих чиновников мне же кормить достанется,— говаривал он,— полно и того, что у меня есть две тысячи душ: это такой чин, с которым в моем околотке везде дадут мне первое место.

— Все суета сует,— так заключал он обыкновенно свои рассуждения и после того, оставясь кругом дюжиною бутылок портеру, садился метать банк.

По сему можете вы заключить, милостивые государи, что общества его были хотя не пышные, но весьма веселые. Правда, замешивались иногда в них люди чиновные, но обыкновенно первые две дюжины бутылок восставляли во всей беседе совершенное равенство и дружество. Но это не было скучное дружество, заведенное лет на пять; нет, это было вольное и благородное дружество — такое, что часто, не конча еще взаимных о нем уверений, вцеплялись друг другу в виски, но без всякой злобы и нередко для одного препровождения времени.

Вот, государи мои, образ городской его жизни. Он, не гоняясь за счастьем, искал одних удовольствий. Он не ездил по этикету зевать в большие домы, но, любя вольность, часто в своих дружеских беседах засыпал под столом; он не занимался тем, чтоб когда-нибудь привлечь на себя внимание всего света; ему довольно было и того, что имя его знали наизусть во всех трактирах и кофейных домах. Он никогда не намеревался быть политиком, но не для того, чтоб недоставало ему ума; нет, государи мои, он был слишком умен и нередко даже был за это бит от своих приятелей за картами, где более всего щеголял он остроумием. Но как ум гоним в целом свете, то очень скоро наскучил он быть умным и зачал играть в карты с философскою простотою и с благородною доверенностию: друзья его вместо того, чтобы удивляться сим любезным качествам, в два месяца очистили все его имение и оставили нашего философа полунагим, несмотря на то, что северный климат совсем не удобен к цинической философии.

Всякий бы другой изнемог духом в таких стесненных обстоятельствах; всякий бы пришел в отчаяние; но он не поколебался нимало и, сидя дома, с крайним умилением сердца ожидал, как заимодавцы поведут его в тюрьму. Как Юлий, не бежал он от своего несчастия[3] и даже не выходил за ворота, хотя тогдашними темными вечерами мог он прогуливаться по улице в одном камзоле и туфлях, не нарушая городской благопристойности. Он не искал даже помочь своему несчастью. «Что будет, то будет»,— говорил он, зевая неустрашимо. И судьба наградила его к ней доверенность. Тогда как казалось, что он оставлен от всего света; когда все ворота были

для него заперты, выключая ворот городской тюрьмы; когда в кухне его, как в Риме, не осталось ни тени древней славы; и что всего бедственнее, когда последнюю бутылку портеру у него разбила испостившаяся кошка, искав с таким же усердием черствой корки, с каким Колумб искал новой земли[4], когда, говорю я, все сии несчастия собрались вокруг него, тогда родной его дядя, славный своей экономиею, которую храня, двадцать лет уже он не ужинал, вздумал наконец и не обедать, оставя в наследство герою нашему пять тысяч душ и сто тысяч денег.

Может быть, подумаете вы, что это сделало его надменным? Нимало! В тот же день пошел он к знакомому винному погребщику, напился с ним вместе и очень смиренно провел у него ночь на голом кирпичном полу.

Но уже страсти в нем начали угасать, и он, пользуясь прошедшими своими несчастиями, не захотел более ни в которой масти искать счастия; получил чин, пошел в отставку и намерился удалиться в свои деревни, дабы украсить собою наш уезд; имея же к шумным прощаньям отвращение, уехал из города, не уведомя ни одного своего заимодавца. Может быть, по скромности его нравился ему также французский обычай уходить, не простясь; ибо свидетельствуют достовернейшие маркеры, что когда только мог, уходил по-французски из трактира, сколь ни убедительно они ему за то пеняли.

Наконец удалился он от городского шуму и вступил в новое поприще для испытания своих дарований, и вы, государи мои, сами были свидетелями, как сильно умел он ими блистать.

Едва появился он здесь, как объявил открытую войну зайцам и набрал многочисленную армию псов; наблюдая пользу поселян, хотел он истребить весь заячий род и сдержал свое слово. Правда, многие из строптивых его крестьян кричали, что они бы лучше хотели кормить зайцев, нежели бесчисленное множество псов и тунеядливую шайку охотников; что им милее было в хлебе своем встретить зайца, нежели полсотни лошадей и вдвое более того собак; но герой наш, умея кстати и к месту пересечь сих рассказчиков, укротил их роптание и продолжал непримиримую ненависть к зайцам; как Аннибал[5] к римлянам; а чтобы вернее их выжить, то вырубил и продал свои леса, а крестьян привел

в такое состояние, что им нечем было засевать поля. С каким внутренним удовольствием герой наш выезжал тогда на поля и находил их так чистыми, как скатерть, не тревожась сомнением, чтобы где мог скрыться заяц. В три года обрил он так чисто свои земли, что неустрашимые зайцы могли в них искать одной только голодной смерти.

— Скажи,— спрашивал у него некто,— не лучше на землях своих видеть тысячу сытых зайцев, нежели пять тысяч голодных крестьян, и не смешон ли тот, кто зажжет свой дом, желая выжить из него тараканов?

— Молчи только,— отвечал наш герой,— я сам знаю, что моим крестьянам есть нечего; но еще лет пять, и зайцы позабудут мои земли; они будут бегать их, как песчаной степи. А тут-то я и обману весь этот род трусливых грабителей, восстановя прежний порядок и изобилие.

Какой редкий ум, милостивые государи! Имел ли кто когда-нибудь такое великое и смелое предприятие? Нерон[6] зажег великолепный Рим, чтобы истребить небольшую кучку христиан. Юлий побил множество сограждан своих, желая уронить вредную для них власть Помпея[7]. Александр прошел с мечом через многие государства[8], побил и разорил тысячи народов, кажется, для того, чтобы вымочить свои сапоги в приливе океана и после пощеголять этим дома; но все эти намерения и труды не входят в сравнение с подвигами нашего героя. Те морили людей, дабы приобрести славу, а он морил их для того, чтобы истребить зайцев. Но судьба, завидующая великим делам, не дала совершить ему своего намерения, подобно как множеству других героев, которые, захватя себе дел тысячи на две лет, умирали на первом или на втором году своего предприятия.

Вот, государи мои, подвиги героя, которые... Но что я вижу! Любезные мои слушатели заснули со умилением, почтенные головы их лежат, как прекрасные бухарские дыни, вокруг пуншевой чаши. Торжествуй, покойный мой друг! Твои друзья, любя тебя, наследовали твои нравы. Так точно некогда засыпал ты на своих веселых вечеринках, с половину окунутым в ендову носом. Увернись, если можешь, на одну минуту от Плутона, взгляни из-под пола на твоих друзей, потом расскажи торжественно адским жителям, какое приятное действие

произвела похвала твоей памяти, и пусть покосятся на тебя завидливые наши писатели, которые думают, что они одни выправили от Аполлона привилегию усыплять здешний свет своими творениями.

И. А. КРЫЛОВ

ПОХВАЛЬНАЯ РЕЧЬ НАУКЕ УБИВАТЬ ВРЕМЯ, ГОВОРЕННАЯ В НОВЫЙ ГОД

Любезные слушатели!

Наконец сбыли мы с рук еще один год, убили триста шестьдесят шесть дней и можем сказать торжественно: не видали, как прошло время!

Строгие философы! вы, которые жалеете утратить минуту, как скупой полушку, и плачете о потеряниии дня, проведенного без пользы! придите и позавидуйте нашей способности радоваться о том, что мы целый год провели, не сделав ни одного такого дела, коим, по вашему мнению, человек отличается. Зарывшись в книгах, вы почитаете невероятностию, что тот может радоваться, прощаясь с старым годом, кто три четверти его проспал, а достальную прозевал; вам покажется баснею, чтобы человек, который целый год одевался и раздевался, причесывался и растрепывался, чтобы сей человек не плакал, утратив таким образом время; вы никогда не поверите, чтобы тот, кто пропрыгал и прошаркал триста шестьдесят шесть дней, хотя бы в конце года заметил, что он целые двенадцать месяцев таскал по-пустому свою голову. Но Сократы, Платоны, Пифагоры прошедших веков![1] воскресните на одну минуту, выбрейте себе бороды, причешитесь анкрошет, чтобы вас не стыдно было принять в большом свете; войдите в него, и вы увидите, сколь справедливо мое описание; увидите, как много философия ваша наделала успехов. Воскресните и проповедуйте, если хотите, сколько нужно соблюдать время. Вы увидите, что люди большого света лучше вас знают, к чему оно дается, и что наука убивать время есть одна наука, прямо достойная благородного человека, который умеет чувствовать, что небо дало ему голову только для того, чтобы она пересказывала, когда желудку его нужна пища.

Вот, милостивые государи, что бы я сказал философам, употребившим все силы свои на то, чтобы научить нас скучному упражнению размышлять. Они бы взглянули на вас и признались бы, что человек может обойтись без размышления, если только имеет проворный язык, и что мы, имея дарование не думать, по крайней мере, столько ж счастливы, как люди золотого века.

Недоверчивый, глядя на нас, на образ нашей жизни, конечно, усомнится: ему покажемся мы игрушками мод, мучениками суетных желаний; или, что еще более, сочтет он нас безумными, а потому-то и несчастливыми, как будто бы дурак, любезные слушатели, должен быть непременно несчастливее мудрецов, коих самолюбие заставляет признавать счастливыми только себя и коих дикий ум не понимает, какое счастие заключено в том, чтоб делить по-братски время свое с обезьянами, с попугаями, посвятить себя блестящей службе четырех мастей,— словом, они не чувствуют прелестей науки убивать время, науки, впрочем, столь неисчерпаемой, что свет наш несколько тысяч лет в ней трудится и всегда открывает новые поля, столь же обширные, какие приписывают математике.

О сей-то прелестной науке, милостивые государи, хочу я ныне распространить свою речь — не для того, чтобы желал я вас в ней осовершенствовать, нет, вам уже не нужны учители: природных способностей ваших к тому довольно, и вы, подражая предкам вашим, понимаете сие искусство самоучкою; притом же, когда праотцы наши убили семь тысяч лет, то стыдно бы нам было, имея величайшие примеры в истории и в глазах, требовать наставников, как убить несколько десятков лет, которые на нашу часть достались. Итак, я намерен соплести только достойную похвалу сей завидной науке, к которой обращается целый свет и которой имя столь же редко слышно, сколь часто ее употребление, ибо, к стыду нашему, любезные слушатели, мы обладаем сим сокровищем, почти не чувствуя, что им наслаждаемся. Но да не смущает вас сия укоризна: недостаток ваш требует только исправления. Мы найдем в свете довольно примеров, что человек часто обладает сокровищем, пренебрегая его по незнанию. Так некогда американцы ходили по золоту и, не умея его обделывать, с радостию отдавали его за европейские игрушки.

Может быть, критики скажут мне в возражение, что слово мое бесполезно; что доселе убивали мы время без всякого поощрения ораторов; что молодые люди наши, воспитанные в глазах французских гувернеров и в виду гончих и борзых собак, наполняются с младенчества благородною страстию расточать время; что по прошествии юношества учители отдают их с рук на руки французским ростовщикам, иностранным магазейнам и театральным сборищам сердец; что в сем новом свете получают они новые способы убивать время и иногда в одной переписке векселей не видят, как проходят целые годы, или, не имея наследственного достатка, трутся около глупых Мидасов[2], побужденные благородною ревностию истреблять монополию в деньгах, и, таким образом, в приятной надежде обмануть удачно, сбывают неприметно с рук последнюю половину своего века; что все это делается без помощи убеждений; что, наконец, нужно только человеку броситься один раз в большие общества, и он будет иметь удовольствие умереть, прежде нежели приметит, что он жил на свете.

Не противоречу многому. В самом здешнем собрании вижу я примеры природных способностей; вижу с восхищением прелестниц наших праотцов, которые, пережив три поколения, и доныне не могут догадаться, что они не ровесницы шестнадцатилетним девушкам. С набожностию взираю я на сих долговечных Венер, на коих глядя, кажется, что они одногодки римской Капитолии[3] или, по крайней мере, Августовым медалям, и которые при всем том не досчитываются у себя пяти шестых доль своего века. Какой резкий знак, что это время мастерски убито! В другом месте вижу я почтенных старичков, которые с таким же просвещением входят в могилу, с каким вошли в колыбель, и еще кажутся младенцами. Они примечают глубокую свою старость только потому, что им нельзя грызть орехов.— Какая скромность! Проносить семьдесят лет голову и не сделать из нее никакого употребления! Прожить век на скотном дворе и ограничить отличие свое от животных только тем, чтоб ходить на двух ногах! Иметь душу и не дать никому приметить, что ее имеешь, или, что еще более, самому этого не заметить! Вот чрезвычайная умеренность, которой не понимают тщеславные философы, хотя умеренность они и проповедуют.

Мы одни, милостивые государи! мы одни способны к сей блистательной добродетели, украшающей общества большого света, и между тем, как малая кучка самолюбивых мудрецов старается только о том, чтоб целый мир перед нею стыдился, между тем вы, милостивые государи! такою скромностию обуздываете свои умы, что и лошади бы ваши не краснели, на вас глядя, хотя бы они и имели способность краснеться, способность вредную, которой остатки и в нашем просвещенном веке наносят иногда тягость прелестному полу.

Признаюсь, что все завидные сии подлинники образовались без всякой помощи ораторов. Но следует ли из того, чтобы словесные возбуждения были излишни? Нет, любезные слушатели, красноречие всегда умножало рвение умов, и если иногда не было поощрением, то служило награждением отличных дарований, которые уже поздно было поощрять, ибо, милостивые государи! премудрого человека весьма трудно заметить, прежде нежели пройдет триста лет после его смерти; и потому-то многие благоразумные народы сперва убивали своих мудрецов, а после делали им статуи; когда же вывелось это из употребления, тогда сыскали лучший способ: допускали их умирать в нуждах, в гонении и в презрении, а спустя после их смерти лет сто говорили им похвальные речи. Такой поступок умножил полки ученых, которые добровольно терпели первое и не получали последнего. Но благородная жадность к похвале не есть ли общая всему человеческому роду? Не она ли причиною, что многие великие души, подобные душе Сезостриса и Александра Великого[4], ожидая величания от будущих веков, сносят терпеливо проклятие настоящего? — Когда же похвала столь лестна, то для чего же не возвеличить ею божественную нашу науку убивать время?— Все науки имели своих защитников, своих хвалителей: ужли она одна останется в молчании? Как будто бы наше веселое общество, блистая ее выгодами, стыдилось признаться, до какого довело оно ее совершенства.

Другая причина, еще важнейшая, понуждает подать о ней полнейшее понятие: все науки, выключая математики, подвержены расколам; наша также избежать их не может. Я сам бывал свидетель, что многие молодые люди садились за книги только для того, чтобы убить время, и, пристрастясь к постыдной для благородного челове-

ка жадности обогащаться познаниями, зачали скупиться временем, вздумали быть нас умнее: вздумали узнать свою голову короче, нежели сколько знали ее их волосочесы; и потом — жестокая неблагодарность!— сверх того, что сделались отступниками от нашего общества, первые стали на нас вооружаться и соблазнительным своим примером увлекли за собою последователей, которые, вместо того чтобы блистать на балах и в больших собраниях, свели скучное знакомство с мудрецами.— Такие-то развратительные примеры, происшедшие, может быть, от одного любопытства заглянуть в книгу, не должны ли прекратить и предостеречь наших молодых людей, чтобы они опасались всякой книги, выключая только полезных книг, заклейменных печатью Воспитательного дома?[5]

Дадим же, сколько можно, ясное понятие о сей науке. А вы, любезные юноши, которые под покровительством проворной гребенки и верных ножниц назначены, может быть, играть великие лица на театре света; вы, прелестные грации, которы будете некогда требовать от наших правнуков такой же нежности, какой ныне мы ищем от вас, выслушайте меня и умножьте свои силы победить наступающий год, и если уже необходимо должно, чтоб в физике вашей произвел он перемены, то оградитесь роскошью и леностью, и пусть хотя на морали вашей время не оставит никаких следов.

Время убивается двояким образом: или проводится оно в бездействии, или в таких упражнениях, которые на душе нашей никакого по себе следа не оставляют, и оттого-то в старых телах видим мы часто молодые души, хотя казалось, что люди, в которых примечается это явление, были во весь их век чрезвычайно заняты.— Какой великий предмет для благородного человека! убивать то, что все убивает! преодолевать то, чему ничто противустоять не может! Герои, упражняющиеся в таких великих подвигах, не должны ли заслужить хвалу величайших в свете мудрецов, основанную даже на нашем признании, что мы перед ними нищи духом?.. Так, государи мои! согласимся, что они умнее нас; поверим, что они лучше знают ценить вещи, и послушаем их учения. Тот истинный философ, говорят они, кто умеет презирать мирские сокровища. Потом сказывают, что время драгоценнее золота и лучше всех земных благ. Но когда

мудрецы сии тщеславятся достоинством, что они презирают золото, то сколько ж почтеннее мы их, пренебрегая самое время, сие сокровище, коего тратить нет даже и у них довольно твердости духа. Итак, мы-то истинные мудрецы, милостивые государи! Они презирают вещь, которая всегда в их руках быть может; но мы тратим равнодушно время, зная, что воротить его не в силах. Удивляются Сципиону Африканскому, что он сжег свой флот[6], дабы воспрепятствовать возвращению своему в Рим; редкая вещь! имея храбрых воинов, он надеялся сожечь Карфаген и возвратиться домой на новых судах, но мы, сожигая, так сказать, наше время, не имеем никакой надежды возвратиться к нашему младенчеству и, следовательно, всякую минуту превосходим Сципиона мужеством. Великий Тит плакал, говорят, о том дне[7], который проводил, не сделав доброго дела, но мы — о, пример истинного великодушия! — мы проживаем лет по пятидесяти по-пустому и ни разу о том не поплачем.

Я уже сказал, что первый способ убивать время есть тот, чтобы ничего не делать или спать; но, к несчастию, человек не может быть столь совершен, чтобы проспать шестьдесят лет, не растворяя глаз и не сходя с постели, ни так же просидеть все это время, поджав руки, хотя и старались ишпанцы осовершенствовать сию часть; хотя нередко встретить можно там героев, которые, поддерживая древнее свое благородство, почитают за честь умереть с голоду, поджав руки; но великим подвигам легче удивляться, нежели последовать. Нам нужны другие способы. Притом же мало ли есть таких прекрасных упражнений в большом свете, которые почти столь же знамениты, как и дарование ничего не делать, а такие-то упражнения и нужны для нашего общества. Делать, ничего не делая, говорить, ничего не сказывая,— вот два сильнейшие способа убить время; с сими двумя правилами человека уважаю я столько же, как и того, кто имеет ишпанскую твердость духа скорей согласиться дать себе отрубить руки и голову, нежели ими действовать. Рассмотрите хорошенько около себя, и вы найдете тысячу великих душ, которые располагаются проспать будущий год, половину, зажмурясь и лежа, а другую половину — ходя и с открытыми глазами, и подают вам пример сбывать с рук время.— Нужно ли вам знать имена их? —

Исполню ваше желание. А вы, почтенные образцы! простите, если, уступая моим восторгам, потревожу я несколько вашу скромность, дабы поощрить юношество подражать вам. И пусть слабая похвала моя послужит вам малым воздаянием, доколь небо не увенчает вас завидною наградою лежать, не переворачиваясь с боку на бок. Повторим, любезные юноши, с благоговением их имена.

Первый встречается мне Подлон; с математическою точностию делит он утренние часы будущего года по числу прихожих, в которых проходит важную науку помрачать достоинства гибкостию спины. Уже назначает он там себе самые выгодные места, где бы надежнее было ловить улыбки и благосклонные взгляды вельмож; уже, кажется, слышу я, как гибкий его язык, с беспристрастием историка, перед одним барином пересказывает дурачества другого, а этого едет бранить к третьему. Платя богатую подать новостями, мчится он по всему городу их собирать, чтобы назавтрее позабавить своего покровителя насчет чести ближнего; он держит верный список рогам, выключая только своих; чувствуя, сколь становится он необходим, жалуется, что великих его трудов не может вынести четверня, и покровитель его, умея различать дарования, обещает ему шестерню. Но когда с четырью только товарищами любезный наш Подлон наделал столько подвигов, то согласитесь, почтенные слушатели, что несравненно полезнее отечеству будет он сам-семь и более получит способов оказать свои достоинства, когда резвое счастие, награждая поворотливость его языка, прибавит ему еще двух товарищей.

Замотов подает вам другого роду образец, как убивать время. Вооружась против него, рассекает он уже мысленно будущий год на тысячу частей, чтобы разбросать их по кофейным домам, по маскарадам и по вечеринкам; сбирается глядеть на все и ничего не видать, говорить все и ничего не думать. Везде старается он поспеть. Всегда занят и никогда ничего не делает. Беспрестанно хлопочет, чтобы нажить новые долги. Одним словом, вот примерный молодой человек, который добивается мастерски триумфального въезду в полицию. Уже мысленно вижу я великолепный сей въезд; вижу, как торжественно препровождается он толпою портных,

сапожников, каретников и волосочесов, которые все, подобно унылым пленникам, следуют за ним, повеся головы и держа в руках огромные реестры знаменитых его дел. Дела сии привлекают внимание правительства, и герой наш, подобно древним атлетам, принимается на казенное содержание.

Но какой новый предмет представляется моему взору! Подборов, вооружася бесчисленными дюжинами карт, выступает против нового года и назначает себя к продолжению благородного ремесла метать неусыпно направо и налево. Наполнясь приятною надеждою обмануть ближнего, преодолевает он сон и голод; пренебрегая все науки, погружается он только в одну важную науку — выметать направо все то, чего ждет налево его соперник. Сему-то одному искусству посвящает он все свои дарования и, подобно Александру, не полагая границ своим победам, в героическом восторге грозится целый свет пустить по миру.

Но до сих пор, любезные слушатели, предлагал я вам в пример особ, которые с возможною ревностию убивают время, достающееся на их часть; теперь хочу заключить, выставя в пример неподражаемого героя, который силится убить время даже своих потомков. Таков несравненный Скукобред; он, наводняя своими сочинениями публику, хочет и несколько веков спустя быть орудием убивать время. Какой похвалы не заслуживает он, когда, просиживая насквозь ночи, занимается важным предметом усыплять даже десятое наше поколение по нисходящей линии; не покоряется усталости, и хотя часто голову его раскачивает приятная дремота, но мощная рука его никогда не перестает писать — и что всего удивительнее, милостивые государи! то никакая академия не в силах различить, что он написал сквозь сон и что наяву.

Но сей пример, любезные слушатели, не с тем выставлял я, чтоб возбудить в вас охоту ему подражать; довольно уже и того, если возбудит он в вас удивление. Мы уже видели, сколь вредно и опасно благородному человеку заниматься книгами. Но со всем тем, если кто из вас, милостивые государи, чувствует в себе геройскую смелость, никогда не читав, начать писать, тому не советую оставлять такой прекрасной склонности,

которая производит пирамиды печатных бумаг в честь парнасским каникулам нынешнего времени.

Но сим ли одним примером можно пользоваться? Другие не менее блистательны и более свойственны для благородного человека, который, и не принимаясь за перо, имеет право не называться безграмотным для того, что прадед его знал читать и писать. Для чего не подражать другим подлинникам, коих число столь велико, что предел речи моей не позволяет обо всех упомянуть, ибо я не намерен ни искусить терпения вашего, ни перещеголять бесконечностию те отборные предисловия, которым книги, кажется, печатают в приданое.

Теперь, милостивые государи! надеюсь я, что вы можете чувствовать, что есть наука убивать время; можете видеть ее необходимость и силу в большом свете. Главная уловка состоит в том, чтобы никогда не думать. Педанты скажут, что это невозможно, но вы, не вдаваясь в словесные споры, можете им доказать истину на самом деле. Правда, молодым девушкам очень пристало иногда задумываться, но думать — никогда: это ремесло прилично только тем низкорожденным людям, которые не могут обойтись без своей головы и которые имеют бесстыдство не различать нас с обезьянами. Но, не занимаясь трудными спорами и розысками по натуральной истории, что совсем не наше дело, встретим лучше, милостивые государи, как можно веселее наступивший год, подобно как храбрая армия встречает весело своего неприятеля. До сих пор часто видал я, что люди встречают новый год в таком восхищении, как молодой супруг свою новобрачную или как малый ребенок новую куклу; а на третий день все они скучают своими новостями, зевают и не знают, куда деваться от скуки, то есть не знают, как убить время; но мы, любезные слушатели, получа теперь несколько подробнее идею, как сживать его с рук, мы, конечно, не будем подвергнуты опасности мучиться зевотою.

Соединим же нашу ревность, милостивые государи! год уже наступил; уже это время наваливается на наши руки, но ободритесь — остерегайтесь мыслить, остерегайтесь делать, и год сей будет служить нам оселком, над которым наука убивать время покажет новые опыты, достойные нашего просвещения.

И. А. КРЫЛОВ

ПОХВАЛЬНАЯ РЕЧЬ ЕРМАЛАФИДУ[1], ГОВОРЕННАЯ В СОБРАНИИ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Ужасно видеть, милостивые государи, с какою завистию критика всегда вооружалась на дарования. Тысячу бы примеров нашел я в истории о словесности; но как мы обязались благородною клятвою писать все и не читать ничего, то, не хвастаясь, скажу, что ни одного довода сделать я не в состоянии. Но к чему нам доводы? Мы сами не ясное ли доказательство неблагодарности читателей? Соединенные благородною ревностию просвещать свет, не даем мы отдыха типографщикам, а ослепленная публика на стихи наши жалуется, как египтяне на саранчу, коею небо хотело обратить их на путь истины. Книжные лавки ломятся от нашей прозы и стихов; но когда войдешь и посмотришь на полки, где лежат наши сочинения, то подумаешь, что это зараженные товары, до которых никто не смеет дотронуться, и они остаются в сей неволе, доколе табачники и разносчики не расхватят их по клочкам, а нечувствительная публика смотрит на то равнодушно, оставляя им терзать наши неподражаемые произведения.

Плачевное предчувствие! Скоро, я думаю, надобно будет прежде читать, нежели писать; надобно будет думать — слезы навертываются у вас на глазах, милостивые государи! Привыкшим писать, не думавши, такое порабощение словесности, конечно, для нас будет ужасно. И в чем же неумолимые сии критики полагают свободу

словесных наук, если думают они, что писатель должен последовать правилам или читать авторов, дабы подражать их красотам? Нет, любезные слушатели, великий ум никогда ничему не следует. Не нужны ему ни правила древних, ни их творения; и он, не справляясь ни с какими книгами, садится за письменный столик, как скоро почувствует только позыв на письмо. Фразу свою кончит тогда, когда надобно перо обмакнуть в чернильницу; период — тогда, когда нужно его перечинить; как же скоро пленяется он новым содержанием, тогда, на первом своем сочинении подписав торжественно: *конец*! принимается тотчас за другое, которое обрабатывает с такою же благородною вольностию. Таков-то есть почтенный Ермалафид, герой и сотрудник наш, коему дерзаю я соплести венец, достойный похвалы, в досаду злой критике, взирающей с завистию даже и на то, что в сочинениях его завертываются груши.

Может быть, удивятся, что, не дождавшись смерти моего героя, говорю я ему похвальную речь, но должно ли дожидаться смерти, чтобы увенчивать дарования? Если бы последовать сему правилу академий, то, судя по здоровью почтенного Ермалафида, может быть, должен бы я был прожить еще двадцать лет, прежде нежели испытать мои слабые дарования на сем драгоценном оселке. Нет, любезные слушатели, дарования нашего героя столь блистательны, воспаление мое прославить их столь велико, что я не в силах дожидаться так долго Ермалафидовой смерти, и осмеливаюсь нарушить правила академий презирать писателей при жизни и величать их после смерти. Притом же можем ли мы надеяться на долговременность нашего собственного века и не подвержены ли мы все такой же нечаянной смерти, как наши сочинения?

Часто, смотря на увесистое новорожденное творение, по толстоте оного заключаем мы, что славе его не будет износу, а оно на другой же день погребается на полках вместе с старыми календарями. Не можем ли и мы все перемереть так же нечаянно и оставить вершину парнасскую нашим критикам, которые некогда, может быть,— плачевное воображение! — будут показывать нас молодым своим писателям, как спартане показывали своим детям пьяных слуг, и тогдашняя публика, вместо того чтобы завидовать тем, кому удалось быть нашими

современниками, станет благодарить небо, что она не в наш век вывелась. Предупредим же такое насчастие, любезные слушатели, и если уже нас никто не хвалит, то станем хвалить себя сами; ополчимся противу критиков и назло им, отдав справедливую похвалу неподражаемому Ермалафиду, докажем, что и в нашем обществе есть великие люди. Одного такого, каков герой мой, довольно, чтобы озарить славою все наше почтенное собрание. Откроем глаза предубежденной публике, которая упрямится читать неподражаемые его творения и старается погрузить нашего героя в море забвения, в сие ужасное море для нашего парнасского легиона; и в то же время посмотрим, как бесценный Ермалафид, поддерживаемый своими сочинениями, подобно как пузырями, не страшится погрязнуть; посмотрим, как неумолимая критика занимается тем, чтобы прокалывать сии пузыри, и, наконец, с какою неутомимостию надувает он новые, не страшася, что с ними будет равная первым участь.— В сем месте оратор остановился, дабы дать роздых своему воображению и принять справедливые похвалы за прекрасное изобретение *моря забвения* и за счастливое сравнение Ермалафидовых сочинений с пузырями,— потом продолжал далее.

Я не буду распространяться о родословной нашего героя; да и он сам, как истинный автор, знает тверже, кто был отец Гомера или Ромула, нежели от кого он сам родился. Немного есть чего сказать и о его богатствах: не может похвалиться он большим имением, но зато воображением столь богат, что часто не на что купить ему чернил, дабы сделать сему драгоценному богатству опись для сведения публики; и столь глубокомыслен, что если, спустя десять дней, вздумает прочесть свое сочинение, то уже не понимает, что он хотел сказать. «Для чего,— спросил у него некто,— пишешь ты без разбора и не обдумывая все, что придет тебе в голову?» — «Друг мой,— отвечал несравненный наш Ермалафид,— надобно более знать мою природу и потом уже судить о моих сочинениях. Если я одну только неделю не попишу, то чувствую сильный головной лом; самое ничто бухнет в моей голове, как горох, и я необходимо должен как можно скорей выгружать мысли мои на бумагу,— или мою голову так разопрет, что я потеряю равновесие».

Кто может из нас, милостивые государи, похвалиться таким изобилием мыслей? Кто, кроме нашего бесценного Ермалафида, так много раз и в столь разных порядках может раскладывать наши тридцать две литеры на бумаге? — Конечно, никто.— Он один только в состоянии с такою легкостию кстати о Гомере напомнить, что дрова дороги, и, хваля Юнговы *Нощи*[2], заметить, что немцы обуваются щеголеватее французов; он один только может с таким плодословием волочить надежду читателя через триста листов и на последней странице удивить его приятною нечаянностию, подписав: *конец*! — Сие non plus ultra* его обширного воображения. Но как, спросят меня, мог он достигнуть до такого богатства? Какими орудиями открыл такое сокровище? Предмет, поистине достойный вашего любопытства и который исследовать ставлю я моею должностью.

Если б обратились мы к древности, то бы нашли, может быть, что не герой наш первый изобретатель сего редкого искусства; но судьба, кажется, из зависти прячет от взора смертных лучшие их сокровища. И потому-то произведения пера, подобного Ермалафидову, столь же редки, как календари прошедших веков. И вот причина, заставляющая меня признавать его изобретателем сего способа. Ибо кому мог он подражать, не читая никого, как то скоро увидите вы из шествия его ума, коего пути осмелился я исследовать в сем слове и представить для подражания молодым нашим собратиям, которые, имея великие способности, ожидают только случая, кому последовать, и за недостатком резких подлинников принуждены с великим трудом отыскивать погрешности у Ломоносова и их выкрадывать или занимать их у Сумарокова. Но теперь я намерен для сего указать им неисчерпаемый источник в Ермалафиде и, дабы удовольствовать ваше любопытство, обращаюсь к моему предмету.

Едва минуло от роду пятнадцать лет нашему герою, как отдан он на руки учителям и посажен за российскую азбуку. Пламенный дух его недолго оставался при первых затруднениях, и менее нежели через два года зачал он писать азы. В сем-то случае творческий дух

---

* Самое большее, высшая степень (*лат.*).

его оказал первые свои способности! Ермалафид никому не подражал в почерке; умнейшие из учителей не различали у него *аза* от *мыслетей*[3]; казалось, что он, не читав никакого письма в свете, выдумал свою азбуку; учители сперва приписали это тупому его понятию, и вот причина, что редкий ум нашего героя четыре года задержан за российскою азбукою. Наконец, приметили они, что он поставил себе правилом никому не следовать и систематически водить каракули. Тогда-то, сделав безошибочное заключение о его великих способностях к словесности, дали они ему в руки грамматику,— и менее нежели в месяц не осталось в ней ни листа живого — он просил новой книги. «Разве ты всю грамматику выучил?» — спрашивали у него. «Нет,— отвечал неоцененный герой,— но поверьте, что я и без грамматики могу пощеголять моим слогом». У него потребовали опыта, и в один час — в один только час он написал столь красноречивое письмо, что премудрейшие из учителей его не поняли. Это убедило их, и они представили ему логику. «Что это за наука?» — спрашивал восторжествовавший над грамматикою герой. «Наука мыслить,— отвечали ему,— и важная тайна поместить кстати ergo»*. «Мне не нужна эта наука,— говорил Ермалафид,— двадцать лет думал я без логики, так неужели достальную половину своего века не возмогу без нее обойтись?» Возражение сильное, коему никто не осмелился противоречить. Настала очередь риторике явиться на суд героя. Он развернул ее, прочел строк пятнадцать, зевнул, почувствовал сильную наклонность ко сну и отложил до завтра решение о сей науке.

На другой день повел он учителей в свою библиотеку и указал им на полку, заваленную романами. Там наслаждались ненарушимым покоем творения Бредина, покровенные пылью, равнолетною им самим; там почивали мертвым сном томные произведения Антирихардсона[4]; в другом месте глотали пыль герои, произведенные подражателем Руссовым. «Есть ли тут риторика?» — спросил Ерамалафид, указывая на все это собрание. Учители читали все сии романы и согласились единодушно, что в них риторики нет. Он сделал им тот же

---

* Итак, следовательно (*лат.*).

вопрос о груде журналов: они их знали и принуждены были по совести сказать, что в них имени красноречия нет. После сего показал он им связку од, и они признались, что здесь большею частью пишутся оды без красноречия. «Когда такое множество людей пишут без риторики,— отвечал он гордо,— то неужели думаете вы, что я всех их глупее и не могу без нее обойтись? Поверьте, что мне не нужна эта наука; и я откровенно скажу вам, что я, и знавши риторику, не написал бы ни на волос лучше того, как писал, и стану писать, не зная ее ни строчки».

После сего несравненный Ермалафид с такою же благородною гордостию отвергал все другие науки одну по одной. «Когда я буду читать, то когда ж писать останется мне время? Нет, я намерен учить, а не учиться. Для меня низко узнавать, что другие думали: я хочу лучше, чтоб целый свет, читая меня, старался отгадать, что я думаю. Довольно долго страдала республика ученых, стесненная правилами: я родился их разрушить, и для того-то хочу развязать своим примером молодые умы; хочу писать без правил и доказать на самом деле, что словесность есть свободная наука, не имеющая никаких законов, кроме воли и воображения». С такими-то прекрасными правилами герой наш вступил в поприще писателей и, чтобы начать чем-нибудь знаменитым свои подвиги, написал он трагедию.

Доныне, милостивые государи, жалко было видеть, с каким бесчеловечием проливалась кровь в трагедиях; жестокие авторы, кажется, только с тем намерением заманивали в партер, чтобы у всякого из них испортить фунта по три крови — но какая приятная новость! Едва появилась трагедия нашего героя на сцену, то, казалось, что в партере сидит целый народ строгих стоиков: толико-то глубокое спокойствие царствовало во всем партере. Зрители не были возмущены ни страхом, ни жалостью, ни ненавистью; казалось, что герои Ермалафида превыше всех страстей; ни одной не было в них приметно, и если бы глухому показать столь прекрасное зрелище, то бы, конечно, он подумал, что греческие мудрецы с театра преподают партеру курс математики. Не подумайте, однако ж, милостивые государи, чтобы трагедя нашего героя не привлекала внимания! Напротив того, нередко партер надрывался

от смеха, и Ермалафид, бесценный Ермалафид сам смеялся от радости, видя, что трагедя его производит такое прекрасное действие. «Начав трагедию,— говорил он,— я хотел утешить, а не встревожить и не опечалить партер»,— прекрасное правило, коему последовали многие писатели, и с того-то времени, милостивые государи, у нас начали писать столь же шутливые трагедии, как итальянские оперы-буффо[5]. Сей успех еще ободрил более нашего героя, и он решился продолжать со славою свои подвиги в письменном свете.

Давно уже грозился он прибрать комедию к своим рукам; давно с неудовольствием видел, что гордые комические писатели стараются смешить партер, не заботясь о том, понимает ли их парадиз. Такое пренебрежение его тронуло; ибо он сам часто глядывал комедию из райка и чувствовал, сколь обидно честному человеку слушать два часа, не понимать ни слова и платить деньги только за то, чтобы видеть, как другие смеются. «Партер довольно посмеялся,— сказал он некогда,— теперь хочу я утешить парадиз»[6],— и начал писать. Менее нежели через две недели объявляют новую комедию: зрителей стекается множество, открывают занавес, и — какое приятное удивление! — на сцене появляется целый народ в лаптях, в зипунах и в шапках с заломом — в парадизе раздались радостные восклицания. Сапожники, разносчики, каменщики — все узнавали на сцене своих земляков. Тогда-то всеобщее веселие разлилось по театру; на сцене появились фляжки и ендовы; в парадизе зазвенели рюмки и стаканы. На сцене заплясали — и весь парадиз зачал прищелкивать; казалось, что сцена и парадиз составляют одно семейство. Тогда-то гордый партер в первый раз почувствовал, что он в сей беседе лишний; что он не понимал, в свою очередь, ни слова изо всего, что переговорено в три часа; и что, наконец, в свою очередь, заплатил он деньги за то, чтобы послушать, как хохочет парадиз. Но кто же бы, думали вы, милостивые государи, загнал расчесанный партер в растрепанную крестьянскую шайку слушать нравоучения? — Кому, кроме бесценного нашего Ермалафида! Он один в состоянии высокое нравоучение подстроить под балалайку, и под его только разумные рассуждения могут плясать мужики на барках. Завидливая критика не умедлила на сие вооружиться; кричали,

что расслабляется вкус, истребляется благопристойность, но вся небритая часть была на стороне нашего героя и, утвердя его славу, включила в число знаменитейших дней тот день, в который для бородатых зрителей выставлены на сцену бородатые актеры.

Теперь, подумаете вы, может быть, что уже он, пленясь сими успехами, посвятил себя одному театру? Совсем нет; великий дух его не чувствовал себя отличнее привязанным ни к какому роду писания. Он хотел писать все и сдержал свое слово. Удивительная способность, милостивые государи! Часто, дописав до половины свое сочинение, он еще не знал, ода или сатира это будет; но всего удивительнее, что и то и другое название было прилично, а может быть, и все его сочинения со временем воздвигнут между академиями войну за споры, к какому роду их причислить. Из сего-то ясно видно, как гнушался великий ум его следовать правилам, предписанным всякому роду писания. Он поставил себя выше всех законов. «Одно только правило свято,— говаривал он,— и оно состоит в том, чтобы не следовать никаким правилам».

С сим-то прекрасным заключением вздумал он свободные часы свои посвятить удовольствию публики; под свободными часами разумею я только то малое время, которое оставалось ему от сна, от обеда и от ужина. Сколь ни мал был сей остаток, но и его не хотел он потерять напрасно; и для того-то решился он во всякое новолуние разгружать на печатном станке грузное судно своего воображения — короче сказать: начал журнал.

Какое поле открылось для его неутомимости! Озабоченный намерением просветить вселенную, не давал он ни дня, ни ночи отдыху своему типографщику: тут-то увидели бы вы, милостивые государи, с какою удивительною способностию пишет он прямо набело суждения, решения и определения о самых важных предметах! Казалось, что перо в руках его замерло — и наборщик никак не мог сравняться с ним в поспешности. Критика также получила себе новую пищу: одни говорили, что он, проповедуя добродетель, одним своим слогом в состоянии умножить число отступников от добродетели; другие кричали, что ежемесячные его сочинения суть ежемесячные вылазки противу бессонницы,

но его это не устрашило — напротив, он имел дарование редкое: всякую брань толковать в свою пользу. Сколько писателей оставили в самом своем начале поприще словесности, устрашенные первыми нападениями критики; но герой наш не таков: если над ним смеются, то он восхищается способностью своею смешить и сравнивает себя с Мольером и Боало[7]; если его бранят, он ласкает своему самолюбию, заключая, что брань есть знак зависти, и, по крайней мере, доволен он уже тем, что им занимаются, а это уже одно и доказывает ему, что публика его не забывает. После сего, милостивые государи, кто может составить для его ума такое крепительное, после которого бы он не чувствовал позыву на письмо?

С сими блистательными качествами соединял он благородное презрение ко всем тем авторам, коих имени не мог твердо выговорить; под сим разумею я всех иностранных писателей. Приятно было смотреть, милостивые государи, с какою непринужденною смелостию бранил он Мольера, Расина и Боало, никогда их не читав, и с каким равнодушием смотрел трагедии Корнелия[8]. «Скажи,— спрашивал у него некто,— для чего не учишься ты языкам иностранным и делаешь такие смелые заключения, не понимая их авторов?» — «Сердце у меня слышит,— отвечал он с благородною простотою,— что в них во всех менее толку, нежели в Бове Королевиче, притом же я знаю склады на многих языках, но российские склады красноречивее всех складов на свете. А как склады служат основанием словесности, то кто может меня уверить, чтоб из дурных припасов можно было воздвигнуть прекрасное здание?» Какое сильное, какое убедительное доказательство преимущества российской словесности! не нужны ему были ни авторы, ни история: одними складами открыл он сомнительную истину и доказал, сколь полезно ученому человеку знать склады.

Но только ли его совершенств? Чем более я говорю, тем неисчерпаемее становится мой источник. Язык мой не успевает следовать за моим воображением; воображение мое не находит пределов. Но если уже природа человеческая столь слаба, что ни мне всего того, что бы я хотел сказать, ни вам всего, что бы я сказал, выслушать не станет сил, то дадим ей роздых. Пусть наше

согласное молчание увенчает достоинства бесценного Ермалафида, и пусть будет оно служить символом спокойствия, коим некогда будут наслаждаться в ученых анбарах его неподражаемые творения.

САТИРИКО-НРАВООПИСАТЕЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ И ЭССЕ

А. П. СУМАРОКОВ

О ДУМНОМ ДЬЯКЕ, КОТОРЫЙ С МЕНЯ ВЗЯЛ ПЯТЬДЕСЯТ РУБЛЕВ

Известно, что в древние времена обер-секретарей еще не было, а вместо их были думные дьяки, из которых некто с меня счистил пятьдесят рублев, а я в том извиняюся следующими причинами. Я был двенадцати лет тогда, и что за взятки приказано вешать, я етова еще не знал. Вторая причина было мое любопытство узнать, каким образом акциденция берется. Третья причина, что ежели бы я не дал ему денег, так бы дело то не было сделано.

Вот как берутся взятки. Приехал я ко двору его высокородия думного дьяка зимою в санях и, подъехав ко двору, радовался, что я скоро буду в тепле, а етова я не знал, что челобитчики к думным дьякам на двор не въезжают, и выходят у ворот. Ворота у дьяков всегда запираются замками изнутри, понеже-де то от воров имеет быть безопаснее. Больше получаса стучался я у ворот: отперли калитку, выглянул приворотник и спрашивал, как ему назвать мое здоровье. Я не знал, как ему отвечать и промолчал, ибо такой вопрос и не ребенку странен покажется. Он спрашивал, как назвать вашу милость; ето я знал, потому что оно несколько употребительно, а по нашему: «Как тебя зовут?» Я ему сказался, а он калиткой хлопнул и ее запер. Слуга мой был поискуснее меня и говорил: «Надобно дать деньги». Я опять постучался; он опять выглянул; я давал деньги, чтоб он отнес их к думному дьяку, а меня бы

впустил. Однако он их не взял, извиняяся, что господин его может подумать, будто он не все сполна ему отдаст, а мне чаялося, что везде деньги берутся в тех местах, куда безденежно не впускают у дверей, ибо я бывал на Комедиях, смотрел Александра и Лодвика, Париж и Вену и другие комедии[1], на что я и ссылался, а он отвечал, то-де враки, а здесь дела. Очень досадно мне ето стало, что дьяков он писателям драм предпочитает, как будто сердце слышало, что я по времени буду иметь нещастие быть драматическим стихотворцем. Однако служителю знатного человека должен я был уступить, а мой слуга сунул ему в руку пять копеек, которые он с меньшею принял учтивостию, нежели подлекарь и дьячок. «Дома ли,— спрашивал я,— ево благоутробие?» — «Етова я еще не знаю,— отвечал он,— я пойду о том, дома ли он или нет, доложу ево милосердию и вашей чести донесу». Еще с полчаса прошло того времени, в которое мне зябнуть предписано было. Возвратился дворник и объявил, что боярин его дома: не дьяком назвал он его, боярином; а в этом было в древности различие.

На дворах приказных служителей стоят на часах собаки; и кто из них больше чином, у того больше собака и толще лает. Подворотни у дьяков превысокие и для челобитчиков из под калитки не вынимаются, а ворота и не отворяются. Калитка была очень узка, и человек мой пролез боком на двор, а я, будучи мал, через подворотню насилу перелез. Как только собака нас увидела, преужасно залаяла. Цербер не испугал Геркулеса во аде[2], а меня дьячий Цербер гораздо испугал, потому что я ребенок был, да я ж и не Геркулес, хотя и в ад вошел. Слуга мне говорил, чтоб я поклонился Церберу. «Как,— спрашивал я,— чтобы я собаке поклонился?» — «Хотя это и собака, однако дьячья»,— говорил он. Но когда я уже дошел до такой подлости, чтобы кланяться дьяку, великое ли ето уже унижение, чтобы и собаке не поклониться. Поклонился. Да еще и пристойнее было, чтоб я собаке поклонился, нежели ее помещику; она денег не возьмет у меня, а бессовестный ея помещик с меня счистит.

Я редко вспоминаю, что я дворянин, а в то время вспомнил я это и размышлял, идучи по двору: дьяк богатее меня, а я несу ему деньги; дьяк хуже меня,

а я иду ему кланяться. И ежели бы я философ был, конечно бы закричал: «О времена! О нравы»![3] Вшел я в боярские покои, подошла ко мне боярская боярыня. Не чудно ли ето, что дьячью служанку называли боярынею? Сия боярыня была охвата в два, в подкапке, в телогреи и босиком. «Боярин,— говорила она,— в мыльне и уж выпарился, скоро изволит выйти». Подьяческое племя с самого младенчества привыкает, и терпят они легко, как их по спине секут, а намерение то, чтобы не тако трудно было телесное наказание, ежели по силе уложения и указов нужда того потребует; и заставляют подьячие холопьям своим сечь себя в бане и велят себя до тех сечь пор, покаместь побагровеет спина. И как они под патогами ни кричат, однако, когда то окончится, так они становятся еще бодрее того, нежели были, и ради того патоги — их обыкновенная забава. И чтобы воскресенье как праздничный день проводить им повеселее, так они по всякую субботу себя сечь приказывают, хотя иные говорят, будто они терпят это добровольно за соделанные во всю неделю плутни и что перед праздником полагают на себя сию епитимию подобием христиан Западной церкви[4], и что подьячие, не дав себя ввечеру в субботу высечь, не ходят к обедни в воскресенье, а когда и придут, так стоят только в трапезе, будучи осквернены. Я бы к нему в субботу ввечеру конечно не поехал, ведая, что все приказные служители секутся в ето время в банях патожьями; да что делать? Я был кадет[5]. В протчии дни надлежало учиться и быть у себя, а в воскресенье для кадетов день отдохновения, а для подьячих день пьянства. Итак один только вечер субботы мне к тому остался.

Вышел боярин из застенка, я ему подал письмо, а того, что я с деньгами пришел, он не ведал и принял меня спесиво. Я ему подал грамотку, он надел очки, грамотку распечатал и почал читать. Суровый его вид переменился, когда он дочел до того места, где о пятидесяти рублях помянуто было. Прочет письмо, обозрел меня очень жадно, со мною ли те деньги. И когда я ему стал их подавать, говорил он: «На что это? Это, право, напрасно». О приказная душа! На что было такое лицемерие? Говорит «На что это?» и берет. А что ето напрасно, ето подлинно; я ето знал, хотя бы ты и не

сказал. Взял пятьдесят рублев и поднес мне стакан меда, и как я больше половины стакана выпить не хотел, так он меня гораздо подчивал и уверял меня, что это мед ставленой и хмелю в нем нет. «Я этому верю,— отвечал я,— да я и без меду иззяб». «Нет, ничего, выкушай,— говорил он,— это питье хорошо». А я думал то, что в тепле быть и брать за ничто чужие деньги ето хорошо, а в холоде быть и отдавать за ничто свои деньги, это не гораздо хорошо.

Отдал ему свои деньги и поехал домой, всем тем, которые нарушая честность и присягу, корыстуются взятками, желая виселицы.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

СЛЕДСТВИЯ ХУДОГО ВОСПИТАНИЯ

Отец мой дворянин, живучи с малых лет в деревне, был человек простого нрава и сообразовался во всем древним обычаям; а жена его, моя мать, была сложения тому совсем противного, отчего нередко происходили между ними несогласия, и всегда друг друга не только всякими бранными словами, какие вздумать можно, ругали, но не проходило почти того дня, чтобы они между собою не дрались или бы людей на конюшне плетьми не секли. Я, будучи в доме их воспитыван и имея вседневно в глазах таковые поступки моих родителей, чрезмерную возымел к оным склонность и положил за правило себе во всем оным последовать. Намерение мое было гораздо удачно; ибо я в скорое время, к удивлению всех домашних, уже совершенно выражал все те бранные слова, которые, бывало, от родителей своих слышу; а что до тиранства принадлежало, то уже в том и родителей своих превосходил; хотя и они в сем искусстве гораздо неплохи были: ибо один раз батюшка за недоимку 35 душ. . . . . , а матушка еще и того более бесчеловечным наказанием на . . . . . . как узнала, что некто из крестьян перешиб ногу любезной ее собачке. Отец мой хотя, правда, был неда-

лекого разума, однако разбирал понемногу «Четьи-Минеи»[1] и другие церковные книги; матушка же моя насмерть тех книг не любила, потому что она девицею воспитана в городе; да редко имела досуг читать и французские, потому что вседневно ходила слушать очистки крестьян:[2] во что уж батюшка мой никогда и не мешался; а только лишь, бывало, по приговору матушкину сечет крестьян. А как я уже приходил лет под десяток и батюшка мой начал преподавать мне первые начала российския грамоты, то матушка, любя меня чрезмерно и опасаясь, чтоб от такового упражнения голова у меня не разломилась или бы по времени не повредился я умом, всегда меня от книги отрывала; и не раз за то бранила батюшку, что он меня к тому неволил. Книга, если правду сказать, мне и самому в то время гораздо несносною казалася, и я, не приметя еще хорошо, по чему различать А от Д, столько оную вымарал, что батюшка мой и сам почасту не распознавал букв, которые он знал ли, полно, он и сам твердо, я сомневаюсь: ибо он, как я приметил, называл одну букву тремя званиями: но до того мне нужды мало. Матушка моя, пришедши из конюшни, в которой по обыкновению, ежедневно делала расправу крестьянам и крестьянкам, читает, бывало, французскую любовную книжку и мне все прелести любви и нежность любезного пола по-русски ясно пересказывает; от сего по тринадцатому году возраста моего родилась во мне та сильная страсть, о которой не только знать, но и говорить моих лет ребятам за стыд и неприличное дело почитают. А как я от рождения моего не знал, что есть стыд, и мне про то никто не толковал, а меньше еще того разумел о неприличности, то, устремя все мысли свои к любви, коея прелести мне матушка в самых ясных словах изобразила, влюбился в комнатную дома нашего девку, обладающую всеми теми прелестьми, которые только могут пленить нежное сердце несчастного любовника, и сделался в короткое время невольником рабы своей. Таковой случай причинил немалое огорчение и самым моим родителям; но в том должны они жаловаться на себя: ибо я, не видя ни от кого хороших примеров, последовал слепо их же поступкам, развратившим мое сердце. От праздности, в которой я все дорогие своей жизни часы препроводил и которая по несмысленности

мне приятною казалась, произошли все мерзости исполненные дела, а вольность сделала меня отважным и наглым на все предприятия. Я спознался с сыном одного помещика, неподалеку от нашей деревни живущего, который воспитан был не лучше моего и детина на все руки. Покрытый сединами его отец ожидал с часа на час смерти, яко убежища своего, и все предал свое сокровище в руки своего сына, которого, хотя был он еще несовершенных лет, вся деревня трепетала. От частого с ним обхождения научился я просиживать целые ночи, весьма скоро в игре, в пьянстве и в других непостоянных забавах преходящие, и был уже совершенного знания во всех карточных играх к погибели своего дома. Отец мой, разгневавшись на меня за таковые мои поступки, выгнал меня из дома и лишил законного наследства; а я, не имея средства, чем себя пропитать, вдался во всякие не приличные моему роду дела и тем доставлял себе бедное пропитание. Наконец несносные бедствия и оставшаяся во мне еще искра стыда и совести начали исправлять мои поступки, и я вступил в военную службу, где нужда еще больше того меня поправила, почему ныне я живу спокоен со всегдашним сожалением о участи тех бедных, которые имеют подобное моему от родителей или наставников своих воспитание.

* * *

Г. *Несчастный Е***,* поступки отца вашего и матери, так, как и ваша в рассуждении родителей неблагодарность достойны справедливого порицания, но вы все уже довольно наказаны. Отцы и матери, казнитеся сим примером, воспитывайте детей своих со тщанием, если не хотите опосле быть ими презираемы.

Н. И. НОВИКОВ

[О КОФЕГАДАТЕЛЬНИЦАХ]

Господин живописец!

Будучи всегдашним читателем похвалы достойных ваших листов, вижу я с удовольствием, что вы стараетесь в оных общеполезные делать наставления. Множество описали вы нам пороков, за которые иные вас благодарят, а большая часть людей злословят вас; из чего видно, что большая часть сих объяты пороками и нравоучениям внимать не хотят. Добродетель в ушах их слышится им некиим старинным названием, в одно ухо влетающим, а в другое вылетающим, безо всякого в них действия. Но как бы то ни было, намерение ваше хорошо; не взирайте на их толки, угодить на всех не можно; да и добродетель вещь не есть модная, продолжайте только ваш труд, авось-либо придет такое время, в которое иные поправиться вздумают; а прочие пороков остерегаться будут. Ведая, что есть дело невозможное, чтоб вам на мысль пришли вдруг всякого рода человеческие заблуждения для внесения в ваш журнал, предприял я вам для того в оном по одному случаю учинить вспоможение вольным переводом. Не приметил я, чтоб вы где-либо упомянули о кофегадательницах, и удивительно, как сии женщины по сю пору вашего примечания избежали, хотя они и столь много служат ко посрамлению человеческому и, следовательно, давно уже достойны надлежащего описания.

Быв недавно свидетелем предсказаний такой женщины, нахожу себя в состоянии оную точно описать. Кофегадательница есть такая тварь, которая честным образом более уже пропитания сыскать не знает или не хочет честно кормиться. Иная кофегадательница не имеет на теле цельного платья, ходит в раздранных лоскутьях, а вся таких старух шайка есть сборище побродяг, которых почитать должно извергами человеческого рода.

Такие кофегадательницы, не имея довольно смелости что-либо похищать, дабы им не быть при старости

истязанными и не умереть с голоду в остроге, выдумали хитрое искусство обирать деньги у простосердечных людей, не будучи обвиняемы от градоначальства каким-либо похищением. Они обманывают людей, не умеющих мыслить, что могут предсказать все из кофейных чашек. Когда такую Кивиллу приказывают позвать,[1] то предлагают ей вопросы, например: Скупягина вопрошает, кто украл серебряную ложку? Бесплодова, будет ли она иметь детей? Страстолюбова, верно ли любит ее полюбовник? Щеголихина, скоро ли умрет ее муж картежник: и так далее. Тогда должно сварить кофий, и сие уже само по себе разумеется, что поднесут ей большие две чарки водки, чтобы возбудить сим в ней более предсказательного духа. Потом нальет почти половину чашки густого кофию и болтает его кругом иногда с важным, а иногда с пронырливым видом троекратно, чтобы кофий внутри повсюду пристал. Между кофегадательницами есть еще и в том несогласие, надлежит ли после троекратного болтания дуть в чашку или нет; те, кои показывают себя верными угадчицами, сие делают, утверждая тем, что предсказательное дыхание, частицы кофия в чашке, определяет значащие изображения. После сего ставит чашку обернутую на стол, чтоб кофий из нее вылился, поворачивает ее еще два раза, дабы троекратным движением ничего не значащий кофий вон выбежал, чтоб предсказательные части кофия в чашке одни прилипшими остались. По учинении сего поднимает чашку вверх и в нее смотрит. Вопрошающие особы стоят перед сею отгадчицею, пребывая между страха и надежды. Наконец открывает она рот свой и предсказует, например: вор, похитивший ложку, имеет черные волосы. Вопрошающая отвечает: так, это правда. Я знала уж давно, что Ванька вор. Чашкогадательница получает полтину, иногда рубль и более, смотря по важности отгадываемой вещи, и потом уходит домой.

По выходе гадательницы вопрошавшая призывает Ваньку, приказывает принести плети или батожье; спрашивает его, куда он девал ложку, и приказывает, чтобы он немедленно признался. Ванька божится, клянется и уверяет ее, что он ложки не крадывал; но божбам его не верят. Боярыня его ругает; и лицо его, кажется ей, изобличает его в покраже. Ваньку секут без пощады; долго он терпит напрасное мучение и говорит правду,

но наконец начинает лгать. Он признается в покраже ложки, сказывает, что ее продал и пропил.

— С кем?— спрашивает боярыня.

— С Андреем, соседским слугою.

— Так,— кричит госпожа Скупягина,— я никогда не ошибаюсь: вы оба давно казались мне ворами.

Скупягина посылает к соседке, просит ее, чтобы и она также наказала своего слугу. Андрей также говорил правду, но наконец побоями и его принудили лгать. Скупягина Ваньку своего еще наказывает отнятием жалованья и кормовых денег, чтобы возвратить свою пропажу и то, что заплачено кофегадательнице. Ванька из доброго человека по нужде становится вором, окрадывает свою госпожу, уходит, проматывает, попадается; его отдают в приказ: покраденное пропадает, а Ваньку, яко вора, посылают на каторгу. Скупягина, лишася ложки, лишается и Ваньки.

Здраво рассуждающие люди не инако верят, как что сие кофейное предсказание имеет такое же основание, как и в святые вечера ставящиеся кучки соли, литье олова и воска. Впрочем, потребно на сие только половина ума человеческого, чтоб понимать, что все такие колдовки сущие обманщицы. Вопрошающие особы болтливы и для того объявляют такой кощунье наперед все свои чаяния; а она располагает свои ответы всегда по сим мнениям и лишь только объявит общественный ответ, который стократным образом толковать можно, то и выводят они его по своему чаянию, удивляясь пророчествующему дару сея ворожеи. И так весьма легкий способ есть посрамить такую женщину: представь ей вопрос и ничего более с нею не говори, ни прежде, ни после, так увидишь тотчас глупую ее ложь. Одна женщина вопрошала в то время, когда она хотела выйти замуж, счастливо ли будет ее замужество? На что такой ответ последовал: ты скоро выйдешь замуж; муж твой будет своеобычливый человек и проживет с тобою только двенадцать лет; у тебя будет четверо детей. Однако изо всего оного не вышло ничего. Ожидаемое замужство рушилось, и эта женщина еще долго незамужнею пребыла.

Другая вопрошала, скоро ли умрет муж? На что ей ответствовано было, что муж ее через полгода умрет: почему госпожа, восхищаясь радостию, тайно с другим

сделала сговор, чтоб по прошествии полугода выйти замуж. С нетерпеливостию она ожидала того блаженного часа, в который изыдет душа из тела ненавидимого ее мужа. День предписанный наступил, и муж ее в оный был веселее прежнего; и поныне еще, к несказанной печали неверныя своея жены, живет. Не знаю того, есть ли в других местах такие гнусные ворожеи; буде их нет, так весьма досадно, что у нас в городе столько просты и глупы, что их терпят. Во многих домах есть свои особливые угадчицы. Некоторые ежедневно на кофий гадают и при каждом случае для укрощения суеверного любопытства ищут прибежища у такой ворожеи; а в некоторых домах бывает она еще и важнейшею тварию: приходит ли она в знатный дом, то скрывается с нею госпожа или кто иной в особую комнату, чтоб не подвергнуться опасности или посмеянию, буде хозяин человек разумный. И тако естественный человеческий разум сказывает каждой почитательнице ворожей, что она в сем случае весьма безрассудно делает, инако бы не для чего было опасаться и стыдиться, если бы предсказания ее были на истине основаны.

Ежели бы кофейницы не делали иного вреда, кроме выманивания лжами своими денег, так можно бы подумать, что свет хочет быть обманут, и так да будет он обманут. Но она есть более сего сатана, более сего несчастию заводчица в человеческом роде, нежели как думают. Сия проклятая тварь причиною, что невинные люди приходят в подозрение; она восставляет недоверие, ссоры и несогласия. В доказательство сего намерен я только привесть два примера. Некоторый муж, коего я далее описывать не хочу, был к жене своей ревнив. Он пошел к кофейнице и приказал отгадывать о честности своей жены. Кофейница уверила его, что жена ему неверна. С того времени муж сей как бешеный с женою своею поступает. Бедная жена что б ни делала, как бы она невинность свою ни доказывала, ничто ей не помогает. Она есть и пребудет в глазах его бракопреступницею, для того что кофейница так ему отвечала. В другом доме нечто было украдено; спрашивали у нее и по ответам ее заключили, что похититель есть тот человек, который в том доме имеет знакомство. С того времени почитают его вором, повсюду его таким злословят и в дом к себе не пускают; однако я знаю

по особливым известиям, что совсем иной человек сие преступление учинил.

Тщетно бы было чрез основание здравого ума тех, кои верят кофегадательницам, приводить к разуму человеческому: ибо они свой собственный потеряли. Однако надлежит таким людям помыслить, что христианину весьма неприлично производить такие чародейства. Они в просвещенных обществах никогда не терпелись; и ежели бы во времена Саула, когда он еще был в здравом уме, были такие ворожеи, то с ними равная же бы судьба воспоследовала, как и с чародейницей во Ендоре.[2]

Ежели вы сие описание напечатаете, то, может быть, сим откроете глаза некоторым господам и госпожам, так что они сами прежним своим заблуждениям дивиться станут. Впрочем, довольны бы мы были, когда бы сим откровением поправились они и оставили бы такое сумасбродное кофегадание.

А. И. КЛУШИН

ПОРТРЕТЫ

День тихий и ясный; множество великолепных карет и колясок подъезжает к саду, становятся у моего окошка, и стуком своим отвлекают меня от моего упражнения. Я проходил неоцененную Телемакиду:[1] сличал прозу творца ее с прозою сочинителя Синава [2] и увидел, что два сии мужа жили в одно время. Позлащенная карета Двудушина, столь сильно ударила колесом в мою стену, что окошко задрожало; библиотека моя содрогнулась и обрушилась на меня. Тщетно просил я помилования у творцов, наполняющих ее: они столь бесчеловечны были, что давили меня без пощады. Один Петрушка в росхмель, подбежал ко мне и с чрезмерным напряжением сил кое-как вытащил меня из-под них. Что ты делаешь?— спросил у меня один из моих знакомых, войдя ко мне.— Знаешь ли ты, что жизнь твоя была в опасности? Ты придавлен был книгами...— Какими? спросил я.— Российскою Памеллою, четырью томами Рифмокрада, Лоимологией, десятью то-

мами Идиллий и эклог[3]...— Окончите, окончите,— вскричал я с нетерпением.— Бесчеловечные! за что вы ополчались на жизнь мою, на жизнь человека, который столь снисходителен, что поставил вас в свой шкаф?..— Не горячись,— повторил мне мой знакомый,— ты и теперь еще можешь получить от них горячку.

Пот лил с меня градом, и хотя я мог получить простуду, но не внимал детищам Эвскулапиевым,[4] которые имеют честь род человеческий отправлять на тот свет; и для того растворил окошко и смотрел на приходящих и приезжающих в сад. Мне представились черты *Двудушина,* черты благотворителя смертных, который и то благодеяние почитает безделицей, что скрытно гонит все сочинения, не имея разума дать им цену; который столь много имеет благородного духу, что без преступления лишает мест служащих под его начальством, не смея лишить чести, которая выше его воображения.

Благотворитель сей поспешал к карете: с нахмуренного чела его лился кровавый пот, схожий с теми потоками крови, которые высасывали они у неимущих покрова, и осужденных умереть под щитом его правосудия; глаза его сверкали подобно молнии, гнев, отчаяние и ужас сопровождали его. Он сел в карету и поскакал в дом свой, нажитой с помощию законов, с тем намерением, чтобы удавиться в кабинете благоприобретенном им. Непохвально ли предприятие его? Он хочет приступить к сему славному подвигу заранее для того, чтобы позже его не повесили. Добродетель всегда имеет своих гонителей.

Великая душа стенания не знает,
И смерть избрав в покров, отважно умирает.

Но это что за молодой человек, расчесанный в несколько букель и одетый в самом последнем вкусе? На лице его начертана радость, удовольствие и самое восхищение... Ах, Боже мой! это *Подломысл;* но что за крайность побуждает его бежать сломя голову в карету и скакать на борзой четверке?.. Он женился вчера на госпоже *Вертоноговой,* которая сегодня родила, и для того поспешает уведомить своего благотворителя о рождении его сына.

Золотая карета подъезжает к самому мостику сада: Арап и Егерь, богато одетые, принимают за руку прекрасную барыню. Мне кажется, это *Разврата!* так, она;

божиться можно, что она прекрасна, ловка, жива и знающа свет. 20 000 рублей, положенные в ломбард на ее имя, свидетели беспристрастные. Третьего дня приезжала она к приятельнице уведомить ее, что она в две недели имела честь разорить *Шестеркина* и отправила в магистрат попечителя своего *Промоталова;* сего дня уведомить своих подруг в саду, что вышла замуж за человека 6-го класса по табели о подлецах, и что в приданое принесла ему трех детей.

Кто добродетелью своею не скупится,
Скоренько может тот с умом обогатиться,
Пример тому в глазах *Цапато* наш с женой:
С заплатой был кафтан, а ныне золотой.

Ба! это господин *Вертушкин.* Фрак и дорогие пуговицы, купленные на вексель, часы, взятые у француза с тем, чтобы все его книги купить для одного барина, у которого он по временам бранится, шутит, спорит и дерется, неложные доказательства, что это дорогой *Вертушкин.* Он один заключает в себе многих, рассмотрим его: что значит этот гордый вид и нахмуренные брови? Презрение ко всему роду человеческому, не выключая и себя, яко первого предмета своей ненависти. Что значит фрак, сделанный по моде, но который сидит на нем худо? Что он сшит в долг; а вексель на наличные деньги. Что значит холодный поклон, сделанный им красавице? Что он приезжал к ней с визитом, но далее передней его не пустили; для того, что дома кошелек забыл. Что означают некоторые пятна близ багрового его носика? Что он недавно возвратился из планеты Венеры; а потому, что ехал мимо солнца, так обжегся. Что значит эта милая улыбка, которую он делает всем женщинам? То, что он в них счастлив. Ибо недавно одну представил своему благотворителю. Что значит, что он то горд и велик перед одним, то мал и низок перед другим? Что последним был в прошедшее и настоящее время, а первым никогда, по причине великих достоинств. К чему приписать, что он сулит портным, сапожникам, каретникам и другим мастеровым домы, фабрики, заводы? Чтоб уверить, что они получат с него долги свои, которые он обещался в магистрате им заплатить. Какому могуществу отнести должно расточение чинов, которые он щедро всем обещает? Чтобы удивить дураков и доказать умным, что он и сам их не имеет. Что значит,

что он не выпускает из рук своих книгу? Чтоб показать себя ученым. И должно признаться, что он в своих сочинениях очень успел. Два года уже, как книгопродавец плачет от его драмы.

Это что за *Жако?* Коротенький голубой камзольчик с черным бархатным воротником, пюсовый шелковый пояс с превеликим бантом; лосиные желтые чикчиры, сделанные в обтяжку, так что все члены его противу благопристойности обнажены; изображают франта новейшего времени. Посмотрим на него со вниманием: я хочу быть повешен, ежели он ролю свою играет не самым худым образом. Под платьем тонкого, развязного, скрытного плута виден в нем грубый фабричный; глаза, которые должно с приятною легкостию и живостию обращать на встречающихся с ним, обращает он, как вор, приговоренный к ссылке, и который скорее заставит бояться его, нежели пленяться им. Вместо хитрой, мастерской улыбки смеется он, потрясая плечами и всем корпусом. Ежели думает он, что он похож на жако, то грубо ошибается; и непростительно тому, кто его посвятил в этот наряд. Но куда он направляет с такою скоростию путь свой? Он несет припечатать в ведомостях задачу следующего содержания: «Я женился на госпоже *Триолевой;* имя жены моей *Нецеломудра;* в приданое принесла она беременность и несколько тысяч рублей; вопрос: где и каким образом получила она столь знатное богатство?» На разрешение сей задачи назначает он шесть месяцев. Все, что может представиться воображению в рассуждении разыскания задачи, позволяет он употребить к догадкам, выключая нелепого сомнения на честь и целомудрие супруги его. Оттоль отправится совершить не малое подаяние бедным, дабы умоляли провидение, чтобы супруга его сохраняла то же целомудрие и воздержание, будучи замужем, каким блистала девушкой.

Не сей ли великий муж шествует благородными стопами, коего улыбка привлекательна; который остротой пера своего возбуждает в сердцах слушателей удовольствие, в просвещенном разуме удивление? Не сей ли тот, который тонким, легким и благородным образом снимает с уст публики улыбку и извлекает невинный смех? Не сей ли тот, который, осмеивая нравы, исправляет их; но не развращая ни сердца, ни разрушая правил чести? Есть ли таковые у нас писатели, я отдаю чита-

телю на суд; но что таковые могут быть, сие неоспоримо. Ежели мы воззрим на историю прошедших веков, то увидим, что в других государствах науки шествовали медленными стопами; но в России, при самом зарождении их, возникли новые *Пиндары, Виргилии, Расины* и *Мольеры;*[5] творения их ровнялись с лучшими творениями, я не включаю тут Академии. И теперь еще могут быть толь великие люди, ежели истребят ложных меценатов, которые не покровительствуют, но подавляют науки.

Спеши, спеши, скорее в сад, вскричал я одному проходящему мимо меня мужу, состарившемуся во брани. Сколько много там пищи для просвещенного твоего разуму, и сколько много удовольствия для неповрежденного сердца твоего!.. например: ты увидишь целомудренную девицу, сквозь нос проворчишь, что она была твоею любовницею; увидишь честного, кроткого и украшенного сединами гражданина, скажешь, что он грабитель ближних; увидишь просвещенного человека, назовешь его невеждой потому, что посмотришься, как в зеркало; увидишь писателя, осмеивающего пороки, осудишь посадить его в смирительный дом, чтобы твое место было уже занято; увидишь воина, удостоишь его имени смертоубийцы, потому что трусость твоя не позволила тебе с неприятелем сражаться; увидишь хорошего актера, найдешься принужденным побранить его, как он смеет нравиться публике; увидишь ломающегося буфа,[6] скажешь, что таковы должны быть все актеры; а чтоб преподать сии правила и иметь просвещенную публику на своей стороне, ты напишешь поэму на театральное искусство; постараешься наполнить ее повторениями, нелепостями и докажешь свету, что актерство должно составлять коверканье, ломанье, дрягание руками и ногами, кривлянием лица и хлопаньем глаз; пением ненатуральным, неправильным, грубым и несносным ни уху, ни сердцу; в заключение уверишь всех, что буфы суть актеры, хотя ни один просвещенный зритель с тобою не согласится и будет справедливо настоять, что игру буфов составляет неблагопристойность и подлое ломанье; будет уверять всех до исступления, что капельмейстер, который в самом деле не знает даже Генерал Баса,[7] как путеводителя к музыке, сочинитель великий, хотя бы музыка его имела мысли самые простые

и народные. Наконец разбранишь целый свет, не пощадя и самого себя, и отправишься в смирительный дом, где исполнители закона с распростертыми руками тебя ожидают.

А! наконец, дождался я и господина *Антимуза*. С какою искренностию, с каким чистосердечием и благоразумием вооружается он на науки, как на орудия, служащие к развращению сердца и разума; с какою благородною смелостию отзывается он худо о тех сочинениях, которых он и не читал, и понять не может.— О ты, счастливый смертный! стремись во след самому себе, отвергай и презирай то, что миллионами людей признано за полезное и бесценное благо человечеству; не робей, ополчайся, ты найдешь себе сопутников, и никто не дерзнет защищать пред тобою науки.

Кто мнение свое рассудком подкрепляет,
Непобедим и тверд, противных побеждает.

Тьфу, к черту, мой любезный друг,— вскричал мне один из молодых просвещенных людей!— Чем занимаешься, скажи мне? Верно не так сидишь? Верно пишешь? Хорошо, хорошо, это молодому человеку похвально. Сколько предметов для описания! сколько прекрасных картин для глаз! и которые, ежели бы обрисовать их и поместить между действий в каких-нибудь комедиях, трагедиях, операх, или драмах, великое бы сделали украшение театру и сочинителю славу...— Чем вы занимаетесь, спросил я у сего ребенка? — Я,— отвечал он с твердостию, приличною великому духу,— описываю разные декорации, как то: горы, с которых бы ручьи кристальных вод с шумом вниз ударяли; пещеры, над которыми бы висели страшные каменья, и мнимым падением своим прохожих устрашали; бушующие моря, кипящие волны, гром, дождь, снег, вихрь, бури и прочее многое, чего наизусть пересказать не умею. Да только надобно,— примолвил он,— чтоб кто-нибудь написал что ни есть драматическое и поместил мои описания декораций туда. Главное-то я уже сделал; а недостает безделицы, слов.— О! конечно, безделицы,— отвечал я,— но для чего вы не выберете лучшего упражнения? У нас множество декораторов, а вы не более как любитель; вы бы лучше начали сами какую-нибудь драму...— Да я и примусь за это; но

только тогда, когда сделаю описание декораций для целых пяти действий; ибо гораздо труднее в этом успеть, нежели в драме. Вы, без сомнения, знаете, что великий Корнелий, Расин и другие[8] были лучшие театральные писатели; но декорации во всех их пиесах очень нехороши. Теперь у меня предприятие, достойное великого ума: на одной декорации хочу я поместить подзорный дворец, конюшенный двор, пулковскую гору и всю царскосельскую дорогу. Это нечто великолепное будет,— и побежал от меня с восхищением.— О великий ум,— сказал я,— для славы отечества нужно поддержать тебя!

У окошка моего остановились два молодых человека: Бога ради,— говорил один другому,— займи ты чем-нибудь ее мужа; мне нужда поговорить с нею. Ты знаешь, что я ее обожаю, а влюбленный и тогда найдет тысячу причин спрашивать, отвечать, клясться и уверять, когда все можно решить двумя словами. Она ко мне неравнодушна, я тебе уверяю. Может быть, два часа, посвященные мною ей, сделают меня счастливым навсегда. Муж ее охотник говорить о политических делах; одни ведомости, наполненные вздору и невероятности, займут его столько, сколько тебе будет угодно говорить о них. Я подойду к ней, предложу ей чашку чаю, она пойдет со мною в кофе, и потом...— Другой выслушал просьбу первого и пошли в сад.

Что-то выйдет, думал я. Ежели совершится предприятие двух друзей, то волокита с красавицей пойдет мимо моего окошка, и я постараюсь подслушать их разговор. Читатель! ты назовешь меня негодницей; но я тебе скажу словами Фигаро: чтоб услышать, то надобно подслушать;[9] впрочем, уверяю тебя, что я, кроме тебя, никому об этом ни слова не скажу.

Уже начинались сумерки, и я не видал ни молодого человека, ни добродетельной супруги. Неужели,— вскричал я с горячностию,— эта женщина не выдержит своего характера и упустит случай быть благонравною и целомудренною женою? Это бы была такая новость, которая бы обезобразила весь 18-й век... время становилось темнее: вдали увидел я молодого человека, ведущего женщину под руку: это были дорогие любовники, и я не ошибся в них; они подходили ближе к моим окошкам и пробирались к лесенке, по которой в кофей-

ный дом входят, не опасаясь быть обеспокоенными. Наконец, остановились.

— Ах, душа моя,— сказала красавица,— как ты нетерпелив! положим, что муж мой набитый дурак, который полагается на мою верность, который на все мои покушения смотрит в лорнет: но со всем тем он мог нечто заметить. Когда ты говорил, искры на глазах, трепетание твоего сердца, робость, неразвязанность, были в тебе слишком явны; и одно, что не дозволило ему приметить твоего смятения, это было то, что он горячо утверждал, что из двух воюющих государств одно другое победит. Ах, как он смешон, жизнь моя!.. но я, я не забываю ли своей должности? Не делаю ли я того, что... что должно делать благоразумной женщине,— прервал волокита.— Неужели муж с приобретением тиранского права владычествовать над женою, получает право и быть любимым?.. Неужели целомудрие?.. И что такое целомудрие? Слово педантическое. Так, сударыня, муж имеет довольно грубое над вами, что называет вас женою. Это дерет уши просвещенного человека...— И для того-то,— сказала красавица,— я на третий день моего замужества разрушила это варварское прежюже;[10] — а впрочем... а впрочем, перехватил он, какое различие между именем мужа и любовника! какое несходство наслаждений по должности и по любви!.. один, повелевает, принуждает и исполняет; другой угождает, просит и наблюдает во всем строгое равновесие; первый тиран; другой раб; первый любит только, ежели любит; другой обожает; и это истина. Красавица молчала; волокита лобызал руки; и только чуть сплелись уста с устами, как рабочий мужик из окошка нечаянно опрокинул на них кувшин не знаю с чем-то. Облитые, вне себя оба, у коих простяк сладчайшие минуты в жизни отравил грубою материею, удаляются от окошка к каналу; проклинают невинного простяка, и не знают, чем помочь себе. Работник, который посредством крика их увидел нечаянно свое дурачество, сказал хладнокровно: «Эка! облил...» Сожалея о дурном успехе влюбленных, я улыбнулся и отошел от окошка.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ПЕРЕДНЯЯ ЗНАТНОГО БАРИНА

Я бы никогда не простил себе, если бы когда-нибудь стал искать покровительства. Я беден; но тверд, кусок хлеба, который я заслужил, слаще всякой пищи, которую мог бы я приобресть исканием. Сказывают, что надобно льстить, чтоб выиграть любовь у большого барина... видно, я никогда любим не буду, я гнушаюсь лестию и хочу быть должен всем трудам своим, нежели гордой улыбке слепого счастия, которая снискивается лестию. Я читал много о передних знатных бояр, и по большей части читал худое об них описание: инде говорят, что там господствует стон несчастных, и пол смочен слезами беззащитных достоинств; инде пишут, что будто вход в переднюю отверзается мешками; а перед рубищем и бедностию он навсегда затворен, и грубый швейцар с страшною дубиною, как лютый цербер[1] одним взором отгоняет приходящих... Боже мой! говаривал я сам себе, ежели это правда, как пишут... язык мой немел и от одного воображения заливался я слезами... и в то же мгновение благодарил Бога, что он меня создал с таковым расположением души, что, будучи малым доволен, я никогда не буду иметь нужды таскаться по передним... развернул я еще книгу, нашел и там описание передней, где господин дома будто всех принимает ласково; но благосклонность его питает всегда просителей завтрем...

И так судя по таковым описаниям, каким я поражен вдруг ударом, когда представилася мне нужда идти с просьбою к большему барину?.. Я воображал, что или меня туда не пустят, или я принят буду и провожден с презрением: но колико я обманулся! о проклятые писатели!.. вы часто созидаете в мыслях своих такие

нелепости, которые нигде, кроме воображения вашего, не существуют. Какая в том польза, что вы обременяете вашими мрачными картинами читателя? Отныне я не поверю вам ни в чем. Вы, описывая вельможу гордого, безжалостного, корыстолюбивого, даете знать, что если бы судьба поставила вас самих на чреду вельмож, то бы вы оправдали описание ваше.

Поутру рано рукою искусного волосочеса сделалась голова моя седа, как у старика лет в девяносто; тупей и виски на ней изображали нечто по моде; я надел кафтан, гораздо повычистив его, ибо другого у меня нет; погляделся в зеркало и с трудом в нем себя узнал, отряхнулся и пошел к большему барину, до которого мне была нужда. Чем ближе я подходил к его жилищу, тем более нападала на меня робость... Во всю дорогу сочинял я в уме, как начать с ним речь, и, как сквозь сон, теперь помню, что я вздумал было нечто отменно высокое и замысловатое, но едва дошел я до лестницы его, то все из головы моей пропало... Ученый свет много потерял... Я было хотел назад воротиться; но нужда требовала, чтоб я шел вперед.

Повлекся я весьма медленными шагами наверх и робкими взорами окидывал повсюду, ища ужасного швейцара с грозною его дубиною, и дошед до самых дверей, нигде с ним не встретился; дивясь таковому чуду, отворил я тихонько дверь и вошел в прихожую. Тут увидел я двух ливрейных, которые встретили меня с превеликою учтивостию; я им также поклонился учтиво и спрашивал, можно ли мне сегодня видеть господина; один из них мне ответствовал: извольте войти в залу и взять малое терпение его обождать, у нас ни о ком не докладывают. Он обыкновенно всякое утро выходит сам в зал, где всех, кому есть нужда, он принимает без доклада. Учтивость их меня удивила, а более всего, что вход позволен всякому и без доклада, отчего робость во мне гораздо поумалилась, и я взошел в залу.

В ней было человек пять-шесть, не более, и едва мы взаимно друг другу поклонились, я увидел, что взошло к нам теми же, как и я, дверьми человек более десяти; а там и еще, так, что зала сделалась довольно полна; большая часть из них были люди военные, старики, среднего возраста и молодые. Иные были пасмурны, иные веселы; а иные ни то, ни другое.

Я приметил тут одного старичка, на котором был мундир довольно поношенный, и который, прислонясь к углу, казал вид весьма унылый: был тут еще один чужестранец, который, казалось, над всеми брал верх и смело-веселым лицом своим доказывал, что он, если не друг барина, то, по крайней мере, его благодетель, и я по глупости моей воображал, что он будет представлять вельможе всех, тут находящихся; видел я еще человека, похаживающего по зале и держащего книгу в богатом переплете, и который казался мне весьма доволен собою; я не иначе об нем заключел, что он записывает в этой книге нужды приходящих к вельможе. Два человека довольно важного вида о чем-то разговаривали весьма тихо и казалось по их лицу и телодвижениям, что один подавал совет другому, но тот его не слушал. Много знакомых нашлось тут, которые, как видно, начинали пересказывать друг другу свои дела... Отворились двери: вышел вельможа...

Я не приметил в нем ни гордости, ни презрения к пришедшим; простота с благородством на лице его изображены были: он поклонился всем, поклон его примечателен мне показался потому, что он был непринужденный и не спорил с надмением. Сел вельможа на стул; перед ним появился столик с бумагами; парикмахер начал чесать его волосы; а он стал разбирать бумаги. Поглядевши в одну, окинул всех глазами, которые остановились на унылом старике, прижавшемся в углу; вельможа позвал его и сказал ему: «Государь мой! я не мог надивиться вашей просьбе и никак того исполнить не могу, чего вы просите; я об вас везде разведал и вот (подавая ему бумагу), что по самой справедливости должно вам сделать!» Старик, прочитав бумагу, затрясся и залился слезами; а я, глядя на него, оцепенел... Неужели, думал я, вельможа, который всех допускает к себе без доклада, и у которого нет грубого швейцара, мог сделать зло сему старику? Или неужели сей старый воин заслужил какое-нибудь наказание, что он, читая бумагу, трепещет и плачет?.. Но что я услышал! старик плачет от радости, и вот его слова: «Милостивый государь! ожидал ли я когда-нибудь толикого награждения за мои услуги? Что я сделал для отечества? Я исполнял только мою должность. Я требовал единого пропитания; но и об том не стал

бы трудить вас, если бы сын мой не разорил меня до основания; если бы не отпускал я его в чужие страны, где вместо мнимого просвещения он сделался развратным... он теперь раскаялся, возвратился: но уже того возвратить нельзя, что он промотал... он теперь в армии...» — «Да, мой друг!— отвечал вельможа...— и служит весьма отлично»...— «Как обрадуется этой вести дочь моя... я могу теперь жить опять благополучно: вы награждаете меня больше моего ожидания, вы даровали мне место покойное; я могу и при старости служить отечеству. Что может быть для меня сего лестнее!..» Вельможа отвечал: «Я ничего тебе не сделал, кроме того, что мне мой долг велит; я представил твои заслуги и твои нужды, и ты получаешь от трона монаршего достойное возмездие. Твоя вина, что я не ранее о том узнал; но верь мне, что я не меньше тебя обрадован, когда мог служить тебе предстателем, зная совершенно, что двор с удовольствием награждает истинные заслуги... поди обрадовать дочь твою, и завтре приступи к новой твоей должности; я знаю, что ты, почтенный старец, сделаешь честь своему месту». Старик хотел что-то говорить, но не мог, и, помолчав немного, поклонился вельможе и вышел с полными слез глазами; но мне казалось, что он стал бодрее.

После него подошли к вельможе два разговаривающие важные человека; он встал и отошел с ними к окошку. Что они говорили, я не слыхал; но только оба пошли весьма довольны вельможею; а он сказал им: «Я благодарю вас, что вы открыли мне ваше мнение, без того я бы мог ошибиться и навлек бы на себя роптание».

В то время вошли в залу несколько людей, украшенных знаками почестей, которые отдавали отчет вельможе в порученных им делах, и, получив приказания, тотчас отправились исполнять оные.

После них подошел тот важный чужестранец, о котором я имел столь великие мысли; вельможа сказал ему тихо несколько слов; на что чужестранец ответствовал, что это такой прожект, за который Россия должна заплатить великими сокровищами, и что если бы здесь умели ценить достоинства... На что вельможа возразил, что здесь достоинства ценить умеют; а доказательством тому, что его прожект не приемлют, и что если сей прожект

столь важен, и полезен, для чего он не представил его в своем отечестве? А впрочем, он может со своим прожектом явиться к кому другому, только чтоб был уверен, что нигде не найдет покровителя прожекту, которым причиниться может явный вред российским фабрикантам и торговле. Иностранец поклонился и с кислым лицом пошел вон.

Между тем волосы у вельможи причесаны; он встал со стула и стал подходить к просителям... Приметить должно, что он сперва подходил к тем, кои были не веселы и беднее других одеты; со всеми говорил ласково, всякого просьбу выслушивал с терпением, принимал объяснения более с дружественным видом покровителя человеков, нежели судии: ни один, кроме сего чужестранца, не пошел от него с лицом нахмуренным... Коль счастливо человечество, где монархи имеют таковых вельмож! Он не сделал никому благодеяния от своего имени, и всегда говорил, что он только предстатель, и благодарит Бога, что он живет в таком веке, где правосудие и милосердие совокупно украшают престол, и что он очевидный свидетель, с какою радостию владеющая десница проливает щедроты на своих верноподданных, и что если и есть не довольно награжденные заслуги, то виновны те, чья должность об них представлять.

Не знаю, для чего не высовывался я вперед, или это для того, чтоб удостовериться совершенно, что я напрасно верил писакам, которые, может быть, подобно иностранцу могли иметь неудовольствие на знатных бояр... стало в зале гораздо просторно... предстал и человек с богато переплетенною книгою, отвесил пренизкий поклон вельможе и вручил ему весьма униженно свою книгу... вельможа развернул ее... Я полюбопытствовал издали и, имея зоркие взоры, увидел, что на первой странице напечатано прекрупными буквами: Ода на победы... Вельможа показал ему ласковый взгляд и спросил: «Где вы служите?» На что стихотворец отвечал: «Я служу на Парнасе,[2] и не пропускаю ни одного знаменитого случая, чтобы не написать оды; и я очень рад войне,[3] что имею случай воспевать победы моих сограждан...» Вельможа улыбнулся и сказал ему: «Я бы не желал войны для того только, чтоб был случай стихотворцам писать оды...» — «О, если будет мир, то вы

изволите увидеть,— сказал стихотворец,— что я напишу такую оду, которая, по крайней мере, будет иметь куплетов двести, лишь бы только сия удостоилась благосклонного вашего приема...»—«Но разве нельзя писать стихи и заниматься какою-нибудь должностью?»— «Нельзя,— отвечал стихотворец,— я служил в одном месте, где написал я стихи, за которые то место обязано награждать сочинителей, я и был награжден; начальник, заплатя мне сию награду, после вычел у меня из жалованья; то после сего я не захотел служить нигде...» Вельможа смеялся и дивился сему происшествию, и видно, почел, что стихотворец солгал, а может быть, он ему и поверил и велел побывать у себя через два дни. После я узнал, что стихотворец вместо стихов стал писать дела приказные, и правители того приказа им не нахвалятся.

Потом подошел один проситель, которому вельможа в просьбе отказал, представя однако ж ему сильные доказательства; а при том и со всею кротостию, что искание его несправедливо и что для него гораздо будет выгоднее, когда он его совсем оставит... Проситель увидел ясно несправедливость своего требования, просил вельможу, чтобы он простил ему то, что он его беспокоил; на что вельможа сказал: «Исполняя должность мою, я никогда не чувствовал беспокойства; жалею, что вам принужден отказать, но уверяю вас, что со временем вы должны будете получить то, о чем теперь просите и я первый всячески буду стараться вам доставить, что следует».

Я один почти остался в зале; объяснил мое дело; не прошло недели, оно кончено. Я благополучен... и если все таковы передние знатных господ, то я уверен, что ропщут одни только буйные головы или которые, ничего не делая, думают, что и самая праздность их должна быть награждена более, нежели истинное достоинство.

Бывшие в сей передней ощущают то сердечное удовольствие, которым покровительство сего знатного барина истинные достоинства возрождает: сии достоинства, им примеченные и обнаруженные, оправдывают труд своего покровителя, принося пользу отечеству, а отечество прославляет виновника ее, который, будучи неутомим в трудах, предстоя престолу, никогда не останавливается выслушивать нужды, не затворяет слуха

своего от гласа к нему прибегающих и, что выслушал, ничто не оставлено без справедливого и скорого решения... Нет нужды мне именовать его: имя его впечатленно в душах им довольных. Слезы восхищения, им произведенного, суть чернила, коими похвала ему начертана в сердцах тех людей, которые, хотя единожды имели случай его видеть, с ним говорить, служить под его начальством, или прибегать к нему с просьбою.

САТИРИКО-УТОПИЧЕСКИЕ СНЫ И АЛЛЕГОРИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ

А. П. СУМАРОКОВ

СОН. СЧАСТЛИВОЕ ОБЩЕСТВО

Заснув некогда, увидел я в успокоении моем мечтание благополучия общества, приведенного в такое состояние, какового несовершенство естества достигнуть может. Был я в мечтательной стране и рассмотрел подробно мечтательное оныя благосостояние.

Страна сия обладаема великим человеком, которого неусыпное попечение, с помощию избранных его помощников подало подвластному ему народу благоденствие. Желая объявить о порядке его владения, начну я собственною ево особою. Сей государь во многоделии своем смешенных мыслей и следственно мрачного вида не имеет. Он имеет обыкновение не всегда в делах, но иногда и в забавах упражняться; однако и в них не погубляет он драгоценного времени; ибо и они на всенародной основаны пользе. Всех подданных своих приемлет он ласково и все дела выслушивает терпеливо. Достоинство не остается без воздаяния, беззаконие без наказания, а преступление без исправления. Сим имеет он народную любовь, страх и почтение. Получить его милость нет иной дороги, кроме достоинства. Раздражить его, кроме беззакония и нерадения, ничем невозможно. Слабости прощает он милосердно, беззакония наказует строго. Начальниками делает он людей честных, разумных и во звании своем искусных. Отроки по склонностям в обучение отдаются, люди совершенного возраста по способности распределяются; а в началь-

ники производятся по достоинству, и оттого им подчиненные исполняют их повеления с великим усердием, а они о их благополучии стараются. Сей государь ничего служащего пользе общества не забывает, а о собственной своей пользе, кроме истинной своей славы, никогда не думает.

Благочестие, не допускающее примеситься себе суеверию в сей стране, есть основание народного благополучия. Духовные содержатся в великом почтении, которого они и достойны. Они во многом подобны стоическим философам; ибо страсти самую малую искру области над ними имеют, а они равны и во благополучии и во злополучии. К пище привыкли они необходимой. Кроме необходимости, ни в чем ничего не требуют и довольствуются содержанием без малейшего излишества, не имея притом и ни малейшего вредного человеческому естеству недостатка. Все они люди великого учения и беспорочной жизни. Первое служит ко наставлению добродетели, а второе к показанию образца проповедуемой ими добродетельной жизни. Светские почитают их безмерно; но сие не приключает им высокомерия, но увеличивает их человеколюбие. Во светские дела они ни под каким видом не вмешиваются, а науки благочестия просвещением почитают. О домостроительстве они не пекутся; ибо содержит их общество, и получают они определенное, а больше того им никто участно дать не дерзает, ибо то наказанию подвержено; да они и сами в сие преступление не впадают; сие нарушает правила их и опровергает почтение, заслуженное ими по справедливости. Они ко светским, а светские к ним имеют любовь, и от того между духовными и светскими согласие, что на свете бывает редко. Суеверия и лицемерия они неприятели, первое язвою благочестия почитая, а второе — лукавством, затмевающим сияние благочестия под ложным видом умножения лучей его, и маскою злодеяния, ибо-де истинное благочестие притворства не требует.

Главное светское правление называется там Государственный совет. В него никаких участных дел не вносится. Там распорядки, исправления, узаконения и прочие государственные основания, или по повелению монарха или ко предложению оному. Узаконения в области сей делаются очень редко, а отменяются еще

реже. Книга узаконений их не больше нашего календаря, и у всех выучена наизусть, а грамоте тамо все знают. Сия книга начинается тако: ЧЕГО СЕБЕ НЕ ХОЧЕШЬ, ТОГО И ДРУГОМУ НЕ ЖЕЛАЙ. А окончевается: ЗА ДОБРОДЕТЕЛЬ ВОЗДАЯНИЕ, А ЗА БЕЗЗАКОНИЕ КАЗНЬ. Права их оттого в такую малую вмещены книгу, что все они на одном естественном законе основаны. Преступить закон тамо народ весьма опасается; ибо заслужив приличное вине своей наказание, уменьшение оного иметь не уповает, а живучи честно, ничего не опасается. Дражайшая безопасность, упование на невинность и неизбежное наказание твердо содержат людей сего народа в границах честности.

В Государственном совете и во всех судебных местах больше судей, нежели писцов, и бумаги исходит очень мало. Писцы их пишут очень коротко и ясно. Дела во всех приказах вершатся не по числу голосов, но по книге узаконений, отчего ни споров, ни неправды не бывает. Те, которые неправильно бьют челом, сверх потеряния тяжбы и убытка, у всех в презрение приходят, а те, которые не по книге узаконений дела вершат, за неправду лишаются должностей своих; и для того узаконения, ясно изображенные, свято и ненарушимо наблюдаются. Дела окончевают очень скоро, для того, что очень мало спорят, а еще меньше пишут, и ни челобитчиков, ни ответчиков лишнего говорить не допускают; а главная причина скорости их — беспристрастие. За малейшие взятки лишается судья и чина своего и всего имения; однако дети винных людей ничего не теряют, ибо все им возвращается. Дети тамо за отеческие прослуги не наказываются, а за услуги не награждаются.

Не имеют тамо люди ни благородства, ни подлородства, и преимуществуют по чинам, данным им по их достоинствам; и столько же права крестьянский имеет сын быть великим господином, сколько сын первого вельможи. А сие подает охоту ко снисканию достоинства, ревность ко услугам отечеству и отвращение от тунеядства. Всякая наука, всякое полезное упражнение, всякое художество и всякое ремесло, по размеру своей доброты и по размеру успеха труждающегося, тамо в почтении, а тунеядство в превеличайшем презрении, и слово «тунеядец» жестокая тамо брань, которой гнушаясь, к работе люди с самого младенчества при-

выкают. Пьянство — мгла благоразумия и источник наглых и вредительных поведений, также в великом тамо презрении, и благоразумным обыкновением вкореняется от него в людях отвращение при воспитании. Денежные игры, приличные тунеядцам и добывателям бесполезного обществу труда денег и погубителям времени, могущего употребленным быть на что-нибудь надобное, у них, почитая вольность, хотя и не заказаны, подобно как и пьянство, однако часто упражняющияся в них люди презираются.

Больше месяца в судебных тамо местах никакое дело не продолжается, а по месяцу времени берут только самыя завязчивыя дела. Что не требует раздумчивости, на то в самую минуту предложения делается и решение. Всякое челобитье у них законною нуждою почитается, ради которой челобитчики и ответчики от своих должностей уволяются, а ежели должность просящих суда или оправдающихся по важности увольнения не терпит, тогда определенные на то стряпчие, все собрав доказательства и оправдания, с принадлежащими справками, подписанными судейскими руками, о деле стараются под смотрением начальника стряпчих, что у них чин великий. Дела из города в город и из приказа в приказ не переносятся, а ежели судящие неправедно осудят, тогда оное дело рассматривается в Государственном совете, что бывает очень редко, а по сему рассмотрению следует судьям наказание; а когда проситель судей обнесет неправильно, он еще большему наказанию подвергается, что еще реже бывает. Судьи для подозрения от дел не отрешаются; ибо никто против узаконений голоса подать не дерзает, подобно как законодавцы не должны дерзать делать узаконений против истины. И тако не судьи тамо страшны, но суд, который основан на узаконениях, а узаконения на истине.

Войски их состоят под воинственным советом, а сей совет под Государственным. Главные люди в воинской службе называются военачальниками, а под ними полководцы, и так ниже. Всякий военачальник и все воинские начальники прежде быть рядовыми, все нижние степеня пройти и все оных исполнения познать и в них совершенно углубиться одолженны. Но не только едина привычка, ниже притом и мужество еще не довольны тамо для военачальника. Остроумие и великое знание

сверх того ему необходимы: первое — для скорого проницания, а второе — для благоразумного расположения его предприятий. Воины по степеням исполняют повеления своих начальников с превеликим наблюдением и делают им великое почтение, а начальники ни малейшего к подчиненным не имеют уничтожения. В мирное время войска их непрестанно воинским обрядам обучаются и снабдены всем, во всякое время ко бранному походу готовы. К суровой жизни военные люди всеми мерами стараются привыкнуть и как защитники отечества народом почитаемы и любимы. Они имеют похвалу, что коль велико во время сражения их мужество, толики после победы их человеколюбие и великодушие. Сим приносят они сугубую славу своему отечеству и сугубое почтение от самих неприятелей. Подчиненные так обвыкли повиноваться своим начальникам, что во время жесточайшего распаления единым словом обуздываются. Добычь воинская им неизвестна; то у них заказано, а что получится, то после порядочно и рассмотрительно разделяется, отчего воины думают о победе, а не о добыче. Побежденных и непротивящихся убивать запрещено под лишением жизни.

Больше бы мне еще грезилося, но я живу под самою колокольнею: стали звонить и меня разбудили, и лишили меня сего приятнейшего привидения. Дай боже, чтобы сны подобныя сну сему многим видилися, а особливо наперсникам фортуны.

С. Г. ДОМАШНЕВ

СОН

Я, недавно размышляя о разных человеческих склонностях, к великому удивлению нашел, что между самыми из них, по мнению человеческому, благороднейшими и достойными похвал, находятся такие, которым бы более всех мы должны были оказывать презрение. Я не мог довольно надивиться человеческому ослеплению. Мне

представились тьмы примеров их слабостей: но мнение, которое люди имеют о славе, более всего в уме моем изобразилось. Мне очень чудно казалось, что дано имя героев людям, кои превзошли других одними беззакониями и прославились кровопролитием, опустошением земель и причинением неисчетных бедствий человеческому роду. Упражняясь в сих размышлениях, я нечувствительно заснул и видел весьма странный сон.

Приснилось мне, что я стоял среди пространного поля, на котором была столь великая гора, что вершина ея, мнилось мне, касалась облаков, и всход на нее был чрезмерно труден. Оглянувшись назад, увидел я другую гору равной высоты, на которую дорога была гораздо убита. Осматривая местоположения сих гор, чувствовал я в себе чрезвычайное любопытство взойти на которую-нибудь из оных и осмотреть, нет ли на них чего достойного примечания. В самое то время, как я рассуждал, на которую бы сперва идти, увидел с последней горы идущего ко мне старика. Вид его привлекал к себе почтение; поступка его была величественна без притворства: одежда на нем была не великолепна, однако порядочна: взор его был приятен, и старость, казалось, придавала ему больше украшения. Он приблизился ко мне и говорил: смертный! я знаю, что ты желаешь взойти на сии горы; но не можешь к тому достигнуть без моей помощи. Я с охотою берусь, продолжал он, если ты хочешь быть мне на оную предводителем. Когда ты теперь толь великую, продолжал он, оказываешь нетерпеливость на оную взойти, то она несравненно тем больше умножится, чем выше всходить станешь. Я его благодарил за сие предложение, и он не медля, взяв меня за руку, повел на усмотренную мною после гору. Путь на нее сперва казался мне удобен; но чем я выше всходил, тем он становился труднее. Воздух на сей горе был заразителен: трава вся пожелтела: цветы завяли: земля была обагрена кровию, а вершина ея была покрыта великою мглою, на которой я увидел тень некоего здания, коя от нас тем больше удалялась, чем выше мы всходили. Я напоследок увидел бесчисленное множество людей, стремящихся к сей тени. Но сия мечта от них убегала в самое то время, как мнилось им, что отверзают дверь в сие здание. Я спросил о сем моего предводителя. Он мне

ответствовал, что сие есть путь, ведущий к ложной славе, который кажется сперва удобен, потому что они находят удовольствие, следуя своим страстям; но потом труден для того, что чем больше попускаем им над собою владычествовать, тем несноснее становятся их узы, кои смертные не токмо без роптания носят, но еще и стараются умножать их над собою иго. А тень сию, большая часть людей почитала за храм истинной славы, и ослепясь самолюбием и гордостию, хотели до оной достигнуть сим путем. Знаешь ли сего государя, продолжал он, облеченного в порфиру? Взор его показывает нечто величественное, но лицо от чрезмерной роскоши опало. Он называется *Александр Великий.*[1] Приметил ли по сторонам его двух женщин, из коих одна называется *тщеславие;* а другая, что не имеет глаз, *гордость?* Он подал им руки, чтоб они его водили. Увы! сии слепые вожди вели его туда, где он не имел совсем нужды; а другой рождал в нем столь самолюбивые мнения, что, наконец, вознесясь победами и забыв, что он смертный, впал в роскошь, и оттого в цветущих летах жизнь свою окончил. Сей называется *Ромул.*[2] Он был основатель города Рима и умертвил своего брата за то, что он не похвалил его намерения о создании города. Тот, что несколько походит на Александра, называется *Пирг,* царь Эпирский.[3] Он имел некоторые сходные с Александром склонности: любил чрезмерно войну, был страшен самим римлянам и одержал над ними во многих сражениях победы. Алчущая и суетная гордость не могла его оставить в покое. Он бы мог вести спокойную жизнь среди своих подданных, вкушая сладость мира, управляя справедливо своим народом: но он мучил себя, делая мучения другим. Искал в войне удовольствия, но его найти не мог. Мечта славы представлялась ему блистательным и прелестным видом, и сия страсть не давала ему ни на один час покою. Конец его был весьма несчастлив, ибо он убит камнем при осаде Аргоса, который бросила на него со стены одна женщина. А сей сидящий в порфире без короны есть Юлий Цесарь,[4] которой, не довольствуясь диктаторскою властию, хотел быть увенчанным самодержцем, хотя он и без того имел неограниченную власть в Риме. Он убит от защитников отечества Брута и Кассия,[5] которые не могли снести его тиранства. Сей царь, имеющий свирепый

взор, кровию наполненные глаза, был варвар. Он называется Аттила, царь гуннов;[6] разорил славный Рим, и ничего другого делать не умел, как только проливать кровь невинных, опустошать земли, разорять города для бессмертия своего имени. Он мне рассказывал еще и о других героях, которых число в сем храме было неописанное. Я не мог удержаться, чтоб не оказать моему предводителю удивления, что почитаемые нами герои, в самом деле не достигли истинной славы. Рассмотри наперед, отвечал он мне, сделали ли они что-нибудь для благополучия своих подданных? Они были только бедствием народов, и для учинения бессмертным своего имени, воюя с неприятелями, обагряли землю кровию своих подданных; наполнили целые поля трупами от их меча избиенных, лишили законных государей, которые были не столь сильны, как они, их державы: опустошили целые области: разрушили и истребили огнем грады, и жертвовали своему бессмертию кровию целых народов. Достойны ли быть дышащие яростию и убивством в числе кротких и миролюбивых монархов? Но коль велико человеческое ослепление! Они тех людей почитают тем более достойными бессмертия, чем больше они превзошли других причинением несчастий человеческому роду. Они в них превозносят хвалами то, что более заслуживает их презрение. *Александр* назван *Великим* потому, что был он более ослеплен гордостию, нежели другие. Он вздыхал, услышав, что есть еще кроме земли другие миры, коих он покорить не может. Я был в великом изумлении, видя, сколь ослеплены люди, что, оставя подлинное, стремятся к мечте, подвергаясь всечасно непостоянству счастия, беспокойству, опасностям и смерти, после которой не наслаждаются еще и уготованным истинным героям блаженством. Я увидел одного больше всех стремящегося достигнуть мнимого храма славы. Он был одет весьма бедно, и вид его показывал, что он был подлого рода. Я спросил моего предводителя о его имени. Он называется *Герострат,*[7] сказал мой предводитель. Хотя он имел весьма нужное пропитание, и то от своего рукоделия; однако желая сделать свое имя бессмертным, зажег славный храм *Ефеской Дианы,* который почитался за чудо всего света. Возможно ли, вскричал я, чтобы сей злодей был в числе столь знаменитых героев? Постой, сказал он мне. Сии

люди, коим вы дали имена героев, суть впадшие больше других в заблуждение. Когда ты хулишь *Герострата,* что он для прославления своего имени зажег храм, то не большего ли осуждения достоин *Александр,* который для той же причины столько пролил крови, опустошил земель и разрушил городов?

Сколь много ослеплены, продолжал мой предводитель, смертные! Они почитают и превозносят то, что более изъявляет их слабость. Они идут путем, который приводит их в бездну стыда. Но возможно ли превратить мир? возможно ли истребить вкорененные в людях предрассудки? возможно ли весьма малым числом истинно премудрых просветить мир, утопающий в невежестве и неразумии? Но сия невозможность есть тем более непреодолима, что люди, отдавшись во власть страстям, не повинуются разуму, хотя они и знают, сколь сии предводители опасны. А ослепление царей есть всего бедственнее на свете. Мы часто видим, что заблуждение одного человека бывает виною погибели целых народов. Он, выговорив сие, свел меня с сей горы и велел следовать за собою на другую. Всход на нее был весьма не удобен; ибо сверх того, что дорога наполнена была терпением и дикими кустами, была еще столь узка, что я с великим трудом первые шаги сделал. Но она делалась тем шире и способнее, чем выше всходил я на гору. Чрез несколько времени прешли мы все сии препятствия. Путь стал равен: воздух был благорастворенный, а по обеим сторонам дороги были луга, испещренные цветами, и царствующая там весна украсила всеми приятностьми сие место. Я чувствовал в себе некоторую бодрость и силу. Предводитель мой говорил мне, что сие есть путь, ведущий к истинной славе, который сперва есть труден и неудобен, но потом пространен и ровен, потому что дела, коими можно достигнуть истинной славы, хотя сперва кажутся трудны, но плод оных награждается стократно увеселением и пользою от того проистекающими. В скором по том времени увидел я вдали на сей горе весьма огромное здание, блистающее паче чистейшего злата. Нельзя описать, ниже вообразить, сколь оно было и вдали прекрасно. Над ним было светило, подобное солнцу, кое освещало сие здание. Я спросил моего предводителя, кому оное принадлежит? Он сказал мне, что сие светило есть истинная слава, а здание —

храм оной, и что виденная мною на первой горе тень происходила от освещения сим светилом сего храма. Я пылал желанием в него войти. Мы, наконец, к нему приблизились; двери в него были подобны чистейшему хрусталю; окрест их стояли лавровые древеса, а в верху над ним была следующая надпись:

На месте сем для тех царей воздвигнут храм,
Что, мирно царствуя, подобились богам,
Всех добродетелей пример в себе явили,
И подданные их отцами находили.

Храм сей был весьма пространен; но героев в нем было очень немного. Ты видишь, сказал мне мой предводитель, сколько сих царей, кои были украшение своего века, слава и блаженство человеческого рода. Я чрезвычайно удивился, что царей, истинной славы достигших, было столь мало. Не дивись сему, сказал он мне: заблуждение во всех веках у большей части людей были предводителями. Они всегда, оставляя истинное, стремились за мечтою, и редкие достигали до истинной славы. Знаешь ли ты, продолжал он, сего царя, украшенного сединами, который имеет столь приятный и величественный взор? Он называется *Кир,* основатель Персидской монархии.[8] На троне его изображены: *щедрость, воздержание, благосклонность и милость к подданным,* коими он достиг сего жилища. Сей, в римском одеянии, называется *Август.*[9] Он был первый римский император и едва было не лишился места в сем храме истинных героев; но последние его дела загладили все его пороки. На одной стороне трона изображены: *кротость и милосердие,* а на другой — *любовь к наукам и покровительство к ученым.* Сии добродетели были крылья, которыми он возлетел в сие жилище. А сей сидящий близ его монарх, которого взор наполнен кротостию, называется *Тит Веспасиан.*[10] Сколь достоин такой монах бессмертной славы! Приметил ли ты, продолжал он, что над троном его изображены премудрые слова, которые он некогда сказал своим друзьям: *Я потерял тот день, в который не сделал никакого благодеяния?* Видишь ли, говорил мой предводитель, в той стороне поставленные два трона? Из сидящих на них героев один называется *Марк Аврелий,*[11] а другой *Марк Аврелий Антонин,* называемый *Кроткий.* Посмотри над троном первого изображенные повторяемые им

столь премудрые слова: *лучше одного гражданина сберечь, нежели тысячу неприятелей побить?*

Он хотел мне рассказывать и про других героев, но я прервал его речь, чтоб спросить о имени одного царя, сидящего на троне, поставленном в средине храма и превосходящем великолепием и блистанием прочих. Я, увидя его, ощущал в себе некоторое движение, которое мне самому было непонятно. Я обратил к нему все свое внимание. Вид его мог вперить во всякого страх, любовь и почтение. Осанка его имела нечто величественное и превосходящее человечество. Возможно ли, чтоб ты его не знал, отвечал с удивлением мой предводитель? Он есть славнейший герой нынешнего века, герой, который явил себя достойнее всех сих героев[12] истинной славы и делами своими оных далеко превзошел. Ибо взошед на престол в самых младых летах, был подвержен различным бедствиям, которые он отвратил своим благоразумием: искоренил в своем государстве владычествующее невежество, насадил науки, завел порядочное войско и мореплавание, снабдил подданных полезными и мудрыми законами и привлек к себе любовь и почтение от окрестных держав. Коль отменным образом в рассуждении других, приобрел он истинную славу! Сколько малы против его все герои! Он вел войну, но вел ее для необходимости, и знал столь искусно, что с новым и к войне еще не обвыкшим войском торжествовал над прославившимся победами государем[13] и в свое царствование дал совсем иной вид скипетру его подверженной области. Щедр был к награждению за услуги и милосерд в наказании. Словом, он был солнце, воссиявшее для просвещения во мрак погруженного его отечества. Видишь ли, продолжал он, изображенные на его троне *Премудрость* и *Храбрость?* Но коль отменность других употреблял он сие последнее дарование. Он защищал утесненную невинность и взвел на трон напрасно низверженного монарха.[14] Он был *истинный Отец отечества* и удалился от престола единственно для того, чтоб достойнее на нем владычествовать. Сколько счастливы подданные, имевшие его государем? Сколь счастливы и неприятели, имевшие его победителем! Я потом увидел над ним написанные следующие слова:

Се царь, что царствовал над многими странами!
Ноболе обладал он подданных сердцами.

На столбах, поставленных круг трона, были изображены его дела, кои представляли его, проходящего моря, странствующего в чужие земли, носящего на своих раменах все тяжести воинские, и скипетродержавными руками работающего художественными орудиями, побеждающего и торжествующего над неприятелями, искореняющего невежество, насаждающего науки, и ликующего благополучием своего народа.

По сим знакам я узнал, что сей был *Петр Великий*. И будучи побужден наичувствительнейшею за оказанные к нам благодеяния благодарностию и усердием, устремился броситься к его ногам, но в самое то время сия мечта исчезла и лишила меня удовольствия наглядеться на сего монарха. И я, в сем восторге проснувшись, ощущал, что сердце у меня еще от радости трепетало.

А. Н. РАДИЩЕВ

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ

Глава

СПАССКАЯ ПОЛЕСТЬ

Я вслед за моим приятелем скакал так скоро, что настиг его еще на почтовом стану. Старался его уговорить, чтоб возвратился в Петербург, старался ему доказать, что малые и частные неустройства в обществе связи его не разрушат, как дробинка, падая в пространство моря, не может возмутить поверхности воды. Но он мне сказал наотрез:

— Когда бы я, малая дробинка, пошел на дно, то бы, конечно, на Финском заливе бури не сделалось, а я бы пошел жить с тюленями.— И, с видом негодования простясь со мною, лег в свою кибитку и поехал поспешно.

Лошади были уже впряжены; я уже ногу занес,

чтобы влезть в кибитку; как вдруг дождь пошел. «Беда невелика,— размышлял я,— закроюсь циновкою и буду сух». Но едва мысль сия в мозге моем пролетела, то как будто меня окунули в пролубь. Небо, не спросясь со мною, разверзло облако, и дождь лил ведром. С погодою не сладишь; по пословице: тише едешь, дале будешь — вылез я из кибитки и убежал в первую избу. Хозяин уже ложился спать, и в избе было темно. Но я и в потемках выпросил позволение обсушиться. Снял с себя мокрое платье и, что было посуше положив под голову, на лавке скоро заснул. Но постеля моя была непуховая, долго нежиться не позволила. Проснувшись, услышал я шепот. Два голоса различить я мог, которые между собою разговаривали.

— Ну, муж, расскажи-тка,— говорил женский голос.

— Слушай, жена. Жил-был...

— И подлинно на сказку похоже; да как же сказке верить?— сказала жена вполголоса, зевая ото сна.— Поверю ли я, что были Полкан, Бова или Соловей-разбойник.[1]

— Да кто тебя толкает в шею, верь, коли хочешь. Но то правда, что в старину силы телесные были в уважении и что силачи оные употребляли во зло. Вот тебе Полкан. А о Соловье-разбойнике читай, мать моя, истолкователей русских древностей.[2] Они тебе скажут, что он Соловьем назван красноречия своего ради. Не перебивай же моей речи. Итак, жил-был где-то государев наместник. В молодости своей таскался по чужим землям, выучился есть устерсы и был до них великий охотник. Пока деньжонок своих мало было, то он от охоты своей воздерживался, едал по десятку, и то когда бывал в Петербурге. Как скоро полез в чины, то и число устерсов на столе его начало прибавляться. А как попал в наместники и когда много стало у него денег своих, много и казенных в распоряжении, тогда стал он к устерсам как брюхатая баба. Спит и видит, чтобы устерсы кушать. Как пора их приходит, то нет никому покою. Все подчиненные становятся мучениками. Но во что бы то ни стало, а устерсы есть будет.

В правление посылает приказ, чтобы наряжен был немедленно курьер, которого он имеет в Петербург отправить с важными донесениями. Все знают, что курьер поскачет за устерсами, но куда ни вертись, а прогоны

выдавай. На казенные денежки дыр много. Гонец, снабженный подорожною, прогонами, совсем готов, в куртке и чикчерах явился пред его высокопревосходительство.

«Поспешай, мой друг,— вещает ему унизанный орденами,— поспешай, возьми сей пакет, отдай его в Большой Морской».[3]

«Кому прикажете?»

«Прочти адрес».

«Его... его»

«Не так читаешь».

«Государю моему гос...»

«Врешь... господину Корзинкину, почтенному лавошнику, в С.-Петербурге в Большой Морской».

«Знаю, ваше высокопревосходительство».

«Ступай же, мой друг, и как скоро получишь, то возвращайся поспешно и нимало не медли; я тебе скажу спасибо не одно».

И ну-ну-ну, ну-ну-ну; по всем по трем, вплоть до Питера, к Корзинкину прямо во двор.

«Добро пожаловать. Куды какой его высокопревосходительство затейник, из-за тысячи верст шлет за какою дрянью. Только барин добрый. Рад ему служить. Вот устерсы, теперь лишь с биржи. Скажи, не меньше ста пятидесяти бочка, уступить нельзя, самим пришли дороги. Да мы с его милостию сочтемся».— Бочку взвалили в кибитку; поворотя оглобли, курьер уже опять скачет; успел лишь зайти в кабак и выпить два крючка сивухи.

Тинь-тинь... Едва у городских ворот услышали звон почтового колокольчика, караульный офицер бежит уже к наместнику (то ли дело, как где все в порядке) и рапортует ему, что вдали видна кибитка и слышен звон колокольчика. Не успел выговорить, как шасть курьер в двери.

«Привез, ваше высокопревосходительство».

«Очень кстати; (оборотясь к предстоящим:) право, человек достойный, исправен и не пьяница. Сколько уже лет по два раза в год ездит в Петербург; а в Москву сколько раз, упомнить не могу. Секретарь, пиши представление. За многочисленные его в посылках труды и за точнейшее оных исправление удостоиваю его к повышению чином».

В расходной книге у казначея записано: по предложению его высокопревосходительства дано курьеру Н. Н., отправленному в С.-П. с наинужнейшими донесениями, прогонных денег в оба пути на три лошади из экстраординарной суммы... Книга казначейская пошла на ревизию, но устерсами не пахнет.— По представлению господина генерала и проч. *приказали:* быть сержанту Н. Н. прапорщиком.

— Вот, жена,— говорил мужской голос,— как добиваются в чины, а что мне прибыли, что я служу беспорочно, не подамся вперед ни на палец. По указам велено за добропорядочную службу награждать. Но царь жалует, а псарь не жалует. Так-то наш господин казначей; уже другой раз по его представлению меня отсылают в уголовную палату. Когда бы я с ним был заодно, то бы было не житье, а масленица.

— И... полно, Клементьич, пустяки-то молоть. Знаешь ли, за что он тебя не любит? за то, что ты промен берешь со всех, а с ним не делишься.

— Потише, Кузминична, потише: неравно кто подслушает.— Оба голоса умолкли, и я опять заснул.

Поутру узнал я, что в одной избе со мною ночевал присяжный с женою, которые до света отправились в Новгород.

Между тем как в моей повозке запрягали лошадей, приехала еще кибитка, тройкою запряженная. Из нее вышел человек, закутанный в большую япанчу, и шляпа с распущенными полями, глубоко надетая, препятствовала мне видеть его лицо. Он требовал лошадей без подорожной; и как многие повозчики, окружив его, с ним торговались, то он, не дожидаясь конца их торга, сказал одному из них с нетерпением:

— Запрягай поскорей, я дам по четыре копейки на версту.

Ямщик побежал за лошадьми. Другие, видя, что договариваться уже было не о чем, все от него отошли.

Я находился от него не далее как в пяти саженях. Он, подошед ко мне и не снимая шляпы, сказал:

— Милостивый государь, снабдите чем ни есть человека несчастного.

Меня сие удивило чрезмерно, и я не мог вытерпеть, чтоб ему не сказать, что я удивляюсь просьбе его о

вспоможении, когда он не хотел торговаться о прогонах и давал против других вдвое.

— Я вижу,— сказал он мне,— что в жизнь вашу поперечного вам ничего не встречалося.

Столь твердый ответ мне очень понравился, и я, не медля нимало, вынув из кошелька...

— Не осудите,— сказал,— более теперь вам служить не могу, но если доедем до места, то, может быть, сделаю что-нибудь больше.— Намерение мое при сем было то, чтобы сделать его чистосердечным; я и не ошибся.

— Я вижу,— сказал он мне,— что вы имеете еще чувствительность, что обращение света и снискание собственной пользы не затворили вход ее в ваше сердце. Позвольте мне сесть на вашей повозке, а служителю вашему прикажите сесть на моей.

Между тем лошади наши были впряжены, я исполнил его желание — и мы едем.

— Ах, государь мой, не могу себе представить, что я несчастлив. Не более недели тому назад я был весел, в удовольствии, недостатка не чувствовал, был любим, или так казалось; ибо дом мой всякий день был полон людьми, заслужившими уже знаки почестей; стол мой был всегда как великолепное некое торжество. Но если тщеславие толико имело удовлетворение, равно и душа наслаждалася истинным блаженством. По многих сперва бесплодных страданиях, предприятиях и неудачах наконец получил я в жену ту, которую желал. Взаимная наша горячность, услаждая и чувства и душу, все представляла нам в ясном виде. Не зрели мы облачного дня. Блаженства нашего достигали мы вершины. Супруга моя была беременна, и приближался час ее разрешения. Все сие блаженство определила судьба, да рушится одним мгновением.

У меня был обед, и множество так называемых друзей, собравшись, насыщали праздный свой голод на мой счет. Один из бывших тут, который внутренно меня не любил, начал говорить с сидевшим подле него, хотя вполголоса, но довольно громко, чтобы говоренное жене моей и многим другим слышно было: «Неужели вы не знаете, что дело нашего хозяина в уголовной палате уже решено».

— Вам покажется мудрено,— говорил сопутник мой, обращая ко мне свое слово,— чтобы человек неслу-

жащий и в положении, мною описанном, мог подвергнуть себя суду уголовному. И я так думал долго, да. и тогда, когда мое дело, прошед нижние суды, достигло до высшего. Вот в чем оно состояло: я был в купечестве записан; пуская капитал мой в обращение, стал участником в частном откупу. Неосновательность моя причиною была, что я доверил лживому человеку, который, лично попавшись в преступлении, был от откупу отрешен, и, по свидетельству будто его книг, сделался, по-видимому, на нем большой начет. Он скрылся, я остался в лицах, и начет положено взыскать с меня. Я, сделав выправки, сколько мог, нашел, что начету на мне или совсем бы не было, или бы был очень малый, и для того просил, чтобы сделали расчет со мною, ибо я по нем был порукою. Но вместо того, чтобы сделать должное по моему прошению удовлетворение, велено недоимку взыскать с меня. Первое неправосудие. Но к сему присовокупили и другое. В то время как я сделался в откупу порукою, имения за мною никакого не было, но, по обыкновению, послано было запрещение на имение мое в гражданскую палату. Странная вещь — запрещать продавать то, чего не существует в имении! После того купил я дом и другие сделал приобретения. В то же самое время случай допустил меня перейти из купеческого звания в звание дворянское, получа чин. Наблюдая свою пользу, я нашел случай продать дом на выгодных кондициях, совершив купчую в самой той же палате, где существовало запрещение. Сие постановлено мне в преступление; ибо были люди, которых удовольствие помрачалось блаженством моего жития. Стряпчий казенных дел сделал на меня донос, что я, избегая платежа казенной недоимки, дом продал, обманул гражданскую палату, назвавшись тем званием, в коем я был, а не тем, в котором находился при покупке дома. Тщетно я говорил, что запрещение не может существовать на то, чего нет в имении, тщетно я говорил, что, по крайней мере, надлежало бы сперва продать оставшееся имение и выручить недоимку ей продажею, а потом предпринимать другие средства; что я звания своего не утаивал, ибо в дворянском уже купил дом. Все сие было отринуто, продажа дому уничтожена, меня осудили за ложный мой поступок лишить чинов и требуют теперь,— говорил повествователь,— хозяина здешнего в суд, дабы посадить

под стражу до окончания дела.— Сие последнее повествуя, рассказывающий возвысил свой голос.— Жена моя, едва сие услышала, обняв меня, вскричала: «Нет, мой друг, и я с тобою». Более выговорить не могла. Члены ее все ослабели, и она упала бесчувственна в мои объятия. Я, подняв ее со стула, вынес в спальную комнату и не ведаю, как обед окончался.

Пришед чрез несколько времени в себя, она почувствовала муки, близкое рождение плода горячности нашей возвещающие. Но сколь ни жестоки они были, воображение, что я буду под стражею, столь ее тревожило, что она только и твердила: и я пойду с тобою. Сие несчастное приключение ускорило рождение младенца целым месяцем, и все способы бабки и доктора, для пособия призванных, были тщетны и не могли воспретить, чтобы жена моя не родила чрез сутки. Движения ее души не токмо с рождением младенца не успокоились, но усилившись гораздо, сделали ей горячку.

Почто распространяться мне в повествовании? Жена моя на третий день после родов своих умерла. Видя ее страдание, можете поверить, что я ее не оставлял ни на минуту. Дело мое и осуждение в горести позабыл совершенно. За день до кончины моей любезной недозрелый плод нашея горячности также умер. Болезнь матери его занимала меня совсем, и потеря сия была для меня тогда невелика.

— Вообрази, вообрази,— говорил повествователь мой, взяв обеими руками себя за волосы,— вообрази мое положение, когда я видел, что возлюбленная моя со мною расставалася навсегда.

— Навсегда!— вскричал он диким голосом.— Но зачем я бегу? Пускай меня посадят в темницу; я уже нечувствителен; пускай меня мучат, пускай лишают жизни. О варвары, тигры, змеи лютые, грызите сие сердце, пускайте в него томный ваш яд.

Извините мое исступление, я думаю, что я лишусь скоро ума. Сколь скоро воображу ту минуту, когда любезная моя со мною расставалася, то я все позабываю, и свет в глазах меркнет. Но окончу мою повесть. В толико жестоком отчаянии, лежащу мне над бездыханным телом моей возлюбленной, один из искренних моих друзей, прибежав ко мне:

«Тебя пришли взять под стражу, команда на дворе.

Беги отсель, кибитка у задних ворот готова, ступай в Москву или куда хочешь и живи там, доколе можно будет облегчить твою судьбу».

Я не внимал его речам, но он, усилясь надо мною и взяв меня с помощию своих людей, вынес и положил в кибитку; но вспомня, что надобны мне деньги, дал мне кошелек, в котором было только пятьдесят рублей. Сам пошел в мой кабинет, чтобы найти там денег и мне вынести; но, нашед уже офицера в моей спальне, успел только прислать ко мне сказать, чтобы я ехал. Не помню, как меня везли первую станцию. Слуга приятеля моего, рассказав все происшедшее, простился со мною, а я теперь еду, по пословице — куда глаза глядят.

Повесть сопутника моего тронула меня несказанно. Возможно ли, говорил я сам себе, чтобы в толь мягкосердное правление, каково ныне у нас, толикие производилися жестокости? Возможно ли, чтобы были столь безумные судии, что для насыщения казны (можно действительно так назвать всякое неправильное отнятие имения для удовлетворения казенного требования) отнимали у людей имение, честь, жизнь? Я размышлял, каким бы образом могло сие происшествие достигнуть до слуха верховныя власти. Ибо справедливо думал, что в самодержавном правлении она одна в отношении других может быть беспристрастна.— Но не могу ли я принять на себя его защиту? Я напишу жалобницу в высшее правительство. Уподроблю все происшествие и представлю неправосудие судивших и невинность страждущего.— Но жалобницы от меня не примут. Спросят, какое я на то имею право; потребуют от меня верющего письма.— Какое имею право? — Страждущее человечество. Человек, лишенный имения, чести, лишенный половины своея жизни, в самовольном изгнании, дабы избегнуть поносительного заточения. И на сие надобно верющее письмо? От кого? Ужели сего мало, что страждет мой согражданин? — Да и в том нет нужды. Он человек: вот мое право, вот верющее письмо.— О богочеловек! Почто писал ты закон твой для варваров? Они, крестяся во имя твое, кровавые приносят жертвы злобе. Почто ты для них мягкосерд был? Вместо обещания будущия казни, усугубил бы казнь настоящую и, совесть возжигая по мере злодеяния, не дал бы им покоя денно-ночно, доколь страданием своим не загладят

все злое, еже сотворили. Таковые размышления толико утомили мое тело, что я уснул весьма крепко и не просыпался долго.

Возмущенные соки мыслию стремилися, мне спящу, к голове и, тревожа нежный состав моего мозга, возбудили в нем воображение. Несчетные картины представлялись мне во сне, но исчезали, как легкие в воздухе пары. Наконец, как то бывает, некоторое мозговое волокно, тронутое сильно восходящими из внутренних сосудов тела парами, задрожало долее других на несколько времени, и вот что я грезил.

Мне представилось, что я царь, шах, хан, король, бей, набаб, султан или какое-то сих названий нечто, седящее во власти на престоле[4].

Место моего восседания было из чистого злата и хитро искладенными драгими разного цвета каменьями блистало лучезарно. Ничто сравниться не могло со блеском моих одежд. Глава моя украшалася венцом лавровым. Вокруг меня лежали знаки, власть мою изъявляющие. Здесь меч лежал на столпе, из сребра изваянном, на коем изображалися морские и сухопутные сражения, взятие городов и прочее сего рода; везде видно было наверху имя мое, носимое Гением славы, над всеми сими подвигами парящим. Тут виден был скипетр мой, возлежащий на снопах, обильными класами отягченных, изваянных из чистого злата и природе совершенно подражающих. На твердом коромысле возвешенные зрелися весы. В единой из чаш лежала книга с надписью *Закон милосердия;* в другой книга же с надписью *Закон совести.* Держава, из единого камня иссеченная, поддерживаема была грудою младенцев, из белого мрамора иссеченных. Венец мой возвышен был паче всего и возлежал на раменах сильного исполина, воскраие же его поддерживаемо было истиною. Огромной величины змия, из светлыя стали искованная, облежала вокруг всего седалища при его подножии и, конец хвоста в зеве держаща, изображала вечность.

Но не единые бездыханные изображения возвещали власть мою и величество. С робким подобострастием и взоры мои ловящи, стояли вокруг престола моего чины государственные. В некотором отдалении от престола моего толпилося бесчисленное множество народа,

коего разные одежды, черты лица, осанка, вид и стан различие их племени возвещали. Трепетное их молчание уверяло меня, что они все воле моей подвластны. По сторонам, на несколько возвышенном месте, стояли женщины в великом множестве в прелестнейших и великолепнейших одеждах. Взоры их изъявляли удовольствие на меня смотреть, и желания их стремились на предупреждение моих, если бы они возродились.

Глубочайшее в собрании сем присутствовало молчание; казалося, что все в ожидании были важного какого происшествия, от коего спокойствие и блаженство всего общества зависели. Обращенный сам в себя и чувствуя глубоко вкоренившуюся скуку в душе моей, от насыщающего скоро единообразия происходящую, я долг отдал естеству и, рот разинув до ушей, зевнул во всю мочь. Все вняли чувствованию души моей. Внезапу смятение распростерло мрачный покров свой по чертам веселия, улыбка улетела со уст нежности и блеск радования с ланит удовольствия. Искаженные взгляды и озирание являли нечаянное нашествие ужаса и предстоящие беды. Слышны были вздохи, колющие предтечи скорби; и уже начинало раздаваться задерживаемое присутствием страха стенание. Уже скорыми в сердца всех стопами шествовало отчаяние и смертные содрогания, самыя кончины мучительнее. Тронутый до внутренности сердца толико печальным зрелищем, ланитные мышцы нечувствительно стянулися ко ушам моим и, растягивая губы, произвели в чертах лица моего кривление, улыбке подобное, за коим я чхнул весьма звонко. Подобно как в мрачную атмосферу, густым туманом отягченную, проникает полуденный солнца луч, летит от жизненной его жаркости сгущенная парами влага и, разделенная в составе своем, частию, улегчася, стремительно возносится в неизмеримое пространство эфира и частию, удержав в себе одну только тяжесть земных частиц, падает низу стремительно, мрак, присутствовавший повсюду в небытии светозарного шара, исчезает весь вдруг и, сложив поспешно непроницательный свой покров, улетает на крылех мгновенности, не оставляя по себе нижé знака своего присутствования,— тако при улыбке моей развеялся вид печали, на лицах всего собрания поселившийся; радость проникла сердца всех быстротечно, и не осталося косого вида неудовольствия нигде. Все

начали восклицать:

— Да здравствует наш великий государь, да здравствует навеки.— Подобно тихому полуденному ветру, помавающему листвия дерев и любострастное производящему в дубраве шумление, тако во всем собрании радостное шептание раздавалось. Иной вполголоса говорил:

— Он усмирил внешних и внутренних врагов, расширил пределы отечества, покорил тысячи разных народов своей державе.

Другой восклицал:

— Он обогатил государство, расширил внутреннюю и внешнюю торговлю, он любит науки и художества, поощряет земледелие и рукоделие.

Женщины с нежностию вещали:

— Он не дал погибнуть тысячам полезных сограждан, избавя их до сосца еще гибельныя кончины.

Иной с важным видом возглашал:

— Он умножил государственные доходы, народ облегчил от податей, доставил ему надежное пропитание.

Юношество, с восторгом руки на небо простирая, рекло:

— Он милосерд, правдив, закон его для всех равен, он почитает себя первым его служителем. Он законодатель мудрый, судия правдивый, исполнитель ревностный, он паче всех царей велик, он вольность дарует всем.

Речи таковые, ударяя в тимпан моего уха, громко раздавалися в душе моей. Похвалы сии истинными в разуме моем изображалися, ибо сопутствуемы были искренности наружными чертами. Таковыми их приемля, душа моя возвышалася над обыкновенным зрения кругом; в существе своем расширялась и, вся объемля, касалася степеней божественной премудрости. Но ничто не сравнилося с удовольствием самоодобрения при раздавании моих приказаний. Первому военачальнику повелевал я идти с многочисленным войском на завоевание земли, целым небесным поясом от меня отделенной.

— Государь,— ответствовал он мне,— слава единая имени твоего победит народы, оную землю населяющие. Страх предшествовать будет оружию твоему и возвращуся, приносяй дань царей сильных.

Учредителю плавания я рек:

— Да корабли мои рассеются по всем морям, да узрят их неведомые народы; флаг мой да известен будет на Севере, Востоке, Юге и Западе.

— Исполню, государь.— И полетел на исполнение, яко ветр, определенный надувать ветрила корабельные.

— Возвести до дальнейших пределов моея области,— рек я хранителю законов,— се день рождения моего, да ознаменится он в летописях навеки отпущением повсеместным. Да отверзнутся темницы, да изыдут преступники и да возвратятся в домы свои, яко заблудшие от истинного пути.

— Милосердие твое, государь! есть образ всещедрого существа. Бегу возвестити радость скорбящим отцам по чадех их, супругам по супругах их.

— Да воздвигнутся,— рек я первому зодчию,— великолепнейшие здания для убежища мусс, да украсятся подражаниями природы разновидными; и да будут они ненарушимы, яко небесные жительницы, для них же они уготовляются.

— О премудрый,— отвечал он мне,— егда велениям твоего гласа стихии повиновалися и, совокупя силы свои, учреждали в пустынях и на дебрях обширные грады, превосходящие великолепием славнейшие в древности; колико маловажен будет сей труд для ревностных исполнителей твоих велений. Ты рек, и грубые строения припасы уже гласу твоему внемлют.

— Да отверзется ныне,— рек я,— рука щедроты, да излиются остатки избытка на немощствующих, сокровища ненужные да возвратятся к их источнику.

— О всещедрый владыко, всевышним нам дарованный, отец своих чад, обогатитель нищего, да будет твоя воля.

При всяком моем изречении все предстоящие восклицали радостно, и плескание рук не токмо сопровождало мое слово, но даже предупреждало мысль. Единая из всего собрания жена, облегшаяся твердо о столп, испускала вздохи скорби и являла вид презрения и негодования. Черты лица ее были суровы и платье простое. Глава ее покрыта была шляпою, когда все другие обнаженными стояли главами.

— Кто сия? — вопрошал я близ стоящего меня.

— Сия есть странница, нам неизвестная, именует себя

Прямовзорой и глазным врачом. Но есть волхв опаснейший, носяй яд и отраву, радуется скорби и сокрушению; всегда нахмурена, всех презирает и поносит; даже не щадит в ругании своем священныя твоея главы.

— Почто ж злодейка сия терпима в моей области? Но о ней завтра. Сей день есть день милости и веселия. Приидите, сотрудники мои в ношении тяжкого бремени правления, приимите достойное за труды и подвиги ваши воздаяние.

Тогда, восстав от места моего, возлагал я различные знаки почестей на предстоящих; отсутствующие забыты не были, но те, кои приятным видом словам моим шли во сретение, имели большую во благодеяниях моих долю.

По сем продолжал я мое слово:

— Пойдем, столпы моея державы, опоры моея власти, пойдем усладиться по труде. Достойно бо, да вкусит трудившийся плода трудов своих. Достойно царю вкусити веселия, он же изливает многочисленные всем. Покажи нам путь к уготованному тобою празднеству,— рек я к учредителю веселий.— Мы тебе последуем.

— Постой,— вещала мне странница от своего места,— постой и подойди ко мне. Я — врач, присланный к тебе и тебе подобным, да очищу зрение твое. Какие бельма! — сказала она с восклицанием.

Некая невидимая сила нудила меня идти пред нее, хотя все меня окружавшие мне в том препятствовали, делая даже мне насилие.

— На обоих глазах бельма,— сказала странница,— а ты столь решительно судил о всем.— Потом коснулася обоих моих глаз и сняла с них толстую плену, подобную роговому раствору.— Ты видишь,— сказала она мне,— что ты был слеп и слеп всесовершенно. Я есмь Истина. Всевышний, подвигнутый на жалость стенанием тебе подвластного народа, ниспослал меня с небесных кругов, да отжену темноту[5], проницанию взора твоего препятствующую. Я сие исполнила. Все вещи представятся днесь в естественном их виде взорам твоим. Ты проникнешь во внутренность сердец. Не утаится более от тебя змия, крыющаяся в излучинах душевных. Ты познаешь верных своих подданных, которые вдали от тебя не тебя любят, но любят отечество; которые готовы всегда на твое поражение,

если оно отмстит порабощение человека. Но не возмутят они гражданского покоя безвременно и без пользы. Их призови себе в друзей. Изжени сию гордую чернь, тебе предстоящую и прикрывшую срамоту души своей позлащенными одеждами. Они-то истинные твои злодеи, затмевающие очи твои и вход мне в твои чертоги воспрещающие. Един раз являюся я царям во все время их царствования, да познают меня в истинном моем виде; но я никогда не оставляю жилища смертных. Пребывание мое не есть в чертогах царских. Стража, обсевшая их вокруг и бдящая денно-ночно стоглазно, воспрещает мне вход в оные. Если когда проникну сию сплоченную толпу, то, подняв бич гонения, все тебя окружающие тщатся меня изгнать из обиталища твоего; бди убо, да паки не удалюся от тебя. Тогда словеса ласкательства, ядовитые пары издыхающие, бельма твои паки возродят, и кора, светом непроницаемая, покрыет твои очи. Тогда ослепление твое будет сугубо; едва на шаг один взоры твои досязать будут. Все в веселом являться тебе будет виде. Уши твои не возмутятся стенанием, но усладится слух сладкопением ежечасно. Жертвенные курения обыдут на лесть отверстую душу. Осязанию твоему подлежать будет всегда гладкость. Никогда не раздерет благотворная шероховатость в тебе нервов осязательности. Вострепещи теперь за таковое состояние. Туча вознесется над главой твоей, и стрелы карающего грома готовы будут на твое поражение. Но я, вещаю тебе, поживу в пределах твоего обладания. Егда восхощешь меня видети, егда, осажденная кознями ласкательства, душа твоя взалкает моего взора, воззови меня из твоея отдаленности; где слышен будет твердый глас, там меня и обрящешь. Не убойся гласа моего николи. Если из среды народныя возникнет муж, порицающий дела твоя, ведай, что той есть твой друг искренний. Чуждый надежды мзды, чуждый рабского трепета, он твердым гласом возвестит меня тебе. Блюдись и не дерзай его казнити, яко общего возмутителя. Призови его, угости его, яко странника. Ибо всяк, порицающий царя в самовластии его, есть странник земли, где все пред ним трепещет. Угости его, вещаю, почти его, да возвратившися возможет он паче и паче глаголати нельстиво. Но таковые твердые сердца бывают редки; едва един в целом столетии явится на светском ристалище. А дабы

бдительность твоя не усыплялася негою власти, се кольцо дарую тебе, да возвестит оно тебе твою неправду, когда на нее дерзать будешь. Ибо ведай, что ты первейший в обществе можешь быть убийца, первейший разбойник, первейший предатель, первейший нарушитель общия тишины, враг лютейший, устремляющий злость свою на внутренность слабого. Ты виною будешь, если мать восплачет о сыне своем, убиенном на ратном поле, и жена о муже своем; ибо опасность плена едва оправдать может убийство, войною называемое. Ты виною будешь, если запустеет нива, если птенцы земледелателя лишатся жизни у тощего без здравыя пищи сосца матерня. Но обрати теперь взоры свои на себя и на предстоящих тебе, воззри на исполнение твоих велений, и если душа твоя не содрогнется от ужаса при взоре таковом, то отыду от тебя, и чертог твой загладится навсегда в памяти моей.

Изрекшия странницы лице казалося веселым и вещественным сияюще блеском. Воззрение на нее вливало в душу мою радость. Уже не чувствовал я в ней зыбей тщеславия и надутлости высокомерия. Я ощущал в ней тишину; волнение любочестия и обуревание властолюбия ее не касалися. Одежды мои, столь блестящие, казалися замараны кровию и омочены слезами. На перстах моих виделися мне остатки мозга человеческого; ноги мои стояли в тине. Вокруг меня стоящие являлися того скареднее. Вся внутренность их казалась черною и сгораемою тусклым огнем ненасытности. Они метали на меня и друг на друга искаженные взоры, в коих господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть. Военачальник мой, посланный на завоевание, утопал в роскоши и веселии. В войсках подчиненности не было; воины мои почиталися хуже скота. Не радели ни о их здравии, ни прокормлении; жизнь их ни во что вменялася; лишались они установленной платы, которая употреблялась на ненужное им украшение. Большая половина новых воинов умирали от небрежения начальников или ненужныя и безвременныя строгости. Казна, определенная на содержание всеополчения, была в руках учредителя веселостей. Знаки военного достоинства не храбрости были уделом, но подлого раболепия. Я зрел пред собою единого знаменитого по словесам военачальника, коего я отличными почтил знаками моего

благоволения; я зрел ныне ясно, что все его отличное достоинство состояло в том только, что он пособием был в насыщении сладострастия своего начальника; и на оказание мужества не было ему даже случая, ибо он издали не видал неприятеля. От таких-то воинов я ждал себе новых венцов. Отвратил я взор мой от тысячи бедств, представившихся очам моим.

Корабли мои, назначенные да прейдут дальнейшие моря, видел я плавающими при устье пристанища. Начальник, полетевший для исполнения моих велений на крылех ветра, простерши на мягкой постеле свои члены, упоялся негою и любовию в объятиях наемной возбудительницы его сладострастия. На изготованном велением его чертеже совершенного в мечтании плавания уже видны были во всех частях мира новые острова, климату их свойственными плодами изобилующие. Обширные земли и многочисленные народы израждалися из кисти новых сил путешествователей. Уже при блеске нощных светильников начерталося величественное описание сего путешествия и сделанных приобретений слогом цветущим и великолепным. Уже златые доски уготовлялися на одежду столь важного сочинения. О Кук![6] почто ты жизнь свою провел в трудах и лишениях? Почто скончал ее плачевным образом? Если бы воссел на сии корабли, то, в веселиях начав путешествие и в веселиях его скончая, столь же бы много сделал открытий, сидя на одном месте (и в моем государстве), толико же бы прославился; ибо ты бы почтен был твоим государем.

Подвиг мой, коим в ослеплении моем душа моя наиболее гордилася, отпущение казни и прощение преступников едва видны были в обширности гражданских деяний. Веление мое или было совсем нарушено, обращаяся не в ту сторону, или не имело желаемого действия превратным оного толкованием и медлительным исполнением. Милосердие мое сделалося торговлею, и тому, кто давал больше, стучал этот молот жалости и великодушия. Вместо того чтобы в народе моем чрез отпущение вины прослыть милосердным, я прослыл обманщиком, ханжою и пагубным комедиантом.

— Удержи свое милосердие,— вещали тысячи гласов,— не возвещай нам его великолепным словом, если не хощешь его исполнити. Не соплощай с обидою

насмешку, с тяжестию ее ощущение. Мы спали и были покойны, ты возмутил наш сон, мы бдеть не желали, ибо не над чем.

В созидании городов видел я одно расточение государственныя казны, нередко омытой кровию и слезами моих подданных. В воздвижении великолепных зданий к расточению нередко присовокуплялося и непонятие о истинном искусстве. Я зрел расположение их внутренное и внешнее без малейшего вкуса. Виды оных принадлежали веку готфов и вандалов[7]. В жилище, для мусс уготованном, не зрел я лиющихся благотворно струев Касталии и Ипокрены[8]; едва пресмыкающееся искусство дерзало возводить свои взоры выше очерченной обычаем округи. Зодчие, согбенные над чертежом здания, не о красоте оного помышляли, но как приобретут ею себе стяжание. Возгнушался я моего пышного тщеславия и отвратил очи мои.

Но паче всего уязвило душу мою излияние моих щедрот. Я мнил в ослеплении моем, что ненужная казна общественная на государственные надобности не может лучше употребиться, как на вспоможение нищего, на одеяние нагого, на прокормление алчущего, или на поддержание погибающего противным случаем, или на мзду не радящему о стяжании достоинству и заслуге. Но сколь прискорбно было видеть, что щедроты мои изливалися на богатого, на льстеца, на вероломного друга, на убийцу иногда тайного, на предателя и нарушителя общественной доверенности, на уловившего мое пристрастие, на снисходящего моим слабостям, на жену, кичащуюся своим бесстыдством. Едва, едва досязали слабые источники моея щедроты застенчивого достоинства и стыдливыя заслуги. Слезы пролились из очей моих и сокрыли от меня столь бедственные представления безрассудной моей щедроты.

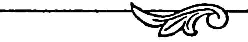
Теперь ясно я видел, что знаки почестей, мною раздаваемые, всегда доставалися в удел недостойным. Достоинство неопытное, пораженное первым блеском сих мнимых блаженств, вступало в единый путь с ласкательством и подлостию духа, на снискание почестей, вожделенной смертных мечты; но, влача косвенно стопы свои, всегда на первых степенях изнемогало и довольствоваться было осуждаемо собственным своим одобрением, во уверении, что почести мирские суть пепл

и дым. Видя во всем толикую превратность, от слабости моей и коварства министров моих проистекшую, видя, что нежность моя обращалася на жену, ищущую в любви моей удовлетворения своего только тщеславия и внешность только свою на услаждение мое устрояющую, когда сердце ее ощущало ко мне отвращение,— возревел я яростию гнева.

— Недостойные преступники, злодеи! вещайте, почто во зло употребили доверенность господа вашего? предстаньте ныне пред судию вашего. Вострепещите в окаменелости злодеяния вашего. Чем можете оправдать дела ваши? Что скажете во извинение ваше? Се он, его же призову из хижины уничижения. Прииди,— вещал я старцу, коего созерцал в крае обширныя моея области, кроющегося под заросшею мхом хижиною,— прииди облегчить мое бремя; прииди и возврати покой томящемуся сердцу и востревоженному уму.

Изрекши сие, обратил я взор мой на мой сан, познал обширность моея обязанности, познал, откуду проистекает мое право и власть. Вострепетал во внутренности моей, убоялся служения моего. Кровь моя пришла в жестокое волнение, и я пробудился. Еще не опомнившись, схватил я себя за палец, но тернового кольца на нем не было. О, если бы оно пребывало хотя на мизинце царей!

Властитель мира, если, читая сон мой, ты улыбнешься с насмешкою или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною странница отлетела от тебя далеко и чертогов твоих гнушается.

И. А. КРЫЛОВ

КАИБ.
ВОСТОЧНАЯ ПОВЕСТЬ

Каиб был один из восточных государей; имя его наполняло вселенную.

— Слава твоя,— говорил ему некто из его стихотворцев,— слава твоя была бы подобна солнцу, если бы оно не заходило.

Каибу нравились хорошие сравнения, и за это, пожаловав его в евнухи, сделал смотрителем над своею325 сералью. Богатства Каибовы были неисчерпаемы; дворец его, говорит историк, был обнесен тысячию яшмовых столбов, коих капители были изумрудные, коринфского ордена, а тумбы из чистого литого золота; дворец сей был сделан из черного мрамора и стены его были столь гладко вылощены, что лучшие щеголихи смотрелись в них, как в зеркало. Окны были пропорции новейшей италиянской архитектуры, немного более того, как делаются городские ворота, и во всяком окне было только по одному стеклу, но которые были так тверды, что потачливейшие мужья нынешнего времени не в состоянии были бы прошибить их своим лбом. Крыша была из листового серебра, но столь чисто отработанного, что часто в ясные дни целый город сбегался ко дворцу, думая, что он горит, когда всю сию тревогу производило одно ее сияние. Заметь, любезный читатель, что все это говорит Каибов историк.

Внутреннее великолепие дворца поражало всякого, кто туда ни входил: простолюдимов ослепляло золото, жемчуг и каменья, коих было более, нежели орфографических ошибок в наших новых писателях. Знатоков привлекало искусство, блистающее во всех украшениях дворца: там развевали завесы из непроницаемого штофу, который был толще всех четырех частей «Беседующего гражданина»[1], переплетенных вместе; там блистала резьба, отделанная с такою чистотою, что никакой бы автор не пожелал видеть лучшей чистоты на переплете своих сочинений; многие комнаты украшены были живописью, обманывающею зрение, и надобно отдать справедливость Каибу, что хотя не пущал он ученых людей во дворец, но изображения их делали не последнее украшение его стенам. Правда, стихотворцы его были бедны, но безмерная щедрость его награждала великий их недостаток: Каиб велел рисовать их в богатом платье и ставить в лучших комнатах своего дворца их изображения, ибо он искал всячески поощрять науки. И подлинно, не было в Каибовом владении ни одного стихотворца, который бы не завидовал своему портрету.

В другом месте, продолжает историк, видны были из драгоценных перьев чучелки, сделанные с таким

вкусом, что сколько ни старались придворные дамы подражать им в пестроте своих одежд, но часто с досадою видели, что на прекрасных чучелок любовались более, нежели на них. В иных местах резвились на золотых цепочках забавные обезьяны, которые кривлялись с такою приятностию, что искуснейшие придворные ставили за честь у них перенимать, а нередко, по слабости человеческой, выдумки обезьян выдавали за свои; от чего между тогдашних обезьян и придворных была великая вражда, о коей историю в тридцати шести томах в лист издала тамошняя академия. Там на великолепных пьедесталах блистали Каибовых предков бюсты, которые высокостью работы не уступали своим высоким подлинникам.

Внутренние комнаты его убраны коврами столь редкой красоты и цены, что величайшие цари, современники Каибовы, приезжали играть на них шемелой[2] и приказывали историографам записывать это в число величайших своих подвигов. Зеркала его хотя были по двенадцати аршин длиною, из чистой стали, но не столько почитались редкими по своей величине, как по свойству, данному им некоторою волшебницею: зеркала сии имели дар показывать вещи в тысячу раз прекраснее нежели они есть: старик видел себя в них молодым красавцем, изветшалая кокетка — пятнадцатилетнею девушкою, урод — пригожим, а разгильдяй — ловким. Со всем тем Каиб никогда в них не смотрелся, а держал для одних своих придворных, и то для того, чтоб забавляться, видя, как отвратительнейшие лица перед сими зеркалами спорят о своей красоте и заводят ссоры, которыми Каиб любовался. Тысячи попугаев говорили в его клетках скоропостижные вирши; многие из сих попугаев были красноречивее тогдашних академиков, хотя академия Каибова почиталась первою в свете потому, что ни в какой академии не было такого богатого набора плешивых голов, как у него, и все они бегло читали по толкам, а иногда очень четко писали к приятелям письма. Со всем тем многие уступали в красноречии попугаям, из коих многих Каиб, любя ученость, сделал членами академии только за то, что они умели выговаривать чистенько то, что выдумал другой. Что ж до изобилия, то Каибов двор превосходил оным все восточные дворы, и последний ложкомой Каибов ел вкуснее, нежели у Гомера цари.

Календарь Каибова двора был составлен из одних праздников, и будни были там реже, нежели именины Касьянов.

Сераль его был наполнен первыми красавицами в свете, из коих не было ни одной старее семнадцати лет. Сколь фабрики ни стараются ныне доходить до совершенства в составлении румян, но лучшие румяны показались бы дикими в сравнении с природным румянцем последней из его султанш. Девушки его не портили своих прелестей излишними жеманствами; они не падали в обморок от пауков и тараканов для того, чтобы разметаться приятным для глаз образом. Когда находила на них задумчивость, столь обыкновенная семнадцатилетнему женскому возрасту, то не принимали они чистительного, чтобы иметь лучший цвет лица. Великолепные его конюшни наполнены были редкими лошадьми, которые были статнее наших щегольков и послушнее первых его визирей. Ледники его трещали под тяжестью вкуснейших вин. Сами боги, говорят, с удовольствием напивались в его погребах допьяна и предпочитали вины его нектару, который опостылел им с тех пор, как стихотворцы начали разливать его своим героям так же небрежно, как бабы льют коровам помои.

Весь свет, взирая на Каиба, почитал его счастливым; типографщики наживались, издавая претолстые книги о его блаженстве. Когда стихотворцы тогдашнего времени хотели описать торжества богов и райские веселия, то не иначе к тому приступали, как доставши через какого-нибудь евнуха случай втереться между музыкантов, чтобы посмотреть придворного великолепия и серальских праздников; однако ж и на то несмотря, описания их божеских пиров часто пахли гнилою соломою, на которой они сочинены. Весь свет кричал, что Каиб счастлив, и один только Каиб знал, что это неправда; но он никому этого не говорил, боясь, чтобы не сочли его неблагодарным противу благодеяний судьбы, чего он всегда остерегался. Он часто в своих стихотворцах читал описания своего счастия и смеялся пустому их воображению; или иногда завидовал, для чего не был он так же слеп, как они, чтоб видеть себя только со счастливой стороны. Как бы то ни было, а Каиб не столько был счастлив, сколько о нем кричали:

в сердце его оставалась какая-то пустота, которую не могли дополнить окружающие его предметы. Придворные господчики, женщины, обезьяны, попугаи — ничто его не увеселяло: на все это с высокого своего престола смотрел он, позевывая; иногда улыбался на скачки обезьян или на кривлянья придворных, но в сих улыбках видно было более сожаления, нежели удовольствия.

Весь двор примечал, что он был задумчив; но никто не мог выдумать, чем бы его позабавить; и обер-шут его двора, который был шутоватее всех италиянских опер вместе, с отчаянием видел, что высочайший его владетель уже два месяца не давал ему щелчков по носу: все это заметили и заключили, что он уже не в такой большой силе у двора, как был за два месяца, когда, к досаде своих завистников, всякий день получал он пинков по двадцати в зад, по стольку ж щелчков по носу и показывал всем на боках своих знаки Каибовой к себе милости.

Но что была за причина Каибовой скуки? Вот чего никто не знал; а что всего чуднее, то это и самому ему было неизвестно. Он чувствовал, что ему чего-то недостает; но не мог познать, в чем этот недостаток; ему казалось, что он один во всей вселенной, или, что еще ближе, как будто был иностранец между миллионами людей, им одолженных, которые не могли его разуметь, ни помочь его скуке.

Сперва подумал он, что сему причиною любовные желания, и бросился искать счастия в серале; но самые скромные девушки показались ему кокетками, которые желая ему угодить, искали только своей пользы; правда, всякая из них хотела, чтоб на нее брошен был султанский платок; но часто более для того, чтобы тем досадить своей совместнице, нежели сделать его счастливым. Желание ему нравиться было смешано во всех сердцах с желанием корысти или с честолюбием; он заметил по повторению, что все приветствия, все ласки выучены были наизусть, и в месяц сераль так ему наскучил, что он перестал в него заглядывать и заключил, что не с этой стороны должен искать счастия.

Каиб вздумал потом, что скорее всего разгонит грусть свою новыми победами; повелел — и вдруг армия, многочисленнее древней Ксерксовой[3] и не уступающая в храбрости грекам, умершим при Термопилах[4], была

готова и двинулась собирать лавры. Война загорелась,— открылось поле славы для героев и для стихотворцев; сочинители мелкого разбору зачали заготовлять пирамиды од, надеясь при первом случае сбыть их за хорошую цену. Многие жены поседелых героев заранее любовались перед зеркалами, сколь пристанет к ним траур, и твердили науку упадать в обморок, чтобы пользоваться ею, когда принесут к ним весть о кончине их мужей, купцы возвысили цену на черные материи, сочинители эпитафий сделались неприступны.

Первые две победы, одержанные Каибовыми войсками, привели его в восхищение, третью новость о победе слушал он равнодушнее, наконец зачал уже зевать, слушая такие новости, и решился дать свету отдых. Войски возвратились, обремененные славою и корыстями, а Каибова зевота не уменьшилась, и он не без зависти взирал, что полунагие стихотворцы его более ощущали удовольствия, описывая его изобилие, нежели он его вкушая.

В одну ночь, удивляясь неодолимой своей скуке, ворочался Каиб на своих пышных пуховиках, и сон, как будто не смея войти в царскую спальню, заставлял храпеть в ближней комнате его служителей. Вдруг увидел он, что его любимец кот гонялся за мышью. Она всячески старалась от него увернуться. Так точно часто челобитчик желает увернуться от подарка своему судье; но напрасно заговаривает он с ним о дурной погоде и о хорошей, о старых временах и о нынешних; хотя бы заговорил он с ним о Эмпедокловых туфлях[5], взяткобратель и от них искусно склонит речь на то, что ему надобны деньги. То же происходило и у мыши с котом: стараясь его обманывать, металась она в разные стороны, искала спасения по всем углам... и вдруг вскочила к султану на кровать. Какая бы красавица утерпела при сем прекрасном случае, чтобы не броситься с постели стремглав, не поднять содому, не скликать весь свет, ежели можно, и наконец, чтобы потом не упасть раза два-три в обморок? Но Каиб был неустрашим: он не боялся мышей, пауков, тараканов и с радостию бедную мышку принял под свое покровительство; притом же начитался, ибо он любил учености и «Тысячу одну ночь» всю знал наизусть,— он начитался, что в таких случаях делаются великие

чудеса, как прекрасная Шехеразада, сей неподражаемый историк его предков, свидетельствует; а Каиб верил сказкам более, нежели Алкорану[6], для того что они обманывали несравненно приятнее.

Дело и подлинно кончилось чудом: менее нежели в минуту гонимая мышь превратилась в прекрасную женщину. Какой вздор! — скажет любезный мой читатель; но прошу не дивиться: в Каибов век была такая мода на чудеса, как ныне на аглинские шляпки, и тот дом, в котором не случалось в неделю, по крайней мере, два чуда, был так же смешон, как ныне дома, где не играют в карты.

— Каиб,— сказала ему превращенная женщина,— ты спас мне жизнь; должно, чтоб я усладила твою: благодеяние рождает благодарность. Проси от меня, чего ты хочешь, и я в минуту исполню твое желание, хотя бы оно целило на богатства всего света.

— Великодушная фея! — вскричал удивленный Каиб,— не имею я нужды в сокровищах; они столь велики, что сколь визири меня не обворовывают, но ущерб в них так же мало приметен, как ущерб в Эзоповой реке[7], которую хотели выпить жадные собаки; и я надеюсь, что мои собаки так же перелопаются прежде, нежели вылакают море моих сокровищ; из сего можешь ты заключить, нужно ли мне желать их более. Сколь ни бесценною великий наш муфтий почитает свою бороду, но если бы захотел я соблазнить честного этого старца, то бы всю ее мог скупить по волоску, нимало не расстроив своих богатств. У меня нет также недостатка в красавицах: природа меня не обидела, и мой взгляд еще не находил ни одной спорщицы в любви, столько-то одарен я способностию нравиться; впрочем, состояние мое столь блестяще, что спустя еще семьдесят лет не будет при моем дворе ни одной Венеры, которая бы не захотела меня иметь своим Адонисом[8], и хотя природа станет им противоречить, но воображение, конечно, ее победит. Может быть, пожелал бы я славы, но стихотворцы мои, хотя и спят сами на открытом воздухе, а мне настроили столько храмов славы, что если бы можно было их составить вместе на земле, то бы вышел из них город пространнее Пекина и великолепнее древнего Рима. Итак, ты видишь, что мне ни в чем нет недостатка; со всем тем я зеваю и по этому-

то одному догадываюсь, что мне чего-нибудь недостает; но что это такое, того ученейшие из моих подданных отгадать не могут.

— Каиб,— сказала ему волшебница,— желание твое исполнится: я знаю, что нужно к твоему блаженству. Исполни, что написано на этом перстне (при сем подала она ему перстень). Завтра поутру начни свой труд; но берегись его оставить; как же скоро успех увенчает его, то не будет человека на земле, который бы мог с тобою сравняться блаженством. Прости и помни, что я всегда готова к тебе на помощь; как же скоро буду я тебе нужна для какого-нибудь совету, то вот тебе целый том од одного из бесприютных строителей храмов славы; едва прочтешь ты одну строфу, как на тебя найдет беспамятство; в сие-то время буду я тебе являться и давать нужные наставления. Прости, государь,— повторила волшебница и вмиг исчезла.

Каиб, отворотясь к стене, захрапел, оставя до утра исследование дела; он даже — подивись, прекрасный и любопытный пол!— он даже не посмотрел, что написано на перстне.

На другой день нашел он на нем вырезанные сии слова: «Ступай не медля и ищи человека, который бы назывался твоим врагом, не зная, что тебя любит, и который бы тогда ж назывался твоим другом, не зная, что тебя ненавидит; тот, в котором увидишь ты сие противоречие, один может излечить тебя от твоей зевоты». Вот довольно огромная для перстня надпись, скажет критик... может ли она уместиться на перстне; это невероятность!... очень сожалею, когда свет ныне так испортился, что не верит сказкам; впрочем, вообрази, милостивый государь мой, такой перстень, на котором бы вся эта надпись поместилась, и критика исчезнет,— но где же взять такую руку, которой бы впору был этот перстень?— спросят меня опять.— О! кто знает Голиафа и Атланта,[9] тот поверит, что на их перстнях можно было уписать более, нежели на надгробных досках людей нынешних веков.

— Милостивейший государь!— сказал Каибу шут, увидя сию надпись,— перстень этот явное на меня гонение моих неприятелей.

— Почему ты это думаешь?— спрашивал его Каиб.

— Повелитель правоверных,— продолжал шут,— тебе

советуют лечиться от скуки и не прописывают меня лекарством: не явное ли это желание унизить мой сан и силу? Как будто бы моя священная должность смешить ваше величество ничего не значила.

— Не опасайся,— отвечал калиф,— изо всех моих визирей никто так хорошо, как ты, сорокою не скачет; итак, мои милости к тебе непоколебимы.

— Еще слово, государь,— вскричал шут, целуя его полу,— время, пожирающее все, может и меня лишить моих способностей служить вашему величеству, и я потеряю свою легкость; опасаясь, чтоб враги мои тогда не восторжествовали, предприял я заранее оставить двор.

— Пустое, пустое!— кричал Каиб,— разве не можешь ты при моем дворе сыскать дела: выучись к тому времени ползать черепахою.

Шут еще раз поцеловал полу его одежды, а Каиб, не сказав истинного происшествия своего перстня, зачал в самом деле заниматься своим предприятием.

На другой день Каиб созвал свой диван, чтобы подумать обстоятельнее о своем важном предприятии. Надобно приметить, что Каиб ничего не начинал без согласия своего дивана; но как он был миролюбив, то для избежания споров начинал так свои речи: «Господа! Я хочу того-то; кто имеет на сие возражение, тот может свободно его объявить: в сию же минуту получит он пятьсот ударов воловьею жилою по пятам, а после мы рассмотрим его голос». Таким удачным предисловием поддерживал он совершенное согласие между собою и советом и придавал своим мнениям такую вероятность, что разумнейшие из дивана удивлялись их премудрости. И для того-то, хотя иногда терпел он визирей с крепкою головою, но не мог терпеть тех, у коих крепки были подошвы. «Такие люди,— говаривал он,— всегда думают, что они умнее других, и они для меня не годятся. Мне надобны визири, у которых бы разум, без согласия их пяток, ничего не начинал». Теперь, любезный читатель, можем мы продолжать нашу повесть.

Каиб представил, что ему нужно выехать из города тайно месяцев на восемь или более; что от этого зависит его спокойствие, а следственно, благополучие целого государства; что в сие время не может он управлять никакими делами; что более всего нужно скрыть его путешествие от народа и, следственно, не остановлять

никаких дел; что, наконец, во всем этом полагается он на их рассуждение.

Диван разделился на две стороны: одни говорили из учтивости, что калиф нужен государству и что оно не может обойтись без его высокой особы так долгое время; другие говорили, из учтивости же, что он может исполнить свое предприятие и что государство ничего не потеряет, если он отлучится на несколько месяцев. Каиб дал им волю спорить и между тем занимался будущим своим путешествием; наконец, наскуча шумом сказал:

— Господа! я так хочу.

Визири первого мнения, вспомня, что у них есть пятки, согласились с визирями последнего мнения; путешествие было определено.

— Друзья мои,— сказал калиф,— я признателен к вашей сговорчивости, и хотя ни у какого калифа люди за слово *так* не получают столь большого жалованья, как у меня; хотя никакой султан не содержит такого числа полезных государству людей при важной должности выговаривать чисто *так*; но вы столь усердно исполняете свое почтенное звание, что я охотнее издерживаю деньги на вас, нежели на лучших арабских лошадей и китайских кукол. Из сего вы можете заключить, как приятно мне всегда видеть у двора своего разумных людей, коих премудрые советы полезны государству столько же, сколько скотные дворы полезны хлебопашеству.

Чувствительные визири были тронуты до слез похвалою, а Каиб, улыбаясь, продолжал:

— Итак, когда вы согласны, то ничто уже не остановит моего путешествия; но мне еще нужен благоразумный ваш совет: я уже сказал, что отъезд мой должно скрыть от народа и что нужно не оставлять государственных дел; а к сему-то я еще никаких способов не выдумал, и если б не надеялся на ваше остроумие, то бы отчаялся согласить эти две вещи. Итак, любезные визири, присоветуйте мне, кто из вас как думает; тому же, кто лучшее подаст мнение в сих важных обстоятельствах, обещаю я подарить полное собрание арабских сказок в богатом сафьянном переплете и перевод Конфуция, писанный в лист[10] на такой твердой бумаге, из которой можно сделать прекрасные летучие змеи.

Визири все видали перевод Конфуция, были охотники спускать змеи и не менее любили арабские сказки. Богатое

обещание щедрого Каиба воспламенило их воображение, и они все пошли на голоса.

Первый был Дурсан, человек больших достоинств; главное из них было то, что борода его доставала до колен и важностию походила на бунчук. Калиф сам хотя не имел большой бороды, но он знал, что такие осанистые бороды придают важность дивану, и потому-то возвышал Дурсана по мере, как вырастала его борода; когда наконец достала она до пояса, тогда допустил он его в свой диван. Дурсан с своей стороны не был беспечен: видя, что судьба назначила его служить отечеству бородою, ходил он за нею более, нежели садовник за огурцами, и до последнего волоска держал на счету. Впрочем, делал он много важных услуг отечеству: когда бывал при дворе праздник, тогда наряжался он пышнее всех женщин; и когда у калифа случалась бессоница, тогда сказывал он ему сказки; сей-то знаменитый муж начал таким образом:

— Великий обладатель Океана, самовластный повелитель известных и неизвестных земель и законный наследник всех монархий, какие только будут открыты! Для такой мелкой словесной твари, как я, велико уже и то снисхождение, что ты попускаешь ей думать; но с чем могу сравнить мое блаженство, когда ты, великий монарх, позволяешь мне объяснить пред тобою мысли мои и, что еще более, требуешь моего совета! Но солнце может ли от земли заимствовать свет? Нет, великий обладатель правоверных! Подобно я не рожден ни думать, ни говорить пред тобою, ниже знать, что ты думаешь! Голова твоя так же непостижима, как священный наш Коран; а голова моя пред тобою то же, что подушка, на которой я сижу: оба мы счастливы твоею щедростию, и лизать прах ног твоих есть священнейшая и важнейшая моя должность, коею наградил ты слабые мои способности. Велико уже и то мое счастие, когда употребляешь ты меня вместо морской трубы, чтобы объявлять мною рабам свои повеления.

— Это все правда, любезный Дурсан,— отвечал калиф,— я радуюсь, видя, что ты помнишь свои права... Но иногда философ видит перед собою пылинку, которую пренебрегает; потом, всматриваясь, познает, что пылинка эта двигается; наконец, разбирая далее, узнает в ней тварь чувствующую и находит, что сколь ни мало

сие насекомое, но оно может приносить ему пользу. Мы, калифы, обязаны вам, людям, такою же справедливостию. Часто, смотря на вас, пресмыкающихся, сомневаемся мы, можете ли вы думать, но, рассматривая далее, находим, что и вы иногда удобны рассуждать; и хотя неоспоримо, что мозг ваш не может быть такой же доброты, как мозг потомков великого Магомета, избираемых управлять вселенною, со всем тем и ваши рассуждения можно иногда употреблять с пользою; и они бывают довольно изрядны, а особливо в сравнении с рассуждениями черни; так что, под нашим смотрением, действительно можно дозволять вам мыслить. Итак, любезные визири, скажите мне ваши мнения. Не опасайтесь, если и глупо вздумаете: я знаю, что вы люди; природа не создала вас калифами.

После такой скромной речи Каиб обратился к Дурсану, чтобы его дослушать.

— Когда обладатель земли повелевает мне объявить мои мнения,— говорил Дурсан,— то, волю его ставя своим законом, скажу устами, что чувствую сердцем: итак, государь, нет больших препятств ни скрыть путешествия твоего от народа, ни продолжать государственных дел. Для первого нужно немедленно выдать повеление, чтобы подданные твои падали ниц на землю, когда мимо их будешь проезжать, и, под опасением смертной казни, страшились бы на тебя взирать. Если повелитель правоверных дозволит, то я беру на себя сочинить сие повеление, в котором докажу ясно, как непростительно дерзновение знать в лицо обладателя подлунного света и сколь велико оскорбление священной его особы, если черты ее впечатлеваются на грязном мозгу простолюдима; сколь, напротив того, спасительно валяться на земле, уткнувшись носом в грязь, когда проезжает мимо великий повелитель морей и суши. Потом, государь, дабы приучить к сему твоих подданных, можешь ты сделать несколько выездов по городу, и стоит только повесить первую дюжину любопытных, чтобы достальному числу верных рабов твоих отбить охоту подымать взоры до священного чела твоего. После сего можешь ты спокойно ехать; мы же, одевши пышно куклу, будем привязывать ее к твоей верховой лошади и возить всякий день по городу, возвещая народу, что это ты сам... Все упадут ниц; и тот будет великий чародей, кто затылком узнает разницу между кук-

лою и твоею священною особою. Сие можем мы продолжать до твоего возвращения. Если же к кукле сей приделать такие величественные усы, какими ты удивляешь вселенную и превосходишь всех монархов, то тайна будет еще непостижимее. Что ж до правления дел, то можешь ты до возвращения своего поручить их тому, кому более всего доверяешь; и не излишнее бы было, если б выбор твой в таком важном случае пал на человека достойного, с почтенною бородою, коея длина была бы мерою его глубокомыслия и опытности. Ибо, великий государь, непокорнейшие сердца смотрят на длинную бороду, как на хороший аттестат, данный природою. Такой человек пусть именем твоим производит дела и дает повеления, коих вся добрая слава упадет на тебя, и никто из народа не приметит твоего отсутствия.— После сего Дурсан замолчал и начал разглаживать длинную свою бороду.

— У тебя довольно пылкое воображение,— сказал калиф,— и если б я был более горд, то бы употребил твои советы; но, любезный Дурсан, мне не нравится, чтобы мои народы валялись по грязи во время моих выездов. Мне приятнее, когда подданные мои продираются друг сквозь друга меня смотреть и после спорят, из какого вещества я создан; мне очень мило слышать, как одни говорят, что я весь вылит из серебра, другие — что я скован из золота; что я за тысячу миль вижу блоху так же свободно, как будто бы сидела она у меня на носу, и что я один в день столько же могу съесть, сколько целая армия в неделю, не опасаясь нималого отягощения в желудке. Такие прекрасные рассуждения и заключения меня забавляют, и мне жаль отнять у народа свободу смотреть, когда он с таким успехом в меня вглядывается и смешит меня иногда до слез своими догадками. Нет, нет, выдумайте другое средство; а это столь сурово, что я по любви своей к моим мусульманам никогда его не употреблю.

Тогда Ослашид, первый по Дурсане, разгладил на обе стороны свои усы, растворил рот и начал... Но, любезный читатель! позволь мне познакомить тебя и с этим визирем. Речь сильнее действует, если оратор нам известен.

Ослашид еще за триста лет до своего рождения предназначен был играть не последнее лицо в диване, ибо он был из потомков Магомета, и белая чалма, которую

надели на него при рождении, давала ему право на большие степени и почести. Правда, что голова его не знает, как она попала в белую чалму, дающую право на такие выгоды; а душа его не знает, как она попала в голову, имеющую право на белую чалму; но Ослашид был верный мусульманин; он, не исследывая своих прав, старался только ими пользоваться и сохранял теплую веру, что судьба имела свои расчеты надеть на него белую чалму и произвести на свет обладателем великих сокровищ. Не вмешиваясь в виды ее, он ставил правилом проживать сии сокровища, как истинный мусульманин. Ослашид имел у себя прекрасный сераль, множество евнухов, еще более невольников-христиан, которых прилежно секал за то, что они не принимают его закона и не могут понять того, чего он сам никогда не понимал. Он дивился, как люди могут не верить, что в обыкновенный рукав можно запрятать луну, которая в диаметре имеет не более 473 немецких миль, и говорил, что для верного мусульманина очень легко вообразить, как в одну ночь льзя проехать более, нежели сколько пушечное ядро может со всею своею скоростию пролететь в 500 000 лет, и иметь еще довольно досугу понаделать на всё исторические замечания. Словом, Ослашид верил всему с удивительною способностию, и это было первое его достоинство у двора, которое заставляло в нем терпеть множество других недостатков. Сей-то достойный визирь начал так свою речь:

— Истинный потомок великого пророка, блистательный калиф, снисходящий по прямой линии от просветителя вселенной Магомета; ибо я несомненно верю, что, начиная от его жен, жены всех предков твоих были столь же верны, каковыми обещаются нам райские гурии, и что твое родословное дерево не покривлено ни одною женою твоих предшественников; и потому-то право твое повелевать нами столь же священно, как право самого Магомета, для рабства коему создан весь мир. Повелитель правоверных, имеющий власть связывать и разрешать руки и мысли, власть неоспоримую, которая с помощию благословения пророка поддерживается пятьюстами тысячами вооруженных мусульман, почитающих счастием перерезать горло тому, кто вздумает отымать у тебя право их перевешать; обладатель самовластный великого быка, на рогах которого взоткнуты твои пространные

владения,— великий калиф! удостой выслушать мнения последнейшего из твоих рабов.

Сколь ни премудр совет Дурсана, но, мне кажется, нет нужды заводить таких больших обрядов с народом, а особливо когда человеколюбие твое признает их суровыми. Всего лучше, великий калиф, выехать тебе в путь сколь можно великолепнее; но при самом выезде за ворота объявить своим подданным, что ты, любя свою столицу, никуда не намерен от нее отлучаться. И тогда, хотя весь город будет видеть, что ты удаляешься, но рабы твои, конечно, поверят тебе более, нежели своим глазам, и будут твердо уверены, что ты здесь, тогда как будешь ты осчастливливать своим присутствием другую половину земного шара. Притом же, отъезжая, можешь им сказать, что ты всякую неделю один раз будешь проезжаться по городу и назначить день, в который после мы можем водить по улицам под узцы верховую твою лошадь. Хотя тебя на ней не будет, но рабы твои согласятся скорее поверить, что они все вдруг ослепли, нежели подумать, что ты не сам, высочайшею своею особою, сидишь на лошади, которую почтут они счастливейшею из всех чувствующих тварей, для того что она носит на себе величайшего в свете калифа. Что же до дел, то также можешь ты сказать, что все дела, которые решатся в такое-то время, будут непосредственно рассматриваемы и решены тобою. Словом, можешь ты заключить, что всякий тот преступник, кто в сие время осмелится, поверя пяти своим чувствам, усумниться в твоих словах. Такая речь, величайший калиф, произведет чудеса, и выезд твой для всего государства останется тайною.

— Способ изрядно выдуманный,— отвечал калиф,— но он хорош для моих только мусульман, а над иностранцами, не думаю, чтоб произвел подобное действие, и что еще досаднее, могут разгласить, что я калиф над слепыми народами, а это мало принесет мне чести. Нет, друзья мои, я хочу, чтобы подданные мои верили иногда своим глазам, или мне должно со временем терпеть величайший труд сказывать всякому, что он видит и что чувствует. Выдумайте какое-нибудь другое средство. Я столько люблю моих подданных, что мне жаль сделать вдруг бесполезными несколько миллионов глаз. Итак, любезный Дурсан и почтенный Ослашид, вы не получите от меня

арабских сказок в сафьянном переплете и не будете иметь удовольствия спускать змеев из Конфуциева переводу. Посмотрим, любезный Грабилей, будет ли счастливее твоя выдумка.

Грабилей не имел ни долгой бороды, ни счастия родиться в белой чалме; он был сыном чеботаря, который в свое время обувал со вкусом целый город. Грабилей, прискуча видеть с младенчества трудную работу отца, задумал блистать в свете совсем иною славою и искал способов, как бы со временем разувать тот народ, который отец его обувал с таким успехом. Для сего-то вступил он в приказную службу. Грабилей был умен; он тотчас понял систему своего звания и начал драть с одних, дабы передавать другим. С таким прекрасным правилом не долго засиделся в нижних званиях и тотчас сделан кадием.[11] На сем-то месте почел он нужным развернуть все свои способности и пользоваться всею уловчивостию, коею природа его одарила. Он тотчас понял трудную науку обнимать ласково того, кого хотел удавить; плакать о тех несчастиях, коим сам был причиною; умел кстати злословить тех, коих никогда не видал; приписывать тому добродетели, в ком видел одни пороки. Знал, когда нужно кланяться в землю и когда в пояс; умел кстати зажмуриваться на своей судейской подушке; но что всего важнее, знал кстати обирать и кстати одаривать. С такими-то блестящими дарованиями пролагал он себе путь к дивану и не долго медлил на сем пути. Калиф уважал способности... Грабилей стал одним из числа знаменитейших людей, снабженных способами утеснять бедных и освященных важным преимуществом получать удавку из рук самого султана. Грабилей так начал речь свою:

— Законный наследник всех имений, неоспоримый владетель сердец и помышлений, повелитель стихий и причина всех бывших и впредь будущих благ человеческого рода! Прости, что я осмеливаюсь шевелить языком моим в присутствии священной твоей особы. Я бы никогда не дерзал при тебе и мыслить, если б не было сие во исполнение верховной твоей воли, которая управляет всеми моими чувствами и делами, подобно как солнечное движение упра́вляет движением тени.

Мне кажется, самый лучший способ для удержания в тайне путешествия есть тот, чтоб сделать запрещение

говорить, каким бы то образом ни было, о твоей высокой особе и даже выговаривать священное твое имя, под опасением лишения живота и имений. Издав такое повеление, можешь ты спокойно отправиться в свой путь; и хотя некоторое число рабов твоих будет догадываться, что тебя здесь нет, но, в силу запрещения говорить о тебе, они не возмогут никому сообщить своих догадок, нижé простирать вопросами свое любопытство далее. Известно, что молчание есть единственный способ хранения тайностей; так не самое ли лучшее средство — наложить его на языки болтливых рассказчиков и выспрашивателей, которых двумя или тремя примерными наказаниями можно уверить, что язык им дан только для того, чтобы с помощию его было легче глотать пищу.

Калиф не был доволен и сим мнением; он сам, любя говорить, знал, как тяжело честному человеку хотя на два часа лишиться этого прекрасного упражнения; притом же, хотя и мог он надеяться унять мужчин, но, где, думал он, взять столько силы, чтобы унять говорить женщин? Калиф был премудр: он знал, что выдать закон на удержание говорливости женщин есть то же, что выдать закон для удержания прилива и отлива морского. Он требовал также совета у достальных визирей, наполняющих диван, но их не слушал, не ожидая от них ничего доброго. Калиф был расчетист: обыкновенно одного мудреца сажал между десяти дураков; умных людей сравнивал он со свечами, которых умеренное число производит приятный свет, а слишком большое может причинить пожар; и часто говаривал, что ему для сохранения доброго порядка дураки, по крайней мере, столько ж нужны, как и умные люди. Вот причина, что и диван калифов был ими изобилен.

Все они пошли на голоса. Приметить должно, что они охотнее всего расточали свои советы, хотя часто могли видеть, что оные ни на что не надобны; но чем глупее голова, тем щедрее на советы. Наконец, калиф вышел из дивана, распустя своих визирей; не быв доволен ни одним голосом, удалился во внутренние свои чертоги и надеялся в уединении найти то, чего не мог сыскать в многолюдстве.

Первый предмет, встретившийся его глазам у него в комнате, была книга, данная ему волшебницею. Хотя Каиб никогда не советовался с книгами, потому что они

по большей части писаны не калифами, но, вспомня, что этой книге приписано важное свойство — усыплять, взял он ее в руки в надежде увидеть во сне добрую свою покровительницу. Калиф развернул,— видит оду визирю, недавно повешенному им за взятки... Добродетели его были воспеты с таким восторгом, что калиф зачал уже опасаться, не святого ли он повесил. Это привлекло его к важному рассуждению, сколь должно великому калифу быть осторожну в награждениях и в наказаниях...

— Фея,— ворчал он тихонько,— фея, конечно, ошибкою дала мне эту книгу: она обещала мне с нею приятный сон, а книга эта, напротив того, подает мне причину к важным рассуждениям, приличным моему сану и полезным моему народу...— Но калиф не примечал, что он уже дремал, выговаривая последние слова... И действительно, в одну минуту погрузился он в глубокий сон и позабыл награждения, наказания, повешенного визиря, стихотворца и свою книгу, которую из рук выпустил к себе на колени.

Едва заснул калиф, едва увесистое собрание тяжелых стихов, обременявших за минуту руки его, сползло с коленей на богатый ковер, как покровительствующая фея явилась ему во сне; она была прелестна, как... как то, что тебе всего милее, любезный читатель... Скупой, ты можешь ее сравнить с твоим рублем; если ты автор, то вообрази, что она была так прекрасна, как твои стихи; или вообрази, что она прекрасна, как твоя любовница, если ты читаешь это накануне своей свадьбы; если же на другой день, то признаюсь, что сравнение мое никуда не годится.

— Каиб,— сказала она калифу,— я выдумала способ сокрыть путешествие твое от народа и от самых визирей твоих. Проснувшись, ступай из дворца твоего, не говоря никому ни слова. Я приготовила куклу и дала ей такие способности, что она до возвращения твоего заменит с успехом твое место; так некогда Аполлон на Троянской брани подменил Энея[12] подделанною под его вид статуею; и между тем как Эней отдыхал дома, то статуя храбро сражалась с греками; хотя Гомер ничего не говорит, но я знаю точно, что тогда многие славные ее дела приписаны самому Энею, чему он, по сговорчивости своей, никогда не противоречил. То же точно намерена я с тобою сделать. Иди и старайся только исполнить волю оракула;

достальное я беру на себя. Поверь, ни одна душа не узнает, как изрядно подменю я тебя статуею из слоновой кости, которая в твое отсутствие наделает много славных дел: все они умножат в народе к тебе благодарность. Прости, калиф, ступай немедля, сложи с себя на время всю пышность, приличную твоему сану, и ты увидишь то, чего бы никогда не видал ни в какую зрительную трубку с высокого твоего престола: а наконец найдешь награждение, обещанное тебе оракулом.— Фея исчезла.

Как бедный стихотворец, увидя во сне, что сочинения его вдруг разошлись четырьмя тиснениями и что он осыпан золотом, просыпается, и хотя не видит вокруг себя ничего, кроме огромных своих рукописей и разломанных стульев и стола, но, полагаясь на сновидение, наполняется надеждою, засвечает свечу и, не сходя с постели, гоняется за Пегасом по белой бумаге, которую покрывает следами своей скорости, так Каиб, просыпаясь, утешается, что во сне он выдумал более, нежели наяву, и, надеясь на обещание волшебницы, скидает пышные свои одежды, одевается так скромно, как сторож академической библиотеки, берет несколько мелких денег... Сколь ни верил он волшебствам, но знал очень, что есть много таких случаев, где и самое сильное чародейство наличных денег заменить не может; потом оставляет великолепный свой дворец и начинает поиск, предписанный ему оракулом.

Это было ночью; погода была довольно худа; дождь лил столь сильно, что, казалось, грозил смыть до основания все домы: молния, как будто на смех, блистая изредка, показывала только великому калифу, что он был по колено в грязи и отвсюду окружен лужами, как Англия океаном; гром оглушал его своими порывистыми ударами. Тогда-то калиф в первый раз усумнился, столь ли самовластный он повелитель стихий, как то говаривали ему визири. Желая укрыться он негодной погоды, искал он при свете молнии какой-нибудь хижины; скоро, проходя далее, увидел в стороне огонь и пошел прямо на него, надеясь у хозяина выпросить позволения осушить платье.

Калиф подходит к хижине, отворяет дверь, видит большую комнату. В одном углу стоит кровать, в другом стул, который опираясь о стену щитом, стоял довольно гордо на остальных двух ножках; на полу набросано не-

сколько старых книг и порядочный запас белой бумаги. Не мудрено калифу догадаться, что тут живет автор. Он всегда любопытствовал побеседовать с людьми этого роду; хотя прежде сияние его сана не дозволяло унижать ему себя до такой степени, но теперь не мог он не радоваться, нашед к тому удобный случай... Я было позабыл, описывая комнату, упомянуть о самом важном приборе: на кровати лежала сухощавая особа; с великою важностию рассматривала она старые рукописи и, казалось, с обгрызенным наполовину пером в руке, определяла судьбу целого света.

— Милостивый государь,— начал Каиб,— я лишь пришел в сей город и никого в нем не знаю; позволите ли вы страннику пользоваться гостеприимством?

— Очень рад дорогому гостю; и если, не обижая вас, можно сделать заключение по скромному вашему платью, то позвольте спросить, не ученый ли вы?

— Да, это правда, что я читаю книги.

— Читаете?.. По вашему разодранному кафтану я подумал, что вы их пишете. Но тем лучше. Я написал теперь оду Ослашиду и хотел бы знать ваше мнение.

— А! вы пишите оды?

— Да, это самое безопасное ремесло, но не всегда прибыльно. Недавно написал я оду одному вельможе; он восхищался ею и обещал мне щедро заплатить; но, как знатный человек, позабыв данное слово, умер на другой день. После этого я написал оду другому визирю; этот был не менее доволен, обещал меня наградить, и верно бы не обманул; но его на третий день повесили за взятки.

— Как! вы писали оду недавно повешенному визирю? Я ее читал...

— Признайтесь, что она недурна. Теперь я пишу оду Ослашиду, неприятелю повешенного визиря. Можно сказать, что она мне труда стоит; в этом добром человеке нет ни ума, ни добродетели; такие люди ужасно трудные содержания для лирической поэзии. Я же не хвастаясь скажу, что я более пишу для славы, нежели для денег; доказательство — мне хуже платят за оды, нежели за битые стеклы, которые иногда покупают у меня разносчики. Со всем тем я не оставлю лирического стихотворства.

— Мне удивительна способность ваша хвалить тех, в

коих, по вашему ж признанию, весьма мало находите вы причин к похвалам.

— О! это ничего; поверьте, что это безделица; мы даем нашему воображению волю в похвалах с тем только условием, чтоб после всякое имя вставить можно было; ода — как шелковый чулок, который всякий старается растягивать на свою ногу. Она имеет здесь совсем другое преимущество, нежели сатира. Если я хочу на кого из визирей писать сатиру, то должен обыкновенно трафить на порок, коему он более подвержен; но и тут принужден часто входить в самые мелкости, чтобы он себя узнал; что до оды, то там совсем другой порядок; можно набрать сколько угодно похвал, поднести кому угодно; и нет визиря, который бы описания всех возможных достоинств не принял сколком с своей высокой особы.

— Но если свет знает, что ваше описание ложно? Что герои ваши — пустые пузыри, надутые вами?

— Что же до того нужды? Аристотель нéгде очень премудро говорит, что действия и героев должно описывать не такими, каковы они есть, но каковы быть должны, и мы подражаем сему благоразумному правилу в наших одах, иначе бы здесь оды превратились в пасквили; итак, вы видите, сколь нужно читать правила древних.

— Я всегда думал, что стихотворцы приступают к одам, воспаленные добродетелями и совершенствами своих героев.

— Как вы ошибались! Они воспаляются одним воображением и выбирают первого, кто попадется, как художник выбирает кусок мрамору: чем грубее и несовершеннее отломок, тем более славы и искусства дать ему нежный вид.

— Ах!— сказал, вздохнувши, калиф,— как же мало люди должны гордиться такими похвалами, которые нередко их ослепляют!

— Вольно им дурачиться,— отвечал стихотворец.— Если бы они приписывали похвалы не своим достоинствам, но случаю и нашей необходимости кого-нибудь ими украшать, то бы не столь были горды. Не хотите ли, я вам скажу на этот случай короткую басню, которую скоро намерен переложить в стихи.

«Славный живописец, пленясь новою мыслью, вздумал написать Венеру, натянул кусок полотна и с великим

успехом исполнил свое намерение; картина была драгоценна и со временем стала украшением славнейшего императора. Множество зрителей стекалось ее смотреть. Полотно, на коем была написана Венера, вздумало, что оно причиною всех восторгов, примечаемых в зрителях. Паук, раскидывая на нем сети для мух, вывел его из заблуждения. «Ты напрасно гордишься, полотно,— сказал он,— если бы не вздумалось славному художнику покрыть тебя блестящими красками, то бы ты давно истлело, быв употреблено на отирку посуды».

Стихотворцы то же делают с людьми, и последние такую же имеют причину гордиться, как рисованная холстина, которая думала, что живописец старался прославить ее, когда заботился он только о своем имени. Когда я читаю Гомера, то признаюсь: вместо того чтобы удивляться его героям, я удивляюсь ему, а на них смотрю, как на людей, которых великий этот муж сделал вьючными ослами своей славы; итак, не ясно ли видно... но вы дремлете: вам нужен покой, не хотите ли чего поужинать?

— Охотно бы: признаюсь, что я очень проголодался.

— Жаль же очень, что вы не пришли ко мне ранее только пятью минутами, мы бы прекрасно отужинали. По крайней мере, на чем вы охотнее спите, на тюфяках или на пуховике?

— На пуховиках,— сказал, вздохнувши, калиф.

— Ложитесь же на эти кипы печатных бумаг,— отвечал стихотворец, указывая в угол,— ложитесь на них; если они и не так мягки, как пуховики,— по крайней мере, толще всякого пуховика на свете. Мои друзья ночуют у меня на них спокойнее, нежели калиф наш на лучших своих пуховиках.

Каиб лег, положил в голову стопу бумаги и в минуту захрапел так крепко, что соблазнил стихотворца себе последовать.

На другой день рано Каиб собрался в путь.

— Вы, конечно, хотите странствовать?— спрашивал его стихотворец.

Это правда. И хотя нет двух дней, как я начал свое путешествие, но мне столь это понравилось, что, может быть, несколько лет употреблю я на то, чтобы видеть вещи, которые, сидя дома, видел я через десятые глаза.

— Вы ничего нового не увидите: где есть люди, там всегда найдете добродетели и пороки; где есть деньги, там найдете роскошь и скупость, богатство и нищету; в городах увидите равнодушие к несчастию ближнего, в деревнях сострадание и гостеприимство, ибо сельский житель, подражая природе, учится у ней быть податливым, а городской житель, гоняясь за счастием, учится у него быть слепым и несправедливым.

После сего они расстались, и Каиб продолжал свой путь.

Он пустился по большой дороге, желая с нетерпеливостию посмотреть сельских жителей. Давно уже, читая идиллии и эклоги, желал он полюбоваться золотым веком, царствующим в деревнях; давно желал быть свидетелем нежности пастушков и пастушек. Любя своих поселян, всегда с восхищением читал в идиллиях, какую блаженную ведут они жизнь, и часто говаривал: «Если б я не был калифом, то бы хотел быть пастушком».

Уже далеко был от своей столицы, как в один день увидел рассеянное по полю стадо.

— Великий Магомет!— вскричал он,— я нашел то, чего давно искал,— и сошел с дороги в поле искать счастливого смертного, который наслаждается при своем стаде золотым веком. Калиф искал ручейка, зная, что пастушку так же мил чистый источник, как волоките счастия передние знатных; и действительно, прошед несколько далее, увидел он на берегу речки запачканное творение, загорелое от солнца, заметанное грязью. Калиф было усумнился, человек ли это; но по босым ногам и по бороде скоро в том уверился. Вид его был столь же глуп, сколь прибор его беден.

— Скажи, мой друг,— спрашивал его калиф,— где здесь счастливый пастух этого стада?

— Это я,— отвечало творение, и в то же время размачивал в ручейке черствую корку хлеба, чтобы легче было ее разжевать.

— Ты пастух?— вскричал с удивлением Каиб.— О! ты должен прекрасно играть на свирели.

— Может быть: но голодный не охотник я до песен.

— По крайней мере, у тебя есть пастушка; любовь утешает вас в вашем бедном состоянии. Но я дивлюсь, для чего пастушка твоя не с тобою?

— Она поехала в город с возом дров и с послед-

нею курицею, чтобы, продав их, было чем одеться и не замерзнуть зимою от холодных утренников.

— Но поэтому жизнь ваша очень незавидна?

— О! кто охотник умирать с голоду и мерзнуть от стужи тот может лопнуть от зависти, глядя на нас.

— Признаюсь, что я много верил эклогам и идиллиям,— сказал калиф.— Фея! Слова твои сбываются: я вижу то, чего бы никогда не подозревал. Стихотворец сказал правду, что поэты обходятся с людьми, как живописцы с холстиною. Но такую гадкую холстину,— продолжал он, смотря на пастуха,— такую негодную холстину разрисовать так пышно; это, право, безбожно. О! теперь-то даю я сам себе слово, что никогда по описанию моих стихотворцев не стану судить о счастье моих любезных мусульман.— И калиф пошел далее.

Некогда под вечер шел он по большой дороге, и хотя уже начинало смеркаться, но никакого города не видно было вдали. Это его смущало. «Волшебница шутит надо мною,— говорил он сам себе,— она, кажется, хочет, чтоб я, подобно календеру,[13] состарился на больших дорогах. Вот уже более трех месяцев странствую я, но и тени нет счастия, обещанного мне феею; а что еще досаднее, то сегодня едва ль не в поле должен я ночевать — я верю, конечно, что пророк любит своего потомка; но, сказать правду, медведю из лесу до меня ближе, нежели Магомету с седьмого неба». Такие мысли возмущали Каиба: владетель морей и суши не на шутку боялся быть заеден голодным волком.

В самое то время, [когда] занимался он такими заманчивыми размышлениями, встретился ему крестьянин.

— Друг мой, далеко ли до города?— спросил у него калиф.

— Часов восемь: к утру можешь ты там быть.

— Но нет ли где переночевать, не попадется ли мне на пути деревня?

— Ни двора; а если хочешь, то, прошед немного, можешь свернуть по тропинке вправо — и лесом через старое кладбище пройти до деревеньки, где можешь найти ночлег.

Прошед немного, и действительно Каиб увидел вправо тропинку, проложенную в лес; он пошел по ней и в четверть часа выбрался на маленькую площадку, укра-

шенную развалившимися гробницами. Каибу некогда было любопытствовать: страх и приближающаяся ночь понуждали его идти далее, как вдруг, прошед площадку, увидел он, что тропинка разделилась надвое.

— Боже мой! — вскричал Каиб,— по которой должен я идти? Ну если я выберу самую трудную и долгую, тогда всего вернее, что мне должно будет спать на земле без всякого защищения от зверей; но если я ворочусь — а до города еще восемь часов!.. это ужасно! Нет,— продолжал он, окидывая глазами кладбище,— нет, я лучше соглашусь как-нибудь провести ночь здесь,— и тогда ж, увидя высокий надгробный камень, решился он выбрать его своим ночлегом. Каиб подошел ближе к камню и увидел на нем высеченные сии слова:

«Кто бы ты ни был, не приближайся, взирай с благоговением на камень, под коим покоится прах мой и познай, что я... (имя так изгладилось временем, что Каиб никак не мог разобрать)... победитель вселенной, коего имя гремит и вечно будет греметь во всех концах земли: оружием моим покорил я множество народов, одержал 729 побед и не имел сражения, на коем бы побито было менее 15 000 неприятелей. Свет сей оставляю в законное наследство сыну моему и его потомкам. Умираю доволен, что основал племени моему твердое и неколебимое наследие, сокровища неисчерпаемые, славу бессмертную и страх имени моего столь великий, что не будет смертного, который бы осмелился коснуться до моего надгробного камня».

— Какая прекрасная надпись! — сказал Каиб и вскарабкался с великим трудом на камень.— Здесь точно безопасно,— ворчал он тихонько,— камень этот и высок, и неприступен для зверей... только желал бы я знать, чья это гробница — это ужасно, что такие славные имена стираются с надгробных камней! Как же после этого можно полагаться на историю; ибо я твердо верю, что тысячи славных людей, понаделавших столько же знаменитых дел, как и нынешний мой хозяин, не внесены в историю только для того, что надгробные их камни были рыхлы и удобно размывались дождем. Какой это для меня прекрасный урок! о, я, конечно, выберу для моего надгробия камень потверже и ручаюсь, что слава моя будет продолжительнее славы моего хозяина.— Потом вынул Каиб из кармана хлеб и кусок сыру;

в минуту отправил он по-походному ужин.— Как мало нужно для человека! — сказал калиф,— на день два фунта хлеба и три аршина земли на постелю при жизни и по смерти! я бы желал знать, отчего за четыре месяца пред сим вся вселенная казалась для меня тесна, а теперь и камень этот очень для меня просторен? и слово *«мое!»*, на которое право стоило мне, может быть, триста тысяч добрых мусульман,— слово это теперь меня не восхищает. О! гордость, сколь ужасно тебе воздаяние! при жизни тебя ненавидят, по смерти презирают или забывают. Ах! может быть, и я со временем буду служить постелею какому-нибудь страннику, который, несмотря на гордую мою надгробную надпись, спокойно выспится на том, на кого предки его не смели взглянуть без ужаса.

Каиб заснул. Вдруг видит он, что камень отодвигается и из-под него выходит величественная тень некоего древнего героя.

Рост его возвышается дотоле, доколь в тихое летнее время может возвышаться тонкий дым. Каков цвет облак, окружающих луну, таково было бледно лицо его. Глаза его были подобны солнцу, когда при закате своем опускается оно в густые туманы и, изменяясь, покрывается кровавым цветом. Главу его покрывал огромный шлем, который, казалось, мог противустоять громовым ударам. Руку его обременял щит, испускающий тусклый свет, подобный тому, какой издает ночью зыблющаяся вода, отражая мертвые лучи бледных звезд. Калиф тотчас догадался, что герой его из числа тех знаменитых особ, которые называются победителями народов и на земном шаре с великим успехом заменяют собою всемирный потоп. Он молчал и ожидал, что будет далее.

— Каиб,— сказало ему видение,— ты зришь перед собою тень того, коего прах покоится под сим камнем. Надпись о делах моих, высеченная на камне, справедлива: я победил весь свет; ничто не смело вооружаться против меня, кроме моей совести, которая одна могла мучить того, кто мучил вселенную. По смерти моей небо истребило память мою в людях, а меня осудило мучиться дотоль, доколь не буду я причиною хотя одного доброго дела — двадцать тысяч лет уже гробница моя стоит здесь, и во все это время не был я причиною ни одного

доброго дела. Доколе память моя еще не затмилась, дотоле возбуждал я себе последователей, столько же вредных свету, как был вреден ему я сам; память моя погибла; но мои последователи имели также своих подражателей, и всем бедствиям, угнетавшим после того землю, был причиною я, дав первый пример любочестия. Наконец небо избрало тебя быть моим избавителем; ты, делая последнее унижение моей гордости, надгробие мое сделал своим ночлегом. Высокий камень мой спас тебя от хищных зверей, коим бы ты был непременно добычею в сем диком лесу — и вот первая польза, которая в двадцать тысяч лет от меня произошла.

Гробница моя и надпись на ней внушили тебе благоразумные размышления; сердце твое удобно ими воспользоваться; а сии размышления в столь великом калифе, каков ты, будут причиною счастия миллионов людей,— вот благо, происшедшее также от меня. Судьба исполнила меру своего правосудия, в сей день кончились мои мучения. Небо, разрешая мне, позволило, чтоб я принес тебе благодарность; позволило оно, чтобы я тебе подтвердил истину надписи, запретя только сказать свое имя, осужденное к вечному забвению на лице земли; позволило оно также сказать тебе, что ты близок от вещи, для которой путешествуешь; счастие тебя ожидает. Но, калиф, да не развратит нега его твое сердце — не забывай никогда того, что ты видел теперь. Помни, что любочестие наказывается чрезмерным унижением; помни, что право твоей власти состоит только в том, чтобы делать людей счастливыми; сие право дают тебе небеса; право же удручать несчастиями похищаешь ты у Ада.— Изрекши сие, изменяться стала тень и исчезать; подобно тускнеет сребристое облако, когда луна от него удаляется, и, развеваемое по лазуревому небу, становится невидимо взорам смертных.

Наутро калиф проснулся рано и, дивясь странному видению своему, продолжал свой путь по одной из двух тропинок. Три часа шел он дремучим лесом и наконец вышел на прекрасный луг, через который лежала дорога к маленькой хижине. Каиб любовался местоположением, и, осматривая окрестности, удивлялся природе — как вдруг, оборотясь направо, увидел прекрасную четырнадцатилетнюю девушку. Она с великою прилежностию искала чего-то в траве; прекрасные глаза ее орошены

были слезами,— знак, сколь дорого она ценила потерянную вещь. Каиб подошел к ней; она его не примечала; он не спускал с нее глаз: всякая черта, всякое движение, всякий шаг ее воспламеняли в нем кровь. Каиб обладал многими женщинами, он чувствовал иногда сильные желания, но теперь в первый раз узнал, что такое любовь.

— Иностранец,— сказала ему красавица, увидя его,— не находил ли ты здесь портрета? Ах! Если он у тебя, так возврати Роксане то, что ей дороже жизни.

— Нет, прекрасная Роксана,— отвечал калиф,— судьба не хотела наградить меня счастием быть тебе полезным...— Калиф бы далее продолжал свои учтивости, но прекрасная его незнакомка, не выслушав и сих, отошла от него искать портрета. Калиф, не говоря ни слова более, сам стал шарить в траве. Надобно было посмотреть тогда величайшего калифа, который, почти ползая, искал в траве, может быть, какой-нибудь игрушки, чтобы угодить четырнадцатилетнему ребенку. Он был так счастлив, что в минуту нашел потерю.

— Роксана! Роксана! Портрет! — кричал он, показывая ей издали портрет. Она уже была от него далеко, как, услыша сей голос, бросилась к нему из всей силы. Радость, торопливость и нетерпение сделали то, что она запуталась в траве и упала бы, если бы не поддержал ее Каиб. Какое приятное бремя чувствовал он, когда грудь Роксаны коснулась его груди! Какой жар разлился по всем его жилам, когда невинная Роксана, удерживаясь от падения, обхватила его своими руками, а он, своими поддерживая легкий и тонкий стан ее, чувствовал сильный трепет ее сердца.— Возьми, прелестная Роксана, сей портрет,— говорил ей Каиб,— и вспоминай иногда сей день, который возвратил тебе драгоценную потерю, а меня навсегда лишил вольности.

Роксана ничего не говорила, но прелестный румянец, украсивший ее лицо, изъяснял более, нежели бы она могла сказать...

— Незнакомец,— сказала она Каибу,— посети нашу хижину и дозволь, чтоб я отцу моему показала того, кто возвратил потерянный мною портрет моей матери.

Они вошли в дом, и Каиб увидел почтенного старца, читающего книгу. Роксана рассказала ему при-

ключение, и старик не знал, как отблагодарить Каиба. Его просили остаться у них на день,— можно догадаться, что он не отказал; этого мало: чтобы пробыть долее, он притворился больным и имел удовольствие видеть, сколь Роксана о нем сожалела и как старалась оказывать ему угождения... Может ли любовь долго скрываться? Оба они узнали, что они любимы взаимно. Старик усмотрел их страсть; множество на этот случай насказал он прекрасных нравоучений, но чувствовал, сколь они бесплодны; и сам Каиб, который с восхищением видал, как прекрасная Роксана чувствительна была ко нравоучениям и как нежное сердце ее уважало добродетель,— сам Каиб не хотел бы, чтобы теперь слушала она нравоучения противу любви. Старик, любя дочь свою и пленясь добросердечием, скромностию и благоразумием Каиба, решился отговорить его от охоты к странствию и умножить его семейство. Роксана просила его нежно, чтобы предпочел он спокойную жизнь и любовь ее желанию скитаться.

— Ах! Гасан,— сказала она ему некогда,— если б знал ты, как ты мне мил, то бы никогда не оставил нашей хижины ни для великолепнейших чертогов в свете... Я люблю тебя столько, сколько ненавижу Каиба нашего.

— Что я слышу? — вскричал калиф,— ты ненавидишь Каиба!

— Да, да, я его ненавижу столько же, сколько люблю тебя, Гасан. Он причиною наших несчастий. Отец мой был кадием в одном богатом городе; он исполнял со всею честностию свое звание; некогда, судя родню одного царедворца с бедным ремесленником, решил он дело, как требовала справедливость, в пользу последнего. Обвиненный искал мщения; он имел при дворе знатную родню. Отец мой был оклеветан; повелено отнять у него имение, разорить до основания дом его и лишить жизни. Он успел убежать, подхватя меня на руки. Мать моя, не перенеся сего несчастия, умерла в третий месяц после нашего сюда переселения; а мы остались, чтобы докончать здесь жизнь в бедности и в забвении от всего света.

— Оракул, ты исполнился! — вскричал калиф,— Роксана, ты меня ненавидишь!..

— Что с тобою сделалось, Гасан? — перервала смущенная Роксана,— не тысячу ли раз говорила я тебе,

что ты мне дороже моей жизни. Ах! Во всем свете я ненавижу одного только Каиба.

— Каиба! Каиба! Ты его любишь, Роксана, и возводишь своею любовью на вышний степень блаженства!

— Дорогой мой Гасан сошел с ума,— говорила тихонько Роксана,— надобно уведомить батюшку.

Она бросилась к своему отцу.

— Батюшка! батюшка! — кричала она,— помогите! бедный наш Гасан помешался в уме,— и слезы навертывались на ее глазах. Она бросилась к нему на помощь, но уже было поздно; Гасан их скрылся, оставя их хижину.

Старик сожалел о нем, а Роксана была неутешна.

— Небо! — говорил старик,— доколе не перестанешь ты гнать меня? Происками клеветы лишился я достоинств, имения, потерял жену и затворился в пустыне. Уже начинал я привыкать к моему положению; уже городскую пышность воспоминал равнодушно; сельское состояние начинало пленять меня; как вдруг судьба посылает ко мне странника; он возмущает уединенную нашу жизнь, становится любезен мне, становится душою моей дочери, делается для нас необходимым и потом убегает, оставя по себе слезы и сокрушение.

Роксана и отец ее проводили таким образом плачевные дни, как вдруг увидели огромную свиту, въезжающую в их пустынь.

— Мы погибли! — вскричал отец,— убежище наше узнано! Спасемся, любезная дочь!..

Роксана упала в обморок. Старик лучше хотел погибнуть, нежели ее оставить. Между тем начальник свиты к нему подходит и подает ему бумагу.

— О небо! Не сон ли это? — вопиет старик.— Верить ли глазам моим? Мне возвращается честь моя, дается достоинство визиря; меня требуют ко двору!

Между тем Роксана опомнилась и слушала с удивлением речь своего отца. Она радовалась, видя его счастливым, но воспоминание о Гасане отравляло ее радость; без него и в самом блаженстве видела она одно несчастие.

Они собрались в путь, приехали в столицу. Повеление дано представить отца и дочь калифу во внутренних комнатах. Их вводят. Они падают на колени. Роксана не смеет возвести глаз на монарха, и он с удовольствием

видит ее печаль, зная причину оной и зная, как легко может он ее прекратить.

— Почтенный старец! — сказал он важным голосом.— Прости, что, ослепленный моими визирями, погрешил я противу тебя, погрешил против самой добродетели. Но благодеяниями моими надеюсь загладить мою несправедливость; надеюсь, что ты простишь меня. Но ты, Роксана,— продолжал он нежным голосом,— ты простишь ли меня, и будет ли ненавидимый Каиб столь счастлив, как был счастлив любимый Гасан?

Тут только Роксана и отец ее в величайшем калифе узнали странника Гасана, Роксана не могла ни слова выговорить; страх, восхищение, радость, любовь делили ее сердце. Вдруг явилась в великолепном уборе фея.

— Каиб! — сказала она, взяв за руку Роксану и подводя к нему,— вот то, чего недоставало твоему счастию; вот предмет путешествия твоего и дар, посылаемый тебе небом за твои добродетели. Умей уважать его драгоценность, умей пользоваться тем, что видел ты в своем путешествии,— и тебе более никакой нужды в волшебствах не будет. Прости! — При сем слове взяла она у него очарованное собрание од и исчезла.

Калиф возвел Роксану на свой трон, и супруги сии были столь верны и столь много любили друг друга, что в нынешнем веке почли бы их сумасшедшими и стали бы на них указывать пальцами.

КОММЕНТАРИИ

Настоящий сборник составлен из произведений русских сатириков XVIII века, опубликованных в журналах этого столетия, либо взятых из собраний сочинений авторов, изданных в разное время.

При подготовке сборника мы опирались на текстологические принципы, положенные в основу тех публикаций, которые осуществлялись советскими исследователями П. Н. Берковым, Г. П. Макогоненко, Л. И. Степановым при переиздании ими произведений писателей XVIII века. Все тексты сверены по первоисточникам и приведены в соответствие с нормами современной орфографии и пунктуации. Вместе с тем в отдельных случаях, когда правописание слова, отражая свойственные XVIII веку орфоэпические особенности, способствует сохранению колорита речевой практики эпохи, мы считали возможным сохранить старинную форму написания слов. Таковы, например, некоторые падежные окончания существительных множественного числа, вроде: *холопям* (дат. пад.), *плеча* (вин. пад.), *рублев* (род. пад.) и т. п.; ставшие впоследствии диалектными фонетические варианты отдельных слов: *оризонт, перукмахер, пашпорт, ярмонка, испужаться, пущать, обыкнуть, вить, инак, тамо, нивись-што* и т. д. Слова, значение которых непонятно современному читателю, вынесены в «Словарь устаревших и иноязычных слов».

В сатирической прозе XVIII века авторы нередко прибегают к различным приемам сокрытия упоминаемых или высмеиваемых ими персонажей: они либо указывают начальную букву фамилии, либо используют «говорящие» фамилии, приближающиеся к прозвищу, типа Повсюдов, Рифмокрад, Самохвал, Недоум и т. п. Все случаи, когда за подобными обозначениями имеются в виду конкретные лица, отмечены в комментариях. Квадратные скобки с многоточиями внутри произведений или внутри циклов означают выпущенные фрагменты текстов.

При составлении комментариев учитывались разыскания предыдущих исследователей русской сатиры XVIII века как в нашей стране, так и за рубежом, на что соответствующие отсылки даны в тексте комментариев.

1. САТИРИЧЕСКИЕ ДИАЛОГИ

Истоки жанра сатирического диалога восходят к временам античности (V—IV вв. до н. э.). Обретение истины в процессе спора составляло основу формирования философско-учительного диалога, культивировавшегося у софистов, а также в школе Сократа и его последсвателей, особенно Платона (427—348 гг. до н. э.). Как реакция на крайности метода софистической философии в эллинистический период (III—I вв. до н. э.) возникла форма пародийных «диалогов в царстве мертвых», блестящие образцы которых оставил крупнейший сатирик этого периода Лукиан из Самосаты (ок. 120— после 180 г. н. э.). На базе античного философского диалога в средние века сформировался, будучи удобной формой схоластического обучения в средневековых университетах, тип «учебного диалога».

В период Реформации в Германии (XVI в.) и в эпоху расцвета классицизма во Франции (XVII в.) к жанру сатирического диалога и к форме учебного «разговора» обращаются Эразм Роттердамский («Разговоры запросто», 1519—1535) и Н. Буало («Диалог о героях романов», 1665). Резко обостряется интерес к этому жанру на рубеже XVIII века и в эпоху Просвещения, когда в форме диалога пишутся памфлеты и философские трактаты. Активно разрабатывают жанр диалога во Франции Б. Фонтенель, Ф. Фенелон, Ж. Верне, Вольтер, Д. Дидро. В немецкой литературе XVII—XVIII веков к форме диалога обращаются Д. Фассман, К. М. Виланд и Х. Лисков. Правда, функциональные возможности жанра использовались ими в основном в морально-назидательном плане.

В России знакомство с жанром сатирического диалога началось с переводов. Наиболее активно переводились «диалоги в царстве мертвых» Лукиана и «разговоры» Эразма Роттердамского. В подражание Лукиану создавали свои диалоги А. П. Сумароков, В. Приклонский, М. Д. Чулков, М. М. Херасков и др. Традицию учебно-назидательного диалога продолжает Н. И. Новиков, подчиняя отвлеченную назидательность сатирико-обличительным целям.

По мере эволюции литературных вкусов и смены классицизма последовавшими за ним предромантическим (включая сентиментализм), а затем и романтическим направлениями, популярность в литературе жанровых форм, унаследованных от античности, постепенно снижается. На исходе XVIII века использование «диалогов в царстве мертвых» в сатирических целях почти не встречается, а редкие случаи обращения к жанру служат либо чисто публицистическим, либо дидактическим целям.

С у м а р о к о в А. П. Разговоры мертвых.— Впервые опубл.: Трудолюбивая пчела. СПб., 1759, ч. I, май, с. 287—305. Перепечатано в издании: Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе... А. П. Сумарокова. М., 1781, ч. VI, с. 340—357. Печатается по первой публикации. Есть основания предполагать, что в диалоге «Медик и Стихотворец» содержатся скрытые сатирические нападки на М. В. Ломоносова и высмеивается поэтический стиль его торжественных од.

[1] *Вижу Стикс, Ахерон, Фурий, Медузу, Сфинкса, Гидру, Титанов, Гигантов и прочее...*— названия рек подземного царства в греческой мифологии и мифологических персонажей, олицетворявших силы зла. *Стикс и Ахерон* — реки подземного царства Аида;

Фурии — богини мести в римской мифологии; *Медуза* — женщина-чудовище со змеями вместо волос, чей взгляд обращал людей в камень; *Сфинкс* — крылатое существо с головой женщины и телом льва, жившее в окрестностях Фив и убивавшее всех прохожих, не могших разгадать предложенной им загадки; *Гидра* — гигантская змея с десятью головами; *Титаны* — боги старшего поколения, дети Урана и Геи (Неба и Земли), поднявшие восстание против Зевса и низвергнутые им в подземное царство Тартар; *Гиганты* — народ великанов, выступивших на стороне титанов.

[2] *Видаешь ли когда во сне Дияну, Ендимиона, Венеру, Адониса...* — *Диана* (в греч. мифологии Артемида) — богиня охоты, позднее — Луны, безответно влюбленная в смертного юношу Эндимиона; *Венера* (в греч. мифологии Афродита) — в римской мифологии богиня весны и плодородия, позднее под влиянием греческих мифов отождествлена с Афродитой, богиней любви и красоты; *Адонис* — смертный юноша, возлюбленный Афродиты.

[3] *...в образе Актеона, когда он бежал от собак своих* — фиванский охотник, подсмотревший купавшуюся богиню Артемиду, в наказание за что был превращен ею в оленя и растерзан собственными собаками.

[4] *...будто я Марсий, и Аполлон сдирает кожу с меня...* — *Марсий* — фригийский силен, мастерски игравший на флейте, вступил в состязание с Аполлоном и был побежден. Разгневанный бог содрал с Марсия кожу и повесил ее на дереве.

[5] *...будто я сын Тартара и Земли, и что я, лежа под Етною, ворочаюсь и не могу выдраться... ⟨...⟩ я вить не прямой Енцелад был* — в греческой мифологии *Энцелад* — один из гигантов, сын Земли и Тартара, имевший 50 голов и 100 рук. В битве с богами оказал наиболее яростное сопротивление, за что Зевс (в римской мифологии — Юпитер) заключил его под подножие вулкана Этны. Не исключено, что эта фраза является скрытой пародией на строфу из оды Ломоносова императрице Елизавете Петровне «...за оказанную ему высочайшую милость в Сарском Селе августа 27 дня 1750 года»:

Что, дым и пепел отрыгая,
Мрачил вселенну Енцелад
Ревет под Етною рыдая,
И телом наполняя ад.
Зевесовым пронзен ударом,
В отчаяньи трясется яром,
Не может тяготу поднять;
Великою покрыт горою
Без пользы движется под тою
И тщетно силится восстать.

(Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 8. М.; Л., 1959, с. 400)

[6] *...кажется мне иногда, будто я Икар и, подлетев близко к солнцу, когда растаяли мои крылья, в море упал.* — *Икар* — в греческой мифологии сын Дедала, легендарного строителя. Во время бегства из заточения с острова Крит Икар с отцом поднялся в небо при помощи крыльев, сделанных из перьев и скрепленных воском. Неосторожное приближение Икара к солнцу стало причиной его смерти.

[7] *...кажется мне, что я Фаетон и свержен с огненной колесницы* — в греческой мифологии сын бога Солнца, Гелиоса, Фаэтон, управляя колесницей отца, не смог сдержать огнедышащих коней, которые, приблизившись к земле, едва не сожгли ее. Для предотвращения катастрофы Зевс поразил Фаэтона ударом молнии. Можно допустить, что, пользуясь сравнением, Сумароков высмеивает стихи Ломоносова из его «Оды Ея Имп. Величеству государыне императрице Елисавете Петровне на торжественный праздник Ея дня тезоименитства...» 1759 года:

Там Мемель в виде Фаетонта
Стремглав летя, Нимф прослезил...
(Указ. соч., с. 652)

[8] *...думается мне, что я прекрасная Финикийская царевна и еду на корове* — согласно греческому мифу, Европа, дочь финикийского царя Агенора, была похищена Зевсом, принявшим облик белого быка.

Приклонский В. Разговоры в царстве мертвых.— Впервые опубл.: Полезное увеселение. СПб., 1761, ч. I, апрель, с. 129—134. Печатается по первой публикации.

[1] *...Харон* — в греческой мифологии перевозчик умерших через реку Стикс до врат подземного царства мертвых Аида.

[2] *...за все прочее пятнадцать драхм* ⟨...⟩ *я уж тебе дам два обола...— драхма, обол* — денежные единицы в Греции.

[3] *Минос* — критский царь; после смерти один из судей мифологического подземного царства мертвых Аида.

[4] *Фурии тебе заплатят за все твои беззакония* — в римской мифологии богини мщения, обитавшие в подземном мире (*греч.*— Эриннии).

Чулков М. Д. Разговоры мертвых.— Впервые опубл.: И то и сие. СПб., 1769, сентябрь. Печатается по первой публикации.

[1] *Меркурий* (в греческой мифологии Гермес) — бог, покровитель путешественников, торговли, скотоводства. На Олимпе выполнял функции вестника. Он же сопровождал души умерших в Аид; *Харон* — см. выше.

[2] *Мне кажется, что после Елены не перевозил еще я столь прекрасной тени* — *Елена* — славившаяся необыкновенной красотой жена спартанского царя Менелая, была похищена сыном троянского царя Парисом, из-за чего началась Троянская война.

[3] *Я украинец и произошел от низких тамошних людей* — эта фраза позволяет раскрыть, кого подразумевает Чулков под «злоязычником». Объектом сатиры является писатель Ф. Эмин.

[4] *...и записался против воли Аполлоновой в цех мастеровых Парнасских...*— т. е. стал поэтом, не имея для этого необходимого таланта.

[5] *... попрошу Плутона...— Плутон* (иначе Аид) в греческой мифологии брат Зевса, бог, повелитель подземного мира, властитель душ умерших.

[6] *А где этот Тантал? — Тантал* — фригийский царь, сын Зевса. За высокомерие и жестокость боги, которых он пытался накормить мясом своего сына, чтобы проверить их всезнание, повергли его в царство Аида и назначили наказание: вечно стоять по горло в воде, терзаясь жаждой, голодом и страхом.

Новиков Н. И. Разговоры.— Впервые опубл.: Кошелек. СПб., 1774, л. 2, с. 17—32; л. 3, с. 33—48. Печатается по: Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951, с. 480—488.

[1] *Проиграть с ряда двенадцать робертов — роберт* (роббер) — партия в висте.

[2] *...под владением премудрой императрицы...*— Екатерины II.

[3] *...шевалье де Мансонж.* — пример нарицательной фамилии, раскрывающей обман француза. В переводе с французского — «кавалер Лжи».

[4] *...с процентами и рекамбиями* — т. е. с выплатой процентов и пеней за просрочку платежа по векселю.

[5] *...во*** русских людей почитают еще невеждами...*— во Франции.

[6] *Франция за распространение наук и художеств одолжена веку Людовика XIV...*— французский король Людовик XIV (1643—1715), время правления которого отмечено наивысшим расцветом абсолютной монархии, а также выдающимися успехами французской культуры и искусства.

II. ПАРОДИЙНЫЕ ЛЕЧЕБНИКИ

Жанр сатирических лечебников возникает в России в XVII веке на волне распространения многообразных форм повествовательной демократической прозы, в обстановке резкого повышения интереса к сатире и юмористике. Традиция рукописных лечебников, рецептурных травников, переводившихся в XVII веке с немецкого и распространявшихся наряду с записями народных заговоров, на рубеже XVIII века переосмыслялась под сатирическим углом зрения, отражая поначалу своеобразное неприятие со стороны простого народа чужеземных новшеств. Эта традиция сохранялась в русском лубке XVIII века. Во второй половине века популярные образцы шуточной сатирической рецептуры появляются на страницах европейских периодических изданий, в основном немецких нравоучительных журналов 1740—1750-х годов, вроде «Увеселения разума и остроумия» ("Belüstigungen des Verstandes und des Witzes") или «Сочинения для развлечения ума» ("Schriften zum Vergnügen des Geistes").

Слияние двух указанных традиций отчетливо наблюдается в сатирических рецептах журналов Н. И. Новикова и у продолжившего эту линию сатиры Н. И. Страхова. Осмысление людских пороков как форм нравственных болезней, требующих врачебного вмешательства, превращается в произведениях сатириков в средство критики общественных недостатков, приобретая зачастую остросоциальный смысл и антикрепостническое звучание. Популярность этой жанровой формы ограничивается в основном хронологическими границами XVIII века.

Неизвестный автор. Лечебник.— Впервые опубл.: Литературный вестник. Киев, 1902, т. IV, кн. 7, с. 203. Печатается по первой публикации.

Пародия находится в составе рукописного сборника 1-й четверти XVIII века (ГПБ. Q. XVII, № 96, л. 27—29 об.).

[1] *...16 золотников...— золотник* — старинная русская мера веса, равна 4,266 г.

Новиков Н. И. Сатирические рецепты.— Впервые опубл.: Трутень. СПб., 1769, л. XXIII, XXIV, XXVI, XXVII, с. 177—192,

201—202, 209—216. Под названием «Лечебник» перепечатаны с незначительными изменениями и сокращениями в 3-м издании журнала «Живописец» (СПб., 1775, с. 154—182). Печатается по: Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951, с. 129—136, 140, 143—146.

[1] *Лечитель* — согласно мнению П. Н. Беркова, под этим псевдонимом скрыт автор рецептов — Н. И. Новиков (Сатирические журналы Н. И. Новикова, с. 542).

[2] *Г. Самолюб* — по всей вероятности, поэт В. П. Петров (1736—1799), литературный противник А. П. Сумарокова; нападки на Петрова часто встречаются на страницах «Трутня».

[3] *...о славном нашем российском стихотворце г. С...* — поэт А. П. Сумароков (1717—1777), сотрудничавший в «Трутне», союзник Новикова в литературной борьбе.

[4] *...сравнявшемся в баснях с Лафонтеном, в эклогах с Виргилием, в трагедиях с Расином и Вольтером...* — *Ж. Лафонтен* (1621—1695) — французский поэт, особенно прославившийся своими баснями; *Вергилий Марон Публий* (70—19 гг. до н. э.) — римский поэт, создатель эпической поэмы «Энеида». Как автор сборника пасторальных эклог «Буколики» и дидактической поэмы «Георгики» считался основоположником традиции буколической поэзии; *Ж. Расин* (1639—1699) — французский драматург эпохи классицизма, прославившийся своими трагедиями; *Вольтер* (настоящее имя — Мари Франсуа Аруэ) (1694—1778) — выдающийся писатель и философ-просветитель. Писал тираноборческие трагедии. Имел огромное влияние на европейское общественное мнение XVIII века, став символом вольномыслия и борьбы с религиозной нетерпимостью.

[5] *...то что был Прадон между французскими* — *Прадон Н.* (1632—1698) — посредственный французский драматург, соперничавший с Расином; неоднократно высмеивался в сатирах Буало.

[6] *...48 лот знания...* — *лот* — в фармацевтике мера массы (веса), составляющая 3 золотника, см. с. 416.

[7] *Начеркал, сочинил вздорную пиесу...* — имеется в виду драматург В. И. Лукин (1737—1794), соперник Д. И. Фонвизина и его литературный противник.

[8] *...не терпит он сочинителя новой комедии...* — речь идет о неприязни Лукина по отношению к Фонвизину, чья комедия «Бригадир» (1769) сразу получила всеобщее признание.

[9] ⟨Рецепт⟩ *Для некоторого купца* — по мнению П. Н. Беркова (Сатирические журналы Н. И. Новикова, с. 542), в этой статье содержался намек на миллионера С. Я. Яковлева, выходца из купцов, добивавшегося всеми средствами дворянского звания.

[10] *...ваш слуга Заботин* — не исключено, что описание болезней г-жи Непоседовой, г. Мешкова, г. Злорада, г-жи Бранюковой, Миловидова, девушки и Глупомысла принадлежит другому автору. П. Н. Берков допускает, что им был один из корреспондентов «Трутня», скрывавшийся под псевдонимом П. С. (Сатирические журналы Н. И. Новикова, с. 544). Рецепты же составлены, по-видимому, издателем журнала, т. е. Н. И. Новиковым.

Страхов Н. И. Изъятие из нравственного лечебника некоторых редких и полезных лекарств.— Впервые опубл.: Страхов Н. И. Сатирический вестник, удобоспособствующий разглаживать наморщенное чело старичков, забавлять и купно научать молодых барынь,

девушек, щеголей, вертопрахов, волокит, игроков и прочего состояния людей. М., 1790, ч. II, с. 100—112. Печатается по первой публикации.

[1] *Для утоления великой инфляммации языка...* (от *франц.* inflammation — воспламенение) — зд. в значении 'воспаление языка'.

[2] ...*⟨взять⟩ 8 листов Бовы Королевича...— «Бова Королевич»* — авантюрно-волшебная повесть о подвигах богатыря Бовы, восходящая в своей основе к французскому рыцарскому роману. В XVIII веке широко распространялась в рукописных сборниках и в устной народной передаче, перейдя в русский сказочный фольклор.

III. ПАРОДИЙНО-САТИРИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

Генетически жанр сатирических ведомостей восходит к тем образцам рукописных юмористических «курантов», которые получали распространение в посадской среде на рубеже XVII—XVIII веков и были связаны с начальным этапом развития в России газетного дела. Другим источником этой жанровой формы могли послужить образцы пародийных объявлений, встречавшиеся в немецких нравоучительных журналах 1740-х годов, вроде «Увеселения разума и остроумия», «Сочинения для развлечения ума», «Собрание, к пользе и увеселению служащее» и т. п.

На русской почве создателем традиции жанра сатирических «ведомостей» явился Н. И. Новиков, умело сочетавший развлекательность их содержания с острообличительной направленностью. Его «ведомости» воспроизводили в пародийном виде структуру разделов текущей информации, принятых в таких официальных изданиях, как «Санктпетербургские ведомости» и «Московские ведомости». Традиции Новикова в этом жанре были продолжены как его современниками, так и ближайшими последователями в лице Ф. Эмина, Н. И. Страхова и др. С ослаблением активности изданий сатирических журналов популярность этой жанровой формы к концу XVIII века падает.

В XIX веке традиция сатирических ведомостей найдет свое продолжение на страницах еженедельника «Искра» (1859—1873). Этот журнал революционно-демократического направления имел постоянные рубрики «Нам пишут», «Хроника прогресса», где под видом сообщений из провинций печатались сатирические миниатюры, основанные на действительных фактах того времени.

Новиков Н. И. Сатирические ведомости.— Впервые опубл.: «Трутень». СПб., 1769, л. IV, с. 28—32; л. VI, с. 41—48; л. IX, с. 65—72; л. XVI, с. 121—128; л. XVIII, с. 137—144. Под названием «Сатирические ведомости» с некоторыми сокращениями перепечатаны в 3-м издании «Живописца» (СПб., 1775, с. 102—144). Печатается по: Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951, с. 56—57, 61—64, 72—75, 103—107, 112—115.

[1] ...*преискусного миниатюрного живописца* — согласно П. Н. Беркову (Сатирические журналы Н. И. Новикова, с. 526), художник-миниатюрист Андрей Чернов, выходец из крепостных графа Б. П. Шереметьева, работавший рисовальщиком на Императорском фарфоровом заводе. Ему принадлежала серия портретов-миниатюр семейства графов Орловых. Подробнее см.: Комелова Г. Н. Миниатюры А. И. Чернова.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1976. М., 1977, с. 251—260.

[2] *...лишь только показалась в свет «Всякая всячина» со своим племенем...* — имеется в виду начавший выходить в 1769 году журнал Екатерины II «Всякая всячина» и последовавшие за ним журналы «И то и сие», «Поденщина», «Ни то ни се», «Смесь» и др.

[3] *У Кащея...* — *Кащей* — персонаж комедии А. П. Сумарокова «Лихоимец», образ в свою очередь заимствованный из фольклора. Благодаря Сумарокову это имя приобрело нарицательный смысл и часто использовалось для обозначения непомерной скупости.

[4] *У Жидомора...* — согласно П. Н. Беркову (Сатирические журналы Н. И. Новикова, с. 527), под этим именем скрыт крупный петербургский банкир второй половины XVIII века Я. И Жадимеровский.

[5] *Сократ, славный в древности философ, говаривал о себе, что он дурак...* — имеется в виду изречение древнегреческого философа *Сократа* (469—399 гг. до н. э.) «я знаю, что ничего не знаю» как исходный постулат гносеологической установки на самопознание («познай самого себя»).

[6] *Стозмей* — согласно П. Н. Беркову (Сатирические журналы Н. И. Новикова, с. 536), театральный деятель и переводчик П. С. Свистунов (1732—1808).

[7] *Из I Российской армии* — речь идет о военных действиях русской армии в 1769 г., осаждавшей Хотин (был взят в 1769 г.).

[8] *...один офицер... хотел дописывать последнее явление сочиняемой им трагедии...* — согласно П. Н. Беркову (Сатирические журналы Н. И. Новикова, с. 536), драматург Б. Е. Ельчанинов, погибший в русско-турецкой войне (1769).

[9] *...в роде своем не последний...* — подобной формулой дворяне сопровождали свои подписи под долговыми расписками и векселями.

[10] *...они все природные французы, упражнявшиеся в... должностях третьего рода* — т. е. бывшие ремесленниками или прислугой представители третьего сословия.

[11] *Себелюб, славный волокита...* — по мнению П. Н. Беркова (Сатирические журналы Н. И. Новикова, с. 536), в сообщении о Себелюбе содержится иносказательный намек на охлаждение со стороны Екатерины II к ее фавориту графу Г. Г. Орлову.

[12] *Наставление о добропорядочной жизни молодым людям, напечатанное в 1748 году...* — не исключено, что здесь содержался намек на известное дидактическое пособие И. Ланге «Школьные разговоры», вышедшее в 1748 году и неоднократно переиздававшееся на протяжении XVIII века.

[13] *...г. С. ...* — писатель А. П. Сумароков (см. с. 417).

[14] *Мельпомена и Талия проливали слезы...* — *Мельпомена* — в греческой мифологии одна из 9 муз, покровительница трагедии; *Талия* — одна из 9 муз, покровительница комедии.

[15] *...новую русскую комедию****, сочиненную одним молодым писателем* — имеется в виду только что сочиненная Д. И. Фонвизиным комедия «Бригадир».

[16] *...подал челобитную Пегас, в которой просит об отставке* — *Пегас* — в греческой мифологии крылатый конь, символ поэтического вдохновения. Не исключено, что в этой заметке имеется в виду литературный противник Новикова поэт В. П. Петров, которого ранее Сумароков высмеял в пародийной оде «Дифирамб Пегасу» (1766).

[17] *...«Разговоры о множестве миров»* — сочинение французского

естествоиспытателя и писателя Б. Фонтенелля (1657—1757) «Беседы о множественности миров» (1688), в котором в доходчивой форме излагалась гелиоцентрическая система мироздания. В России была переведена А. Д. Кантемиром в 1730 году, но из-за противодействия церковных кругов долго не издавалась. Первое издание на русском языке появилось в 1740 году.

Новиков Н. И. Ведомости из журнала «Живописец».— Впервые опубл.: «Живописец». СПб., 1772, л. 6, с. 41—48; л. 20, с. 153—160. Перепечатано в 3-м издании «Живописца» (СПб., 1775, с. 144—165). Печатается по: Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951, с. 298—301, 352—356.

[1] *Из Миллионной* — до середины XVIII века большинство переплетных мастерских Петербурга было сосредоточено на Миллионной улице (ныне ул. Халтурина). Там же осуществлялась продажа книг.

[2] *...Волшебных сказок разошлося больше сочинений Расиновых* — Волшебные сказки — по-видимому, «Сказки моей матушки Гусыни» Ш. Перро (1697), переведенные на русский язык и вышедшие в 1768 году под названием «Сказки о волшебницах с нравоучениями».

[3] *...Тысяча одной ночи»* — перевод этого собрания сказок в 12-ти томах был издан с 1763 по 1774 год и пользовался огромным успехом у читателей.

[4] *О времена! о нравы!* — слова римского оратора Цицерона (O, tempora! O, mores) из его «Первой речи против Катилины»; *Цицерон Марк Туллий* (106—43 до н. э.) — римский политический деятель, оратор и писатель.

[5] *Свирепствовавшая в нашем городе заразительная болезнь* — эпидемия моровой язвы (чумы), охватившая Москву с мая 1771 года по январь 1772 года.

[6] *...прекращена совсем премудрыми учреждениями дражайшия матери всея России и неусыпными попечениями некоторых истинных сынов отечества...*— В сентябре 1771 года в связи с распространением чумы в Москву были командированы Екатериной II Г. Г. Орлов и Д. В. Волков. Пост председателя исполнительной комиссии по борьбе с эпидемией занимал Д. В. Волков, чьи меры по контролю за распространением болезни и по ее уничтожению были особенно успешны.

[7] *...Ярославль первый из городов российских обогатил русский феатр тремя комедиями в наших нравах* — имеются в виду три комедии, принадлежавшие Екатерине II: «О, время», «Именины госпожи Ворчалкиной» и «Госпожа Вестникова с семьею». Пьесы были изданы в 1774 году анонимно, с указанием, что они были сочинены в Ярославле во время чумы. Нравоописательность в пьесах сочеталась с бытовой сатирой. О политическом подтексте их содержания см.: История русской драматургии XVII—1-й половины XIX в. Л., Наука, 1982, с. 132—135.

[8] *В «Ведомостях живописцевых» артикул, из гостинного двора поставленный...*— имеется в виду статья, опубликованная в 6-м листе «Живописца» (см. в настоящем сборнике с. 96—98).

[9] *Все такие модные слова, в «Живописце» напечатанные...*— имеется в виду «Опыт модного словаря щегольского наречия»: «Живописец», лист 10 (см. в настоящем сборнике с. 143—148).

[10] *Престарелый Селадон...— Селадон* — главный герой романа

О. д'Юрфе «Астрея». Это имя стало синонимом влюбчивого юноши. Здесь употреблено в ироническом смысле.

Эмин Ф. Ведомости из ада.— Впервые опубл.: Адская почта. СПб., 1769, с. 65—70, 127—133, 187—197. Печатается по первой публикации.

[1] *...в доме господина Харона...— Харон* — см. с. 415.

[2] *... ибо и г. езуиты, называясь товарищами христовыми, не раз его продавали своими поступками...*— созданный в 1534 году Игнатием Лойолой орден иезуитов назывался «Общество Иисуса». Возникший для противостояния Реформации орден избрал главными принципами своих действий политическое вероломство и лицемерие.

[3] *...прибыл к нам из ада его святейшество Папа...****— имеется в виду умерший в 1769 году папа Климент XIII (1758—1769). Избранный при поддержке иезуитов, Климент XIII оказывал постоянное покровительство ордену, чем навлек на себя недовольство ряда европейских правительств.

[4] *Как был его святейшество представлен их адским светлостям Плутону и Прозерпине...— Плутон* — см. с. 415; *Прозерпина* (в греческой мифологии Персефона) — супруга Плутона, похищенная им и ставшая царицей подземного мира.

[5] *...имел власть продавать и царство небесное* — имеется в виду принятая в католической церкви практика продажи индульгенций — грамот, дававших право на прижизненное отпущение грехов.

[6] *...что во Франции за возмущение народов близки были к виселице...*— декретом короля Людовика XV иезуиты в 1764 году были изгнаны из Франции.

[7] *Что по той же самой причине в Ишпании, во всей Италии, в Туреции, а наконец, и в Индиях были справедливостию гонимы...*— изгнанные из Португалии в 1759 году и из Франции иезуиты вслед за этим были запрещены в Испании (1767), а вскоре изгнаны из Неаполитанской области и из Пармы.

[8] *...а в Елисейские поля его не примут...*— в греческой мифологии — поля блаженных в загробном мире, куда попадали после смерти только любимцы богов.

[9] *...любимцы владетеля, теперь в Азии и в севере огнь войны воспламенившего...*— т. е. любимцы французского короля, правителя страны, поддерживавшей в войнах неприятелей России — Турцию и Швецию.

[10] *...сия православная земля...*— имеется в виду Россия.

[11] *...для чего вы обманываете владетеля сильнейшего в Азии, которому вы теперь тайные союзники?* — имеется в виду влияние, которое скрытно оказывала Франция на действия турецкого султана в его войне с Россией (1768—1774).

[12] *...нынешний султан, имея шесть лет отроду, был заключен в темницу... а взошел на престол, имея лет под 60...*— сообщаемые сведения не соответствуют действительности, ибо в момент русско-турецкой войны (1768—1774) во главе Османской империи находился Мустафа III (1717—1774), занявший престол султана в возрасте 40 лет в 1757 году.

[13] *...вечная почти нашей земле соперница А...*— Англия.

[14] *...остров К. ...*— по-видимому, остров Корфу, греческое население которого подняло восстание против турок; оно было подавлено.

[15] *присланием помощи генералу П.*— т. е. помощи турецкому паше.

[16] *...к господину*, славному во всем вертопрашном свете сочинителю...* — здесь и далее следуют нападки на Вольтера и его сочинения. О Вольтере см. с. 417.

[17] *...прочтите Американского Шпиона, многие его дела описавшего...* — согласно разысканиям В. Д. Рак, имеется в виду анонимная книга «Американский шпион, или Иллинойские письма, содержащие занимательные и поучительные анекдоты» ("L'Espion américain en Europe, ou Lettres illinoises, qui renferment quantité d'anecdotes amusantes et instructives." Londres, 1766), заключавшая многочисленные нападки на Вольтера.

[18] *...О Невтоне, Картезие, Кларке, Лейбнице, Локке, Баконе, о докторе Виллесе, а особливо о аттракции и геометрии Невтоновой так громко и дурно кричит...* — *Невтон* — Исаак Ньютон (1643—1727) — английский физик, астроном и математик; *Картезий* — Рене Декарт (1596—1650) — французский философ-рационалист, математик, физик и физиолог; *Самуэль Кларк* (1675—1729) — английский философ религиозного направления; *Готфрид-Вильгельм Лейбниц* (1646—1716) — немецкий ученый, философ-идеалист и математик; *Джон Локк* (1632—1704) — английский философ-материалист, просветитель, основоположник материалистического сенсуализма. Идеи Локка оказали значительное влияние на формирование идеологии французских просветителей; *Бакон* — Френсис Бэкон (1561—1626) — английский философ-материалист; *доктор Виллес* — Томас Вилли (1622—1675) — английский анатом; *аттракция и геометрия Невтонова* — речь идет об открытом Ньютоном законе всемирного тяготения и его работе «Рассуждение о квадратуре кривых» (1666).

[19] *Важный и постоянный Сократ с добродетельным и разумным Цицероном...* — *Сократ* — см. с. 419; *Цицерон* — см. с. 420.

[20] *...а великий муж — господин** — *Вольтер* — см. с. 417.

[21] *К чему теперь годятся Платона и Сенеки не правдоподобием, но святою истиною наполненные нравоучения...* — *Платон* (427—347 гг. до н. э.) древнегреческий философ-идеалист; *Луций Анней Сенека* (ок. 4 до н. э.—65 н. э.) — римский философ-стоик, писатель и политический деятель.

[22] *...Пусель д'Орлеан* — поэма Вольтера «Орлеанская девственница» (1735) (La Pucelle d'Orléans), изданная анонимно в 1755 и 1762 годах.

[23] *...Ле Компер Матиа* — отличавшийся скабрезностью роман французского писателя Дюлорана «Кум Матвей» (Le compere Metthia).

[24] *...Кандид* — философско-сатирическая повесть Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (1759).

[25] *...смеются те же умники всем переводам Т., столько весьма полезных книг переведшего, сколько критики его не имеют от роду лет* — намек на постоянные насмешки над В. К. Тредиаковским (1703—1768), писателем и переводчиком XVIII века, перу которого принадлежало множество переводов книг крупнейших европейских авторов и мыслителей, в том числе Д. Барклая, Ф. Бэкона, Вольтера, Д. Маллета, Ш. Роллена, П. Таллемана, Ф. де С. Фенелона и др.

[26] *Иной трехденежный свой листок всем его трудам предпочитает и делает лекарство маково действие имеющее* — имеется в виду журнал Екатерины II «Всякая всячина», на страницах которого чтение переводов и сочинений Тредиаковского рекомендовалось как средство от бессонницы.

[27] *...знатная Ф*** дама, мадам П***...* — *маркиза Помпадур* (Жанна Антуанетта Пуассон, 1721—1764) — с. 1745 года фаворитка французского короля Людовика XV.

[28] *...земля теперь севера субьбою владеющая...* — Россия

[29] *гордого защитника Риги и Нарвы победивший...* — имеются в виду успехи России в войне со Швецией и, в частности, победы Петра I над королем Карлом XII в Северной войне.

[30] *Давно уже у нас Колбертов не стало* — *Ж.-Б. Кольбер* (1619—1683) — французский государственный деятель, генеральный контролер, министр финансов при Людовике XIV, способствовал укреплению экономического могущества Франции.

[31] *Академии наши теперь описывают похождения прекрасных Монтбазонш, Шатилонш, Немуршей и прочих* — имеются в виду публикации мемуаров с описаниями жизни знатных француженок — герцогини де Монбазон (1619—1657), герцогини Марии Орлеанской де Немур, мемуары которой вышли в 1709 году, и других.

[32] *Где недавно до небес возносили книгу Б***, там ныне оной предпочитают К*** здесь содержится намек на запрещенный во Франции, но популярный в Европе роман Ж. Ф. Мармонтеля «Велизарий», переведенный в России при участии Екатерины II в 1768 году и философскую повесть Вольтера «Кандид, или Оптимизм», перевод которой вышел как раз в 1769 году на русском языке.

[33] *Земля Елдорадо, красношерстные К** бараны, число его сокровищ, с которыми он умирал с голоду, и все сего героя дела похожи на такие романы, каков Бова Королевич, Петр золотых ключей и проч.* — в этой фразе высмеиваются фантастические ситуации, в которые попадает Кандид в одноименной повести Вольтера, а сама повесть сравнивается с авантюрными полуфольклорными повествованиями, составляющими любимое чтение простонародья.

[34] *...o che sciagura d'essere senza Caz...* — видоизмененная цитата итальянской фразы из «Кандида»: Ma che sciagure d'essere senza cogl... (Какое несчастие, что меня оскопили...).

Страхов Н. И. Сатирический вестник, удобоспособствующий разглаживать наморщенное чело старичков, забавлять и купно научать молодых барынь, девушек, щеголей, вертопрахов, волокит, игроков и прочего состояния людей. Часть I.— Впервые опубл.: М., 1790. Печатается по первой публикации.

[1] *...висячие Вавилонские сады...* — имеются в виду легендарные «висячие сады» в древнем Вавилоне, искусственно устроенные на большой высоте Навуходоносором для своей жены. Считались одним из семи чудес света.

[2] *...потому, что не имеют права возить свою повозку четырьмя или шестью лошадьми* — В XVIII веке право запрягать в повозку четырех лошадей (четверню) имели право чиновники, начиная с надворного советника (по «Табели о рангах» — с 7-го класса); запрягать шестерню имели право статские советники (5-й класс) и выше.

[3] *...Иван Великий или Сухарева башня...* — колокольня Ивана Великого и Сухарева башня являлись самыми высокими зданиями Москвы в XVIII веке.

[4] *...будто Россия несколько более графства Гогенлоге...* — *Гогенлоэ* — небольшое немецкое графство, существовавшее до XIX века во Франконии на территории Баварии.

[5] *...Белев Исторический словарь* — «Исторический и критический словарь» в 2-х томах (1695—1697) Пьера Бейля (1647—1706), французского публициста и философа-атеиста.

[6] *Сии 50 Лукреций день от дня стареются...* — данное сравнение основано на сообщаемом у Тита Ливия рассказе о Лукреции, знатной римлянке, которая была обесчещена царским сыном и предпочла смерть позорной жизни.

[7] *...самые защитники ломбера, старых игр — панфила, тресета, басета, а ла муш и тентере...* — виды карточных игр, распространенных в XVIII веке в дворянской среде.

[8] *...на тон известнейших песен, которые находятся в Мельнике и Збитенщике* — имеются в виду комические оперы «Мельник, колдун, обманщик и сват» (1779) А. О. Аблесимова и «Сбитенщик» (1783) Я. Б. Княжнина, музыка из которых пользовалась большой популярностью.

[9] *...и для перемены деревенского воздуха переселиться в магистрат* — в XVIII веке магистраты являлись органами городского управления, ведавшие полицейскими и судебными функциями. Здесь имеется в виду — попал в тюрьму.

[10] *...находятся в «Сельском Сократе»...* — имеется в виду книга швейцарского экономиста Г. К. Гирцеля «Сельский Сократ, или Описание экономических и нравственных правил жизни философа-земледельца» (Цюрих, 1761). В 1789 году книга была переведена на русский язык и издана в Москве.

IV. САТИРИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ И ПАРОДИЙНЫЕ ГРАММАТИКИ

Традиция обращения к форме словарей и учебных грамматик в сатирических целях возникает уже в эпоху Реформации как реакция на схоластическую догматику средневековых методов обучения. В эпоху Просвещения в разных европейских литературах получают распространение различные типы толковых словарей с назидательно-морализирующей или чисто сатирической целевой установкой. На русской почве использование жанровой формы сатирических азбуковников встречается уже в XVII веке («Азбука о голом и небогатом человеке»).

Для русских сатириков XVIII века своеобразным импульсом в разработке этой формы явилось знакомство с сатирическим «Опытом немецкого словаря» Г. В. Рабенера, отрывок из которого А. П. Сумароков напечатал в журнале «Трудолюбивая пчела» (1759). Традиции сатиры Рабенера прослеживаются и в журналах Н. И. Новикова «Трутень» (1769) и «Живописец» (1772), где был помещен оригинальный «Опыт модного словаря щегольского наречия», принадлежавший Д. И. Фонвизину, а также в созданной им «Придворной грамматике».

Другим, более поздним, источником традиций этой формы сатиры для русских авторов стали необычайно распространенные во Франции на протяжении XVIII века разные типы «Словарей светского человека» ("Dictionnaire des gens du monde"). Пафос обличения социальных пороков сменяется в этих словарях ироническим скептицизмом салонного остроумия, столь популярным среди дворянства XVIII века, увлекавшегося вольтерьянством и поверхностным вольномыслием. Подражанием такого рода словарям следует считать

компиляцию Я. Б. Княжнина и словарь неизвестного автора из журнала «Чтения для вкуса, разума и чувствования» (1791). Случаи создания русских вариантов «Словаря светских людей» еще встречались в 1-й четверти XIX века. Но широкого распространения эта жанровая форма не имела. Использование словарной формы сатиры в позднейшее время встречается крайне редко. Можно напомнить публикацию «Материалов для практического словаря» в отдельных номерах сатирического журнала революционно-демократического направления «Искра» за 1859—1860 годы.

[Фонвизин] Д. И. Опыт модного словаря щегольского наречия.— Впервые опубл.: Живописец. СПб., 1772, л. 10, с. 73—80. Печатается по: Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951, с. 315—320. Вопрос об авторе «Опыта...» к настоящему времени остается открытым. Ряд советских исследователей вслед за Г. П. Макогоненко считают, что автором был Н. И. Новиков, хотя косвенную догадку в пользу авторства Д. И. Фонвизина высказывал П. Н. Берков (Сатирические журналы Н. И. Новикова, с. 567). За безусловное признание Д. И. Фонвизина автором «Опыта...» высказался и французский литературовед А. Стричек (Strycek A. La Russie des lumières. Denis Fonvizine. Paris, 1976, p. 242—248.). Это предположение не лишено оснований.

[1] *Я был вчерась в гостях у Дремова...— Дремов* — персонаж из комедии Екатерины II «Именины госпожи Ворчалкиной».

Фонвизин Д. И. Опыт Российского сословника.— Впервые опубл.: Собеседник любителей российского слова. СПб., 1783, ч. I, с. 126—134; ч. IV, с. 143—157; ч. X, с. 137—142. Печатается по: Фонвизин Д. И. Собр. соч. в 2-х т., т. 1. М.; Л., 1959, с. 223—236. При подготовке «Опыта...» Фонвизин опирался на синонимический словарь аббата Жирара (L'abbé Girard. Synonymes françois, leurs significations et le chois, qu'il en faut pour parler avec justesse. Paris, 1736).

[1] *Сословник* — словарь синонимов. Образованный самим Фонвизиным неологизм, в котором он использует сочиненный им термин «сослово»— русский эквивалент французскому слову «синоним».

[2] *В России Екатерина II основала общество благородных девиц, учредила наместничество, установила совестный суд и устроила благочиние* — Фонвизин перечисляет важнейшие законоположения, которыми отмечено царствование Екатерины II: создание общества по воспитанию благородных девиц при Воскресенском (Смольном) монастыре в Санкт-Петербурге по указу от 5 мая 1764 года; реформу управления губерниями, зафиксированную изданным 7 ноября 1775 года «Учреждением для управления губерний Всероссийской империи»,— согласно этому документу в каждом наместничестве учреждался совестный суд; наконец, учреждение именным указом сенату от 8 апреля 1782 года «Устава благочиния», т. е. устава, регулировавшего задачи и обязанности полицейской службы в городах.

[3] *Гельвеций, прославившийся сочинением своим по сей материи...— Гельвеций* (1715—1771) — французский философ-материалист, один из идеологов буржуазной революции. Цитату из его книги «Об уме» (1758) приводит Фонвизин.

[4] *Апостол Павел, говоря о боге, вопрошает: кто разуме ум господень?* — цитата, неоднократно встречающаяся в посланиях Павла (Послание к римлянам, II, 34; Послание к коринфянам, 2, 16).

[5] *...из них отличился Нестор, писатель Российской Истории* — древнерусский летописец XI—XII вв., монах Киево-Печорского монастыря, автор первой редакции «Повести временных лет».

[6] *...грамота Филиппова к Аристотелю...— Филипп* — македонский царь Филипп II (382—336 гг. до н. э.); *Аристотель* (384—322 гг. до н. э.) — древнегреческий философ и ученый. В 343 году был приглашен воспитателем к сыну Филиппа Александру.

[7] *...послания святого Павла...*— легендарному проповеднику христианства I в. н. э: апостолу Павлу приписывается составление 14 посланий, включенных в Новый завет.

[8] *...Милость и истина сретостася, правда и мир облобызастася.* — цитата из 84 псалма Давида.

Фонвизин Д. И. Всеобщая придворная грамматика. Произведение входило в состав задуманного Фонвизиным, но так и не опубликованного при жизни писателя, сатирического журнала «Друг честных людей, или Стародум». Издание журнала планировалось в 1788 году, и даже было выпущено объявление о подписке. Но журнал так и не появился. Впервые часть материалов задуманного журнала (в том числе и «Всеобщая придворная грамматика») была опубликована Платоном Бекетовым в подготовленном им издании «Полного собрания сочинений» Д. И. Фонвизина (М., 1830, ч. 3, с. 77—83). Благодаря обнаруженному Г. П. Макогоненко списку статей журнала в бумагах П. А. Вяземского (ЦГАЛИ, ф. 195, д. 1108, л. 1—23), опубликованная Бекетовым часть материалов была дополнена новыми. Печатается по: Фонвизин Д. И. Собрание сочинений в 2-х т., т. 2. М., 1959, с. 47—51.

[1] *...вне дворца кажутся Катонами...— Катон Марк Порций* (Старший) (234—149 гг. до н. э.) — римский государственный деятель и оратор. Вел строгий образ жизни и отличался неподкупностью.

[2] *Чрез гласных разумею тех сильных вельмож, кои по большей части самым простым звуком, чрез одно отверстие рта, производят уже в безгласных то действие, какое им угодно. Например: если большой барин, при докладе ему о каком-нибудь деле, нахмурясь скажет: о! — того дела вечно сделать не посмеют... и он, получа о деле другие мысли, скажет тоном, изъявляющим свою ошибку: а! — тогда дело обыкновенно в тот же час и решено* — именно это место имел в виду А. Н. Радищев в романе «Путешествие из Петербурга в Москву», когда после описания встречи с неким его превосходительством (глава «Завидово») путешественник с негодованием восклицал: «Кто ведает из трепещущих от плети, им грозящей, что тот, во имя коего ему грозят, безгласным в придворной грамматике называется, что ему ни а..., ни о... во всю жизнь свою сказать не удалося». В подстрочном примечании Радищев указывает: «См. рукописную «Придворную грамматику» Фонвизина».

Неизвестный автор. Опыт вещественного Российского словаря.— Впервые опубл.: Чтение для вкуса разума и чувствования, ч. II. М., 1791, с. 275—292. Печатается по первой публикации.

[1] *Почтенное название грамотея, могущего читать прекрасные на Спасском мосту изображения и истории...*— В XVIII веке в Москве на Спасском мосту находились лавки, в которых продавались лубочные картинки и дешевые издания для простонародья.

[2] *Я не могу не сказать здесь с Антонином Философом...*—

имеется в виду Марк Аврелий (Антонин Марк Аний Вер (121—180 гг. н. э.)) — римский император, философ-стоик.

[3] *...англичанин Свифт сказал, будто целый свет не иное что есть, как дом безумных...— Джонатан Свифт* (1667—1745) — английский писатель-сатирик.

[4] *Крючок* — в XVIII веке это слово стало нарицательным для обозначения плутовства подьячих.

[5] *Лягушки* — в истолковании этого слова содержится намек на известную басню Эзопа «Лягушка и вол».

[6] *...отрывок из времен аркадских пастухов* — жизнь пастушеских племен Аркадии, гористой части Греции, описанная в эклогах античных авторов, стала символом патриархальной простоты и безмятежной вольности мифического «золотого века» человеческой истории.

Княжнин Я. Б. Отрывок Толкового словаря.— Впервые опубл.: Собрание сочинений Якова Княжнина, т. 5. М., 1803, с. 293—321. Печатается с сокращениями по первой публикации.

[1] *Амур* — в римской мифологии бог любви, сын Венеры. Изображался мальчиком, поражающим стрелами своего лука богов и людей, пробуждая в них любовную страсть.

[2] *Аргус... Юнонин сторож, который стерег богиню Ио...— Аргус* — многоглазый великан, у которого во время сна часть глаз бодрствовала. Гера, жена Зевса (в римской мифологии — Юнона), поручила Аргусу стеречь возлюбленную мужа, смертную женщину Ио, превращенную Зевсом в корову.

[3] *Аврора* — в римской мифологии богиня утренней зари (*греч.*— Эос).

[4] *...не боясь Управы благочиния* — т. е. не боясь преследования полиции.

[5] *Пегас* — в греческой мифологии крылатый конь, от удара копытом которого на горе Геликон, где жили Музы, возник источник Ипокрена. Из него черпали вдохновение поэты. Образ Пегаса — символ поэтического вдохновения.

[6] *Ариаднина нить, ведущая ко счастию — Ариадна* — в греческой мифологии — дочь критского царя Миноса, которая помогла Тезею, убившему в лабиринте чудовище Минотавра, выбраться из лабиринта, снабдив его клубком ниток, конец которых был закреплен при входе. В переносном смысле — способ достижения успеха, выход из затруднительного положения.

[7] *Тартар* — в греческой мифологии часть подземного царства Аида, куда Зевс низверг титанов, см. с. 414.

[8] *...кафимский узел* — имеется в виду, вероятно, нить добывавшегося вблизи города Кафа жемчуга, распутывание которой означало ее покупку.

V. САТИРИЧЕСКИЕ ПИСЬМА

Наиболее распространенная и популярная форма прозаической сатиры — жанр письма — уходит своими корнями во времена античности: сатиры Горация и Ювенала являлись стихотворными посланиями к конкретным лицам. Продолжение этой традиции легло в основу жанра стихотворной сатиры классицизма XVII—XVIII веков.

Прозаические формы сатирического письма как самостоятельного жанра возникают в эпоху Реформации в обстановке расцвета

пародийной литературы. Основным структурным принципом, определяющим достижение эффекта обличения, в сатирическом письме становится отныне использование приема мистификации. Это касается как обозначения авторов писем или их адресатов, так и подчеркнутой установки на достоверность. Блестящим образцом сатирической эпистолярии в формах травестирования интимной дружеской переписки явилось острое антиклерикальное сочинение немецких гуманистов XVI века И. Рейхлина и У. фон Гуттена «Письма темных людей». Своеобразной модификацией философско-публицистических писем явились знаменитые «Письма к провинциалу» (1656—1657) Б. Паскаля. В XVIII веке эту традицию продолжил Вольтер в цикле «Философских писем» («Письма об английской нации», 1733). В циклах писем сатира сочетается с публицистикой, нравоописание — с памфлетом. В эпоху Просвещения в эпистолярную форму облекаются и научно-философские трактаты, и морально-нравоучительные сочинения, и беллетристика. Сатирики тоже многообразно и плодотворно используют эту форму, от создания жанра письма-памфлета (Дж. Свифт «Письма суконщика», 1723—1724) и до использования этой формы в целях аналитического описания пороков современного общества («Сатирические письма» (1752) Г. В. Рабенера; «Персидские письма» (1721) Ш. Монтескье). Особое распространение жанр письма получил на страницах английских просветительских сатирико-нравоучительных журналов Р. Стиля и Д. Аддисона «Зритель» ("Spectator", 1711—1714, и «Опекун» ("The guardian", 1713), хотя идейный пафос их отличался умеренностью.

В России становление жанра сатирического письма можно связывать с активизацией сатирической журналистики на рубеже 1760—1770-х годов. В процессе усвоения опыта европейской сатирической традиции вырабатываются собственные национальные формы эпистолярных сатирических жанров — своеобразные исповеди-портреты крепостников и подьячих. Наиболее значительные достижения в этой области принадлежали Н. И. Новикову и Д. И. Фонвизину. Новая ступень осмысления возможностей жанра сатирического письма наблюдается в творчестве Н. И. Страхова и И. А. Крылова, у которых обличительная нравоописательность писем сочетается с гротеском и фантастикой их контекста.

В отличие от таких жанров, как сатирические ведомости или сатирические лечебники, жанр сатирического письма сохраняет свою жизнеспособность в позднейшее время. В XIX веке классические образцы в этом жанре созданы в русской литературе М. Е. Салтыковым-Щедриным (образцы «Переписки» в цикле «Благонамеренные речи», 1872—1873, «Письма к тетеньке», 1881—1882 и др.).

[Фонвизин Д. И.] Письма дяди к племяннику.— Впервые опубл.: Трутень. СПб., 1769, л. II, с. 12—16; л. XV, с. 113—120. Перепечатано в 3-м издании «Живописца» (СПб., 1775, ч. I, с. 136—153). Печатается по: Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951, с. 49—51, 100—103.

Традиционно авторство «Писем» приписывалось Н. И. Новикову. Обоснованные сомнения в принадлежности этого цикла перу Новикова высказал П. Н. Берков (Сатирические журналы Н. И. Новикова, с. 522, 535). Есть серьезные основания считать автором «Писем» Д. И. Фонвизина. Эту точку зрения аргументированно

обосновывает А. Стричек (S t r y c e k A. La Russie des lumières. Denis Fonvizine, p. 214—217).

[1] *...по нынешним указам неналсивна...* — именным указом Екатерины II от 18 июля 1762 года «Об удержании судей и чиновников от лихоимства» строго запрещалось брать взятки. Но на практике этот указ сплошь и рядом нарушался.

[2] *...в мошне не было ни пула — пул* — мелкая монета стоимостью четверть копейки.

[3] *Я на все его книги святцев своих не променяю — святцы* — месяцеслов, хронологический, помесячный список христианских святых, с указанием дней, к которым приурочено их поминовение.

[4] *...священный левитский чин...* — имеется в виду чин священника.

[5] *...на лоно Авраамле...* — т. е. в рай.

[6] *... когда бы не было искушающих, тогда, кто ведает, может быть, не было бы и искушаемых* — в этих и последующих словах заключен язвительный выпад против журнала Екатерины II «Всякая всячина», взявшего под защиту подьячих. Косвенно оправдывая практику взяточничества, «Всякая всячина» утверждала, что виноватыми в этом зле являются просители, дающие взятки (Всякая всячина. СПб., 1769, с. 160).

[7] *Когда первый человек не мог избавиться от искушения...* — имеется в виду библейская легенда об Адаме и Еве.

[8] *Помнится мне, что ее называют К***** — философская повесть Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (1759). Как раз в 1769 году появилось первое издание «Кандида» на русском языке в переводе Семена Башилова.

Н е и з в е с т н ы й а в т о р. Копии с отписок крестьян к своему помещику и копия помещичьего указа.— Впервые опубл.: Трутень. СПб., 1769, л. XXVI, с. 203—208; л. XXX, с. 233—240. Перепечатано в 3-м издании «Живописца» (СПб., 1775, ч. I, с. 203—218). Печатается по: Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951, с. 141—142, 155—158.

В издании «Трутня» публикация этих писем сопровождалась предваряющей заметкой за подписью «Слуга ваш Правдин». Это дало основание П. Н. Беркову высказать предположение о возможной принадлежности материалов перу Д. И. Фонвизина (Сатирические журналы Н. И. Новикова, с. 543—544). Аналогичной позиции придерживается А. Стричек (S t r y c e k A. La Russie des lumières. Denis Fonvizine, p. 226—229). Вопрос атрибуции этих материалов остается открытым.

[1] *...с сельских ста душ сто двадцать три рубли... с деревенских с пятидесяти душ шестьдесят один рубль семнадцать алтын...* — речь идет о сборе повинностей с крестьян села и деревни. *Село* — населенный пункт, где есть церковь, лавки, кузница, должностное лицо, представляющее помещика. *Деревня* — крестьянское поселение, где нет церкви.

[2] *...быть опять твоей милости тяглым крестьянином* — вновь быть в состоянии платить государственные налоги и нести повинности. *Тягло* — система денежных и натуральных повинностей крепостных крестьян и посадских людей в России XV—XVIII веков.

[3] *...питаться Христовым именем* — просить милостыню.

[Ф о н в и з и н Д. И.] Письма щеголихи к издателю «Живописца».— Впервые опубл.: Живописец. СПб., 1772, ч. I, л. 9,

с. 65—69; л. 18, с. 143—144. Печатается по: Живописец. 3-е изд. СПб., 1775, ч. I, с. 51—58; ч. II, с. 198—200.

Наличие прямой связи между этими письмами и «Опытом модного словаря щегольского наречия» позволяет считать эти материалы принадлежащими Д. И. Фонвизину. Эту точку зрения поддерживает А. Стричек (S t r y c e k A. La Russie des lumières. Denis Fonvizine, p. 242—244).

[1] *...мнение-то Щеголихино ты у меня подтяпал* — имеются в виду помещенные в 4-м листе «Живописца» рассуждения щеголихи о бесполезности наук.

[2] *...не так, как некоторый грубиян, сочиня комедию, одну из подруг моих вытащил на театр* — намек на комедию Екатерины II «Именины госпожи Ворчалкиной», главной героиней которой выведена сварливая и капризная барыня.

[3] *...над бедным мальчиком Фирлифюшковым... а его Дремов никогда не выдет из дураков — Фирлюфюшков, Дремов* — персонажи вышеназванной комедии Екатерины II. В образе Фирлюфюшкова содержались скрытые намеки в адрес издателя «Живописца».

[4] *...В первой его комедии я и сама до смерти захохоталась... а эта комедия такую сделала дистракцию и такую грусть, что я поклялась никак на именины не ездить* — имеются в виду две пьесы Екатерины II, первая — комедия «О, время!», вторая — «Именины госпожи Ворчалкиной».

[5] *...напечатай их деташированною книжкою под именем «Модного женского словаря»...* — т. е. отдельной книжкой (*от франц.* detacher — разделять). Опубликованный в 10-м л. «Живописца» «Опыт модного словаря щегольского наречия» следует рассматривать как своеобразный ответ на просьбу Щеголихи (см. настоящий сборник, с. 143—148).

[6] *Сносно ли это, что в последнем твоем листе некоторую женщину попрекаешь ты ревностию!* — Имеется в виду публикация в 17-м л. «Живописца» письма, в котором муж жалуется на ревнивый нрав жены и просит издателя подсказать средство, как избавиться от этой болезни жены.

[Ф о н в и з и н Д. И.] Письма родных к Фалалею.— Впервые опубл.: Живописец. СПб., 1772, ч. I, л. 15, с. 113—120; л. 23, с. 178—184; л. 24, с. 186—192; ч. II, л. 5, с. 243—246. Печатается по: Живописец. 3-е изд. СПб., 1775, ч. I, с. 96—135.

В настоящий момент можно считать установленным факт принадлежности этого цикла писем перу Д. И. Фонвизина. На это указывают содержание и стиль писем. Данную точку зрения приняло подавляющее число исследователей. К этому циклу примыкает письмо, обращенное к издателю «Живописца» и подписанное «доброжелатель Ермолай», которое мы также помещаем в настоящей подборке.

[1] *...был болен черною немочью* — т. е., падучей болезнью, эпилепсией.

[2] *...канонник* — сборник церковных песнопений — канонов.

[3] *вить не рожна? — рожен* — заостренный шест, кол. Выражение «ведь не рожна», родственное «какого рожна надо», означало 'чего еще не хватает'.

[4] *...винцо-то в сапогах ходит...*— вино стоит дорого.

[5] *Сказывают, что дворянам дана вольность* — Речь идет об указе Петра III, изданном в 1762 году. Указ освобождал дворян от обя-

зательной службы, увеличивал их льготы и привилегии во владении крепостными.

[6] *...отнесешь ему барашка в бумажке...* — дашь взятку.

[7] *...колокольню строят и хотят сделать выше Ивана Великого...* — По-видимому, речь идет о неосуществленном проекте постройки колокольни собора Смольного монастыря.

[8] *...а в «Кормчей книге» положено за это проклятие* — *«Кормчая книга»* — свод церковных установлений, регулировавших юридическую практику мирских дел церкви.

[9] *...какие-то печатные листочки...* — имеется в виду журнал «Живописец», выходивший листами. Помещенный в 5-м л. антикрепостнический очерк «Отрывок путешествия в *** И*** Т***» вызвал гнев отца Фалалея, о чем далее он и говорит.

[10] *...посмотри сам в «Чети-Минеи»...* — *«Четьи-Минеи»* — ежемесячные книги для чтения верующих, содержавшие толкования прологов, патериков и житий святых.

[11] *Недалеко от меня деревня Григорья Григорьевича Орлова...* — Граф Г. Г. Орлов (1734—1783) — один из активных участников государственного переворота 1762 года, возведшего на престол Екатерину II. До 1772 года влиятельный фаворит Екатерины II.

[12] *...гадки не мают (укр.)...* — ни о чем не думают.

[13] *...за непочтение к родителям, в силу указов...* — имеется в виду именной указ 1768 года.

[14] *...нынча время военное...* — речь идет о войне с Турцией (1768—1774).

[15] *...Пусть у тебя не будет Егорья...* — имеется в виду орден св. Георгия Победоносца, учрежденный в 1769 году в качестве награды за воинскую доблесть.

[16] *...ни синей порох даром не пропадет* — ни малейшая вещь не пропадет.

[17] *...фарсульской богородицей, а меня неопалимой* — *фарсульская богородица* — икона, представляющая собою копию с «чудотворной» иконы; *неопалима* — имеется в виду копия с «чудотворной» иконы, называемой «Неопалимая купина», и представлявшая изображение богоматери.

[18] *...глухою исповедью исповедывать* — церковный обряд отпущения грехов умирающему, находящемуся без сознания.

[19] *...верного и честного титулярного советника...* — по «Табели о рангах» чиновничий чин 4-го класса.

[20] *...блаженной памяти при ****** — т. е. при Петре I.

[21] *Ну, брат маляр, образумился ли ты?* — имеется в виду название журнала «Живописец».

[22] *Мне заплатишь бесчестье по моему чину...* — В XVIII веке существовала практика взыскивать за оскорбление чести денежную сумму в пользу обиженного с обидчика. Размер суммы определялся чином оскорбленного. Для некоторых чиновников это становилось статьей дохода, на что намекает автор письма.

Фонвизин Д. И. Письмо Тараса Скотинина к родной его сестре госпоже Простаковой; Переписка надворного советника Взяткина с его превосходительством***; Переписка Стародума с дедиловским помещиком Дурыкиным.— При жизни Фонвизина не печаталось. Материалы должны были входить в состав журнала Фонвизина «Друг честных людей, или Стародум». Впервые опубл.: Фонвизин Д. И. Собрание оригинальных и драматических сочинений

и переводов, ч. II, М., 1830, с. 34—36, 3—11, 19—26. Печатается по: Фонвизин Д. И. Собр. соч. в 2-х т., т. 2. М.; Л., 1959, с. 46—47, 51—57, 60—63.

[1] *...надворный советник* — по «Табели о рангах» чиновник 7-го класса; в воинской службе — подполковник.

[2] *...будучи отставлен действительным статским советником...*— согласно «Табели о рангах» чиновник 5-го класса в воинской службе соответствовал званию полковника.

[3] *...а иные уверяют, что и мартинист...*— член масонской секты мартинистов.

Неизвестный автор. Письма из Сатурна.— Впервые опубл.: Вечера. СПб., 1772, с. 41—47, 72—77, 161—167. Печатается по первой публикации.

[1] *...поселившаяся шайка гордых разбойников, которые... взяли себе в герб второе светило неба, то есть луну...*— имеется в виду Турция, находившаяся в 1772 году в состоянии войны с Россией.

[2] *...они дружбою соединены и управляемы другим народом, поселенным на полудне... ...Сей взял себе в герб лилеи...* — имеется в виду Франция, тайно поощрявшая Турцию на войну с Россией и оказывавшая ей дипломатическую поддержку. В гербе Франции были белые лилии.

[3] *...заражен завистью к другому народу, поселенному на севере...*— имеется в виду Россия.

[4] *...начал просвещаться помощию одного великого мужа...*— Петр I (1672—1725), реформаторская деятельность которого вывела Россию в ряд ведущих европейских держав.

[5] *Сей избрал себе гербом орла...*— герб России изображал двуглавого орла.

[6] *...ныне... им управляет жена...*— Екатерина II.

[7] *...собрала своих подданных и, руководствуя оными, повелела им самим для себя сделать законы...* — имеется в виду созыв Екатериной II в 1767 году Комиссии для составления Нового Уложения.

[8] *Она восхотела изгнать из них гнусное суеверие, в которое ввергал их человек, сидящий на престоле великих героев и называющий себя преемником первого ученика того бога, который почитается сею планетою* — имеется в виду политика Екатерины II в отношении Польши, которая в силу принятого в этой стране католичества служила постоянным объектом духовной экспансии со стороны римского папы.

[9] *Она восхотела защитить законы их и, посадя на престол человека, избранного ею, сделать их счастливыми* — речь идет о возведении на польский престол в 1764 году при прямом содействии Екатерины II ее ставленника Станислава Понятовского.

[10] *Он воздвиг еще и восточных разбойников против оной, и тогда тишина, царствующая на севере, прервалася, и воскипела война* — имеется в виду русско-турецкая война (1768—1774), начавшаяся не без подстрекательства Турции со стороны Франции.

[11] *...северная Минерва* — Екатерина II.

Страхов Н. И. Переписка Моды, содержащая письма безруких мод, размышления неодушевленных нарядов, разговоры бессловесных чепцов, чувствования мебелей, карет, записных книжек, пуговиц и старозаветных манек, кунташей, шлафоров, телогрей и пр. М., 1791. Печатается по первой публикации (с сокращениями).

[1] *Целый народ... коего столица была главнейшею моею резиденциею... ...отложился моей власти...* — речь идет о Франции и о свершившейся Великой французской буржуазной революции 1789 года.

[2] *...все сие великое дело произошло от того только, что петухи не захотели повиноваться Цесарской курице* — намек на австрийское происхождение французской королевы Марии-Антуанетты (1755—1793), поведение которой вызывало резкое недовольство во Франции.

[3] *землю Подражательности, состоящую в двух весьма многочисленных городах...* — имеется в виду Россия с Петербургом и Москвой, где была сосредоточена основная масса дворянского сословия, живущего по законам Моды.

[4] *...секретарю моему г. Бель-Эспри* — бель-эспри (от *франц.* belle esprit) — человек с претензиями на остроумие, остряк.

[5] *...ен кок, а ла кроше...* — виды модных причесок (от *франц.* le coq — петух, la crochet — крючок).

[6] *...наподобие вавилонских висящих садов* — см. с. 423.

[7] *...философический камень ныне сыскан...* — восходящее к науке средних веков представление о существовании камня, обращающего материю в золото.

[8] *...старинного крапивного семени жены...* — т. е. жены подьячих.

[9] *Сюр мон онер...* — зд. 'по чести' (от *франц.* sur mon honneur)

[10] *...как эдакие Фалалеи подумали уничтожить нашу с тобою власть?* — упоминание имени Фалалея свидетельствует об осознанной преемственности Страховым сатиры Д. И. Фонвизина.

VI. ПАРОДИЙНЫЕ ПАНЕГИРИКИ, ПРОШЕНИЯ И НАДГРОБНЫЕ РЕЧИ

Устойчивые традиции пародирования форм официальной деловой письменности и установленных обрядов богослужения, травестирование канонов церковной проповеди и приемов светского красноречия складываются на Руси еще в XVII веке («Калязинская челобитная», «Служба кабаку», «Повесть о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове», «Духовное завещание Елистрата Шибаева» и т. д.), сливаясь с традициями антиклерикальной сатиры европейских гуманистов XVI—XVII веков, высмеивавших схоластическую и церковную догматику («Похвала глупости» Эразма Роттердамского, «Заклятие дураков» Т. Мурнера и др.). Позднее развитие этих традиций дополняется воздействием опыта просветительской сатиры XVIII века, блестящие образцы которой в данных жанрах оставили Дж. Свифт в Англии (памфлет «Скромное предложение, имеющее целью помешать детям ирландских бедняков быть бременем для своих родителей и для страны и указать, каким способом сделать их полезными для общества», 1729); Г. В. Рабенер в Германии («Речь, говоренная при вступлении в общество благожелателей или гратулянтов...», «Похвала злым мужьям» и т. д.); Л.-С. Мерсье во Франции («Речь, говоренная Г. М. на принятие его в Академию»).

В литературе русского классицизма XVIII века создание пародийных панегириков антиклерикального и памфлетного содержания осуществлялось на первых порах в стихотворных формах, травестировавших структурные принципы одического жанра (Ломоносов «Гимн бороде»; Сумароков «Дифирамб Пегасу»). По мере демократизации литературного сознания и развития журнального дела, начи-

ная с 1760-х годов все чаще появляются прозаические сатирические сочинения, пародирующие жанры высокого красноречия и деловой письменности. Образцы подобного рода сатиры оставили А. П. Сумароков, Д. И. Фонвизин, Н. И. Страхов. Наиболее ощутимый вклад в развитие жанра похвальной сатирической речи внес в конце XVIII века И. А. Крылов, поместивший цикл таких речей в журналах «Зритель» (1792) и «Санктпетербургский Меркурий» (1793).

В литературе XIX века травестирование канонов панегирического красноречия утрачивает свое значение, но случаи пародирования в сатирических целях форм деловой письменности и официальных документов встречаются. Напомним коллективные юмористические протоколы заседаний литературного общества «Арзамас» (1815—1816) или «Устав о благопристойном обывателей в своей жизни поведении» в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия» (1877—1883), или, наконец, остро сатирический памфлет «Похвала легкомыслию», опубликованный в журнале «Искра» (1870, № 6) и направленный против дворянского либерализма.

Фонвизин Д. И. Челобитная российской Минерве от российских писателей.— Впервые опубл.: Собеседник любителей российского слова. СПб., 1783, ч. IV, с. 7—10. Печатается по: Фонвизин Д. И. Собрание сочинений в 2-х т., т. 2. М.; Л., 1959, с. 268—270.

Облаченное в форму, пародирующую стиль челобитных прошений, произведение Фонвизина явилось сатирическим откликом на преследования, которым подвергся известный поэт Г. Р. Державин (1743—1816) со стороны своего начальника по службе, обер-прокурора Сената князя А. А. Вяземского. Екатерининский сановник не мог простить поэту смелых обличений вельмож, какие Державин допустил в своем стихотворении «Фелице», и вынудил поэта выйти в отставку в 1783 году.

Фонвизин Д. И. Поучение, говоренное в духов день иереем Василием в селе П***.— Впервые опубл.: Собеседник любителей российского слова. М., 1783, ч. VII, с. 32—39. Печатается по: Фонвизин Д. И. Собрание сочинений в 2-х т., т. 2, М.; Л., 1959, с. 24—27.

Не лишено справедливости наблюдение Г. П. Макогоненко (В кн.: Фонвизин Д. И. Собрание сочинений в 2-х т., т. 2, с. 668), связывавшего появление этого сочинения с вышедшим в Москве в 1782 году вторым издание перевода «Беседы, или Слова нравоучительного святаго отца нашего Василия Великого Кесарии Каппадокийския архиепископа — о пиянствующих». На фоне целой серии официальных изданий Синода 1770-х — начала 1780-х годов, предназначенных служить своеобразными пособиями в облегчении проповеднических задач сельскому духовенству, фонвизинская сатира приобретала оппозиционный смысл.

Страхов Н. И. Плач Моды об изгнании модных и дорогих товаров, писанных Сочинителем Переписки Мод.— Впервые опубл. отдельно (М., 1793). Печатается по этому изданию.

[1] *...жервеева помада...*— род модной помады у петербургских щеголей.

[2] *...лино-батист, флёр, марль, креп, дымка и тарлатан* — виды модных тканей, привозимых в Россию из Франции.

[3] *...бандо-д'амур* — модная головная повязка — «венец любви» (от *франц.* bandeau d'amour).

Крылов И. А. Речь, говоренная повесою в собрании дураков. Впервые опубл.: Зритель. СПб, 1792, ч. II, с. 42—47. Печатается по первой публикации.

Содержание сатирической речи дает основание считать, что это сочинение является памфлетом против литературных противников Крылова — Я. Б. Княжнина и П. Ю. Львова.

1 *...анкрошет* — см. а ла кроше, с. 433.

2 *...она бы показалась пространнее комедии Мнимого Детуша...*— не исключено, что здесь имеется в виду Я. Б. Княжнин, а точнее его комедия «Чудаки» (1790) (опубликована после смерти автора в 1793 году), в которой содержались скрытые намеки на Крылова и его окружение.

3 *...она бы показалась протяжнее романа Антирихардсона...*— можно допустить, что под этим именем выведен П. Ю. Львов, автор романа «Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки», являвшейся подражанием произведению С. Ричардсона «Памела, или Вознагражденная добродетель» (1740 г.; русский перевод — 1787 г.). 1-я часть романа Львова вышла в 1789 году.

4 *...перерождаются, как Протей...*— в древнегреческой мифологии *Протей* — морское божество, обладавшее способностью принимать любой облик.

5 *...славного сочинителя Клариссы или Новой Элоизы...*— имеются в виду английский писатель С. Ричардсон, автор популярного романа «Достопамятная жизнь девицы Клариссы Гарлоу», как раз только что изданной на русском языке (ч. 1—6. СПб., 1791—1792) и Ж.-Ж. Руссо, автор не менее популярного романа «Новая Элоиза» (1761), также изданного на русском языке в 1792 году.

6 *...нежели Боало мучил своими сатирами Прадона и Котина...*— *Буало Никола* (1636—1711) — французский поэт-сатирик эпохи классицизма. Посредственные французские авторы Н. Прадон (см. с. 417) и Котен неоднократно служили объектами насмешек Буало в его сатирах.

7 *Взгляните на описание Тарантула* — некоторые детали позволяют допустить, что под этим именем выведен писатель Я. Б. Княжнин, с которым Крылов находился в непримиримой вражде.

8 *...которое покойник Лесаж еще до рождения его написал прекрасно по-французски* — ссылкой на комедию французского писателя XVIII века А. Лесажа «Тюркаре» (1709), близкую по сюжету с пьесой Крылова «Проказники», направленной против Княжнина, Крылов отводит от себя обвинения в сочинении пасквиля.

9 *...Цицерон* — см. с. 420.

10 *...он стал рассевать, как Бомаршев Базиль, зловредные на сатиру толки...*— *Дон Базилио* — персонаж комедии П.-О. Бомарше «Севильский цирюльник» — разносчик клеветнических сплетен.

11 *...которыми он в своем роде перещеголяет Генлея — Генлей* — персонаж трагедии немецкого драматурга И. Браве «Безбожный» — воплощение коварного лицемера, использующего дружбу в корыстных целях. В 1780—1790-е годы пьеса с большим успехом шла на сценах петербургских театров.

Крылов И. А. Мысли философа по моде, или способ казаться разумным, не имея ни капли разума.— Впервые опубл.: Зритель. СПб., 1792, ч. II, с. 279—295. Печатается по первой публикации.

1 *...Сократ* — см. с. 419.

[2] *...и здесь Невтон и Эйлер, конечно, менее уважены, нежели Брейтегам и Гек...*— *Ньютон* — см. с. 422; *Л. Эйлер* (1707—1783) — выдающийся немецкий математик и физик. С 1727 года по 1741 год и с 1766 года до конца жизни жил и работал в России. *Брейтегам и Гек* — по-видимому, модные петербургские портные 1790-х годов.

[3] *Не думает ли свет, чтобы Боало перестал браниться, когда бы Прадон и Котин его исправились?*— см. с. 435.

[4] *Никакой нет славы смеяться над Антирихардсоном и над Мнимым Детушем...*— см. с. 435.

[5] *...славную Лесаж и Делпи...*— известные французские актеры, выступавшие в 1780-х годах в Петербурге.

[6] *...быть свидетелем, как Руссовы эпиграммы над Юнговыми Ночами одерживали победу...*— *Ж.-Б. Руссо* (1670—1741) — французский поэт, прославившийся своими эпиграммами; *Э. Юнг* (1683—1765) — английский поэт-сентименталист, автор философско-дидактической поэмы «Жалоба, или Ночные думы о жизни, смерти и бессмертии» (1742).

Крылов И. А. Похвальная речь в память моему дедушке, говоренная его другом в присутствии его приятелей за чашею пунша.— Впервые опубл.: Зритель. СПб., 1792, ч. III, с. 63—80. Печатается по: Крылов И. А. Соч. в 2-х т., т. 2. М., 1956, с. 287—294.

[1] *...рассуждения Руссо о вредности наук...*— речь идет о трактате Ж.-Ж. Руссо «Рассуждение о науках и искусствах» (1750), в котором критика противоречий социальной действительности с ее предрассудками и злоупотреблениями приобрела парадоксальную форму отрицания пользы цивилизации и пагубности наук и искусств для человеческой нравственности. Трактат был написан как ответ на объявленный Дижонской академией наук конкурс по вопросу «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?».

[2] *...сочинителю «Новой Элоизы»*— *Ж.-Ж. Руссо* — см. с. 435.

[3] *Как Юлий, не бежал он от своего несчастия...*— имеется в виду Юлий Цезарь (100—44 гг. до н. э.). Согласно Плутарху, пренебрег предупреждениями о грозящей ему опасности и отправился в Сенат, где был заколот заговорщиками.

[4] *...с каким Колумб искал новой земли...*— *Христофор Колумб* (1451—1506) после трудного и долгого плавания открыл американский материк в 1492 году.

[5] *...Аннибал* — знаменитый карфагенский полководец Ганнибал (247/246—183 гг. до н. э) вел войны с Римом.

[6] *...Нерон Клавдий Цезарь* (37—68) — римский император, известный своей неимоверной жестокостью и распущенностью. Историки утверждают, что по его приказу в 64 году был подожжен Рим.

[7] *...Помпей Гней* (106—48 гг. до н. э.) — римский полководец, побежденный Юлием Цезарем в борьбе за власть над Римом.

[8] *Александр прошел с мечом через многие государства...*— Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.) — царь Македонии, вошел в историю как знаменитый полководец и завоеватель Азии.

Крылов И. А. Похвальная речь науке убивать время, говоренная в Новый год.— Впервые опубл.: Санктпетербургский Меркурий. СПб., 1793, ч. I, с. 22—52. Печатается по первой публикации.

[1] *...Сократы, Платоны, Пифагоры прошедших веков* — *Сократ* — см. с. 419; *Платон* — см. с. 422; *Пифагор* (ок. 580—500 гг. до н. э.) — знаменитый математик и философ Древней Греции.

[2] *...около глупых Мидасов...* — *Мидас* — в древнегреческой мифологии фригийский царь, обладавший несметными богатствами и из жадности упросивший Диониса наделить его способностью превращать в золото все, к чему он прикоснется. Его имя стало нарицательным.

[3] *...одногодки римской Капитолии...* — имеется в виду храм Юпитера на Капитолийском холме в Риме, построенный во II в. до н. э.

[4] *...подобные душе Сезостриса и Александра Великого...* — *Сезострис* — легендарный египетский царь древнейших времен, которому приписывались многочисленные завоевания, введение законов, общественное землеустройство и другие меры; *Александр Великий* — Александр Македонский — см. с. 436.

[5] *...книг, заклейменных печатью Воспитательного дома* — т. е. книг для маленьких сирот. Воспитательные дома были открыты в России по указу Екатерины II; в Москве — в 1764 году, в Петербурге — в 1770 году.

[6] *Удивляются Сципиону Африканскому, что он сжег свой флот...* — *Сципион, Публий Корнелий Африканский старший* (ок. 235 — ок. 183 гг. до н. э.) — римский полководец времен 2-й Пунической войны (218—201 гг. до н. э.). Прославился неустрашимостью в войнах с карфагенянами.

[7] *Великий Тит плакал... о том дне...* — *Тит Флавий Веспасиан* (39—81) — римский император (79—81) вошел в историю как образец гуманного монарха.

К р ы л о в И. А. Похвальная речь Ермалафиду, говоренная в собрании молодых писателей.— Впервые опубл.: Санктпетербургский Меркурий, СПб., 1793, ч. II, с. 26—55. Печатается по первой публикации.

Это произведение, согласно установившемуся мнению, носит памфлетный характер. Хотя главное острие направлено против Н. М. Карамзина и его сторонников, в тексте памфлета содержатся выпады и против представителей других литературных группировок, по разным причинам отвергавшихся молодым сатириком.

[1] *Ермалафид* — от *греч.* «ермалафия» — дребедень, чепуха.

[2] *...хваля Юнговы нощи* — имеется в виду поэма Э. Юнга «Жалоба, или Ночные думы о жизни, смерти и бессмертии», см. с. 436.

[3] *...умнейшие из учителей не различали у него аза от мыслетей...* — в старославянской азбуке название букв а и м.

[4] *...томные произведения Антирихардсона* — см. с. 435.

[5] *...итальянские оперы-буффо* — прообраз комической оперы, в которых пение и музыка сочетались с разговорными диалогами и фарсовыми сценами.

[6] *...хочу я утешить парадиз...* (от франц. paradis — рай) — зд. в значении 'раек, галерка театра'.

[7] *...сравнивает себя с Мольером и Боало...* — *Мольер Ж.-Б.* (1622—1673) — французский драматург, прославившийся в жанре комедии; *Буало Н.* — см. с. 435.

[8] *... смотрел трагедии Корнелия* — *Корнель Пьер* (1606—1684) — французский драматург эпохи классицизма.

VII. САТИРИКО-НРАВООПИСАТЕЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ И ЭССЕ

Фрагменты сатирических нравоописаний встречались еще в сочинениях античных сатириков. Но в произведениях Горация и Ювенала нравоописательные зарисовки не имеют самостоятельного значения. В эпоху Ренессанса и Реформации складываются реальные предпосылки становления нравоописательной сатиры и будущего очеркового жанра. Это происходило благодаря широкому распространению традиции новеллистической прозы и популярных в народной среде сборников анекдотов, фаблъо, фацеций, шванков, жарт.

В новое время жанр нравоописательного очерка достигает своего расцвета в английских просветительских журналах начала XVIII века («Зритель», «Болтун»), где он является одной из разновидностей эссе. В немецкой литературе очень активно жанр нравоописательного очерка разрабатывал Г.-В. Рабенер, в просветительской литературе Франции мастером жанра нравоописательных очерков выступил Л.-С. Мерсье, создавший цикл очерков «Картина Парижа» (1781—1788).

В русской литературе XVIII века первые образцы оригинальной нравоописательной сатиры в жанре очерка создал А. П. Сумароков, ориентировавшийся на опыт Г.-В. Рабенера. Новым толчком к активной разработке этого жанра послужила полемика между сатирическими журналами 1769 года. Следовавшей традициям английских журналов «Всякой всячине», которую издавала Екатерина II, противостояла линия нравоописательной сатиры, развивавшейся на страницах журналов «Трутень» и «Живописец», издававшихся Н. И. Новиковым. В конце XVIII века интерес к жанру нравоописательного очерка переживает новый подъем в сатирических журналах Н. И Страхова и И. А. Крылова («Сатирический вестник», «Почта духов»). В этих изданиях из циклов очерков складывается особый тип повествовательного произведения с единым замыслом и строго продуманной композицией.

В ряду жанровых форм прозаической сатиры эпохи Просвещения нравоописательный очерк оказался наиболее живучей и эстетически действенной формой. Специфика жанра обеспечивала наиболее благоприятные возможности для формирования предпосылок будущего реализма, так как в очерке внимание автора сосредоточивается на живописании конкретных фактов социальной действительности. В русской литературе разработка жанра нравоописательного очерка явилась одним из основных факторов формирования традиций очерковой прозы писателей «натуральной школы», подготовившей расцвет критического реализма XIX века. Выдающимся произведением в этом жанре признавались «Губернские очерки» (1856—1857) М. Е. Салтыкова-Щедрина. Значительное место очерковый жанр занимал в сатирическом журнале «Искра», например «Очерки великосветско-провинциальной жизни» (1860), «Очерки петербургской жизни» (1863—1864), «Очерки прогресса» (1863) и др.

Сумароков А. П. О думном дьяке, которой с меня взял пятьдесят рублев.— Впервые опубл.: Трудолюбивая пчела. СПб., 1759, ч. II, ноябрь, с. 692—698. Перепечатано: Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе... ч. VI, М., 1781, с. 379—383. Печатается по первой публикации.

Основанный на личных воспоминаниях автобиографический

очерк Сумарокова заключает в себе черты сатирического памфлета.

[1] *...ибо я бывал на Комедиях, смотрел Александра и Лодвика, Париж и Вену и другие комедии...*— названия пьес, шедших на сценах петербургских театров в 1730-е годы.

[2] *Цербер не испугал Геркулеса во аде...— Цербер* (Кербер) — в древнегреческой мифологии трехголовый свирепый пес, охранявший выход из подземного царства Аида. Лишь Геракл сумел похитить Цербера, выполняя свой двенадцатый подвиг.

[3] *...ежели бы я философ был, конечно бы закричал: «О времена! О нравы!»*— см. с. 420.

[4] *...полагают на себя сию епитимию подобием христиан Западной церкви...*— исправительная кара, налагаемая церковью на кающегося грешника в виде поста, продолжительных молитв и т. п. В католической церкви отличается особой строгостью.

[5] *...да что делать? Я был кадет* — в тот период, о котором рассказывается в очерке, Сумароков был кадетом Сухопутного шляхетского корпуса в Петербурге.

Неизвестный автор: Следствия худого воспитания.— Впервые опубл.: Живописец. СПб., 1772, ч. I, л. 18, с. 138—142. Печатается по: Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951, с. 345—346.

Публикация этого очерка в журнале Н. И. Новикова предварялась коротким письмом к издателю следующего содержания: «Государь мой! Сообщите, прошу вас покорно, прилагаемую при сем записку: „Следствия худого воспитания" в своих листочках свету. Вы сим меня одолжите много, а отцы и матери, прочтя в ваших листочках таковые при воспитании детей неосторожности, большее будут иметь старание за ними и тем избегнут нарекания, учинят себя достойными того имени, которые многие ныне недостойно на себе носят. В прочем с любовию моею к вам навсегда есмь, вашим покорным слугою несчастный Е ***. Смоленск, 1772 года, июня 20 дня». (Сатирические журналы Н. И. Новикова, с. 344). Не исключено, что здесь имеет место традиционная для сатиры XVIII века мистификация. А. Стричек приписывает авторство очерка Д. И. Фонвизину (Strycek A. La Russie des Lumiéres. Denis Fonvizine, p. 273—275).

[1] *...разбирал понемногу «Четьи-Минеи...»*— см. с. 431.

[2] *...ходила слушать очистки крестьян...*— т. е. собирать сведения об уплате крестьянами оброчных недоимок.

Новиков Н. И. [О кофегадательницах.] — Впервые опубл.: Живописец. СПб., 1772, ч. I, л. 19, с. 145—152. Печатается по второй редакции: Живописец. 3-е изд., вновь пересмотренное... СПб., 1775, ч. II, с. 201—213.

В этом очерке традиционная критика суеверий приобретает черты остросоциальной сатиры. И. А. Крылов использовал эпизод с украденными ложками в качестве сюжета для своей комической оперы «Кофейница» (1783).

[1] *Когда такую Кивиллу приказывают позвать...*— имеются в виду Сивиллы — легендарные прорицательницы в Древнем Риме.

[2] *...ежели бы во времена Саула... были такие ворожеи, то с ними равная же бы судьба воспоследовала, как и с чародейкою во Ендоре.— Саул* (кон. XI в. до н. э.) — основатель Израильско-Иудейского царства. Согласно библейской легенде, получив предсказание от Аэндорской колдуньи о своем поражении от филистимлян, в порыве гнева убил предсказательницу.

Клушин А. И. Портреты.— Впервые опубл.: Зритель. СПб., 1792, ч. I, с. 34—51. Печатается по первой публикации.

[1] *проходил неоцененную Телемакиду* — имеется в виду сочинение В. К. Тредиаковского «Тилемахида» (т. I—II. СПб., 1766), переложенный гекзаметром политико-воспитательный роман Ф.-С. Фенелона «Приключение Телемака, сына Одиссея» (1699).

[2] *...сочинитель Синава...*— А. П. Сумароков, автор трагедии «Синав и Трувор» (1750).

[3] *Российскою Памеллою, четырью томами Рифмокрада, Лоимологией, десятью томами Идиллий и эклог...*— имеются в виду сочинения П. Ю. Львова и Я. Б. Княжнина, четырехтомное «Собрание сочинений» которого вышло в 1787 году, а также сочинения И. И. Виена «Лоимология, или Описание моровой язвы, ее существа, произшествия, причин, поражения и производства припадков...» (СПб., 1786), см. с. 435.

[4] *...но не внимал детищам Эвскулапиевым...*— т. е. не слушал врачей. *Эскулап* — в римской мифологии — бог врачевания.

[5] *...возникли новые Пиндары, Виргилии, Расины и Мольеры...*— *Пиндар* (ок. 518—442 или 438 гг. до н. э.) — древнегреческий поэт, прославившийся своими гимнами, дифирамбами и хвалебными песнями, эпиникиями; *Виргилий* — см. с. 417; *Расин* — см. с. 417; *Мольер* — см. с. 437.

[6] *...увидишь ломающегося буфа...*— актер в итальянской опере-буффо, см. с. 437.

[7] *...капельмейстер, который в самом деле не знает даже Генерал Баса...*— т. е. не знает основ гармонии, музыкально безграмотен.

[8] *...что великий Корнелий, Расин и другие...*— *Корнель* — см. с. 437; *Расин* — см. с. 417.

[9] *...скажу словами Фигаро: чтоб услышать, то надобно подслушать.*— *Фигаро* — персонаж комедий П.-О. Бомарше «Севильский цирюльник» и «Женитьба Фигаро». Цитируются слова из комедии «Севильский цирюльник» (акт II, явл. 10).

[10] *...варварское прежюже* — варварский предрассудок (от *франц.* le préjugé).

Неизвестный автор. Передняя знатного барина.— Впервые опубл.: Зритель. СПб., 1792, ч. I, с. 189—202. Печатается по первой публикации.

[1] *...как лютый цербер...*— см. с. 439.

[2] *я служу на Парнасе...*— *Парнас* — см. с. 415. Здесь употреблено иронически.

[3] *...и я очень рад войне...*— речь идет о русско-шведской войне 1788—1790 годов.

VIII. САТИРИКО-УТОПИЧЕСКИЕ СНЫ И АЛЛЕГОРИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ

У истоков жанра сатирического «сна» стоит переосмысленный жанр средневековой христианской литературы «видений» святых отцов церкви, а также образцы античной утопии, сформировавшейся в рамках «мениппповой сатиры» позднего эллинизма (II—I в. до н. э.). С распространением в Европе идей гуманизма эсхатологические сновидения уступают место различным формам философской утопии, выполняющим функции дидактических пособий или научно-прогности-

ческих трактатов. В новое время жанр «сна» складывается в самостоятельный тип нравоучительного эссе, сюжетно оформленного рассказа от первого лица. В этом виде жанр активно разрабатывается в английских просветительских журналах начала XVIII века. Другой путь существования жанра связан с использованием формы «сна» в качестве вставной новеллы в рамках развернутого сюжетного повествования. В обоих случаях аллегорическая природа жанра составляет его главную структурообразующую основу, хотя функциональной установкой жанра может быть как нравоучение, так и обличение.

Русская литературная сатира XVIII века усвоила обе разновидности жанра аллегорического «сна», наиболее яркими образцами которых в национальной модификации можно считать произведения А. П. Сумарокова и А. Н. Радищева.

По специфике методов художественного обобщения к жанру сатирического «сна» примыкает жанр аллегорической «восточной» повести. Использование мотивов восточных волшебных сказок в европейских литературах как средства донесения до современников в иносказательной форме злободневных политических проблем и как средства критики отживших социальных порядков особенно участилось после перевода на европейские языки сказочного сборника «Тысяча и одна ночь». Другим стимулом для активизации просветительской сатиры XVIII века в формах «восточной» сказочной повести стало сочинение Ш. Монтескье «Персидские письма» (1721), вызвавшее большое число подражаний и переведенное почти на все европейские языки.

В русской литературе жанр «восточной» повести также имел значительное распространение. Переводы «восточных» повестей в большом количестве встречаются на страницах периодических изданий второй половины XVIII века. В качестве оригинального образца национальной модификации этого жанра в сборнике представлена повесть И. А. Крылова «Каиб».

В реалистической сатире XIX века к жанру «сна» неоднократно с успехом обращался М. Е. Салтыков-Щедрин («Сон» об Иванушке-дурачке в цикле «Сатиры в прозе» и особенно очерк «Сон в летнюю ночь» (1875), где аллегорическая основа жанра сменяется установкой на сатирическое нравоописание).

Традиция использования внешних атрибутов жанра «восточной сказки» в сатирических целях была продолжена еженедельным сатирическим изданием «Искра», помещавшим на своих страницах злободневные критические очерки-фельетоны под рубрикой «Сказки современной Шехерезады».

Сумароков А. П. Сон. Счастливое общество.— Впервые опубл.: Трудолюбивая пчела. СПб., 1759, ч. II, декабрь, с. 738—747. Перепечатано: Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе..., ч. VI, М., 1781, с. 384—390. Печатается по первой публикации.

Не исключено, что в создании утопической картины справедливого общества Сумароков ориентировался на сатирическое сочинение датского просветителя Л. Гольберга «Подземное путешествие Николая Клима...» (1741), в котором описано фантастическое Потуанское государство, свободное от сословных предрассудков. На русский язык книга была переведена в 1762 году.

Домашнев С. Г. Сон.— Впервые опубл.: Полезное увеселение. М., 1761, т. II, декабрь, с. 209—220. Печатается по первой публикации.

Образцы произведений этого жанра, взятые из английского журнала «Зритель» (The Spectator), Домашнев перевел и опубликовал в «Полезном увеселении» (1761, июнь, с. 193—196, 209—213). Его «Сон» развивает указанную традицию.

[1] *...Александр Великий* — см. с. 436.

[2] *Сей называется Ромул* — легендарный основатель Рима.

[3] *...Пирг, царь Эпирский — Пирр* (319—273 гг. до н. э.) — царь Эпира (в 307—302, 296—273 гг. до н. э.), полководец эллинистической эпохи.

[4] *...Юлий Цесарь* — см. с. 436.

[5] *Он убит от защитников отечества Брута и Кассия...*— Юлий Цезарь был убит в результате заговора республикански настроенной части римской знати во главе с Гаем Кассием и Юнием Брутом в 44 г. до н. э.

[6] *...Аттила, царь гуннов...* (ум. 453 г.) — предводитель гуннских племен, при котором гунны неоднократно совершали опустошительные походы на соседние европейские государства.

[7] *Он называется Герострат* — грек из города Эфеса, желая стать известным, сжег в 356 г. до н. э. знаменитый храм Артемиды в Эфесе, считавшийся одним из семи чудес света.

[8] *...Кир, основатель Персидской монархии* — древнеперсидский царь (558—530 гг. до н. э.), известный своими многочисленными завоеваниями.

[9] *Сей в римском одеянии называется Август — Гай Юлий Цезарь Октавиан* (63—19 гг. до н. э.) — римский император, упрочивший введенную Цезарем систему единоличного правления.

[10] *...монарх, которого взор наполнен кротостию, называется Тит Веспасиан* — римский император *Тит Флавий Веспасиан* (39—81 гг. до н. э.). См. с. 437.

[11] *...Марк Аврелий* — римский император (121—180). См. с. 427. Под двумя именами скрывается одно историческое лицо. В XVIII веке имя Марка Аврелия служило синонимом просвещенного монарха.

[12] *...герой, который явил себя достойнее всех сих героев...*— император Петр I (1672—1725).

[13] *...торжествовал над прославившимся победами государем...*— имеются в виду победы Петра I над шведским королем Карлом XII.

[14] *...и взвел на трон напрасно низверженного монарха* — речь идет о саксонском курфюрсте, польском короле Августе II, союзнике России в Северной войне, низложенном Карлом XII в 1706 г. и вновь возведенном на польский престол Петром I после Полтавской победы (1700)

Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Глава «Спасская Полесть».— Впервые опубликовано: СПб., 1791, с. 41—85. Печатается по: Русская проза XVIII века. М., 1971, с. 412—427.

[1] *...Полкан, Бова и Соловей-разбойник* — персонажи русских сказок и былин. *Бова* — см. с. 423; *Полкан* — сказочное чудовище, полуконь, получеловек, персонаж сказки о Бове; *Соловей-разбойник* — персонаж былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник».

[2] *А о Соловье-разбойнике читай, мать моя, истолкователей русских древностей* — Былина «Илья Муромец и Соловей-разбойник» неоднократно издавалась в XVIII веке.

[3] *...отдай его в Большой Морской* — улица в Петербурге (ныне улица Герцена).

[4] *Мне представилось, что я царь, шах, хан, король, бей, набаб, султан или... нечто, седящее во власти на престоле* — перечислением титулов властителей Радищев придавал следовавшим далее обличениям самодержавия широкий обобщающий смысл.

[5] *...отжену темноту...*— в значении отринуть, разогнать.

[6] *О Кук!— Кук Джеймс* (1728—1779) — знаменитый английский мореплаватель, открывший ряд островов Тихого океана.

[7] *...принадлежали веку готфов и вандалов — готфы (готы)* и *вандалы* — племена восточных германцев, выступавших против Рима.

[8] *...не зрел я лиющихся благотворно струев Касталии и Ипокрены...*— Кастальский ключ и Ипокрена — мифологические источники на горе Парнасе. См. с. 415.

Крылов И. А. Каиб. Восточная повесть.— Впервые опубл.: Зритель. СПб., 1792, ч. III, с. 90—108, 257—306. Печатается по первой публикации.

[1] *...толще всех четырех частей «Беседующего гражданина»...*— издававшийся в Петербурге «Обществом друзей словесных наук» журнал, направление которого вызывало критическое отношение Крылова.

[2] *...играть ...шемелой...*— детская и девичья святочная игра: бег взапуски на корточках, при песне.

[3] *...армия, многочисленнее древней Ксерксовой...— Ксеркс I* (486—465 гг. до н. э.) — древнеперсидский царь, предпринявший поход против Греции, закончившийся поражением персов. Армия Ксеркса была очень многочисленна.

[4] *...при Термопилах...*— в ущелье Фермопилы отряд спартанских воинов во главе с царем Леонидом выдержал бой с многократно превосходившими его силами персов (481 г. до н. э.).

[5] *...заговорил ...о Эмпедокловых туфлях...*— имеется в виду легенда о греческом философе, поэте и враче Эмпедокле (ок. 490—430 гг. до н. э.), бросившемся в кратер Этны. Во время извержения вулкана одна из сандалий философа была выброшена на поверхность, обнаружив тайну его смерти.

[6] *...Каиб верил сказкам более, нежели Алкорану...— алкоран* (коран) — священная книга мусульман.

[7] *...ущерб в Эзоповой реке* — намек на басню Эзопа о собаках, хотевших выпить реку.

[8] *...ни одной Венеры, которая бы не захотела меня иметь своим Адонисом...*— имеется в виду миф о любви Венеры (в греческой мифологии — Афродита) к Адонису. См. с. 414.

[9] *...кто знает Голиафа и Атланта...— Голиаф* — согласно Библии гигант из племени филистимлян, побежденный юным Давидом; *Атлант* — в греческой мифологии титан, державший на плечах небесный свод.

[10] *...перевод Конфуция, писанный в лист...— Конфуций* (551—479 гг. до н. э.) — древнекитайский мыслитель и политический деятель, основатель этико-политического учения, отдельные положения которого использовались в учениях просветителей XVIII века.

[11] *...и тотчас сделан кадием — кадий* — в странах мусульманского Востока духовное лицо, исполняющее роль светского судьи.

[12] *...Аполлон на Троянской брани подменил Энея* — имеется в виду эпизод из V песни «Илиады».

[13] *...подобно календеру...— календер* — нищенствующий монах, дервиш.

СЛОВАРЬ
УСТАРЕВШИХ И ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ

Акафист, хвалебное церковное песнопение, исполняемое стоя

акциденция (франц. l'accident непредусмотренный доход), на чиновничьем жаргоне — взятка

алтын, старинная русская монета стоимостью 3 копейки

анемометр (греч.), прибор для измерения силы, скорости и направления ветра; иначе — ветрометр

анкорк (голланд. anker), род плоского бочонка для хранения вина; старинная мера емкости — около 40 литров

антонов огонь, гангрена, заражение крови

артикул (лат. articulum), статья, устав, параграф в законе

аршат, род дессертного напитка

аршин, старинная русская мера длины, равна 0,711 метра

асалоп (иначе салоп), верхняя женская одежда, род плаща

Бездоимочный, безнедоимок, сполна уплативший оброк (см. *оброк*)

берлин, старинная карета, колымага

бишоф (нем. Bischof), настойка виноградного вина на померанцевых листьях, с сахаром и гвоздикой

бланкет, незаполненный бланк векселя с невписанной фамилией плательщика

бономи, (франц. la bonhomie), добродушие, простота нрава

боры (диалект.), складки, морщины

бригадир, воинский чин в русской армии XVIII века, между полковником и генералом; соответствовал 5-му классу определенной «Табелью о рангах» иерархии военных чинов

букль барб, род модной завивки бороды и бакенбардов

бунчук, знак сана и власти пашей в турецкой армии и атамана в казацком войске в виде конского или бычьего хвоста на высоком древке

Верста, старинная русская мера длины, равная 500 сажен, около 1,0668 км.

Гофмейстер (нем.), придворный сановник III класса для надзора за придворными чинами и служителями

Декларасьон (франц. la declaration), признание

декокт (лат.), род врачебного снадобья в виде отвара целебных трав

деташированный (франц. detacher — разделять), отдельный

дистракция (франц. la distraction), рассеянность

Ендова, старинная русская широкая открытая посуда для питья или разливания вина, меда, пива и т. п.

епанча (также *япанча*), широкий безрукавный плащ

епитимия (также *эпитимья*), церковное наказание за грехи, налагаемое в виде поста, длительной молитвы и др.

Жени (франц. genie), гений, одаренный человек

Заушница, опухоль, воспаление заушной железы; свинка

зело (старосл.), очень

Иготь, ручная ступка
изгага, изжога
изражение, выражение сущности в поступках
импромту (франц. impromptu), внезапно, экспромтом
индижестия (франц. l'indegence), нужда, бедность
инфляммация (франц. l'inflammation — воспламенение), воспаление

Казимир, шерстяная ткань, легкое суконце
канапе (франц. le canapé), диван с приподнятым изголовьем
кондиции (франц. la condition), условия
краган, старинный женский меховой воротник
крепость, документ на право владения чем-нибудь
кружало, кабак
кунташ (также — *кунтуш*), род верхней польской одежды для мужчин, вид кафтана, иногда на меху, со шнурами и откидными рукавами.
куркать (диалект.), пищать

Ланиты (старосл.), щеки
лино-батист (франц.), вид тонкого батиста

Монкьор (франц. mon coeur — мое сердце), душенька

Намнясь (также — намедни), недавно, на этих днях
наприклад, для примера, для пояснения
нахтыш, вид старинного чепца
не в пронос сказано (диалект.), не для пересказа
недоимка, неуплаченная в срок часть оброка или других общественных сборов
неетчи, неевши

Оброк, вид крепостной повинности крестьянина помещику в виде уплаты ему ренты натуральными продуктами или деньгами
обыкнуть, привыкнуть
овии (старослав.), некие, иные
огневица, горячка
опричь (старослав.), кроме

Паки (старослав.), опять
патоги (также *батоги*), палки для битья
пелынь (диалект.), полынь, горечь
перук, парик
петиметр (франц. le petit maître), щеголь, вертопрах
подорожная, документ на право получения на станции почтовых, лошадей
полпиво, род легкого пива
портище, отрезок какой-нибудь ткани на одежду; полный набор пуговиц к определенной одежде
притоманно (диалект.), безусловно
пря (старослав.), состояние, спор, ссора
пудромант (нем. pudermantel), накидка на плечи, надевавшаяся во время пудрения головы
пюсовый (франц. le puce — блоха), коричневый, цвет блохи

Раек, вид представления на ярмарках и народных гуляниях в виде ящика с двумя отверстиями, через одно из которых пока-

зывались передвижные картинки в сопровождении шуточных монологов
рамена (старослав.), плечи
рацея (лат. oratio), длинное нудное рассуждение
резонировать (франц, raisonner), убеждать
рекамбии, пени за неоплату в срок векселя; неустойка
руте, термин карточной игры, обозначавший выигрыш кряду одной картой; счастливая карта
рядная запись, письменное условие по случаю брака с росписью приданого

Семплисите (франц. la simplicite), простота.
сертить, суетиться, льстить
сиречь (старослав.), то есть, а именно
сицевое (старослав.), таковое
склаваж (франц. l'esclavage), вид ожерелья из драгоценных камней
скудельный, непрочный, хрупкий
сосиете (франц. la societe), благородное общество
стряпчий, чиновник по надзору за ходом судебных исков; ходатай по правовым делам
стяг говяжий, очищенная коровья туша без головы и без ног

Тарлатан, тонкая редкая кисея, использовавшаяся для украшения платьев
туга, тоска, печаль
тупей, (также тупея) (от франц. le toupet), взбитый хохол на голове, вид модной прически в XVIII веке
тягло, в XVII—XIX веках единица обложения крестьян повинностями в пользу помещика

Убо (старослав.), потому что
устерсы, устрицы

Фельетировать (франц. feuilleter), перелистывать
фижмы, принадлежность женской моды XVIII века. Каркас в виде обруча из китового уса для расширения подола юбки; юбка, снабженная таким каркасом
филе (также *филея.* От франц. filie), вид вязания кружев
фирияк (греч.), целебное средство от укуса ядовитого животного
фреринька, (франц. le frere), братец

Четки, предмет монашеского обихода, шнурок с нанизанными бусами для отсчета прочитанных молитв или совершенных поклонов
чикчиры (также *чикчеры*), ретузы или узкие штаны, обшитые кожей, для верховой езды

Шаль (диалект.), безрассудство, взбалмошное состояние
шарлотка (франц. la charlotte), женская шляпка с воланами
шемела (диалект.), метла
шлафор (нем. Schlafrock), домашний халат
шпетить, оскорблять, насмехаться
шпынь (шпыньство), насмешник, балагур, шут (балагурство)

Япанча, см. *Епанча*
ясли, решетчатый ящик для корма скота сеном

СОДЕРЖАНИЕ

V. Сатирические письма

VI. Пародийные панегирики, прошения и надгробные речи

VII. Сатирико-нравоописательные очерки и эссе

VIII. Сатирико-утопические сны и аллегорические повести